

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пількінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А.А. Гарбацкі
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
А.М. Вабішчэвіч
Т.А. Гарупа
А.А. Гужалоўскі
Т.І. Доўнар
Г.А. Зорын
У.Л. Клоня
У.У. Лосеў
А.А. Савіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2016

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі
Рэспублікі Беларусь № 84 ад 31.03.2016 г. часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навук

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Горбацкий А.А. «Малая родина» как память в исторической антропологии	5
Каханюўскі А.Г. Ганаровыя грамадзяне ў саслоўна-карпаратыўнай арганізацыі беларускага грамадства ў другой палове XIX – пачатку XX ст.	15
Стрелец М.В., Обуховская О.А. Феномен Альберта Эйнштейна: ключевые аспекты современного осмысления	21
Савіч А.А. Сялянскі рух у Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. у айчынай гістарыяграфіі сярэдзіны 1950-х – 1980-х гг.	31
Моторова Н.С. Взаимодействие органов местного самоуправления и благотворительных обществ белорусско-литовских губерний (1875–1914 гг.)	40
Даніловіч В.В. Моладзь у сельскагаспадарчай вытворчасці БССР у 1930-я гг.	46
Петрусевиц А.А. Утверждение христианства в Восточной Европе (на примере современных Чехии и Словакии)	59
Коженевская М.Г. Деятельность женских благотворительных организаций в сфере образования на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX в.	66
Старостенко Э.В. Православное военное духовенство в германско-австрийском плену в годы Первой мировой войны	72
Глазырын С.Я. Праблема этнічнага складу ўдзельнікаў паўстання 1863 г. на тэрыторыі Віцебскай і Магілёўскай губерняў	79
Ермак Е.Г. Еврейские свадебные обычаи в женских мемуарах XIX – начала XX в.	84
Юрэцкі С.С. Месца супольнасцей лясного неаліту Беларускага Панямоння ў сістэме культурных сувязей (прыклад керамікі)	91

ЭКАНОМІКА

Клюня В.Л., Черновалов А.В. Нравственные основы экономики и развитие белорусской экономической модели	97
Зайцева Н.И., Хведчик И.В. Диверсификация страхового портфеля как направление развития БРУСП «Белгосстрах»	112
Черновалова Ж.В. Основные направления повышения уровня социального капитала Республики Беларусь: рекомендации для экономической политики	117
Ермакова Э.Э., Мишкова М.П. Статистика инноваций в Беларуси	125
Бунько С.А. Оценка валового городского продукта как показателя конкурентоспособности города	132
Черновалов П.А. Развитие методов прогнозирования неплатежеспособности фирм в рамках логистических сетей на примере Брестской области	140
Цуканова М.В. Превентивное антикризисное управление в малом бизнесе Республики Беларусь: проблемы и перспективы	149

ПРАВА

Горупа Т.А. Ценностные приоритеты правового регулирования социально-экономических отношений в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе	159
Храмов С.М. Латентная преступность: теория и практика противодействия	166
Герасимовский С.В. Угроза как основание признания сделки недействительной	174
Робак В.А. Противодействие созданию и деятельности незаконных вооруженных формирований	178
Дубис Малгожата. Некоторые аспекты преступности несовершеннолетних в Польше	182
Резюк В.И. Стадии преступления: о проблеме выделения	195

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

Anton Miranovich (Poland)

Mark Pilkington (France)

Stanislav Rudolf (Poland)

B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:

A.A. Garbatski

(managing editor)

V.F. Bajnyov

A.M. Vabishchevich

T.A. Garupa

A.A. Guzhalovski

T.I. Dovnar

G.A. Zorin

V.L. Klunia

V.V. Losev

A.A. Savich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

**Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»**

№ 1 / 2016

According to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 84 from March 31, 2016, the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

INDEX

HISTORY

Harbatski A.A. «The Small Homeland» as Memory in Historical Anthropology.....	5
Kahanovsky A.G. The Distinguished Citizens as a Part of Social Structure of the Belarusian Society in the Second Half of XIX – Beginning of the XX Century	15
Strelets M.V., Obukhovskaya O.A. The Phenomenon of Albert Einstein: Key Moments of Modern Understanding	21
Savich A.A. The Peasant Movement in Western Belarus in 1921–1939 in Belarusian Historiography in mid 1950s–1980s	31
Motorova N.S. The Interaction between Local Governments and Charities of the Belarusian-Lithuanian Provinces in 1875–1914 years.....	40
Danilovich V.V. Young People in Agricultural Industry of the BSSR in the 1930s.....	46
Petrusevich A.A. The Adoption of Christianity in Eastern Europe (on the Example of Modern Czech Republic and Slovakia)	59
Kazhaneuskaya M.G. Activities of Women’s Charitable Organization in Belarus in the Second Half of the XIX and early XX Centuries in the Field of Education.....	66
Starostenko E.V. Orthodox Military Clergy in the German-Austrian Captivity during the First World War.....	72
Hlazyryn S.Ya. Problems of Ethnic Composition of Members of Uprising in 1863 on the Territory of Vitebsk and Mogilyev Provinces	79
Yarmak Yu.G. Jewish Wedding Manners in Women’s Memoirs (XIX – Beginning of XX Century)	84
Yuretski S.S. The Location of the Forest Neolithic Communities of the Belarusian Poniemen in the System of Cultural Relations (as an Example Ceramics)	91

ECONOMICS

Klunia V.L., Chernovalov A.V. Moral Foundations of Economics and the Development of Belarusian Economic Model.....	97
Zaitsava N.I., Khvedchik I.V. Diversification of Insurance Portfolio as Directions for the Development of «Belgosstrakh»	112
Chernovalova J.V. Basic Directions of Increase the Social Capital Level of Belarus: Recommendations for Economic Politics	117
Ermakova E.E., Mishkova M.P. Statistics of Innovations in Belarus	125
Bunko S.A. Evaluation of the Gross City Product as an Indicator of the Competitiveness of the City	132
Chernovalov P.A. The Development of Forecasting Insolvency Methods of Companies within the Logistics Networks on the Example of Brest Region	140
Tsukanova M.V. Preventive Crisis Management in Small Business of the Republic of Belarus: Problems and Prospects	149

LAW

Gorupa T.A. Value Priorities of Legal Regulation of Socio-economic Relations in the EU and the Eurasian Economic Union	159
Hramov S.M. Latent Crime: Theory and Practice	166
Gerasimovsky S.V. The Threat as the Base of Transaction Invalidation.....	174
Robak V.A. Counteraction to the Establishment and Activities of Illegal Armed Groups	178
Dubis Malgorzata. Chosen Aspects of Juvenile Crime in Poland	182
Rezyuk V.I. Stages of Crime: The Problem of Allocation	195

ГІСТОРЫЯ

УДК 93(476)«1550/1600»

А.А. Горбацкий

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина,
д-р хабилитованный, проф. Белостокского университета (Республика Польша)*

«МАЛАЯ РОДИНА» КАК ПАМЯТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье рассматривается «малая родина» с исторической, антропологической, культурологической и географической точек зрения. Даются определение «малой родины» и понятия исторической и культурной памяти. Представлена история возникновения исследовательского направления «Антропология малой родины». На основе анализа проекта «Города и районы Брестчины: история и современность» и изданных монографий автор рассуждает о развитии истории Беларуси в антропологической перспективе.

Введение

Наиболее распространенной во всех странах была и остается концепция народности в образовании, что оказывает важное влияние на историческую и культурную память. Историческая и культурная память базируются, во-первых, на тысячелетнем опыте образовательной работы конкретной этнической группы, определенной национальности, во-вторых, на культурных традициях конкретной этнической группы, и, в-третьих, такого рода память впитывает в себя общечеловеческие ценности в области творческой деятельности отдельной личности или коллектива.

Сегодня в появившейся и до конца еще не сформулированной философской концепции постпостмодернизма идет возврат к духовным и национальным ценностям и понятиям субъекта, отмененных постмодернизмом, а также теорией постсекулярного мира. При этом все ценности объявляются равнозначными, а понятие абсолютной истины исчезает как таковое. В исторической и культурной памяти на первые места выдвигаются такие понятия, как «малая родина», патриотизм, культурные и народные традиции.

«Малая Родина» – что это?

Что касается дефиниций, то, наверное, одной, как, например, в теореме по геометрии, обойтись крайне сложно. В данном разделе статьи речь пойдет о «малой родине» с исторической, антропологической, культурологической и географической точек зрения.

Малая родина – это место проживания человека, которое его формирует, место, с которым осуществляется постоянная связь. Малая родина – это город или деревня, где человек родился, это для него центр мира. Это небольшое пространство, которое застроено большими человеческими усилиями, пространство, которое уничтожалось войнами и отстраивалось.

Малая родина является реальным историческим и географическим пространством, социально-культурным и символическим местом. Пространство малой родины не всегда совпадает с административными границами города, района и деревни. Это пространство без четко очерченных границ, существенную роль в этом пространстве отыгрывает субъективное сознание людей, отождествляющих себя с малой родиной. Пространство малой родины – это место важных экспериментов и личных переживаний ее жителей, это место формирования биографий, это мир, с которым зачастую сильны эмоциональные связи.

Малая родина – это доступный смысловому познанию мир образов, форм и цвета домов, улиц, парков, лесов, полей, это неповторимый мир созвездия краевидов.

Малая родина является пространством зарождения локальных связей (например, первая любовь), убеждений людей в значимости собственных традиций и истории.

Как видно, понятие «малая родина» является собирательной дефиницией, так как складывается из того, что называется «духом места» и что является трудным для однозначного определения.

Понятия исторической памяти

Историческая память – это процесс возрождения, сохранения и возможного воспроизводства прошлого опыта народа для более глубоко понимания и актуализации государства в целом или отдельных его территорий: села, города, района, области. Формы исторической памяти: коллективная и индивидуальная.

Каждая форма исторической памяти имеет этапы:

1. Забвение (забывание событий).
2. Воспроизведение исторических событий в памяти, научной, научно-популярной, популярной литературе и в СМИ.

Способы воспроизводства исторической памяти: устная традиция, архивы, кинохроники, фотографии, письма, открытки, музеефикация, обрядовая традиция, обычай, ритуал, символ, устное народное творчество, возрождение народного ремесла.

Функции исторической памяти: запоминание, сохранение и воспроизводство; мировоззренческая, коммуникативная, адаптационная, идентификационная, интегративная, воспитательная, познавательная.

Понятие культурной памяти

Культурная память – это сложная и постоянно меняющаяся субстанция, позволяющая человеку оказывать влияние на социум и поддерживать его, используя воспоминания, тексты, изображения, монументальные постройки, различного рода институционализированные формы коммуникации, а также другие формы воздействия на индивида, для которого она служит условием самоидентификации. Культурная память предусматривает наличие профессиональных носителей, которые преподносят культуру в ценностных и семантических формах. Культурная память непосредственно связана с социальной и коллективной памятью.

История возникновения исследовательского направления «Антропология малой родины»

Заинтересованность городским образом жизни как элементом цивилизации, а также желание определить особенности городской жизни с межкультурной точки зрения позволило в середине XX в. собрать небольшую группу ученых в Тимбукте (США) для определения целей и методов исследования. Антропологи сами выезжали в города, оставались там на определенное время для проведения исследований. Для этого было несколько причин. Экзотические сообщества, которым антропологи обычно уделяли внимание и которые описывали как третий мир, все чаще оставляли свои деревни и переселялись в города. Города быстро расширялись, а порой строились новые. Исследователей это волновало, вызывало интерес, и они не могли пренебречь этим явлением.

В 50-е гг. XX в. характерным для США было наличие однородного зажиточного общества, но ученые уже указывали на прирост среднего класса и появление в связи с этим конформизма. В 60-е гг. XX в. учеными было отмечено появление новых этнических различий, обращалось внимание на появившиеся проблемы, которые культурологическим языком называли так: «проблемы городских территорий».

В это же самое время в Европе международные эмигранты, которые выезжали на заработки, и в меньшей степени наплыв беженцев после политических переворотов изменили характер многих городов. Правительства и политики начали поиск ответов на главный вопрос: «Как трактовать и понимать сложившуюся ситуацию»? Антропологи же, в свою очередь, заявили, что могут принять участие в поиске ответов на этот главный вопрос [8, с. 11].

Однако от присутствия антропологов в городах и до появления антропологии городских территорий необходимо было внести изменения в понятийный аппарат. В первую очередь требовалось определить новую коллективную идентичность как академическую специализацию, а также повсеместно и быстро ввести в научный оборот название «антропология города». К этому названию требовалось обоснованное содержание. Все это было сделано в 70-е гг. XX в. В 1968 г. выходит первая монография с названием «Антропология города». С 1972 г. стал выходить журнал «Urban Anthropology». Сегодня антропологи города создали собственные направления в своих институтах, издают монографии, организуют конференции, на которых представляют результаты своих исследований [8, с. 12].

Что дает для науки и для правительств государств развитие такого направления, как антропология города, района или деревни? Антропологов интересуют не столько рассуждения о природе и состоянии своей дисциплины, сколько внешние факторы, влиявшие и влияющие на всю инфраструктуру города или района. Эти факторы требуют внимательного изучения. Например, американские антропологи перед тем как ступить на какую-то территорию, допускали следующие ошибки: не делали глубокого анализа расовых различий на конкретной территории; не определяли конкретных причин увеличения числа бедных; не уделяли достаточно времени рассуждениям по вопросу, что является городским в антропологии города, а что антропологическим.

После определенного анализа своих ошибок американские и европейские антропологи основам антропологии города дали новый контекст. За естественную специфику антропологии была признана восприимчивость культурного различия, особенность ежедневного образа жизни, определяемая на основе применения одного из главных исследовательских методов – наблюдения. Антропологи брались за широкий анализ проблем, в том числе и социальных. Это позволяло очень быстро определить причины конфликтов, социальных проблем и подсказать руководителям различных рангов пути их решения.

Применение таких исследовательских методик дало свои положительные результаты и в плане становления культурной антропологии в целом. Американские антропологи встретились, например, с фактами, когда вновь образованные общества столкнулись с проблемами экологии и с выполнением общественных законов природы. Американская антропология города стала больше говорить словами Тайлора и становилась «наукой реформаторов». Ученые поднимали вопросы защиты здоровья и условий жизни, прав и справедливости, образования и мест работы, материального обеспечения жителей [8, с. 13].

После проведенных в 70–80-е гг. XX в. исследований американские и европейские антропологи приходят к выводу о том, что антропология, чтобы быть наукой о человеке, должна быть реконструирована. Главным доводом было то, что антропология не может основываться на небольших исследованиях несложных обществ. Реконструкция давала возможность антропологам заняться исследованием городского образа жизни по всем направлениям.

Разработка и применение методик в городской антропологии, а также проведение городских исследований по всем направлениям дали возможность определения це-

лого спектра социальных и культурных явлений, выступающих реже или вообще не существующих за пределами города.

Антропология района (повіта, уезда)

В исторической перспективе является интересным происхождение района (повіта, уезда), историю которых нельзя идентифицировать с историей города. О таких административных единицах можно говорить тогда, когда эти территории в промышленно-торговом отношении имеют следующие характеристики: а) имеется рынок (базар); б) собственный суд, полицейский аппарат, возможно автономное право; в) различного рода союзы; г) собственная администрация, выбираемая жителями района (повіта, уезда) [7, с. 24].

Антропология деревни (села)

В 60-е гг. XX в. на проблемы села обратил внимание французский историк Жорж Дюби. После защиты диссертации «Сельская экономика и жизнь западноевропейской деревни в средние века» он обращает пристальное внимание на развитие тогдашней деревни, подчеркивает, что прежде всего хотел показать, как крестьянское общество поколение за поколением укоренялось в определенной местности и как организация этого общества зависела от соотношения между особенностями местности, с одной стороны, и техническими, демографическими, правовыми и политическими факторами – с другой [5, с. 48–59].

Сегодня жителя деревни нужно рассматривать со своими соседями, друзьями и родственниками, а контакты между ними происходят, в большей степени, на территории деревни. Чем меньше население, тем большая реальность создания густой сети связей, в которой контакты будут весьма близкими и продолжительными, а социально-культурные процессы могут повторяться. Этот процесс обеспечивается различными путями. Тут можно предположить, что не все знают всех, но каждый о каждом что-то знает. В связи с этим может существовать во времени как продолжительная связь этих контактов, так и их быстрый разрыв. Это связано с тем, что жители деревни видятся и контактируют ежедневно, а их контакты не всегда несут положительный заряд. Подрастающие дети, как правило, становятся друзьями, соседями, а также создают новые семьи.

Анализируя работы французских, американских и европейских антропологов, изучающих культуру конкретных территорий, и учитывая особенности польско-белорусского пограничья, можно условно очертить главные темы исследований, а в них выделить направления, касающиеся культуры деревни.

Первая тема – это историко-географические исследования. В ней могут быть следующие направления: географические условия; историческая обусловленность; этнографично-национальные отношения. Вторая тема касается материальной культуры. Тут для антрополога интерес могут представлять четыре наиболее известные направления: а) особенности ведения хозяйственной деятельности в деревне, б) пространственные особенности деревни, в) деревянный дом и постройки, г) одежда жителей деревни. Третья тема связана с духовной культурой: межконфессиональные отношения, народные верования и предметы культа, праздники, обряды и обычаи.

Два направления в европейских антропологических исследованиях

В течение более ста лет существования антропологии как отдельной научной дисциплины соперничают в ней два научных направления, две теоретических тенденции.

Первое направление, которое представляет большая группа ученых, называется историческое, или интерпретационное (толковательское). Второе – сциентическое. Отдельные исследователи связывают первое направление с конкретной (природной) исто-

рией и называют его партикуляризационным и релятивистским. Второе направление еще называют обобщающим, процессуальным или механическим.

Эти два направления понимаются в большей степени как два отдельные способа исследования в социально-культурной антропологии и требуют отличительного набора понятий и различных методологических приемов. Понимаются они и как два сильно сопряженных и взаимно дополняющихся способа анализа той же действительности. При этом подчеркивается, что перед формулировкой обобщающих выводов о процессах и механизмах обязательным должны быть конкретные исследования, которые должны быть обоснованы теоретическими определениями и предположениями [9, с. 91–92].

Историческое направление

Большинство исследований антропологов касается конкретных культур и даже конкретных ситуаций в границах отдельных культур, а это свидетельствует о том, что историческое направление является основным в социально-культурной антропологии. Типичные элементы этого направления находим в исследованиях исторической школы Франца Боаса на Американском континенте, а также Бронислава Малиновского и его учеников, английских функционалистов, в Европе. Параллельно с работами, которые являются результатом выполнения авторами исторической исследовательской программы, появляется много антропологических работ подобного характера, хотя их авторы не связывают свою деятельность с историческим направлением.

При использовании исторических методов исследования в антропологии находим много черт, характерных как конкретной (природной) истории, так и социально-культурной антропологии. Сближение исследовательского подхода антропологии и конкретной (природной) истории объясняется тем, что историк и антрополог, занимающийся исследованием конкретной территории, интересуется конкретными явлениями, ситуациями или процессами.

В рамках исторического подхода антрополог ставит вопрос о том, характерна ли конкретная форма культуры в данном сообществе, а если да, то какова ее эффективность; определяет, если это возможно, какие факторы были определяющими для сохранения такого состояния; антрополог заинтересован конкретикой и ставит вопрос о причинах существования только конкретной ситуации, которую стремится понять и описать.

История Беларуси в антропологической перспективе

После того как марксистско-ленинская методология отошла на второй план, белорусские историки оказались перед важной и непростой проблемой методологического выбора. Произошло переосмысление марксизма-ленинизма как теоретической базы исторической науки.

Серьезных работ, которые бы отвечали современной антропологической методологии, в Беларуси практически нет. Отсутствует и подготовка студентов по специальности «социально-культурная антропология». А.И. Зеленков в своей статье «Социальная антропология как образовательный проект» пишет: «Еще более осязаема социокультурная потребность развития современных образовательных программ в сфере социальной антропологии в Беларуси, где до сих пор отсутствуют даже экспериментальные попытки организации и внедрения в образовательные практики специальной подготовки студентов в этой области» [6].

Первая попытка подготовки научно-популярной антропологической монографии с ярко выраженной холистичностью (охват всех сторон общества или жизни человека) сделана в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина. В 2006 г. мною был написан проект «Города и районы Брестчины: история и современность». Предусматривалось такое исследование посвятить каждому району области. Проект

был одобрен советом университета и Брестским областным исполнительным комитетом. В письме, подписанным 07.06. 2006 г. заместителем председателя Брестского обл-исполкома Л.А. Цуприком, отмечалось: «Для более полного освещения исторических периодов жизни и деятельности людей, проживавших в прошлом на территории области, а также современной действительности Брестский облисполком считает целесообразным издать научно-популярные монографии о городах и районах области».

Идея подготовки такого проекта появилась после изучения мною трудов французских историков Фернана Броделя (1902–1985) и Эммануэля Ле Руа Ладюри (р. 1929 г.), а также посещения библиотеки Иенского университета в Германии.

Самой известной работой Фернана Броделя считается его трехтомное издание «Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIIIe siècle» (Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.), вышедшее во Франции в 1979 г, которое стало высшим достижением школы «Анналов».

Работа «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» является глубоким и широкомасштабным исследованием доиндустриального мира. Автор подробно анализирует и показывает, как функционировали экономики европейских стран в исследуемый исторический период. Фернан Бродель дает глубокую и подробную оценку развитию торговли и денежного обращения, особое внимание уделяется влиянию географической среды и климатических ритмов на население мира и социальные процессы. Много внимания автор уделяет развитию культур и появлению и исчезновению цивилизаций. Особый интерес представляют разделы: «Когда культуры оказывают сопротивление», «Цивилизации против цивилизаций», «Излишнее и обычное: жилище, одежда и мода», «Распространение техники: источники и металлургия», «Деньги» и «Города». В сферу исторического исследования Бродель включает повседневную жизнь. В этой связи он пишет: «Как понять города без деревень, денежное обращение без натурального обмена, распространение нищеты без роста роскоши, белый хлеб богачей без серого хлеба бедняков? Мне остается оправдать последний выбор: ни более ни менее как включение в сферу исторического исследования повседневной жизни... Ведь повседневность – это мелкие факты, едва замеченные во времени и пространстве. Чем больше вы сужаете поле наблюдения, тем больше у вас шансов очутиться в окружении материальной жизни... Когда же вы сужаете наблюдаемое время до малых промежутков, то получаете либо какое-то событие, либо какой-то факт» [1, с. 39].

В методологическом отношении важным является то, что Фернан Бродель концептуализировал категорию исторического времени и рассмотрел её как внутренне неоднородную. Это позволило автору выделить историческое время в качестве самостоятельного объекта исследования, не сводимого к социальному времени; показать воздействие на формирование модели исторического времени XV–XVIII вв. естественнонаучных открытий, уровня культуры и особенностей развития капитализма; показать ту опасность, к которой может привести борьба цивилизаций; уловить и показать взаимосвязь понимания исторического времени с трактовкой истории.

В своей теории «исторического времени» Фернан Бродель разделил его на следующие уровни: во-первых, короткое время, время смены событий, главным образом политических. Во-вторых, время средней длительности или циклическое время, описывающее циклы подъёмов и спадов значимых социальных и культурных процессов (экономических, миграционных, демографических и т.д.). В-третьих, длительное время (*longue durée*) – время, характеризующее крупные структуры совместного существования людей, которые поддерживают целостность больших социокультурных образований (цивилизаций).

Короткое время относится к событиям в повседневной жизни людей. Яркими примерами служат, например, газетные хроники, описывающие пожары, катастрофы,

преступления, цены на зерно и т.п. Хотя такие явления и имеют значимость для историка, исследования истории к ним не сводятся. История не есть просто совокупность событий, для анализа используется волнообразная (конъюнктурная) методика, которая позволяет изучать время *longue durée*. Само понятие *longue durée* выделяет историю среди других гуманитарных наук, поскольку описывает единство, непрерывность, целостность истории человечества, учитывая разные направления изменений. Динамику человеческой жизни в полном объёме можно увидеть, рассматривая её через аспекты внутри «медленной» истории.

Другим французским историком, который рассмотрел в историческом времени особенности развития отдельных французских территорий и обратил внимание на значение понятия малая родина, является Эммануэль Ле Руа Ладюри. Он почётный профессор Коллеж де Франс, член Французской академии моральных и политических наук. Представитель школы «Анналов», ученик Фернана Броделя. В 1975 г. была издана самая известная его работа – «*Montaillou, village occitan de 1294 à 1324*» (Монтайю, окситанская деревня 1294–1324). На основании материалов, собранных в ходе борьбы с ересью катаров Жаком Фурнье, епископом Памье, позднее ставшим папой римским под именем Бенедикта XII, Ладюри восстановил мельчайшие подробности жизни крестьян южнофранцузской деревни Монтайю на рубеже XIII–XIV вв. Исследование стало образцом целостного взгляда на живую социальную реальность прошлого, без искусственного членения на отдельные сферы исторического анализа (быт, этика, хозяйство). Книга Ладюри считается одной из классических работ микроистории. В то же время историками обращалось внимание на недостаточно критическое отношение к источникам.

В 1973 и 1978 гг. вышли два тома его работы «*Le Territoire de l'historien*» (Территория историка), посвящённой методологическим вопросам. В 1980 г. вышла его работа «*Le Carnaval de Romans*» (Карнавал в Романе), посвящённая изучению массовой резни во время карнавала в южнофранцузском городке Роман в 1580 г. Кроме того Ладюри изучал историю климата и его влияние на социально-экономические процессы. Ученый выдвинул концепцию равновесия экодемографической системы Европы в XIV – середине XVIII вв. В 2001 г. вышла в свет очередная монография Эммануэля Ле Руа Ладюри «*Histoire de la France des Regions*» (История регионов Франции). Продолжая традицию Броделя, Эммануэль Ле Руа дал в этой книге обзор истории различных регионов Франции, описал их одновременную или поэтапную интеграцию как реализацию политики «Старого режима» и режимов, установившихся после Французской революции.

Первый проект – «Города и районы Брестчины: история и современность» – был посвящен Ивацевичскому району и выполнялся в 2007–2008 гг. Полное название проекта звучит так: «Гарады і раёны Берасцейшчыны: гісторыя і сучаснасць. Ивацэвіцкі раён». Проект был запланирован как междисциплинарный. В выполнении его приняли участие историки, географы, биологи и филологи. В 2009 г. под таким же названием под моей редакцией вышла научно-популярная монография. Авторский коллектив за два года проделал большую работу, собрав огромный архивный материал начиная с XVI в. Члены авторского коллектива выезжали в Ивацевичский район, где каждый по своей тематике проводил полевые исследования. В рамках проекта была организована в районе практика студентов исторического и филологического факультетов. Сделано несколько сотен фотоснимков, часть из которых помещена в монографии. Использовались методы социологического исследования, в частности, интервью и наблюдение.

Монография «Гарады і раёны Берасцейшчыны: гісторыя і сучаснасць. Ивацэвіцкі раён» имеет шесть глав. Глава 1. Дзяржаўна-палітычнае, канфесійнае і культурнае развіццё раёна. Глава 2. Гаспадарчая дзейнасць і эканамічны патэнцыял Ивацэвіцкага раёна (1519 – пач. XXI ст.). Глава 3. Адукацыя на тэрыторыі Ивацэвіцкага раёна. Глава 4. Пры-

рода і населення Івацэвіцкага раёна. Глава 5. Станаўленне сістэмы аховы здароўя, фізічнай культуры і спорту на тэрыторыі раёна. Глава 6. Этнамоўны нарыс.

После выхода в свет монографии авторский коллектив встречался с учителями и краеведами Ивацевичского района. На встрече мы услышали как слова благодарности, так и замечания, которые были учтены при выполнении следующего проекта.

В 2013–2014 гг. под моим научным руководством выполнен хоздоговорной проект «Города и районы Брестчины: история и современность. Ивановский район» и подготовлена к публикации научно-популярная монография. Ивановский район граничит с Любешовским районом Украины. С учетом отзывов о монографии «Гарады і раёны Берасцейшчыны: гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён» был составлен новый план. Теперь главы посвящались важным историческим периодам, и каждую главу писал один исследователь. План в монографии «Города и районы Брестчины: история и современность. Ивановский район» выглядит так. Глава 1. Доисторическое прошлое Яновщины. Глава 2. Земли Ивановского района в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Глава 3. Ивановский район в составе Российской империи. Глава 4. Ивановский район в составе Польши. Глава 5. Ивановский район в годы второй мировой и Великой Отечественной войн. Социалистическое строительство. Глава 6. Развитие Ивановского района в независимой Беларуси. Глава 7. Природа Ивановского района. Глава 8. Демографическое развитие Ивановского района. Глава 9. Этнамоўны нарыс. Глава 10. Краткая история населенных пунктов. Глава 11. Айканімічны слоўнік Іванаўшчыны (паходжанне назваў населеных пунктаў). В конце монографии помещены фотографии, на которых отображена история района, показаны культурные памятники, природа и промышленные объекты.

В 2014–2016 гг. немного измененный научный коллектив Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина под моим руководством работал над хоздоговорным проектом «Города и районы Брестчины: история и современность. Малоритский район». Этот район граничит с Республикой Польша. Принимая во внимание именно эту особенность, был изменен состав научного коллектива и составлен новый план. В связи с тем, что на территории Малоритского района не проводилось серьезных археологических раскопок, было решено главу «Доисторическое прошлое Малоритчины» в план не включать. Учитывая историко-культурологические особенности района, в план включили две новых главы: «Материальная культура Малоритчины» и «Литература Малоритчины: личности и судьбы». Все остальные главы были названы так, как в проекте, посвященном Ивановскому району.

Что удалось творческому коллективу при выполнении названных выше проектов?

1. Структурировать жизнедеятельность на территории районов начиная со второй половины XV в. и до настоящего времени; показать причинно-следственные связи и отношения, определявшие направление и характер развития небольшого региона (в нынешних границах района) в разные исторические периоды.
2. На основании различного рода источников (в большей степени архивных) сконструировать и охарактеризовать процессы и события, протекавшие на землях районов параллельно с подобными событиями в границах государства и за его пределами.
3. Показать специфику национального, исторического, экономического, культурного, правового и природно-географического развития в отдельные исторические периоды, а также историческую активность представителей различных социальных слоев, проживавших на землях нынешних районов.
4. Показать связи между отдельными малыми регионами (поветами, уездами, гминами, районами) и дать им оценку, объяснить причины усиления или ослабления этих связей, доказать, что усиление этих связей вело к формированию более сложных и масштабных сообществ, развивавшихся в едином историческом времени.
5. Определить место и роль исторического времени в осмыслении временных свойств и отношений действи-

тельности и становлении темпорального сознания представителей социальных слоев, проживавших на землях исследуемых районов в различные исторические периоды.

Вторым направлением в белорусской исторической антропологии стало изучение города. В этом отношении можно назвать два проекта, выполненных Институтом истории НАН Беларуси. Результаты этих исследований отражены в монографиях «Гісторыя Беларусі. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання», (Мінск, 2012 г.) и «Гісторыя Навагрудка – з глыбінь вякоў да нашых дзён» [3]. Назвать полностью эти проекты антропологическими не представляется возможным, но отдельные методы исследования и полученные результаты вполне можно отнести к исторической антропологии. Научный коллектив названных проектов на основании архивных документов сумел показать городской стиль жизни в разные исторические периоды как элемент цивилизации, охарактеризовать этот стиль с межкультурной перспективы. Например, в разделе 4 «Пінск у складзе Расійскай імперыі» в параграфе «Штодзённае жыццё горада: звычайнае і надзвычайнае» с антропологических позиций рассмотрены такие проблемы, как улицы в городском пространстве, городские площади и их трансформация, городское натуральное пространство, виды города как бытовая метафора [2, с. 299–307].

В монографии, посвященной истории г. Новогрудка, к антропологическому исследованию можно отнести раздел 10 «Гісторыя горада – у асобах». Показаны конкретные условия деятельности отдельных личностей или групп, определены факторы, влиявшие на принятие решений влиятельными особами, показана роль опыта как для осуществления руководства, так и для выполнения различного рода хозяйственной и культурной деятельности [3, с. 534–568].

Заклучение

Для научного коллектива было важным показать в социально-экономических и культурных процессах, проходивших на территории района, роль каждого села или фольварка, а если не удавалось, то какой-то группы населенных пунктов. Одной из главных задач для каждого члена коллектива было показать роль в развитии села или другого населенного пункта представителей всех социальных сословий, там проживавших. Например, в проекте, посвященном Ивановскому району, показана роль войтов села Мотоль в организации хозяйственной жизни, решении правовых и других вопросов. На основании архивных источников восстановлены имена и фамилии войтов этого села. Показана также роль мотольской шляхты в решении на уровне короля ВКЛ вопросов о привилегиях для села Мотоль. Названы фамилии мотольских шляхтичей, которые хранили привилегии и ездили к очередному королю, чтобы их подтвердить и по возможности получить дополнительные.

В проведенных полевых исследованиях использовался социологический метод интервью и метод отражения действительности или конкретного человеческого творения с помощью фотографии. В памяти 60–70-летних респондентов осталась информация, полученная от отцов, дедов и прадедов о событиях Второй мировой войны, межвоенном периоде, событиях Первой мировой войны и о событиях конца XIX – начала XX в. Много информации историческая память жителей исследованных районов хранит о духовной и материальной культуре.

Если говорить о системности в развитии исторической антропологии в Беларуси, то ее, к сожалению, пока нет. Делаются пока только первые попытки использования отдельных методов исследования, применяемых в исторической антропологии. Причину такого положения я вижу в отсутствии соответствующих научных кадров и в отсутствии подготовки на исторических факультетах соответствующих специалистов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродель, Ф. Структуры повседневности, возможное и невозможное. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1. – 624 с.
2. Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / А. М. Літвін [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 711 с.
3. Гісторыя Наваградка – з глыбінь вякоў да нашых дзён / М. П. Касцюк [і інш.] ; рэд. кал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.). – Мінск : Белстан, 2014. – 592 с.
4. Добреньков, В. И. Социальная антропология : учебник / В. И. Добреньков, А. И. Кравченко. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 688 с.
5. Дюби, Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года / Ж. Дюби // Одиссей. Человек в истории. – М. : Наука, 1991.
6. Зеленков, А. И. Социальная антропология как образовательный проект. [Электронный ресурс] / А. И. Зеленков. – Режим доступа: www.elib.bsu.by. – Дата доступа: 10.07.2012.
7. Jędrzejczyk, D. Geografia humanistyczna miasta / D. Jędrzejczyk. – Warszawa : DIALOG, 2004. – 322 s.
8. Hannerz, U. Odkrywanie miasta. Antropologia obszarów miejskich / U. Hannerz. – Kraków : Wyd-wo Un-tu Jagellońskiego, 2006. – 403 s.
9. Nowicka, E. Świat człowieka – świat kultury / E. Nowicka. – Warszawa : PWN, 2007. – 480 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.02.2016

Harbatski A.A. «The Small Homeland» as Memory in Historical Anthropology

The article considers «The Small Homeland» from historical, anthropological, culturological and geographical points of view. The definition of «the Small Homeland» and concept of historical and cultural memory are given. The history of the emergence of the research direction «Anthropology of the Small Homeland» is presented. The author dwells on the problem of development of the history of Belarus in anthropological prospect on the basis of the analysis of the project «Cities and regions of Brest area: the history and the present» and the published monographs.

УДК 94(476)“1861/1914”

А.Г. Каханойскі

*д-р гіст. навук, дац., заг. каф. гісторыі Беларусі новага і навейшага часу
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*

ГАНАРОВЫЯ ГРАМАДЗЯНЕ Ў САСЛОЎНА-КАРПАРАТЫЎНАЙ АРГАНІЗАЦЫІ БЕЛАРУСКАГА ГРАМАДСТВА Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ ст.

У артыкуле дадзены аналіз прычын стварэння саслоўя ганаровых грамадзян, паказаны межы і сацыяльная база папаўнення яго шэрагаў, магчымасці атрымання дадзенага саслоўнага звання, выкарыстання яго ў якасці канала для рэалізацыі магчымасцей узыходзячай сацыяльнай мабільнасці. Асобна ахарактарызаваны саслоўна-прававое становішча, сацыяльны і нацыянальны склад ганаровых грамадзян Беларусі, які, паводле выскоў аўтара, вызначаўся пераважна кірункам палітыкі ўраду Расійскай імперыі на тэрыторыі Беларусі.

Уводзіны

Саслоўнае грамадства ўяўляе сабой дастаткова кансерватыўную сістэму, якая на працягу дзесяцігоддзяў вонкава выглядала стабільнай, з мала заўважнымі зменамі. Развіццё эканомікі, сацыяльна-культурныя працэсы знаходзілі ў саслоўнай структуры насельніцтва апасродкаваны, запознены адбітак. Аднак гэта толькі вонкава. Працэсы мабільнасці насельніцтва, і сацыяльнай, і тэрытарыяльнай, якія вызначалі змены, былі ўласцівы і саслоўнаму грамадству Беларусі, асабліва ў другой палове ХІХ – пачатку ХХ ст. Імкненне да сацыяльнага поспеху стала рысай, якая вызначала жыццёвыя абставіны для ўсё больш шырокага кола прадстаўнікоў розных саслоўных груп. Найбольш папулярным і рэальным каналам сацыяльнага поспеху ва ўмовах ХІХ – пачатку ХХ ст. стала атрыманне адукацыі, што давала магчымасць паступіць на дзяржаўную службу. У выніку пашырэння сферы выяўлення сацыяльнай актыўнасці насельніцтва выраслі магчымасці для сацыяльнага ўздыму. У апошнія дзесяцігоддзі ХІХ – пачатку ХХ ст. паступова больш даступнымі сталі межы саслоўяў для прадстаўнікоў іншых груп, пашырыўся пералік заканадаўча акрэсленых даступных заняткаў для кожнага з саслоўяў. Расійскае заканадаўства зрабіла больш даступнымі саслоўныя межы мяшчанства, сялянства, фармалізавала прыналежнасць да купецтва, праз царкоўныя рэформы адмяніла замкнёнасць як саслоўя хрысціянскага духавенства, але ў той жа час значна павысіла патрабаванні для атрымання дваранскай годнасці за заслугі на грамадзянскай і вайскавай службе. Асабліва быў ускладнены шлях выслугі спадчыннага дваранства. Эвалюцыя прававога становішча расійскага дваранства адбывалася не праз адмену яго прывілеяў, а ў сувязі з пашырэннем праў іншых саслоўяў [1, с. 14]. Найбольш адкрытымі для трансфармацыйных працэсаў у беларускім грамадстве аказаліся гарадскія саслоўі, ці гарадскія абывацелі, якія найбольш дынамічна адлюстроўвалі сацыяльныя змены, сталі іх носбітамі. Пад гарадскімі абывацелямі меліся на ўвазе асобы, якія прылічаліся законам да «сярэдняга роду людзей». Сярод іх вылучаліся чатыры розныя групы: ганаровыя грамадзяне, купцы, мяшчане і цэхавыя. Адначасова законам аб станах Расійскай імперыі да гарадскіх абывацеляў былі аднесены ўсе тыя, хто быў гарадскім старажылам ці там нарадзіўся, пасяліўся, а таксама тыя, хто меў у горадзе нерухомую маёмасць, быў запісаны ў гільдыю ці рамесніцкі цэх, меў «службу гарадскую», быў прыпісаны да мяшчан [2, с. 59]. Гарадскія саслоўі не ўяўлялі сабой кансалідаваных карпаратыўных груп насельніцтва, больш таго многія з іх прадстаўнікоў пражывалі стала ў сельскай мясцовасці і мелі ўскоснае дачыненне да гарадскога жыцця.

Мэта артыкула – паказаць саслоўна-прававое становішча ганаровых грамадзян Беларусі, іх месца ў саслоўна-карпаратыўнай арганізацыі грамадства, выявіць дынаміку іх колькаснага складу. Аналіз гістарыяграфіі дазваляе сцвярджаць, што ганаровыя грамадзяне як саслоўная група насельніцтва Беларусі яшчэ не стала прадметам самастой-

нага разгляду, знайшла ўрыўкавае, часта ўскоснае адлюстраванне ў даследчыцкай літаратуры па сацыяльна-эканамічнай гісторыі Беларусі сярэдзіны XIX – пачатку XX ст.

Саслоўе ганаровых грамадзян і яго правая арганізацыя

Саслоўе ганаровых грамадзян было створана ў 1832 г. з мэтай абмежавання імкнення адукаваных людзей да атрымання дваранскай годнасці [3, с. 193–195]. Яго прадстаўнікі былі вызвалены ад цялеснага пакарання, рэкруцкай павіннасці, падушнага падатку, дысцыплінарнай улады саслоўных аб'яднанняў падатковага насельніцтва. Званне ганаровага грамадзяніна магло быць пажыццёвым (асабістым) або перадавацца ў спадчыну. Спадчынныя і асабістыя ганаровыя грамадзяне, у адрозненне ад вышэйшага саслоўя, мелі аднолькавыя правы [4, с. 305]. Спадчыннае ганаровае грамадзянства, у адрозненне ад асабістага, маглі атрымаць толькі расійскія грамадзяне. Ад нараджэння да спадчыннага ганаровага грамадзянства прылічаліся дзеці асабістых дваран, чыноўнікаў і афіцэраў, якія былі ўзнагароджаны ордэнамі Св. Ганны, Св. Станіслава, ці дасягнуўшы на грамадзянскай службе чыну IX класа, а таксама дзеці праваслаўных і армян-грыгарыянскіх святароў, праваслаўных псаломшчыкаў, якія закончылі акадэмію ці семінарыю, пратэстанцкіх прапаведнікаў і г.д. [2, с. 60–61]. Асабістае ганаровае грамадзянства маглі атрымаць тыя, хто на дзяржаўнай службе дасягнуў XIV класнага чыну [2, с. 62]. Асабістае ганаровае грамадзянства атрымлівалі таксама асобы, якіх усынавілі дваране ці спадчынныя грамадзяне, удовы праваслаўных псаломшчыкаў і інш. [2, с. 61]. Гэта званне магло быць нададзена за «карысную дзейнасць» у розных сферах на працягу не менш 10 гадоў. На званне спадчыннага ганаровага грамадзяніна маглі прэтэндаваць асобы пасля 10 гадоў знаходжання ў статусе асабістага ганаровага грамадзяніна ці без гэтага пасля 20 гадоў «карыснай дзейнасці», пацверджанай дзяржаўным ведамствам [5, с. 833]. За выдатныя поспехі ў навучэнні, мастацтве, гандлёва-прамысловай дзейнасці указам імператара маглі атрымаць ганаровае грамадзянства яўрэі рысы аседласці. Падставай для такога рашэння маглі быць праца ў якасці наглядчыка яўрэйскіх вучылішчаў, утрыманне падобных вучылішчаў, пастаянная дзейнасць па выкананню асобых даручэнняў губернатара, якія патрабавалі ведання яўрэйскіх традыцый і звычаяў, але толькі пасля пятнаццацігадовай выслугі. Правы ганаровых грамадзян маглі набываць асобы, якія не мелі правоў вышэйшага стану [2, с. 60].

Купцы маглі стаць спадчыннымі ганаровымі грамадзянамі ў выпадку, калі мелі званне камерц- ці мануфактур-саветніка, былі ўзнагароджаны ордэнамі ці знаходзіліся 10 гадоў у складзе першай гільдыі, або 20 гадоў у другой гільдыі. Пазней на прылічэнне да спадчыннага ганаровага грамадзянства маглі прэтэндаваць толькі купцы першай гільдыі пасля 20 гадоў знаходжання ў названым разрадзе [2, с. 61–62]. Прыналежнасць да ганаровага грамадзянства перадавалася ад мужа жонцы, за выключэннем выпадку, калі яна належала да вышэйшага саслоўя. Ганаровае грамадзянства маглі атрымаць купцы заходніх губерняў незалежна ад гільдыі, але ў выпадку, калі набывалі маёнткі коштам не менш 15 000 руб. без дапамогі пазыкі, ці з прыцягненнем пазыкі, але коштам не менш 30 000 руб. [2, с. 62].

У беларускіх губернях вышэйшага гарадскога саслоўя часам удастойваліся асобы за ўмацаванне тут рускіх пачаткаў. Указам імператара ад 21 студзеня 1874 г. пецярбургскаму купцу другой гільдыі А. Верамеца разам з сынам быў нададзены статус спадчыннага ганаровага грамадзяніна ў сувязі з набыццём у Мінскай губерні маёнтка Караліна, які раней належаў памешчыку польскага паходжання Палонскаму [6, арк. 6].

Асабістае ганаровае грамадзянства маглі атрымаць асобы, якія паспяхова скончылі расійскі ўніверсітэт або атрымалі атэстат аб сканчэнні поўнага курса навучання ў Акадэміі мастацтваў, а таксама тыя, хто належаў да гандлёвай буржуазіі ці быў уладальнікам значных прамысловых прадпрыемстваў. Спадчыннымі маглі стаць тыя асабістыя ганаровыя грамадзяне, якія мелі значныя поспехі ў навучэнні і мастацтве: атрыманы

не вучонай ступені доктара і магістра, 10 гадоў пленнай дзейнасці ў мастацкай сферы. Асобым прадстаўленнем маглі быць прылічаны да ганаровых грамадзян таксама выпускнікі тэхнічных вучылішчаў і настаўніцкіх семінарыяў. Законам ад 2 ліпеня 1892 г. было дазволена прылічаць да асабістых ганаровых грамадзян любога грамадзяніна, які на працягу 10 год займаўся карыснай грамадскай дзейнасцю. Да спадчынных адносін тых асабістых грамадзян, якія займаліся той жа дзейнасцю.

У другой палове XIX – пачатку XX ст. пашырэнне саслоўных меж ганаровых грамадзян адбывалася пад уплывам развіцця сістэмы адукацыі, павелічэння магчымасцей атрымання дзяржаўнай службы для асоб недваранскага паходжання. Фарміраванне саслоўя ганаровых грамадзян спалучала дзве тэндэнцыі. З аднаго боку, захоўвалася сістэма набывання праў саслоўнай прыналежнасці праз перадачу ў спадчыну ці па нараджэнні. З другога – спроба ўключэння ў дадзеную сацыяльную групу асоб, якія мелі значныя асабістыя заслугі перад дзяржавай і грамадствам не толькі на дзяржаўнай службе, але і ў сферы прадпрыемальніцтва, сельскай гаспадаркі, навуковай і культурна-асветніцкай дзейнасці. Ганаровыя грамадзяне, у адрозненне ад іншых саслоўяў, па прычыне дастаткова шырокай сацыяльнай базы фарміравання не вылучаліся ўнутраным адзінствам. У іх лік уваходзілі людзі, якія мелі рознае сацыяльнае паходжанне, сферу дзейнасці, узровень даходаў. У асяроддзі ганаровых грамадзян існавалі сацыяльныя катэгорыі, якія захоўвалі свае ранейшыя саслоўныя правы: купцы – адпаведнае званне і адрозненні, сыны асабістых дваран – магчымасць бесперашкодна паступаць на дзяржаўную службу нароўні з прадстаўнікамі вышэйшага саслоўя. Ганаровыя грамадзянін па законе адносіўся да ліку гарадскіх саслоўяў, аднак не меў ніякай сувязі з гарадскім таварыствам. Напрыклад, дачка сельскага дзячкі карысталася правамі асабістага ганаровага грамадзяніна. Тыя ж правы мог атрымаць селянін, які скончыў земляробчае вучылішча і меў трохгадовую практыку заняткаў сельскай гаспадаркай [4, с. 303].

Ганаровыя грамадзяне не мелі ўласнай карпаратыўнай арганізацыі, былі вольныя ад прыпіскі да якога-небудзь горада [1, с. 78]. Згодна палажэння ад 3 чэрвеня 1894 г., яны павінны былі атрымліваць у паліцэйскіх установах бестэрміновыя пашпартныя кніжкі, што давала ім магчымасць тэрытарыяльнай мабільнасці. У ганаровых грамадзян як саслоўнай групы прысутнічалі рысы, якія набліжалі іх да дваранства: падзел на асабістую і спадчынную часткі, разгляд спраў аб наданні ганаровага грамадзяніна ў Дэпартаменце герольдыі Сената [1, с. 79–80]. Аднак гэтыя рысы насілі фармальны характар. Хадайніцтвы аб прылічэнні да ганаровых грамадзян падаваліся ў Дэпартамент герольдыі Сената. Да іх прыкладаліся дакументы, якія пацвярджалі права на прыналежнасць да ганаровага грамадзяніна, а таксама пасведчанні, выдадзеныя губернатарамі, аб канфесійнай прыналежнасці кандыдатаў [2, с. 63]. Прэтэндэнты павінны былі, акрамя таго, заплаціць пошліну. Станоўчыя рашэнні Сената зацвярджаліся імператарам, а асобам, узведзеным у спадчыннае ганаровае грамадзяніна, выдаваліся спецыяльнага ўзору граматы, у асабістае – пасведчанні [2, с. 64]. Асобы, якія належалі да ганаровага грамадзяніна па праву нараджэння, былі пазбаўлены неабходнасці зацвяджэння сваёй саслоўнай прыналежнасці ў Сенаце. Дзеці асабістых ганаровых грамадзян прылічаліся да мяшчанскай грамады па месцы жыхарства [2, с. 65]. Сучаснікі называлі ганаровых грамадзян ядром сярэдняга класа, які складаўся ў той час. Гэта група дынамічна расла, і перш за ўсё за кошт пашырэння кола асоб, якіх адносілі да ліку ганаровых грамадзян.

Дынаміка колькасці і нацыянальны склад ганаровых грамадзян

У беларускіх губернях у 1863 г. налічвалася 784 спадчынныя ганаровыя грамадзяніны, 780 – асабістых ганаровых грамадзян [7, с. 46–47]. Яны разам складалі 0,03% ад агульнай колькасці насельніцтва беларускіх губерняў. Паводле даных перапісу 1897 г., сярод насельніцтва беларускіх губерняў налічвалася ўжо 13 980 ганаровых грамадзян, з іх 6 235 чалавек (44,6%) пражывалі ў гарадах, 7 745 чалавек (55,4%) у сельскай мяс-

цовасці [8, с. 162–163; 9, с. 48–49; 10, с. 56–57; 11, с. 50–51; 12, с. 50–51]. Ганаровыя грамадзяне складалі 0,3% насельніцтва беларускіх губерняў, у тым ліку 0,6% ад агульнай колькасці жыхароў гарадоў і 0,2% – сельскага насельніцтва. У 35 паветах Беларусі было 10 889 (0,2%) ганаровых грамадзян. Па еўрапейскай частцы Расійскай імперыі ўдзельная вага ганаровых грамадзян складала 0,3% [13, с. 164–167].

Сярод ганаровых грамадзян беларускіх губерняў, адпаведна даным перапісу насельніцтва 1897 г., налічвалася 4 661 чалавек (33,3%), якія прызнавалі ў якасці роднай мовы беларускую, 6 894 (49,3%) – рускую, 399 (2,9%) – польскую, 1 142 (8,2%) – яўрэйскую [8, с. 162; 14, с. 254; 10, с. 288; 11, с. 222; 12, с. 250]. Ганаровыя грамадзяне складалі 0,09% ад агульнай колькасці беларусаў, якія пражывалі на тэрыторыі беларускіх губерняў, 1,4% – сярод рускіх, 0,09% – палякаў, 0,09% – яўрэяў [8, с. 162; 14, с. 254; 10, с. 288; 11, с. 222; 12, с. 250]. Па сваім нацыянальным складзе ганаровыя грамадзяне, як і асабістыя дваране, адлюстроўвалі прыярытэты ўрадавай палітыкі на тэрыторыі Беларусі, кірунак рэгулюемых мясцовай адміністрацыяй змен у сацыяльнай і этнічнай структурах насельніцтва, перш за ўсё мерапрыемствы па ўмацаванні «рускіх пачаткаў у краі», уведзеныя абмежаванні ў эканамічнай і сацыяльна-культурнай сферах у дачыненні да католікаў і яўрэяў. Адчувальным быў і суб'ектыўны фактар, звязаны з сацыяльнымі паводзінамі асобных з прадстаўнікоў карэннага насельніцтва, якія пры ўмове дасягнення сацыяльнага поспеху імкнуліся пазбавіцца ад уласнай беларускамоўнай, «вясковай», ніжэйшай па іх разуменні, культурнай традыцыі, далучыцца да гарадской рускамоўнай ці па меншай меры да польскай. Ва ўсходніх раёнах Беларусі сярод ганаровых грамадзян колькасць пераважалі беларусы, а чым далей на захад павялічвалася і больш значнай сярод іх была ўдзельная вага рускіх. У Магілёўскай губерні беларусы сярод ганаровых грамадзян складалі 50,7%, рускія – 34,5%, у Віцебскай губерні гэтыя лічбы склалі адпаведна – 30,7 і 44%, Мінскай – 41,1 і 46,6%, Гродзенскай – 15,9 і 64,2%, Віленскай – 12,3 і 68,4%.

Напярэдадні Першай сусветнай вайны ўдзельная вага ганаровых грамадзян у Віленскай губерні складала 0,3%, у Віцебскай – 0,2%, Гродзенскай – 0,1%, Магілёўскай – 0,2% [15, с. 321]. Удзельная вага іх у губернях еўрапейскай часткі Расійскай імперыі за перыяд з 1858 г. па 1910–1912 гг. павялічылася ў сярэднім з 0,05% да 0,7% [1, с. 222].

Мабільнасць і стан пісьменнасці ганаровых грамадзян

Ганаровыя грамадзяне разам з асобамі духоўнага звання, паводле даных перапісу насельніцтва 1897 г., прадэманстравалі найбольшую ступень тэрытарыяльнай мабільнасці сярод насельніцтва Беларусі. У прыватнасці, у Віцебскай губерні сярод ганаровых грамадзян налічвалася 43,9% мясцовых ураджэнцаў, 28,2% выхадцаў з іншых паветаў Віцебскай губерні, 27,3 % – ураджэнцаў іншых губерняў Расійскай імперыі і 0,6% – іншых дзяржаў [16, с. 98]. У Віленскай губерні ўдзельная вага мясцовых ураджэнцаў была больш нізкай у параўнанні з Віцебскай губерняй – 41,4%, ураджэнцаў іншых паветаў Віленскай губерні налічвалася 15,0%, іншых губерняў Расійскай імперыі – 42,7% і 0,9% – іншых дзяржаў [17, с. 96].

Атрыманне прыналежнасці да саслоўя ганаровых грамадзян стала адным з кірункаў узыходзячай сацыяльнай мабільнасці. Фарміраванне яго было спробай уключэння ў дадзеную сацыяльную групу асоб, якія мелі значныя асабістыя заслугі перад дзяржавай і грамадствам не толькі на дзяржаўнай службе, але і ў сферы прадпрыемальніцтва, сельскай гаспадаркі, навуковай і культурна-асветніцкай дзейнасці. У той жа час прылічэнне да ганаровых грамадзян было абцяжарана шматузроўневай і складанай працэдурай. Напрыклад, гродзенскі гарадскі галава 23 снежня 1891 г. звярнуўся з просьбай да губернатара хадайнічаць аб наданні ганаровага грамадзянства гарадскому землемеру М. Любічу. Адпаведнае прадстаўленне гродзенскі губернатар 24 лютага 1892 г. накіраваў віленскаму генерал-губернатару. Далей хадайніцтва было накіравана міністру ўнут-

раных спраў [18, арк. 1–2]. Аднак міністэрства юстыцыі, у кампэтэнцыю якога ўваходзілі межавыя пытанні, нагадала, што М. Любіч не адпавядае патрабаванням аб наданні асабістага ганаровага грамадзянства [18, арк. 4–5].

Дастаткова аднароднымі лічбамі па беларускіх губернях вызначаўся стан пісьменнасці ганаровых грамадзян, купцоў, мяшчан. Адпаведна даных перапісу насельніцтва 1897 г., сярэднія паказчыкі іх вар’іраваліся ў межах ад 57,2% (Гродзенская губерня) да 47,8% (Мінская губерня) [19, с. 8]. Значна больш адрозніваліся даныя стану пісьменнасці жаночай часткі гарадскіх саслоўяў: іх колькасныя паказчыкі мелі больш значны дыяпазон варыятыўнасці ад 45,8% у Гродзенскай губерні да 34% – у Мінскай. Ганаровыя грамадзяне, таксама як і купцы, мяшчане, мелі больш высокі ўзровень пісьменнасці ў параўнанні з сярэднімі паказчыкамі ўсяго насельніцтва Беларусі, але ніжэйшы, чым дваране, чыноўнікі і хрысціянскае духавенства. Калі браць у сярэднім, то найбольш высокі паказчык адукаванасці быў адзначаны сярод насельніцтва Віленскай губерні – 33,9% (сярод жанчын – 25,2%). На другім месцы знаходзілася Гродзенская губерня – 33,1% (мела самы высокі паказчык сярод мужчын – 46,5%). Па астатніх губернях велічыня ўдзельнай вагі пісьменных жыхароў істотна не адрознівалася: Віцебская – 25,2%; Мінская – 23,8; Магілёўская – 23,3% [19, с. 8–11].

Заклучэнне

Рост сацыяльнай актыўнасці насельніцтва, яго мабільнасці, актуалізацыя імкнення да сацыяльнага поспеху, адначасова жаданне засцерагчы вышэйшае саслоўе ад з’яўлення ў яго складзе шматлікіх выхадцаў з разначынных слаёў грамадства прымусілі ўрад Расійскай імперыі шукаць каналы для рэалізацыі магчымасцей узыходзячай сацыяльнай мабільнасці. Адным з іх стала стварэнне саслоўя ганаровых грамадзян. У значнай ступені атрыманне прыналежнасці да саслоўя ганаровых грамадзян было вынікам сацыяльнага поспеху на асабістым узроўні і паказчыкам кірунку урадавай палітыкі на групавым. Сацыяльны і нацыянальны склад ганаровых грамадзян цалкам адлюстроўваў кірунак урадавай палітыкі на тэрыторыі Беларусі. Сегрэгацыя магчымасцей паступлення на дзяржаўную службу для асобных этна-канфесійных груп насельніцтва, рэгламентацыя сацыяльна-культурнай сферы вызначылі пераважна іншаэтнічны склад яго ў дачыненні да большасці насельніцтва. Беларусы складалі меншасць сярод ганаровых грамадзян, таксама як і сярод асабістых дваран, купцоў, мяшчан. Гэты фактар аказаў уплыў на працэсы станаўлення беларускай нацыі. Нешматлікасць уласнай эліты заповоліла нацыянальна-дзяржаўнае самавызначэнне беларусаў у XIX – пачатку XX ст.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРТУРЫ

1. Иванова, Н. А. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. – М. : Наука, 2004. – 574 с.
2. Свод законов Российской империи : полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. Осн., и позднейшими узаконениями : в 5 кн. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского ; сост.: Н. П. Балкапов, С. С. Войт и В. Э. Герценборг. – Изд. неофиц. – СПб. : Рус. Кн. т-во «Деятель», 1912–1913. – Кн. 4, т. 9 : Свод законов о состояниях (1912). – 437 с.
3. Об установлении нового сословия под названием Почетных Граждан : манифест, 10 апр. 1832 г., № 5284 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. – СПб., 1833. – Т. 7 : 1832. – С. 193–195.
4. Коркунов, Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – Т. 1 : Введение и общая часть. – 623 с.
5. Правила об испрошении высочайших наград : имен. указ, 1 авг. 1898 г., № 15871 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 3 : в 33 т. – СПб., 1901. – Т. 18 : 1898, отд.-ние 1. – С. 832–837.

6. О зачислении петербургского 2-ой гильдии купца Веремецко А. с сыном Павлом в потомственные почетные граждане // Нацыянальны дзяржаўны архіў Беларусі (НДАБ). – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 2459.

7. Статистический временник Российской империи / Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. – СПб. : Тип. К. Вульфа, 1866. – Вып. 1.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – Вып. 4 : Виленская губерния. Тетрадь 3 (последняя). – 179 с.

9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899. – Вып. 5 : Витебская губерния. Тетрадь 1. – 51с.

10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – Вып. 11 : Гродненская губерния. – 319 с.

11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1904. – Вып. 22 : Минская губерния. – 243 с.

12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – Вып. 23 : Могилевская губерния. – 275 с.

13. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года : в 2 т. – СПб. : Паровая типо-литогр. Н. Л. Ныркина, 1905.

14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – Вып. 5 : Витебская губерния. Тетрадь 3. – 281 с.

15. Каханоўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханоўскі ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : БДУ, 2013. – 335 с.

16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1901. – Вып. 5 : Витебская губерния. Тетрадь 2. – 110 с.

17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1901. – Вып. 4 : Виленская губерния. Тетрадь 2. – 104 с.

18. Дело по представлению гродненского губернатора о причислении землемера-таксатора Моисея Любича в почетное гражданство // Дзяржаўны гістарычны архіў Латвіі. – Ф. 378. Воп. 1892. Спр. 64.

19. Каханоўскі, А. Г. Узровень пісьменнасці жыхароў Беларусі на мяжы XIX–XX ст. / А. Г. Каханоўскі // Весн. БДУ. Сер. 3. Гіст. Філас. Псіхал. Палітал. Сацыял. Экан. Права. – 2006. – № 1. – С. 7–11.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.02.2016

Kahanovsky A.G. The Distinguished Citizens as a Part of Social Structure of the Belarusian Society in the Second Half of XIX – Beginning of the XX Century

The article analyzes the reasons of the formation of the social estate of the distinguished citizens. The social base of the potential distinguished citizens, the possibilities of getting the new social status, the ways of the use of this channel for the rising of the social position are shown. The author characterizes the legal status, social and national composition of the estate of the distinguished citizens in Belarus, which first of all were defined by the main directions of the Russian Empire's policy on the Belarusian territory.

УДК 653.02

М.В. Стрелец¹, О.А. Обуховская²,¹д-р ист. наук, проф. каф. социально-политических и исторических наук
Брестского государственного технического университета²доц. каф. иностранных языков экономических специальностей
Брестского государственного технического университета**ФЕНОМЕН АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА:
КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

В настоящей статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка комплексного исследования научной и общественной деятельности великого учёного лауреата Нобелевской премии Альберта Эйнштейна. Стремясь постичь феномен Эйнштейна, авторы применяют как общенаучные, так и специальные исторические методы. Среди последних преобладали историко-системный и историко-типологический методы, позволившие выявить профилирование Эйнштейна в интерьере реалий конца XIX – первой половины XX в. Авторы отмечают, что ни один учёный-физик не обладал такой широтой интересов, как этот человек, побывавший за свою жизнь гражданином трёх государств. Общая теория относительности Эйнштейна предопределила появление качественно новой физической картины мира. Подробно раскрывается также общественная деятельность Эйнштейна и его нравственные принципы. В его лице человечество имело великого гуманиста. Датированный 1955 г. Манифест Рассела – Эйнштейна до сих пор не потерял своей актуальности.

Введение

Рассматривая физический сегмент германской научной элиты, можно и нужно задать следующий вопрос: «Была ли в нём фигура, наиболее известная в масштабах всей германской научной истории?». На этот вопрос можно ответить однозначно: Альберт Эйнштейн. Правильным будет также утверждение о том, что ни один выдающийся учёный-физик не обладал такой широтой интересов, как этот человек, побывавший за свою жизнь гражданином трёх государств. К сожалению, отечественные историки науки ещё ни разу не обращались к специальному исследованию жизни и деятельности Альберта Эйнштейна. В настоящей статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка комплексного исследования научной и общественной деятельности великого учёного. Стремясь постичь феномен Эйнштейна, авторы применяют как общенаучные, так и специальные исторические методы. Среди последних преобладали историко-системный и историко-типологический методы, позволившие выявить профилирование Эйнштейна в интерьере реалий конца XIX – первой половины XX веков.

Детство и юность будущего великого физика

Он появляется на свет 14 марта 1879 г. как подданный вюртембергского короля и германского кайзера. Вюртембергский Ульм, чью еврейскую общину герой очерка пополнил в этот день, никак ему не запомнился. Секрет прост: пройдёт немногим более года, и Герман и Паулина Эйнштейны вместе с их первенцем Альбертом станут жителями столицы другого королевства – Баварского. Будущий учёный проведёт здесь полтора десятка лет.

Мюнхенский отрезок биографии Эйнштейна отмечен как преемственностью, так и обновлением. Здесь он по-прежнему был сыном владельца субъекта хозяйствования, который получал скромные доходы. Правда, в отличие от Ульма это был субъект хозяйствования иного профиля, который на сей раз имел не одного, а двух равноправных владельцев. В качестве таковых выступали дети одной матери и одного отца: Герман и Якоб Эйнштейны. Через год после появления в Мюнхене Герман и Паулина до-

сигнут паритета по половому признаку касательно детей. Четвёртым членом семьи станет Мария, которая известна также под именем Майя.

За анализируемый отрезок жизненного пути героя очерка будет создан образовательный задел, начнёт формироваться его мировоззрение, очертится круг увлечений [1, с. 12–87]. «Начальное образование Альберт Эйнштейн получил в местной католической школе. Около 12 лет пережил состояние глубокой религиозности, однако вскоре чтение научно-популярных книг сделало его вольнодумцем и навсегда породило скептическое отношение к авторитетам. Из детских впечатлений Эйнштейн позже вспоминал как наиболее сильные: компас, «Начала» Евклида и (около 1889 г.) «Критику чистого разума» Иммануила Канта. Кроме того, по инициативе матери он с 6 лет начал заниматься игрой на скрипке. Увлечение музыкой сохранялось у Эйнштейна на протяжении всей жизни.

В гимназии он не был в числе первых учеников (исключение составляли математика и латынь). Укоренившаяся система механического заучивания материала учащимися (которая, как он считал, наносит вред самому духу учёбы и творческому мышлению), а также авторитарное отношение учителей к ученикам вызывало у Альберта Эйнштейна неприятие, поэтому он часто вступал в споры со своими преподавателями.

В 1894 г. Эйнштейны переехали из Мюнхена в итальянский город Павию близ Милана, куда братья Герман и Якоб перевели свою фирму. Сам Альберт оставался с родственниками в Мюнхене ещё некоторое время, чтобы окончить все шесть классов гимназии. Так и не получив аттестата зрелости, в 1895 г. он присоединился к своей семье в Павии» [9].

1895 г. отмечен и началом швейцарского этапа в биографии героя очерка, который закончится в 1914 г., т.е. будет продолжаться без малого два десятилетия. Правда, этот этап не был сплошным, так как в 1911–1912 гг. Эйнштейн работал в Праге, которая в то время входила в состав Австро-Венгрии. Мотивация для приезда в Швейцарию была образовательного характера. Юноша нацелился на заведение с хорошей репутацией, расположенное в немецкоязычном кантоне. Судьба привела его в столицу одного из таких кантонов, известную не только в Швейцарии, но и за её пределами своим Высшим техническим училищем. Кстати, часто встречается и иное название данного заведения – Политехникум. Речь шла о Цюрихе. Юноша психологически настраивал себя на то, что окончит училище и пополнит корпус физиков, сеющих разумное, доброе, вечное. Он, конечно, знал, что в училище принимали не автоматически, а только на основании тех результатов, которыми абитуриенты отметились на экзаменах. То, что далее произошло с Эйнштейном, вполне подходило под поговорку: «Первый блин комом». Два отрицательных результата перечеркнули один положительный. Отрицательные результаты были получены по ботанике и языку, на котором разговаривали Бальзак и Гюго, а положительный по математике – царице наук. Конечно, в такой ситуации важно, чтобы юношу кто-то морально поддержал, вовремя правильно направил. Таким человеком оказался директор училища, который нарисовал уроженцу Ульма следующий сценарий: переезд в административный центр немецкоязычного кантона Аргау, вливание в число тех учащихся кантональной школы, которым остался учиться ровно год, закрытие за этот год вопроса об аттестате зрелости, вторая попытка добиться искомого результата в качестве абитуриента. Реализация сценария, естественно, затронула два города: Аргау и Цюрих. Важно отметить, что в Аргау будущий учёный накопил неплохой опыт самообразования. Объектом самообразования стала электромагнитная теория, составлявшая главный сегмент научных изысканий великого Максвелла. Семнадцатилетний Альберт Эйнштейн заимел альма-матер, обозначив принадлежность к Политехникуму в качестве студента. Не отказавшись от ранее поставленной цели, он оказался на факультете, призванном готовить преподавательские кадры. Для того, чтобы самому

учить подрастающее поколение физике и математике, нужно было четыре года грызть гранит науки в Политехникуме [3, с. 17–88].

«Стиль и методика преподавания в Политехникуме существенно отличались от закостеневшей и авторитарной прусской школы, поэтому дальнейшее обучение давалось юноше легче. У него были первоклассные преподаватели, в том числе замечательный геометр Герман Минковский (его лекции Эйнштейн часто пропускал, о чём потом искренне сожалел) и аналитик Адольф Гурвиц» [9].

Хорошо известно, что самая крепкая дружба – это дружба, завязанная в студенческие годы. «Здесь он подружился с однокурсником, математиком Марселем Гроссманом (1878–1936), а также познакомился с сербской студенткой факультета медицины Милевой Марич (на 4 года старше его), впоследствии ставшей его женой» [9].

Вместе с тем были непростые моменты, негативно влиявшие на жизнь Эйнштейна в студенческие годы. Не могло не сказаться то, что он не был гражданином Швейцарии. Уже в момент вхождения в студенческий корпус Эйнштейн ясно и чётко даёт понять, что его не следует больше относить к подданным германского кайзера. «Чтобы получить швейцарское гражданство, требовалось уплатить 1 000 швейцарских франков, однако бедственное материальное положение семьи позволило ему сделать это только спустя 5 лет. Предприятие отца в этом году окончательно разорилось, родители Эйнштейна переехали в Милан, где Герман Эйнштейн, уже без брата, открыл фирму по торговле электрооборудованием» [9].

Догерманский этап научных изысканий

Став в 21 год дипломированным специалистом, Альберт Эйнштейн вынужден был проходить тернистый путь к удовлетворяющему его трудоустройству. Слишком много разочарований было у выпускника цюрихского Политехникума при столкновении с непредсказуемым рынком труда. «Хотя в 1901 г. Эйнштейн получил гражданство Швейцарии, но вплоть до весны 1902 г. не мог найти постоянное место работы – даже школьным учителем. Вследствие отсутствия заработка он буквально голодал, не принимая пищу несколько дней подряд. Это стало причиной болезни печени, от которой учёный страдал до конца жизни.

Несмотря на лишения, преследовавшие его в 1900–1902 гг., Эйнштейн находил время для дальнейшего изучения физики. В 1901 г. берлинские «Анналы физики» опубликовали его первую статью «Следствия теории капиллярности» (Folgerungen aus den Capillaritätserscheinungen), посвящённую анализу сил притяжения между атомами жидкостей на основании теории капиллярности.

Преодолеть трудности помог бывший однокурсник Марсель Гроссман, рекомендовавший Эйнштейна на должность эксперта III класса в Федеральное Бюро патентования изобретений (Берн) с окладом 3 500 франков в год (в годы студенчества он жил на 100 франков в месяц).

Эйнштейн работал в Бюро патентов с июля 1902 по октябрь 1909, занимаясь преимущественно экспертной оценкой заявок на изобретения. В 1903 г. он стал постоянным работником Бюро. Характер работы позволял Эйнштейну посвящать свободное время исследованиям в области теоретической физики.

В октябре 1902 г. Эйнштейн получил известие из Италии о болезни отца; Герман Эйнштейн умер спустя несколько дней после приезда сына» [9].

Эйнштейн позаботился и о создании семейного тыла. С 6 января 1903 г. он был связан узами Гименея с Милевой Марич, подарившей ему троих детей [2, с. 404].

Звёздный час для героя очерка наступил в 1905 г, когда в 26-летнем возрасте он сделал заявку на широкое признание его научных изысканий – сформулировал и фундаментально обосновал поистине революционные идеи по следующим позициям.

1. «В статье “К электродинамике движущихся тел” разработал основы специальной теории относительности, изложив новые законы движения, которые обобщали ньютоновские и переходили в них в случае малых скоростей тел. В основу своей теории положил два постулата: специальный принцип относительности, являющийся обобщением механического принципа относительности Галилея на любые физические явления (в любых инерциальных системах все физические процессы: механические, электрические, тепловые, оптические и др. – протекают одинаково), и принцип постоянства скорости света в вакууме (скорость света в вакууме не зависит от движения источника света или наблюдателя и одинакова во всех направлениях, то есть одинакова во всех инерциальных системах, и равна 30000000000 см/с). Оба постулата и теория, построенная на их основе, привели к ломке многих установившихся классических понятий (абсолютное пространство, абсолютное время), заставили пересмотреть ряд основных положений классической физики Ньютона, установили новый взгляд на мир, новые пространственно-временные представления (относительность длины, времени, одновременности событий). Однако эта теория не отбросила совсем закономерностей, установленных классической механикой, а уточнила их в случае движения со скоростями, соизмеримыми со скоростью света в вакууме.

Исходя из своей теории, Альберт Эйнштейн в том же 1905 г. открыл закон взаимосвязи массы и энергии. Показал, что масса является мерой энергии, заключенной в телах. Это соотношение Эйнштейна лежит в основе расчета энергетического баланса ядерных реакций, в основе всей ядерной физики. Все положения и выводы специальной теории относительности ярко подтвердились в многочисленных опытах, она стала мощным инструментом в физических исследованиях, в частности в физике микромира» [10].

2. Была обозначена убедительная причастность выпускника Цюрихского политехникума к начальной фазе изысканий, которые предопределили прочное включение квантовой теории в число отраслей теоретической физики. «Если Планк квантовал лишь энергию материального осциллятора, то Эйнштейн ввел в 1905 г. представление о дискретной, квантовой структуре самого светового излучения, рассматривая последнее как поток квантов света, или фотонов (фотонная теория света). Таким образом, Эйнштейну принадлежит теоретическое открытие фотона, экспериментально обнаруженного в 1922 г. Комптоном. Исходя из квантовой теории света, объяснил такие явления, как фотоэффект (закон Эйнштейна для фотоэффекта), правило Стокса для флюоресценции, фотоионизацию и др., которые не могла объяснить электромагнитная теория света. За эти исследования в 1921 г. ученому была присуждена Нобелевская премия по физике» [10].

3. «В статистической физике развил молекулярно-статистическую теорию броуновского движения» [10].

«Работы 1905 г. принесли Эйнштейну, хотя и не сразу, всемирную славу. 30 апреля 1905 г. он направил в университет Цюриха текст своей докторской диссертации на тему “Новое определение размеров молекул”. Рецензентами были профессора Кляйнер и Буркхард. 15 января 1906 г. он получил степень доктора наук по физике. Он переписывается и встречается с самыми знаменитыми физиками мира, а Планк в Берлине включает теорию относительности в свой учебный курс. В письмах его называют «г-н профессор», однако ещё четыре года (до октября 1909 г.) Эйнштейн продолжает службу в Бюро патентов; в 1906 г. его повысили в должности (он стал экспертом II класса) и прибавили оклад» [9].

Эксперт Бюро патентов продолжал наращивать результативность научных изысканий. «В 1907 г. распространил идеи квантовой теории на физические процессы, непосредственно не связанные со светом. В частности, рассмотрев тепловые колебания атомов в твердом теле и использовав идеи квантовой теории, объяснил уменьшение тепло-

емкости твердых тел при понижении температуры, разработав первую квантовую теорию теплоемкости твердых тел» [30]. Через год у героя очерка впервые появится возможность преподавать в вузе. «В октябре 1908 г. Эйнштейна пригласили читать факультатив в Бернский университет, однако без всякой оплаты» [9]. «В 1909 г. впервые рассмотрел корпускулярно-волновой дуализм для излучения, а также флуктуации энергии равновесного излучения, получив формулу для флуктуаций энергии» [10].

1909 г. был отмечен для объекта настоящего анализа и другими значимыми событиями. «Он побывал на съезде натуралистов в Зальцбурге, где собралась элита немецкой физики, и впервые встретился с Планком; за 3 года переписки они быстро стали близкими друзьями и сохранили эту дружбу до конца жизни. После съезда Эйнштейн наконец получил оплачиваемую должность экстраординарного профессора в Цюрихском университете (декабрь 1909 г.), где преподавал геометрию его старый друг Марсель Гроссман. Оплата была небольшой, особенно для семьи с двумя детьми, и в 1911 г. Эйнштейн без колебаний принял приглашение возглавить кафедру физики в пражском Немецком университете. В этот период Эйнштейн продолжает публикацию серии статей по термодинамике, теории относительности и квантовой теории. В Праге он активизирует исследования по теории тяготения, поставив целью создать релятивистскую теорию гравитации и осуществить давнюю мечту физиков – исключить из этой области ньютоновское дальное действие.

Спустя год Эйнштейн вернулся в Цюрих, где стал профессором родного Политехникума и читал там лекции по физике» [29]. «В 1912 г. установил основной закон фотохимии: каждый поглощенный фотон вызывает одну элементарную фотореакцию (закон Эйнштейна)» [10].

Пребывание в германской научной элите

«В конце 1913 г., по рекомендации Планка и Нернста, Эйнштейн получил приглашение возглавить создаваемый в Берлине физический исследовательский институт; он зачислен также профессором Берлинского университета. Помимо близости к другу Планку эта должность имела то преимущество, что не обязывала отвлекаться на преподавание. Он принял приглашение, и в предвоенный 1914 г. убежденный пацифист Эйнштейн прибыл в Берлин. Милева с детьми осталась в Цюрихе, их семья распалась. В феврале 1919 г. они официально развелись» [19].

В годы Первой мировой войны профессор Берлинского университета отметился очередными интеллектуальными продуктами, существенно обогатившими физическую науку. «В 1915 г. предсказал и совместно с В. де Гаазом экспериментально обнаружил эффект изменения механического момента при намагничивании тела (эффект Эйнштейна – де Гааза).

В 1915 г. завершил создание общей теории относительности, или современной релятивистской теории тяготения, установившей связь между пространством-временем и материей. К ее созданию Эйнштейна привел анализ известного факта, что отношение инертной массы тела к гравитационной одинаково для всех тел (принцип эквивалентности). Этот принцип вместе с принципом относительности лег в основу общей теории относительности, объяснившей сущность тяготения, состоящую в изменении геометрических свойств, искривлении четырехмерного пространства-времени вокруг тел, которые образуют поле (любая масса влияет на метрику окружающего пространства). Вывел уравнение, описывающее поле тяготения, – уравнение Эйнштейна... Для проверки своей теории предложил три эффекта: искривление светового луча в поле тяготения Солнца, смещение перигелия Меркурия и гравитационное красное смещение. Эти эффекты, как показали последующие эксперименты, действительно действуют и количественно правильно предсказывались общей теорией относительности. В 1916 г. посту-

лировал гравитационные волны и в 1918 г. вывел формулу для мощности гравитационного излучения» [10].

В период существования первой германской республики научные изыскания профессора Берлинского университета характеризовались преемственностью и обновлением. Историки науки подмечают появление в его исследовательском процессе двух принципиально важных направлений. Первое направление было связано с попытками разгадать тайны релятивистской космологии. Второе направление – «Единая теория поля», которая, по его замыслу, должна была объединить гравитацию, электромагнетизм и (желательно) теорию микромира» [9].

К начальной фазе истории Веймарской Германии относится тот промежуток времени, когда судьба уготовила серьезные испытания для учёного, который давно сделал нормой бешеный ритм исследовательского процесса. Тогда же Эйнштейн вынужден был интенсивно обращаться к врачам. Он, конечно, привык к проблемам с печенью. Возникли и другие проблемы: ощущались острые боли в эпигастральной области, в крови и тканях повысился уровень билирубина. Возникли также основания для того, чтобы обратиться к невропатологу. Не месяц и не два Эйнштейн провел в постельном режиме, оказавшись человеком с ограниченными физическими возможностями. Принципиально важно отметить, что в таком положении Эйнштейн перманентно доказывал наличие у него колоссальнейшего творческого потенциала, по максимуму сконцентрировавшись на создании новых интеллектуальных продуктов. С 1920 г. состояние здоровья этого человека характеризовалось кардинальным улучшением [5, с. 187–201].

Стартовый год истории Веймарской Германии совпал для Эйнштейна с решением второй раз жениться. Его избранница – Эльза Лёвенталь – была двоюродной племянницей матери Эйнштейна Паулины. Эльза Лёвенталь на момент бракосочетания имела двух девочек, которых, правда, Эйнштейн удочерил. Отметим также, что Паулина проведёт последние месяцы своей жизни в новой семье сына. К сожалению, состояние Паулины на момент прибытия в Берлин было таково, что вполне предсказуемой была её скорая кончина. В феврале 1920 г. Эйнштейн остался без матери, потеряв человека, которого любил до глубины души [7, с. 180–183].

Важно иметь в виду и то, что начальная фаза истории первой германской республики отмечена одним из убедительных доказательств жизнеспособности идей берлинского профессора. «Осенью 1919 г. английская экспедиция Артура Эддингтона в момент затмения зафиксировала предсказанное Эйнштейном отклонение света в поле тяготения Солнца. При этом измеренное значение соответствовало не ньютоновскому, а эйнштейновскому закону тяготения. Сенсационную новость перепечатали газеты всей Европы» [9].

Профессор не воспринимал перехода от кайзеровского рейха к республике как повод для того, чтобы вернуть себе германское гражданство, которое было у него до 1896 г. Не поднимая этого вопроса в годы Первой мировой войны, он не собирался вносить изменения в свою позицию касательно гражданства и в поствоенное время. Если бы не важная церемония в мае 1920 г. в германской и прусской столице, инициатором которой Эйнштейн никак не мог быть, он всю вторую для себя эпоху германской истории пробыл бы исключительно гражданином Швейцарии. Участниками этой церемонии были действительные члены Академии наук Пруссии, и для них данная церемония означала конституирование в качестве государственных служащих, т.е. принципиально новое место в общегерманской табели о рангах. После соответствующей присяги при сохранении прежней ситуации с гражданством возникала бы расстыковка между новым статусом и общегерманским законодательством. Она не возникла, и одним германским гражданином с двойным гражданством станет больше [7, с. 185]. Следует обратить внимание на то, что начнёт свой отсчёт первый опыт двойного гражданства у выдающегося

учёного. Далее будут и вновь одно гражданство, и вновь двойное гражданство, но неизменным останется вхождение в число граждан Швейцарии. Именно как швейцарский гражданин Эйнштейн активно позиционировал себя в качестве субъекта народной дипломатии на европейской арене. На пятом десятке у него, конечно же, хватало для этого и сил, и энергии. Субъект народной дипломатии сочетал приятное с полезным: знакомился с достопримечательностями и пропагандировал тот сегмент научных знаний, который был связан с революционными изменениями. После Старого Света имели место другие векторы в этой дипломатии: американский, индийский, китайский, японский, палестинский [8, с. 211–214].

По возвращении на родину действительный член Академии наук Пруссии Альберт Эйнштейн отмечается очередным блестящим научным результатом – «созданием в 1924–1925 гг. квантовой статистики частиц с целым спином (статистика Бозе – Эйнштейна)» [10]. «Примерно до 1926 г. Эйнштейн работал в очень многих областях физики, от космологических моделей до исследования причин речных извилин. Далее он, за редким исключением, сосредоточивает усилия на квантовых проблемах и Единой теории поля» [9]. Но учёный будет находить в своём плотном графике время и для народной дипломатии, о чём, например, свидетельствовало очередное посещение американской земли в 1931 г.

Период существования первой германской республики был отмечен и тем, что, «как личность огромного и всеобщего авторитета, Эйнштейна постоянно привлекали в эти годы к разного рода политическим акциям, где он выступал за социальную справедливость, за интернационализм и сотрудничество между странами» [9].

Известно, что положение в республике было нестабильным: наблюдались спады и подъёмы. Всё это не могло не сказаться на личной судьбе Нобелевского лауреата. Самым трудным для него стал временной промежуток с 1929 по 1933 г. По мере нарастания экономического кризиса в Веймарской Германии усиливалась политическая нестабильность, содействовавшая усилению радикально-националистических и антисемитских настроений. Участились оскорбления и угрозы в адрес Эйнштейна. После прихода к власти нацистов все труды Эйнштейна были либо приписаны «арийским» физикам, либо объявлены искажением истинной науки. Во всех научных кругах Германии развернулась бескомпромиссная расовая чистка.

Научная и общественная деятельность в период американской эмиграции

В 1933 г. Эйнштейну пришлось покинуть Германию, к которой он был очень привязан, навсегда. Вместе с семьёй по гостевой визе он выехал в Соединённые Штаты Америки. В скором времени в знак протеста против преступлений нацизма он отказался от немецкого гражданства и членства в Прусской и Баварской академиях наук [9].

На родине Джефферсона и Вашингтона вопрос о трудоустройстве был решён оперативно. Здесь он, как и в Берлине, пополнил корпус профессоров физики. Были, конечно, и отличия. Первое отличие: место работы находилось не в столице государства и даже не в столице штата. Расположенный в штате Нью-Джерси Принстон никогда не имел подобного статуса. Второе отличие: возраст заведений. Институт перспективных исследований был одним из самых молодых в США, ведя отсчёт своей истории с 1930 г., т.е. новый профессор попал в институт, когда это учебное заведение переживало начальный этап своей истории. Берлинский университет, которому герой очерка отдал без малого 20 лет своей жизни, существует с 1809 г. [6, с. 97].

Из родных для Нобелевского лауреата людей одни не оставили Старого Света, другие решили эмигрировать в США. «Старший сын, Ганс-Альберт (1904–1973), вскоре последовал за ним (1938); впоследствии он стал признанным специалистом по гидравлике и профессором Калифорнийского университета (1947). Младший сын Эйн-

штейна, Эдуард (1910–1965), около 1930 г. заболел тяжёлой формой шизофрении и закончил свои дни в цюрихской психиатрической лечебнице. Двоюродная сестра Эйнштейна, Лина, погибла в Освенциме, другая сестра, Берта Дрейфус, умерла в концлагере Терезиенштадт» [9].

Восприятие нового эмигранта американским обществом с самого начала превзошло все ожидания. За ним сразу же закрепился исключительно высокий рейтинг среди представителей научной элиты. С Нобелевским лауреатом лично встречался президент США Франклин Делано Рузвельт. Встреча меньше всего походила на чисто протокольное общение. Разговор получился достаточно обстоятельным, проходил в теплой атмосфере. Общее мнение об Эйнштейне в американском обществе можно выразить словами классика: «самый человечный человек». Эйнштейн мог наравне и запросто общаться и с сильными научного мира, и с теми, кто ещё не держал в руках учебника по физике [5, с. 453–486].

Заметим, что у объекта настоящего анализа и в период пребывания на американской земле появлялись поводы для стрессов, острых переживаний, связанные с событиями личного характера. «В декабре 1936 г. от болезни сердца умерла Эльза; тремя месяцами ранее в Цюрихе скончался Марсель Гроссман. Одиночество Эйнштейна скрашивали сестра Майя, падчерица Марго (дочь Эльзы от первого брака), секретарь Эллен Дюкас и кот Тигр. К удивлению американцев, Эйнштейн так и не обзавёлся автомобилем и телевизором. Майя после инсульта в 1946 г. была частично парализована, и каждый вечер Эйнштейн читал книги своей любимой сестре» [9].

Накануне Второй мировой войны Нобелевский лауреат совершает шаг, который оказался связанным с предысторией Манхэттенского проекта. Он, конечно, не мог не знать, что у Гитлера имеются ядерные амбиции, что нельзя исключать вероятности превращения Третьего рейха в ядерную державу. Эйнштейн был глубоко убеждён в том, что обретение статуса ядерной державы должно стать важнейшей целью государственной политики. У эмигранта из Германии оказались единомышленники из числа коллег по научному сообществу. Он вместе с ними использовал эпистолярный жанр, чтобы довести своё мнение до Рузвельта [5, с. 502–509]. Глава государства, конечно, не месяц и не два взвешивал все «за» и «против» и открыл собственный проект по созданию атомного оружия. Сам Эйнштейн в этих работах участия не принимал. Позже он сожалел о подписанном им письме, понимая, что для нового руководителя США Гарри Трумэна ядерная энергия служит инструментом устрашения. В дальнейшем он критиковал разработку ядерного оружия, его применение в Японии и испытания на атолле Бикини (1954), а свою причастность к ускорению работ над американской ядерной программой считал величайшей трагедией своей жизни» [9].

Важно отметить, что неиспользование Эйнштейна, ставшего гражданином США в 1940 г., в Манхэттенском проекте не означало, что он находился вне оборонной политики государства в период, когда его новое Отечество являлось субъектом антигитлеровской коалиции. «Во время войны Эйнштейн консультировал Военно-морские силы США и способствовал решению различных технических проблем» [9].

Герой очерка в послевоенном мире проявил свою активную гражданскую позицию. Её важнейшей составляющей стала причастность к движению сторонников мира. Нобелевский лауреат видел логику в том, чтобы самостоятельным сегментом этого движения стала организационная структура, всецело состоявшая из учёных. Название этой структуры – «Пагуошское движение учёных» – прочно вошло в учебники по новейшей истории. Исследователи этого движения обязательно указывают на его генетическую связь с манифестом Рассела – Эйнштейна. Следует иметь в виду, что при жизни Эйнштейна выражения «Пагуошское движение учёных», «Манифест Рассела – Эйнштейна» нигде и никогда не употреблялись, что сам Эйнштейн не составлял манифест,

а только подписывал. Этот документ – совместный интеллектуальный проект двух Нобелевских лауреатов – Бертрانا Рассела и Фредерика Жолио-Кюри. В начале 1955 г. они подготовили воззвание, которое содержало концептуальные основы построения мира, в котором исключалось бы применение военной силы, осуществилось бы радикальное разоружение, создавались бы прочные политические и правовые гарантии исключительно мирной направленности ядерного аспекта научной и промышленной политики ядерных держав. Воззвание было адресовано как власть имущим, так и простым людям. Авторы документа считали принципиально важным, чтобы под ним поставил свою подпись Эйнштейн, который, будучи уже тяжело больным, сделал это в середине апреля 1955 г. Примеру Эйнштейна последуют другие прославленные ученые. Всего подписантов будет 11. А 18 апреля 1955 г. Эйнштейна не стало, он умер в ставшем ему родным Принстоне.

«Манифест Рассела – Эйнштейна» был обнародован в британской столице 9 июля 1955 г. Для достижения провозглашенных в нём целей через два года в канадской деревне Пагуош впервые собралась специальная конференция [1, с. 598–601]. Читатель, знакомый с книгой последнего советского лидера Горбачёва «Перестройка и новое мышление для человечества и всего мира», конечно же, обратил внимание на заимствование автором многих идей из манифеста Рассела – Эйнштейна.

В США, как и в Германии и Швейцарии, Альберт Эйнштейн позиционировал себя в политическом спектре левее центра. Он не скрывал, что его идеалом является демократический социализм, постоянно задумывался над тем, как его достичь. Нравственным фундаментом Нобелевского лауреата был гуманизм. Его по праву можно было относить к лагерю пацифистов. Всегда вызывали восхищение антифашистские выступления великого учёного [5, с. 860–878].

«Последовательный интернационалист, он выступал в защиту прав всех угнетённых народов: евреев, индийцев, американских негров и др. Хотя изначально он считал, что еврейский очаг может обойтись без отдельного государства, границ и армии, в 1947 г. Эйнштейн приветствовал создание государства Израиль, надеясь на двунациональное арабско-еврейское решение Палестинской проблемы» [9].

Конечно, и в американский период Нобелевский лауреат проявлял себя прежде всего как учёный. В это время «Эйнштейн главные усилия направил на создание единой теории поля» [9]. Правда, ему не удалось достичь на этом направлении крупных результатов.

Заключение

Великий учёный был по достоинству оценён в самых разных странах. Об этом, например, свидетельствовало членство в национальных академиях наук, престижных научных обществах. «Эйнштейну были присвоены почётные докторские степени многочисленных университетов, в том числе Женевы, Цюриха, Росток, Мадрида, Брюсселя, Буэнос-Айреса, Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Глазго, Лидса, Манчестера, Гарварда, Принстона, Нью-Йорка (Олбени), Сорбонны» [9]. Нобелевский лауреат пополнил список почётных граждан Нью-Йорка, Тель-Авива, обладателей медалей Маттеучи, Копли, Бенямина Франклина, имени Макса Планка, золотой медали Королевского астрономического общества Великобритании. Первой наградой Эйнштейна была медаль Национальной академии наук Итальянского королевства, затем Королевского общества Великобритании, после – Института Франклина, расположенного в Филадельфии, потом – Германского физического общества. Французское астрономическое общество удостоило Эйнштейна приза Жюль Жансана. Когда в мире отмечалось столетие со дня рождения великого гражданина трёх стран, жители и гости Вашингтона стали свидетелем

лями открытия памятника, который постоянно будет напоминать о причастности Альберта Эйнштейна к американской истории 1933–1955 гг. [9].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Armin, H. Einstein. Der Weltweise und sein Jahrhundert. Eine Biographie / H. Armin. – 3-te Auflage. – München : Piper, 2004. – 635 s.
2. Laue, M. von. Albert Einstein / M. von Laue // Neue Deutsche Biographie. Band 4. – Berlin : Duncker & Humblot, 1959. – S. 404–408.
3. Neffe, J. Einstein: eine Biographie / J. Neffe. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 2005. – 450 s.
4. Böhre, T. Albert Einstein / T. Böhre. – München, 2004. – 191 s.
5. Fölsing, A. Albert Einstein / A. Fölsing. – Berlin : Suhrkamp Verlag, 1995. – 959 s.
6. Fischer, E. P. Einstein für die Westentasche / E. P. Fischer. – München : Piper, 2005. – 128 s.
7. Levenson, T. Albert Einstein – Die Berliner Jahre 1914–1932 / T. Levenson. – Gütersloh : Bertelsmann Verlag, 2005. – 542 s.
8. Seelenverwandte – Der Briefwechsel zwischen Albert Einstein und Heinrich Zangger (1910–1947) / R. Schulmann (Hrsg.). – Zürich : NZZ Libro, 2012. – 634 s.
9. Эйнштейн, Альберт – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Эйнштейн,_Альберт. – Дата доступа: 31.05.2015.
10. Храмов, Ю. А. Биография Альберта Эйнштейна (Albert Einstein) [Электронный ресурс] / Ю. А. Храмов // Физики : биографический справочник. – 1983. – Режим доступа: www.c-cafe.ru/.../000027.ph. – Дата доступа: 17.05.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.12.2015

Strelets M.V., Obukhovskaya O.A. The Phenomen of Albert Einstein: Key Moments of Modern Understanding

The present article, for the first time in the national historiography, tries to make a complex research of the scientific and public activity of the great scientist, the Nobel prizewinner, Albert Einstein. Trying to understand the phenomenon of Einstein, the authors apply both general scientific and special historic methods. Among the latter historic-systemic and historic-typological methods prevailed which allowed to reveal Einstein's profiling in the interior of realia of the end of XIX – first half of XX centuries. The authors point out that none of the outstanding physicists possessed such a variety of interests as the man who over the course of his life had been the citizen of three states. They bring the reader to conclusion that Albert Einstein is an outstanding theoretical physicist, one of the creators of the modern physics. The creation of the general theory of relativity predetermined the emergence of the qualitatively new physical picture of the world. The article also describes in detail the public activity and moral principles of the Nobel Prize Winner. The humankind had a great humanist in his person. The Russell–Einstein Manifesto, dated 1955, has not lost its topicality up to date.

УДК 930.(476)

А.А. Савіч*канд. гіст. навук, дац., дац. каф. гісторыі славянскіх народаў
Брэсцкага дзржаўнага ўніверсітэта імені А.С. Пушкіна***СЯЛЯНСКІ РУХ У ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921–1939 ГГ.
У АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ СЯРЭДЗІНЫ 1950-х – 1980-х ГГ.**

У даследаванні прадстаўлены асноўныя навукова-метадалагічныя падыходы да вывучэння і адлюстравання гісторыі сялянскага руху ў Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. беларускімі гісторыкамі 1950-х – 1980-х гг. Дэманструючы пашырэнне і паглыбленне даследуемай праблематыкі ў параўнанні з папярэднім перыядам, вучоныя не маглі выйсці за рамкі абумоўленай марксісцка-ленінскімі падыходамі і пануючай ідэалогіяй схемы. Вызначальнымі рысамі такой канцэпцыі было перабольшванне актыўнасці, палітызаванасці і рэвалюцыйнасці сялянскага руху, абумоўленасць развіцця сялянскай барацьбы станам рабочага руху і арганізацыйнымі магчымасцямі Кампартыі Заходняй Беларусі (КПЗБ), ігнараванне ролі палітычных канкурэнтаў кампарыі ў арганізацыі і правядзенні сялянска-аграрных мерапрыемстваў. На падставе разнастайных крыніц, у першую чаргу архіўных матэрыялаў, зроблена выснова аб неабгрунтаванасці, заідэалагізаванасці і тэндэнцыйнасці прыведзеных тэзісаў, падаецца карэктароўка і ўдакладненне адпаведных пазіцый.

Уводзіны

У другой палове 1950-х гг. пасля рэабілітацыі КПЗБ у час працы XX з'езда КПСС у БССР пачалася актывізацыя даследавання гісторыі Заходняй Беларусі. Асноўныя падыходы да вывучэння заходнебеларускай праблематыкі былі распрацаваны партыйна-дзржаўнымі ідэалагічнымі органамі і выкладзены на старонках партыйных выданняў [30, с. 46–47]. У гэты час набывае актуальнасць і гісторыя сялянскага руху, бо аграрнае пытанне ў Заходняй Беларусі было галоўным: абсалютная большасць насельніцтва пражывала ў сельскай мясцовасці і займалася сельскай гаспадаркай [29, с. 238]. Прыведзеная дэмаграфічная асаблівасць вымагала ад даследчыкаў звароту да праблем сельска-гаспадарчай сферы, акцэнтуючы асаблівую ўвагу на складанасцях аб'ектыўна-гістарычнага характару і звязаных з наступствам ажыццяўлення аграрнай палітыкі ўрадам Польшчы, падаючы іх як ланцуг прычын-перадумоў сялянскага руху. Аднак разам з гэтым колькасць навукоўцаў, якія паглыблена і мэтанакіравана ажыццяўлялі даследаванне пытанняў змагання сялян, фактычна абмяжоўваецца І.В. Палуянам, У.А. Палуянам і А.А. Сарокіным, а таксама суаўтарамі калектыўнай манаграфіі «Рэволюционный путь Компартии Западной Белоруссии». Гэта тлумачыцца відавочнай дыспрапорцыяй у заходнебеларускай савецкай гістарыяграфіі, якая характарызувалася пануючым становішчам гісторыка-партыйнай тэматыкі – гісторыі КПЗБ як партыі рабочага класу.

Асноўныя контуры гісторыі сялянскага руху Заходняй Беларусі ў даследаваннях айчынных гісторыкаў

Аграрна-сялянская праблематыка выкарыстоўвалася ў адлюстраванні гісторыі КПЗБ на розных этапах яе існавання і ў сувязі з ажыццяўленнем партыйнай сваёй гістарыяграфічна аформленай «шматграннай дзейнасці», таму асобныя аспекты праяваў сялянскага руху, паказаныя на старонках выданняў гэтага перыяду, садзейнічалі падмацаванню сцвярджэнняў аб авангарднай і кіруючай ролі КПЗБ, рэвалюцыйнасці заходнебеларускага сялянства ў адказ на прыгнёт, у тым ліку і ў партызанскім руху, гістарыяграфічныя аспекты якога патрабуюць асобнага прадметнага даследавання [30, с. 146–154]. Адпаведныя канцэптuallyныя падыходы панавалі ў гістарыяграфіі да пачатку 1990-х гг., вызначаючы змест навуковых даследаванняў, былі шматразова прадэманстраваны пры даследаванні сялянскага руху як часткі нацыянальна-вызваленчай барацьбы ў адпаведнасці з перыядызацыяй, канчаткова сфармуляванай У.А. Палуянам і І.В. Палуянам, якія

выдзелілі чатыры перыяды ў развіцці рэвалюцыйнага і нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі [27, с. 7–8].

Так, А.У. Царук адносна пачатку 1920-х гг. лічыў, што выступленні рабочага класа Заходняй Беларусі былі штуршком для разгортвання рэвалюцыйнай барацьбы бяднейшага сялянства, сельскагаспадарчага пралетарыяту і парабкаў. Гісторык неабгрунтавана падводзіў да думкі аб усенародным супраціўленні польскай уладзе, абсалютызуючы класавыя падыходы, даследчык эканамічныя выступленні сялян характарызаваў у большасці як «палітычныя выступленні абяздоленага народа супраць буржуазна-памешчыцкіх эксплуатацый, за ўз'яднанне з ССР» [33, с. 132]. Відавочнай зададзенасцю і схематызмам у адлюстраванні барацьбы сялян Заходняй Беларусі выдзяляецца праца Б.Я. Кухарава, адной з мэт якога быў паказ ролі КПЗБ у «рэвалюцыйнай барацьбе працоўных супраць каланіяльнага падпарадкавання буржуазна-памешчыцкай Польшчай» [12, с. 5]. Дэманструючы КПЗБ-цэнтрызм, гісторыкі як негатыўную асаблівасць сацыяльна-палітычнага становішча ў вёсцы называлі актыўную прысутнасць іншых палітычных партый, якія прываблівалі сялян сваімі праграмнымі пастулатамі. І.В. Палуян і У.А. Палуян адзначылі, што з прычыны адсутнасці КПЗБ значная частка насельніцтва ў 1921–1923 гг. аказалася пад уплывам дробнабуржуазных арганізацый і груп (беларускія эсэры, ППС, «Вызваленне» і інш.). Пры гэтым даследчыкі нават самыя звычайныя формы сялянскага свавольства (патравы памешчыцкіх пасеваў, самавольныя высечкі лесу, выпас жывёлы на памешчыцкіх лугах, падпальванне памешчыцкіх маёнткаў) абумоўлівалі уплывам камуністычнай агітацыі [27, с. 69–71]. Аднак гаварыць пра выключны аўтарытэт камуністаў сярод сялянства ў гэты час не прыходзіцца: паводле архіўных дакументаў у выглядзе справаздач кіраўнікоў КПЗБ, нават у сярэдзіне 1920-х гг. цэлыя раёны і акругі «партыі рабочага класа» спынялі сваю дзейнасць. Напрыклад, Жабінкаўскі раён, «дзякуючы сабатажу адказнага сакратара раёна амаль зусім распаўся. Распаду садзейнічаў ліст аднаго таварыша, былога функцыянера акруговага камітэта, які напісаў з турмы да іх (членаў КПЗБ. – А.С.), каб не працавалі, былі больш асяржэнымі, таму што гарадскія пралетарыяты нічога не робіць, а таму і ім не трэба рабіць» [16, арк. 13]. Так што частыя згадкі ў публікацыях пра наяўнасць і трываласць саюза рабочага класа і сялянства з'яўляюцца кан'юнктурнай нацяжкай.

Тэзіс аб вызначальным уплыве рабочых выступленняў на сялянскі рух і адначасова яго стыхійнасці да стварэння КПЗБ знаходзіў сваё далейшае пацвярджэнне пафаснымі разважаннямі аб «баявых выступленнях» рабочага класа ў гарадах, якія аказвалі рэвалюцыянізуючае ўздзеянне на сялян. Адзначаны дэтэрмінізм, паводле аўтараў калектыўнай манаграфіі па гісторыі КПЗБ, атрымліваў больш выразныя праявы пасля стварэння партыі, калі сялянскі рух пачаў набываць новыя формы барацьбы, у прыватнасці, КПЗБ у сярэдзіне 1924 г. заклікала да байкоту польскіх школ і падаткаў, адзначаючы цяжкасці, з якімі сутыкалася партыя [28, с. 60, 88–89]. У даследаваннях замоўчваюцца вызначальны ўнёсак беларускіх арганізацый, палітыкаў, дзеячаў асветы і культуры, якія неслі асноўны цяжар правядзення легальнай працы ў барацьбе за беларускія школы, абароны ад свавольства мясцовай польскай адміністрацыі [1, с. 37–64]. У 1924–1925 гг. КПЗБ не мела арганізацыйных магчымасцей аказваць уплыў на школьную справу, камуністы толькі «намацвалі» слабыя месцы ў сацыяльна-культурнай і асветніцкай палітыцы ўладаў, выкарыстоўваючы актыўнасць сялян у падачы школьных дэкларацый. Тое самае тычыцца і сервітутаў, вакол якіх разгортвалася барацьба, што выкарыстоўвалі камуністы [21, арк. 13].

Аўтары, якія закраналі пытанні сялянскага руху 1925–1927 гг., адзінадушна і небеспадстаўна адзначалі, што ў часы дзейнасці Грамады сялянскі рух узмацніўся і актывізаваўся. Пры гэтым даследчыкі перабольшвалі сацыяльна-класавыя памкненні грамадоўцаў, нівеліравалі праявы нацыянальна-дэмакратычнага і этнакультурнага характа-

ру. Уступленне шырокіх мас працоўнага сялянства ў Грамаду суправаджалася ўзмацненнем класавай барацьбы ў вёсцы, як адзначылі, напрыклад, І.В. Палуян і У.А. Палуян [25, с. 123–125; 27, с. 98]. Нягледзячы на відавочнае дамінаванне ў нацыянальна-вызваленчым руху БСРГ, а ў ёй – беларускіх сялян, даследчыкі не адмаўляліся ад укаранёнага тэзіса аб авангардзе і гегемоне рэвалюцыйнага руху КПЗБ і рабочым класе. Аўтары неабгрунтавана пашыралі праявы камунітычнага ўплыву ў вёсцы, сяляне як быццам бы пад уплывам агітацыі кампартыі і Грамады перасталі купляць зямлю нават па больш прывабнай цане, што, безумоўна, не адпавядала тагачаснай рэчаіснасці. Нават актывісты кампартыі не адмаўляліся ад выгод польскай ўлады, адыходзілі ад удзелу ў апазіцыйнай дзейнасці, сяляне: «Элементы не вытрыманыя, няўстойлівыя, шукаюць шляхі, як бы ўладкавацца ў рамках існуючай дзяржавы. На гэтай глебе ў адной з вёсак Баранавіцкай акругі, не атрымаўшы ніякай дапамогі ад урада за іх “бальшавізм”, вырашылі крыху “супакоіцца”» [21, арк. 12, 14, 17].

Трэба прызнаць справядлівасць выказванняў У.А. Палуяна пра павелічэнне колькасці выступленняў сялян пад уплывам агітацыі БСРГ у канцы 1926 – пачатку 1927 гг., аб чым неаднойчы афіцыйна паведамлялі польскія ўлады. У.А. Палуян бачыў у гэтым наспяванне рэвалюцыйнай сітуацыі [25, с. 179]; ва ўнісон яму А.А. Сарокін, у прыватнасці, гаварыў пра ўзмацненне байкатысцкіх і нават паўстанцкіх настрояў сярод сялян [31, с. 123]. Але разважанні пра рэвалюцыйную сітуацыю з’яўляюцца перабольшваннем, і гаварыць пра ўсенародны характар апазіцыйных праяваў сялянства Заходняй Беларусі не даводзіцца. У дакументах за 1926 г. прыводзяцца звесткі пра пасіўнасць мясцовага жыхарства, сцвярджаецца, што беларусы «не праявілі сябе ў грамадска-палітычным жыцці... Настрой да дзіва берны і не выяўляе відавочных ці заканспіраваных выступленняў» [6, арк. 32, 57, 87]. Рашучы палітычны настрой, які дэманстравалі сяляне, быў абумоўлены агітацыяй КПЗБ і падкантрольных ёй актывістаў БСРГ, якія, аднак, не маглі на свой бок схіліць пераважную большасць сялянства. Гэта разумела і бальшавіцкае кіраўніцтва, якое курс на ўзброенае паўстанне ў Заходняй Беларусі ў тагачасных палітычных умовах лічыла бесперспектыўным, стрымліваючы паўстанцкія настроі ў КПЗБ і Грамадзе [23].

Адносна арганізаванага сялянскага руху трэба мець на ўвазе настойлівае імкненне савецкіх гісторыкаў на фоне сцвярджаемай імі кіруючай ролі КПЗБ і Грамады замоўчваць дзейнасць іншых партый, якія дзейнічалі ў Заходняй Беларусі ў 1920–1930 гг. і мелі падтрымку сялян [11; 29, с. 334–392]. Гэта тычыцца і беларускіх арганізацый, пра актывізацыю якіх у сялянскім асяродку паведамляюць крыніцы. Матэрыялы Прадстаўніцтва ЦК КПЗБ утрымліваюць інфармацыю пра стварэнне пад кіраўніцтвам паслоў Бона, Шакуна, Шапеля, якія выйшлі з НПХ, «згодніцкай партыі» пад назвай «Радыкальная Сялянская партыя беларускіх зямель». Сцвярджаецца, што «гэтыя нікчэмныя здраднікі», да якіх аднесены таксама Ф. Ярэміч і В. Рагуля і Беларускі сялянскі саюз (БСС), Я. Станкевіч і «Беларуская сялянская партыя», БХД, «Саюз дробных землеўласнікаў» «пачынаюць развіваць узмоцненую дзейнасць сярод беларускага сялянства, намагаючыся адарваць ад саюза з пралетарыятам» [19, арк. 82]. Ёсць звесткі пра пераход былых членаў БСРГ у гурткі БСС: напрыклад, былы сакратар гуртка БСРГ у в. Малая Угрынь Дзярэчынскай гміны арганізаваў гурток БСС, у склад якога ўвайшлі дзесяць былых грамадоўцаў [5, арк. 1].

Савецкая гістарыяграфія адстойвала тэзіс аб інтэрнацыянальным адзінстве на сельніцтва Заходняй Беларусі, у першую чаргу беларусаў і палякаў. Адлюстраванне гэтых сюжэтаў у найбольш завершаным выглядзе атрымала ў даследаваннях А.М. Мацко і С.У. Кабяка, якія, у прыватнасці, звярнулі ўвагу на ўзаемадзеянне КПЗБ і Незалежнай партыі хлопскай, што выдзелілася з левага крыла «Вызвалення» [10, с. 46–47; 15, с. 89]. Але інтэрнацыянальныя памкненні беларусаў і палякаў («паноў», асаднікаў), нават

на прыкладзе КПЗБ і НПХ, ілюстраваць будзе вялікай нацяжкай з-за выключнай ролі Камінтэрна ў стварэнні НПХ, як і Грамады, як леварадыкальных партый, у арганізацыі пракамуністычнага сялянска-антыўрадавага руху ў Польшчы [22, арк. 71].

Справядліва адзначаючы спад сялянскага руху і палітычнай барацьбы ў 1928–1929 гг. у параўнанні з перыядам Грамады, І.В. Палуян і У.А. Палуян акцэнтавалі ўвагу на існаванні і легальнай дзейнасці арганізацый «Змаганне» і ТБШ пад кіраўніцтвам КПЗБ [27, с. 147–149]. Але вырашальны ўдзел КПЗБ з яе раскольніцкай роляй у дачыненні да беларускага пытання, у прыватнасці, ТБШ, у сялянскім руху не пацвярджаецца крыніцамі, наадварот, яны сведчаць, што ў маі 1929 г. Сялянскае бюро ЦК КПЗБ падкрэслівала «зусім недастатковую ўвагу з боку большасці акруговых партарганізацый да пытанняў сялянскай працы, вялікую слабаць і нязначную актыўнасць большасці сялянскіх партарганізацый» [17, арк. 466].

Сусветны эканамічны крызіс нанёс адчувальны ўдар па сельскай гаспадарцы Заходняй Беларусі і садзейнічаў актывізацыі сялянскага руху, рэвалюцыйныя праявы якога І.В. Царук абумовіла «ўплывам буйных баёў пралетарыяту». Падкрэсліваючы вырашальны ўплыў на сялян КПЗБ, аўтар сцвярджала, што з 1932 г. сялянскі рух развіваўся пад лозунгамі КПЗБ, пачаў пераадольваць раз'яднанне, пераходзіць да масавых выступленняў і перарастае ў асобных выпадках ва ўзброеную барацьбу [34, с. 52–53]. Пагаджаючыся ў цэлым з гэтым, І.В. Палуян адзначыў розныя формы барацьбы сялянскіх мас, падводзячы гістарычны падзеі пад пануючую гістарыяграфічную схему. Канцэптуальна гэта мела на ўвазе падпарадкаванне аграрных выступленняў актыўнасці КПЗБ і яе кампаніям, у прыватнасці, антыпадаткавай барацьбе пад лозунгам «Ні граша падаткаў фашысцкаму ўраду голада, беспрацоўя, тэрору і вайны». У працы ў вёсцы КПЗБ абаяпіралася на сялянскія камітэты [24, с. 44, 47], аднак пасіўнасць сялянства, пільны кантроль і своечасовыя дзеянні паліцыі абумовілі слабую эфектыўнасць і абмежаванасць адпаведных акцый [4, арк. 15].

Палітычная рознаскаіраванасць і эканамічная абумоўленасць аграрных выступленняў вымушалі гісторыкаў казаць аб разрозненасці і слабой арганізацыі сялянскага руху [27, с. 169, 186]. У пачатку 1930 гг. КПЗБ не магла забяспечыць адчувальнага ўплыву на сялянства, бо самі знаходзіліся ў занятым стане ў сувязі з поспехамі паліцэйскіх органаў у барацьбе з «падрыўнымі элементамі» [8; 9]. Да таго ж разрозненыя выступленні маглі быць вынікам агітацыі з боку партый – палітычных канкурэнтаў КПЗБ, не кажучы пра актывізацыю беларускай культурна-асветніцкай справы. У 1933 г. справаздачы паліцыі адзначаюць актыўнасць арганізацый БІГіК, «Рунь», Беларускага дабрачыннага таварыства, якія ладзілі мерапрыемствы з удзелам дзясяткаў і соцень асобаў [9, арк. 16, 16адв., 46адв.–47адв.].

Думкі пра абвастрэнне ў перыяд эканамічнага крызісу класовай барацьбы ў вёсцы і вышэйзгаданыя падыходы і высновы па пытаннях сялянскага руху ў 1929–1933 гг. выказвалі І.В. Палуян і У.В. Палуян, аўтары калектыўнай манаграфіі па гісторыі КПЗБ і іншыя гісторыкі. У аснову аналізу сялянскага руху даследчыкі ставілі нават не выступленні сялян, а дэкларацыі КПЗБ, якая толькі планавала адпаведныя акцыі. Як было адзначана 19 верасня 1931 г. на пасяджэнні Прадстаўніцтва ЦК КПЗБ, «у сувязі з палітычным эканамічнага крызісу мы маем паўсюдна нарастанне сялянскай барацьбы. ... У большай частцы гэтая барацьба сялянскіх мас праходзіць стихійна. Толькі на асобных участках мы мелі арганізаваную партыяй каардынаваную працу». Рашуча не змянілася сітуацыя і вясной 1933 г.: «Партарганізацыі слаба рэагуюць на падзеі, не надаюць дастатковай увагі арганізацыі барацьбы мас на падставе паўсядзённых патрэб», «не скрапулася з месца арганізацыя барацьбы сельскагаспадарчых рабочых» [17, арк. 6, 385].

Даследчыкі ігнаравалі звесткі аб спробах камуністаў ствараць сялянскія камітэты разам з іншымі партыямі, якія мелі ўплыў у вёсцы. Для стварэння «баявога фронту

беспрацоўных вёскі» камуністы планавалі арганізаваць камітэты беспрацоўных, стварыць «сетку адзінафронтавых камітэтаў у вёсках, злучэнне іх у гмінныя і павятовыя камітэты». Але камуністаў не падтрымалі легальныя партыі, бо такія камітэты павінны былі арганізоўваць, у тым ліку, рабаўніцтва дзяржаўнай і прыватнай маёмасці ў выглядзе харчовых складоў, цягнікоў і інш. [4, арк. 14].

Аўтары сцвярджалі, што ў 1929–1930 гг. пад кіраўніцтвам антыкамасацыйных камітэтаў, створаных КПЗБ, партыя паспяхова кіравала барацьбой сялян супраць хутарызацыі і ліквідацыі сервітутаў [28, с. 218–219]. Адзначаючы слабую доказнасць аўтараў і адсутнасць канкрэтыкі ў дзейнасці партыі і адпаведных камітэтаў, заўважым, што польскія ўлады не фарсіравалі правядзенне названых пераўтварэнняў, іх дзеянні былі гнуткімі і асцярожнымі. «Ужо ў многіх месцах прайшлі ўсе тэрміны камасацыі, але фашысцкі ўрад адклаў правядзенне камасацыі, не жадаючы занадта абвастраць становішча. У іншых месцах фашысты ідуць на такі манеўр, каб разбіць адзіны фронт працоўных. Яны бяруць самых рэвалюцыйна настроеных сялян, якія з’яўляюцца правадырамі ў барацьбе супраць камасацыі, і выдзяляюць ім больш урадлівых ўчасткі зямлі», – паведамляў функцыянер КПЗБ [17, арк. 15].

У духу партыйных пастановаў даследчыкі дэкларавалі пашырэнне ў 1929–1933 гг. працы КПЗБ у вёсцы. Сцвярджалася думка пра значнае ўзмацненне дзейнасці партыі па стварэнні прафсаюзнай апазіцыі ў прафсаюзах, якія знаходзіліся пад уплывам ППС і «Вызвалення», па арганізацыі самастойных прафсаюзаў там, дзе іх не было, пра пачатак «шырокага ўцягнення» ў сельскія партарганізацыі пралетарыяў і паўпралетарыяў вёскі. Усе гэтыя мерапрыемствы, на думку гісторыкаў, садзейнічалі ўздыму рэвалюцыйных настрояў сярод сельскагаспадарчых рабочых [28, с. 216–219]. Аднак трэба адзначыць, што прыведзеныя выказванні не адлюстроўвалі рэаліі тагачаснага грамадска-палітычнага стану ў вёсцы. Нават у 1933 г. сяляне ў асноўным не дэманстравалі рэвалюцыйнай актыўнасці: дакументы часта гавораць пра «бернасць (пасіўнасць – А.С.) неарганізаванай палітычна і грамадска беларускай меншасці» [8, арк. 9адв.]. Прыведзеныя даследчыкамі ўспышкі лакальных сялянскіх выступленняў накшталт Асташынскага і Навасёлкаўскага, актыўнага ўдзелу ў забастоўцы сялян – лясных рабочых Белавежскай пушчы, разрэкламаваныя камуністычнай прапагандай як бліскучыя праявы рэвалюцыйнага сялянскага бунту, былі вынікам мэтанакіраванай дзейнасці камуністаў па інспірацыі рашучых настрояў сярод вясковага насельніцтва. КПЗБ выкарыстоўвала незадаволенасць сялянства пагаршэннем яго эканамічнага становішча, ажыццяўляла арганізацыйныя мерапрыемствы, накіраваныя на актывізацыю і радыкалізацыю сялянскіх выступленняў [2, арк. 26, 29; 3, арк. 22–24; 4, арк. 4, 14, 15, 16, 35]. Напрыклад, характэрнай рысай забастоўкі лясных рабочых і сялян-возчыкаў Белавежскай пушчы была наяўнасць легальнага прафсаюза «Саюз малазямельных сялян», які быў створаны па ініцыятыве ППС і аб’ядноўваў значную колькасць лясных рабочых і сялян-возчыкаў [32, с. 115]. Менавіта пэпэсаўскаму прафсаюзу належала кіруючая роля ў пачатку забастоўкі. Але актыўнасць у ёй камуністычных агітатараў, якая былі накіравана на абвастрэнне сітуацыі, у рэшце рэшт прывяла да роспуску сялянскага прафсаюза, «лясная адміністрацыя пачала адступаць ад запісаных у калектыўнай дамоўце ўмоў», якія адлюстроўвалі саступкі на карысць сялян, атрыманых у час змагання [32, с. 123].

Дэструктыўныя дзеянні камуністаў выяўляюцца і ў паўстанні ў Навасёлках Кобрынскага павета ў жніўні 1933 г., падзеі якога даследчыкі ўціснулі ў загадзя вызначаную схему пра нястачы і цяжкасці сялянскага жыцця ва ўмовах абвастрэння крызісу, абурэнне прыгнётам польскай улады [14, с. 34; 26, с. 201–203; 28, с. 283; 32, с. 124–125], запісваючы ў актыў камуністаў арганізацыйнае кіраўніцтва паўстаннем, называючы яго кульмінацыйным момантам сялянскага руху ў гады крызісу, відавочную правакацыйнасць функцыянераў КПЗБ падаючы як прыклад «самаахвярнай барацьбы». Гаварыць

пра чыста сялянскую самарганізацыю ў справе наладжвання паходу-дэманстрацыі, што прывёў да т.зв. паўстання ў Навасёлках, не прыходзіцца. У гэты час на Кобрыншчыне сваю актыўную дзейнасць праводзілі функцыянеры КПЗБ, якія на падпольных сходах сцвярджалі пра хуткае набліжэнне ў Польшчы рэвалюцыі. Але яшчэ ў студзені 1933 г. паліцыі праз сваіх агентаў і канфідэнтаў было вядома, што камуністы ў якасці асновы акцыі на вёсцы плануюць арганізоўваць масавыя мерапрыемствы ў выглядзе сходаў, масовак, паходаў да гмінных рад, павятовых сеймікаў, галадовак і антыкамасацыйных кампаній пад лозунгам «Ідзіце да абшарніцкіх свёрнаў, забірайце хлеб і дзяліце паміж сялян» [2, арк. 22–24; 3, арк. 29].

Разнастайныя архіўныя дакументы адзначаюць павелічэнне колькасці інфарматараў і правакатараў у першай палове 1930-х гг., якія паралізавалі падпольную дзейнасць КПЗБ на вёсцы. Часта сустракаліся выпадкі, калі нізавыя кіраўнікі партыі і камсамола пасля арышту і допытаў у паліцыі адмаўляліся ад сваіх партыйных перакананняў, «падпісалі дэкларацыі на канфідэнтаў ці адкрыта сталі правакатарамі», «ёсць ячэйкі, якія пагалоўна перайшлі на службу паліцыі» [18, арк. 12; 30, с. 139]. Гэта сведчыла пра страту былымі апанентамі польскага рэжыму, прыхільнікамі камуністычных ідэалаў, ілюзій, звязаных з магчымасцю і жаданнем савецкага кіраўніцтва ажыццявіць «сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне» Заходняй Беларусі. Валютарызм камуністычных правадыроў, грэбаванне імі агульнаначалавечымі каштоўнасцямі ў Заходняй Беларусі, гвалтоўная калектывізацыя, арышт і фізічнае знішчэнне правадыроў беларускага нацыянальна-вызваленчага руху ў БССР канчаткова пераконвалі сялян у памылковасці сваіх папярэдніх сацыяльна-палітычных уяўленняў пра «сацыялістычны рай».

Відавочны спад сялянскага руху ў Заходняй Беларусі ў канцы 1933–1935 гг. выявіўся ў памяншэнні колькасці і працягласці выступленняў сялян, у скарачэнні колькасці іх удзельнікаў, у паслабленні рэвалюцыйнай вастрыні гэтых выступленняў, у зніжэнні палітычнай актыўнасці сялянскіх мас. Ідэя яднання на глебе адзінага фронту з удзелам камуністаў не выклікала асаблівага аптымізму ў шэрагах былых палітычных апанентаў [30, с. 141]. Што да праяў апазіцыйнага руху, то іх трэба тлумачыць абвастрэннем супярэчнасцей у заходнебеларускай вёсцы, звязаных з працэсамі сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў, якія суправаджаліся свавольствам мясцовых чыноўнікаў і прадпрымальнікаў, як, напрыклад, падзеі Нарачанскага паўстання. Камуністы, выкарыстоўваючы звычайную тактыку дапасавання да вострых падзей, на іх фоне дэманстравалі сваю прысутнасць. Выступленне нарачанскіх рыбакоў дало падставы даследчыкам пацвердзіць схему, яны акцэнтавалі ўвагу на ажыўленні сялянскага руху на фоне ўзмацнення барацьбы рабочага класа на чале з КПЗБ, гаварылі пра адзінадушнасць сялян-рыбакоў, нягледзячы на прысутнасць сярод іх штрэйкбрэхераў [32, с. 147–154; 28, с. 343–345].

Вучоныя рабілі штучныя абагульненні, прыцягваючы адзінкавыя, лакальныя падзеі на агульнакраявы ўзровень. Па меркаванні гісторыкаў, КПЗБ накіроўвала выступленні сялян у рэчышча арганізаванай барацьбы, якая нярэдка прыводзіла да масавых выступленняў сялян цэлых вёсак. З гэтым нельга пагадзіцца, бо своеасаблівая стагнацыя ў жыцці партыі пасля першых рэпрэсій у дачыненні да кіраўніцтва ў 1936 г. такія поспехі рабіла немагчымымі. Адзінкавыя праявы сялянскага свавольства наўрад ці можна ўстаўляць у рамках «арганізаванай барацьбы» пад кіраўніцтвам КПЗБ, у тым ліку «палітычных выступленняў у форме палітычных сходаў, масовак і дэманстрацый» [27, с. 193–194, 206–210, 217]. Так, «рэвалюцыйны ўздым 1936–1938 гг.», пра які ахвотна гаварылі вучоныя, асноўным зместам меў эканамічную барацьбу, у цэнтры якой была арганізаваная «Стронніцтвам людovým» сялянская забастоўка 1937 г. Пры гэтым гісторыкі называлі дэструктыўнымі дзеянні палітычных канкурэнтаў КПЗБ, у першую чаргу «Стронніцтва людовае» [13, с. 119; 28, с. 369–373].

Заклучэнне

Такім чынам, у другой палове 1950-х – 1980-я гг. гісторыя сялянскага руху ў Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. атрымала значную ўвагу даследчыкаў. Гісторыкі, адзначаючы перыяды актывізацыі і спаду сялянскага руху, адмовіліся ад тэзіса 1920–1930-х гг. пра яго няспыннае ўзрастанне. Адзінадушша аўтараў назіралася ў наданні КПЗБ кіруючай ролі ў сялянскім руху, які залежаў ад палітыкі кампартыі і яе актыўнасці ў розныя перыяды. Гісторыкі вымушаны былі шукаць пацвярджэнне рэвалюцыйнасці сялянскага руху, абумоўліваючы яго актыўнасць уплывам рабочага класа. Найважнейшай умовай паспяховага разгортвання рэвалюцыйнай барацьбы, на думку даследчыкаў, было існаванне саюза рабочых і сялян, за стварэнне і ўмацаванне якога КПЗБ пастаянна вяла барацьбу. Паказальным вынікам гэтай працы было стварэнне пад кіраўніцтвам КПЗБ масавых рэвалюцыйна-дэмакратычных арганізацый БСРГ і «Змагання», якія і былі асноўнай арганізацыйнай формай саюзу рабочага класа і сялянства. Абсалютызуючы ролю КПЗБ, вучоныя ігнаравалі асаблівасці гістарычнага развіцця самой партыі і яе цяжкасці па забеспячэнні трывалага ўплыву на сялян, і ўдзел іншых партый у арганізацыі сялянскага руху.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : манаграфія / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2008. – 319 с.
2. Квартальные и месячные отчеты Брестской поветовой коменды госполиции об общественно-политическом движении на территории данного повета // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 92. Воп. 1. Спр. 65.
3. Информация поветовой коменды и переписка с постерунками о деятельности подпольной коммунистической организации в Столинском повете // ДАБВ. – Ф. 2028. Воп. 1. Спр. 38.
4. Информация поветовой коменды о деятельности подпольной коммунистической организации, о наблюдении за отдельными гражданами и др. // ДАБВ. – Ф. 2028. Воп. 1. Спр. 246.
5. Сообщение Слонимского поветового староства о вступлении бывших членов Белорусской Рабоче-Крестьянской Громады в Белорусский крестьянский союз // Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 1028.
6. Месячные отчеты о заводском и общественно-политическом движении на территории Лидского повета за 1926 г. // ДАГВ. – Ф. 200. Воп. 2. Спр. 8.
7. Месячные отчеты об общественно-политическом движении и обеспечении государственной безопасности на территории Лидского повета (1933 г.) // ДАГВ. – Ф. 200. Воп. 2. Спр. 9.
8. Оперативные сводки Новогрудского воеводского управления Министерства внутренних дел об общественно-политическом движении на территории воеводства за 1-е полугодие 1933 г. // ДАГВ. – Ф. 200. Воп. 2. Спр. 12.
9. Оперативные сводки Новогрудского воеводского управления Министерства внутренних дел об общественно-политическом движении за 2-е полугодие 1933 г. // ДАГВ. – Ф. 200. Воп. 2. Спр. 13.
10. Кобяк, С. В. Под знаменем пролетарской солидарности. Компартия Западной Белоруссии в борьбе за сплочение трудящихся (1923–1929 гг.) / С. В. Кобяк. – Минск : Беларусь, 1979. – 142 с.
11. Кривуць, В. І. Барацьба за маладое пакаленне Заходняй Беларусі і праўрадавы маладзёжны рух (1926–1939 гг.) : манаграфія / В. І. Кривуць. – Баранавічы : РВА БарДУ, 2013. – 272 с.

12. Кухарев, Б. Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / Б. Е. Кухарев ; под науч. ред. проф. И. Н. Шемякина. – Минск : Выш. шк., 1975. – 112 с.
13. Ладысев, В. Ф. В борьбе за демократические права и свободы: Из исторического опыта Компартии Западной Белоруссии. 1926–1938 гг. / В. Ф. Ладысев. – Минск : Беларусь, 1988. – 189 с.
14. Мацко, А. Н. Борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против фашизма (1933–1939 гг.) / А. Н. Мацко. – Минск : Изд-во АН БССР, 1963. – 206 с.
15. Мацко, А. Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918–1939 гг.) / А. Н. Мацко. – Минск : Беларусь, 1972. – 335 с.
16. Отчеты и корреспонденция Брестского окружного комитета КПЗБ и КСМЗБ // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 242п. Воп. 1. Спр. 26.
17. Отчеты, резолюции, информации и письма ЦК КПЗБ и переписка краевого бюро ЦК КПЗБ с Представительством и округами о положении в КПЗБ // НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 1. Спр. 47.
18. . Отчеты, информации и материалы опроса работников Новогрудского округа о состоянии работы партийных и комсомольских организаций // НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 1. Спр. 57.
19. Материалы организационного состояния и массовой работы «Громады» и списки кружков «Громады» (1926–1927) // НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 1. Спр. 103.
20. Отчеты, информации, письма и материалы опроса работников Белостокского округа о состоянии работы партийных организаций, о забастовке лесных рабочих и др. // НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 1. Спр. 426.
21. Месячные отчеты ЦК Компартии Западной Белоруссии (1925 г.) // НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 2. Спр. 61.
22. Информация (ЦК Компартии Западной Белоруссии) об аграрном вопросе в Западной Белоруссии и др. // НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 2. Спр. 66.
23. Докладная записка ЦК Компартии Польши и Западной Белоруссии в ИККИ «О повстанческих настроениях в Западной Белоруссии и задачах КПЗБ». 1-й комплект (1927) // НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 2. Спр. 128.
24. Палуян, І. В. Сялянскі рух у Заходняй Беларусі ў 1932–1933 гадах / І. В. Палуян // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1960. – № 1. – С. 42–54.
25. Палуян, У. А. Беларуская сялянска-рабочая Грамада / У. А. Палуян. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – 224 с.
26. Полуян, В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.) / В. А. Полуян. – Минск : Наука и техника, 1978. – 359 с.
27. Полуян, В. А. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. / В. А. Полуян, И. В. Полуян. – Минск : Госиздат, 1962. – 222 с.
28. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / А. Н. Мацко [и др.] ; под ред. А. Н. Мацко и В. Е. Самутина. – Минск : Беларусь, 1966. – 403 с.
29. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. наука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.
30. Савіч, А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): гістарыяграфія праблемы : манаграфія / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2012. – 288 с.
31. Сорокин, А. А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 201 с.

32. Сорокин, А. А. Революционное и освободительное крестьянское движение в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск : БГУ, 1970. – 171 с.

33. Царюк, А. В. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за свое освобождение (1921–1927 гг.) / А. В. Царюк // Сб. науч. работ БГУ имени В. И. Ленина. – Минск : БГУ, 1958. – Вып. 1 (40). – С. 113–138.

34. Царюк, И. О. КПЗБ в борьбе за интернациональное воспитание трудящихся (1929–1933 гг.) / И. О. Царюк // Сб. науч. работ БГУ имени В. И. Ленина. – Минск, 1958. – Вып. 1 (40). – С. 39–59.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.12.2015

Savich A.A. The Peasant Movement in Western Belarus in 1921–1939 in Belarusian Historiography in mid 1950s – 1980s

The research reflects the main scientific and methodological approaches to the study and reflection of history of the peasant movement in Western Belarus in 1921–1939 by Belarusian historians of the 1950s–1980s. Demonstrating the expanding and deepening of the study of the problems from the previous period, the researchers were unable to go beyond the agreed Marxist-Leninist ideology of the dominant approaches and schemes. The determining theses of this concept was an exaggeration activity, politicized and revolutionary of peasant movement, dependent on the state of the workers' actions caused by the state of the development of peasant struggles and organizational capacity of the Communist Party of Western Belarus, ignoring the role of the political rivals of the Communist Party in organizing and conducting of the peasant-agrarian activities. Based on a variety of sources, primarily archival materials, concluded unfounded and biased given theses carried out adjustment and clarification of the respective positions.

УДК 94(470)«1875/1914»:352.075:364.662–54(476)

Н.С. Моторова

*канд. ист. наук, доц., доц. каф. всеобщей истории и мировой культуры
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ (1875–1914 гг.)

В статье проанализировано взаимодействие органов местного самоуправления и благотворительных обществ белорусско-литовских губерний в 1875–1914 гг. Оно осуществлялось через создание и финансирование различных учреждений по оказанию помощи взрослым и детям. Отмечено, что органы местного самоуправления широко практиковали выделение денежных пособий благотворительным обществам для содержания этих учреждений. Подобная практика не налагала на них никаких дополнительных обязательств, но в то же время обеспечивала своевременную помощь нуждавшимся в ней. В свою очередь, благотворительные общества представляли органам самоуправления отчеты о деятельности своих учреждений, вводили в состав правлений представителей городов и земств. Это послужило основой для создания оригинальной модели социальной помощи населению, основанной на принципах сотрудничества и взаимодействия общества и государства.

Введение

После отмены крепостного права в 1861 г. правительство Российской империи столкнулось с необходимостью оперативно решать проблемы, которые возникали в социальной сфере. К ним относились борьба с нищенством, организация призрения сирот и престарелых, оказание помощи малоимущему населению и т.п. Для их эффективного решения государство делегировало часть своих полномочий в социальной сфере местному самоуправлению. В то же время на местах функционировали частные благотворительные общества, которые также принимали активное участие в организации помощи нуждавшемуся населению. В новых условиях органы местного самоуправления и частные благотворительные общества были вынуждены координировать свою деятельность, искать наиболее эффективные формы сотрудничества.

В отечественной историографии проблема взаимодействия органов местного самоуправления и благотворительных обществ белорусско-литовских губерний не получила должного освещения. Частично она затрагивается в монографии С.Ф. Шимуковича «Благотворительность в Беларуси в конце XIX – начале XX века». Однако эта работа посвящена анализу деятельности государственных и частных благотворительных учреждений на территории Беларуси в ее современных границах.

Цель данной статьи состоит в целостном анализе взаимодействия органов местного самоуправления и благотворительных обществ белорусско-литовских губерний в 1875–1914 гг. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: проследить процесс становления системы органов местного самоуправления и их полномочий в сфере общественного призрения; охарактеризовать развитие системы частных благотворительных обществ на территории региона; показать основные формы взаимодействия органов самоуправления и благотворительных обществ при оказании помощи детям; выявить формы совместной деятельности по оказанию помощи взрослым.

Формирование системы местного самоуправления на территории региона и ее функции в сфере общественного призрения

В 1875 г. на территорию белорусско-литовских губерний было распространено действие Городового положения 1870 г., что положило начало формированию качественно новой системы местного самоуправления в городах. Городские власти должны

были заботиться о благосостоянии местного населения и открывать за свой счет благотворительные заведения [1, с. 823]. В 1892 г. в силу вступило новое Городовое положение. В нем указывалось, что к обязанностям органов городского самоуправления относилось «попечение о призрении бедных и о прекращении нищенства; устройство благотворительных ...заведений и заведование ими» [2, с. 433].

В 1903 г. на территории трех белорусских губерний (Витебской, Минской и Могилевской) были созданы управления по делам земского хозяйства. В их ведение были переданы благотворительные заведения, которые ранее подчинялись приказам общественного призрения. К их обязанностям было также отнесено «попечение о призрении бедных, неизлечимо больных и умалишенных, а также сирых и увечных» [3, с. 338–339]. Аналогичная норма содержалась и в Положении о губернских и уездных земских учреждениях, действие которого было распространено на территорию Витебской, Минской и Могилевской губерний в 1911 г. [4, с. 495; 5, с. 170].

Расширение сети благотворительных обществ на территории белорусско-литовских губерний

На территории региона функционировали разнообразные благотворительные общества, которые выполняли основные функции по оказанию помощи нуждавшемуся населению. Первые из них начали появляться еще в годы правления Александра I. Однако, как справедливо отметил белорусский исследователь С.Ф. Шимукович, процесс создания таких обществ был затруднен. Для их открытия требовалось получить разрешение императора через Кабинет министров [6, с. 20].

В 1862 г. эта процедура была значительно упрощена. При утверждении устава Оренбургского общества вспомоществования бедным в законодательном порядке был изменен общий порядок учреждения благотворительных обществ. Эти вопросы были переданы в компетенцию МВД [7, с. 26]. Дальнейшее упрощение процедуры открытия благотворительных обществ было связано с утверждением «Примерного устава Общества пособия бедным» 10 июля 1897 г. С этого времени губернаторы получили право без предварительного согласования с МВД разрешать учреждение тех обществ, которые приняли указанный устав в качестве образца. Это касалось как христианских, так и еврейских благотворительных обществ [6, с. 23–24].

Дальнейшему распространению благотворительных обществ способствовало издание «Временных правил о союзах и обществах» от 4 марта 1906 г. Отныне они могли учреждаться «без испрошения на то разрешения правительственной власти» [8, с. 201]. Однако в своей деятельности общества не могли преследовать политических целей. Дела по открытию, регистрации, запрету и закрытию обществ были переданы в губернские или областные присутствия. Для учреждения общества достаточно было подать заявление на имя губернатора или градоначальника, которое затем передавалось на рассмотрение присутствия. В соответствии с указанными целями обществ было разрешено открывать учреждения и предприятия, устраивать чтения, спектакли, концерты, благотворительные базары, собирать пожертвования и пр. [8, с. 202–203].

В целом на протяжении второй половины XIX – начала XX в. наблюдалась либерализация законодательства, которое регулировало деятельность благотворительных обществ. Это создавало благоприятные условия для увеличения их числа и расширения объемов помощи. По данным за 1903–1904 г., на территории белорусско-литовских губерний функционировали 250 благотворительных обществ различной направленности. Главными направлениями их деятельности были выплата пособий малообеспеченному населению и содержание различных благотворительных заведений как для детей, так и для взрослых, о чем свидетельствует структура их расходов. В начале XX в. при сово-

купном доходе, превышавшем 780 тыс. руб., благотворительные общества региона на содержание благотворительных учреждений затратили более 234 тыс. руб. (35,9% всех расходов), на оказание помощи вне заведений – более 196 тыс. руб. (30% всех расходов) [9, с. 6–9, 22–23, 36–37, 48–51].

Организация благотворительной помощи детям

На территории белорусско-литовских губерний находились разнообразные учреждения, в которых оказывалась помощь детям: приюты, дневные ясли и т.п. Преимущественно они были в ведении благотворительных обществ и содержались за их счет. В свою очередь, органы местного самоуправления с момента своего основания старались оказывать содействие благотворительным обществам в организации призрения детей.

Один из ярких примеров взаимодействия органов самоуправления и благотворительных обществ в этом направлении представляет собой история детского приюта в Витебске. В 1878 г. Витебская городская дума на основании предложения губернатора П.Я. Ростовцева приняла в свое ведение учрежденное Благотворительным обществом заведение для призрения бедных сирот [10, л. 530, 557]. Приют находился под патронажем городских властей до 1900 г., пока Витебское общество попечения о детях не выступило с инициативой его переподчинения при сохранении прежнего механизма финансирования (существование приюта было обусловлено ежегодным отчислением из городских средств 1 676 руб., из коробочных сумм – 2 000 руб.). Обсудив этот вопрос на заседании 26 января 1900 г., Городская дума приняла решение передать приют в заведование Общества, продолжив при этом выделять средства на его содержание. Общество же должно было обеспечить воспитание и обучение грамоте и ремеслам не менее 30 мальчиков и представлять ежегодные отчеты о расходах. При решении вопросов, касавшихся приюта, на заседания Правления должен приглашаться городской голова [11, л. 48–50]. Однако уже в 1905 г. Витебское общество попечения о детях отказалось от заведования приютом и выразило готовность вернуть его в ведение города. Городская дума приняла решение передать его Благотворительному обществу, сохранив при этом пособие на его содержание в размере 3 500 руб., если в приюте будет не менее 30 воспитанников. Также было решено избирать представителя от города для участия в заседаниях Благотворительного общества при обсуждении различных вопросов, связанных с деятельностью приюта [12, л. 518, 567об.].

Еще один яркий пример эффективного взаимодействия представляло собой сотрудничество общества «Милосердие» и органов самоуправления Минска и Минской губернии. Это общество было создано в 1897 г. Оно было ориентировано на организацию призрения детей, в его ведении находился приют для подкидышей [6, с. 108, 113]. Наиболее активно помощь ему оказывал Минский губернский комитет по делам земского хозяйства. Причем каждый раз при назначении пособий оговаривалось, что средства направлялись на финансирование приюта для подкидышей. Суммы выделялись довольно крупные: в 1906 г. 2 600 руб., в 1908 г. – 3 575 руб. [13, с. 25–26; 14, с. 25]. Минское губернское земское собрание продолжило традицию финансирования этого общества. На заседании 5 февраля 1912 г. оно приняло решение выделить 11 455 руб. на содержание приюта для подкидышей, 6 500 руб. – на перестройку здания для приюта [15, с. 93, 101–102]. Назначение таких значительных сумм было обусловлено тем, что Минское губернское земство считало, что призрение подкидышей входило в круг его обязанностей, но при этом оно настаивало на предоставлении отчетов о деятельности приюта [16, л. 83–84об.].

Пособия на содержание приютов и организацию призрения подкидышей со стороны органов местного самоуправления получали и другие благотворительные общества региона. Могилевское управление по делам земского хозяйства на протяжении 1903–1911 гг. выплачивало Гомельскому обществу пособия бедным по 1 500 руб. на содержание детского приюта [17, с. 12]. Первое очередное Витебское губернское земское собрание в 1912 г. выделило Благотворительному обществу на призрение подкидышей 3 660 руб. [18, с. 43].

Помимо учреждений постоянного пребывания детей, благотворительные общества в начале XX в. выступали с проектами открытия яслей и детских садов. Первое подобное учреждение было открыто в Минске в 1904 г. по инициативе местного отделения Общества защиты женщин для ухода за малолетними детьми поденных работниц во время работы матерей [19, с. 159]. Этот дневной приют носил название «Ясли» и получал пособия от органов местного самоуправления. Так, в 1911 г. городские власти Минска направили на его содержание 500 руб. [16, л. 59, 66об.], Минское губернское земское собрание в 1912–1914 гг. выделяло ежегодно ему пособия по 150 руб. [20, с. 70].

Организация благотворительной помощи взрослым

Благотворительные общества оказывали помощь взрослым в различных учреждениях. Полное призрение обеспечивалось в богадельнях, домах трудолюбия. Временная помощь предоставлялась через заведения открытого типа – ночлежные дома, дешевые столовые.

Одним из наиболее распространенных типов благотворительных учреждений для взрослых были богадельни, большая часть которых находилась в ведении благотворительных обществ. Формы помощи им со стороны органов местного самоуправления были различными. Чаще всего они выделяли пособия благотворительным обществам на содержание богаделен, отводили участки земли для строительства зданий. Например, в 1895 г. Двинская городская дума предоставила в пользование Благотворительному обществу участок земли для строительства здания богадельни [21, л. 149, 154]. Как видно из сметы расходов Бреста на 1912 г., городские власти выделили 120 руб. на содержание богадельни местного Благотворительного общества [22, л. 53–54об.].

С 1890-х гг. на территории белорусско-литовских губерний начали активно открываться дома трудолюбия. В большинстве случаев инициатива в их учреждении исходила от губернской администрации, которая получала поддержку со стороны органов местного самоуправления. Непосредственное заведование этими учреждениями осуществляли благотворительные либо попечительные общества. Так, в 1893 г. Виленская дума по предложению губернатора Н.А. Гревеница постановила выделить 3 000 руб. на открытие дома трудолюбия [23, с. 58]. В Двинске главным инициатором открытия дома трудолюбия выступило местное Благотворительное общество. Именно ему Городская дума и выделила 500 руб. на строительство здания [24, л. 405об.].

Органы местного самоуправления оказывали финансовую помощь благотворительным обществам для содержания дешевых столовых. Наиболее распространена эта практика была в городах. Например, в Могилеве в 1911 г. Дума выделила Обществу пособия бедным на содержание дешевой столовой 300 руб. при условии предоставления обедов населению без различия вероисповедания [25, с. 3].

Заключение

На территории белорусско-литовских губерний функции общественного призрения и помощи малоимущему населению выполняли как органы местного самоуправления, так и частные благотворительные общества. Система органов самоуправления

начала формироваться в регионе с 1875 г. и состояла из двух структурных частей: городского и земского. Однако управления по делам земского хозяйства и сменившие их затем земства функционировали только в восточной части региона и не затронули т.н. «ли-товских» губерний – Виленскую, Гродненскую и Ковенскую. В законодательных актах обязанности органов самоуправления в сфере общественного призрения были сформулированы весьма расплывчато.

В то же время к моменту создания системы самоуправления на территории региона уже функционировала разветвленная сеть частных благотворительных обществ, которые располагали собственными благотворительными учреждениями для детей и взрослых и источниками финансирования. Либерализация законодательства, регулировавшего их деятельность, способствовала увеличению их количества и расширению объемов помощи. В этих условиях органы местного самоуправления, которые обладали меньшими финансовыми возможностями и не имели достаточного опыта работы в сфере общественного призрения, налаживали взаимодействие с благотворительными обществами. Наибольшее распространение получила выплата денежных пособий на содержание благотворительных учреждений для детей и взрослых. В этом случае от органов самоуправления не требовалось дополнительных обязательств. Со своей стороны благотворительные общества могли представлять отчеты, вводить в состав правления представителей городов и земств. Так начало оформляться взаимодействие органов местной власти и общественных организаций в сфере общественного призрения, был заложен фундамент для создания оригинальной модели социальной помощи населению, основанной на принципах сотрудничества общества и государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ) / Отд. 1. От № 47862–48529. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1874. – Собр. 2, т. XLV : 1870. – 896 с.
2. ПСЗ РИ / От № 8215–9216 и доп. – СПб. : Гос. тип., 1895. – Собр. 3, т. XII : 1892. – 1353 с.
3. ПСЗ РИ / Отд. 1. От № 22360–23838 и доп. – СПб. : Гос. тип., 1905. – Собр. 3, т. XXIII : 1903. – 1167, 136 с.
4. ПСЗ РИ / От № 6505–7339 и доп. – СПб. : Гос. тип., 1893. – Собр. 3, т. X : 1890. – 843, 244 с.
5. ПСЗ РИ / Отд. 1. От № 34629–36390 и доп. – СПб. : Гос. тип., 1914. – Собр. 3, т. XXXI : 1911. – 1411, 15, [17] с.
6. Шимукович, С. Ф. Благотворительность в Беларуси в конце XIX – начале XX века / С. Ф. Шимукович. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 168 с.
7. ПСЗ РИ / Отд. 1. От № 37827–38621. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1865. – Собр. 2, т. XXXVII : 1862. – 832 с.
8. ПСЗ РИ / Отд. 1. От № 27173–28753 и доп. – СПб. : Гос. тип., 1909. – Собр. 3, т. XXVI : 1906. – 1141, [30] с.
9. Число благотворительных учреждений, их средства, доходы и расходы и размеры оказываемой ими помощи по губерниям // Благотворительность в России : в 2 т. – СПб. : Типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1907. – Т. 1. – С. 1–171.
10. Журналы заседаний Динабургской городской думы и Витебского губернского по городским делам присутствия о выдаче содержания члену Управы Бабичеву, о пособии служащим и по другим вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБМ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 36300.

11. Доклады Городской управы Думе о мероприятиях по благоустройству и улучшению санитарного состояния города, о ремонте и сдаче в аренду городского театра, об открытии Витебского общества велосипедистов-любителей, о переименовании одной из улиц города в Суворовскую в честь 100-летия со дня смерти А. В. Суворова и по финансовым вопросам // НИАБМ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 607.

12. Доклады Управы Городской думе о санитарном состоянии и благоустройстве города, о сдаче в аренду театра, устройстве телефонной сети и водопровода, отводе земельных участков под пристани на реке Зап. Двина, об открытии и выдаче субсидии Пушкинской городской библиотеке, о порядке выборов в Государственную думу, о забастовках служащих трамвая и о мерах борьбы с революционным движением в г. Витебске // НИАБМ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 4616.

13. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства за 1906 год. – Минск : Паровая типо-лит. И. и В. Тасьман, 1907. – 127, [33] с.

14. Сборник постановлений Минского губернского комитета по делам земского хозяйства за 1908 год. – Минск : Паровая типо-лит. В. и И. Тасьман, 1909. – 10, 110 с.

15. Журналы первого очередного Минского губернского земского собрания. Сессия 25 января – 7 февраля 1912 г. – Минск : Губ. тип., 1912. – XV, 143 с.

16. Отчеты благотворительных учреждений на 1911 г. // НИАБМ. – Ф. 299. Оп. 3. Д. 1426.

17. Краткий обзор деятельности земского управления Могилевской губернии за 1903–1911 годы. – Могилев губ. : Губ. тип., 1911. – 31 с.

18. Журналы первого очередного губернского земского собрания. Сессия 15–25 января 1912 года / Витебское губернское земство. – Витебск : Типо-лит. насл. М. Б. Неймана, 1912. – 32, 391 с.

19. Фонды Национального исторического архива Беларуси : справочник / сост. Г. Е. Акулович [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2006. – 304 с.

20. Краткий обзор деятельности земств Минской губернии в первом трехлети. – [Б. м : б. г.]. – 105 с.

21. Журналы заседаний Двинской городской управы и Думы и расписание доходов г. Двинска за 1895 г. // НИАБМ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 435.

22. Протоколы заседаний Управы // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 492. Оп. 1. Д. 82.

23. Протоколы Виленской городской думы за первое полугодие 1893 года. – Вильно : Тип. М. Б. Жирмунского, 1892. – 4, 116 с.

24. Дело по прошениям разных лиц об определении на службу, выдаче пособий, о предоставлении отчетов благотворительных обществ, городских общественных банков и пр. // НИАБМ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 43670.

25. Могилевский Вестник. – 1911. – 16 (29) марта. – № 60.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.02.2016

Motorova N.S. The Interaction between Local Governments and Charities of the Belarusian-Lithuanian Provinces in 1875–1914 years

The article analyzes the interaction between local governments and charities of the Belarusian-Lithuanian provinces in 1875–1914 years. It was carried out through the creation and funding of various institutions to help adults and children. It was noted that the local authorities are widely practiced the allocation of cash benefits charities for the content of these institutions. This practice does not impose on them any additional obligations, but at the same time provide timely aid to the needy there. In turn, the charities were self-governing bodies reports on the activities of their institutions, were introduced on the boards of representatives of towns and district council. This served as the basis for creating the original model of social care to the population, based on the principles of cooperation and interaction between society and the state.

УДК 94(476)“1931/1939”:63-053.81

В.В. Даніловіч*канд. гіст. навук, дац., дырэктар Інстытута гісторыі НАН Беларусі***МОЛАДЗЬ У СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ БССР У 1930-я гг.**

Артыкул прысвечаны даследаванню праблемы ўдзелу моладзі ў сельскагаспадарчай вытворчасці Савецкай Беларусі ў 30-я гг. XX ст. Сцвярджаецца, што юнацтва з'яўлялася важнай апорай у развіцці сельскагаспадарчай вытворчасці БССР, непасрэдна ўдзельнічала ў мадэрнізацыі сельскай гаспадаркі рэспублікі. Разам з тым у пачатку 1930-х гг. пашырэнне адмоўнага стаўлення ў грамадстве да палітыкі калектывізацыі знайшло адлюстраванне і ў камсамоле БССР. Агульны яго ўдзел у калектывізацыі і арганізацыйна-гаспадарчым умацаванні калгасаў лічыўся незадавальняючым. Значная колькасць камсамольскіх арганізацый абмяжоўвалася правядзеннем толькі агракультурных мерапрыемстваў. Аднак, нягледзячы на ўсе цяжкасці і складанасці, уплыў камсамола ў калгасах, саўгасах, машынна-трактарных станцыях і майстэрнях рэспублікі паступова пашыраўся, дзякуючы мэтанакіраванай палітыцы ўлад. Новай формай удзелу юнакоў і дзяўчат ва ўдасканаленні сельскагаспадарчай вытворчасці стала арганізацыя на ініцыятыве камсамола рэспублікі пры яго камітэтах маладзёжных сельскагаспадарчых станцый. Але і напрыканцы 1930-х гг. сялянская моладзь БССР не была цалкам ахопленая калгасамі. У рэспубліцы нават меліся гаспадаркі маладых сялян-аднаасобнікаў.

Уводзіны

Як вядома, у разглядаемы перыяд большасць насельніцтва БССР, у тым ліку юнакоў і дзяўчат, пражывала ў сельскай мясцовасці. Юнацтва было задзейнічана фактычна на ўсіх узроўнях сельскагаспадарчай вытворчасці рэспублікі. Зразумела, гэту моладзь самым непасрэдным чынам закраналі любыя сацыяльна-эканамічныя змены, якія адбываліся ў сельскай гаспадарцы, а ў 1930-я гг. яны непарыўна былі звязаны з далейшым пашырэннем калектывізацыі.

У пачатку 1930-х гг. на тэрыторыі БССР з мэтай харчовага самазабеспячэння вайсковых частак пачалі арганізоўвацца чырвонаармейскія калгасы. Як правіла, яны ствараліся ў памежных раёнах з ліку дэмабілізаваных чырвонаармейцаў 1908 г. нараджэння, якія засталіся на звыштэрміновую службу. Акрамя таго дазвалялася прыцягваць прызыўнікоў 1931 г. з датэрміновым звальненнем у доўгатэрміновы адпачынак. Адбор іх ажыццяўляўся з ліку добрасумленых калгаснікаў, гаспадаркі якіх знаходзіліся на нязручных землях і ва ўмовах малаземелля. Чырвонаармейскія калгасы імкнуліся цесна ўзаемадзейнічаць з мясцовымі выканаўчымі органамі. Аднак апошнія з-за адсутнасці рэсурсаў часта не аказвалі ім дапамогі або рабілі гэта па астатковым прынцыпе. З 1933 г. вайсковыя часткі ў рэспубліцы на сталай аснове пачалі аказваць дапамогу ва ўборцы ўраджаю не толькі чырвонаармейскім калгасам, але і звычайным. Прычым, як правіла, сіламі навабранцаў [1, с. 89–91]. Як бачым, чырвонаармейскія калгасы ўтвараліся пры актыўным удзеле юнацтва з ліку ваеннаслужачых і прызыўнікоў. Умацоўваліся такія калгасы з цяжкасцямі, але практыка дапамогі вайскоўцаў калгасам ва ўборцы ўраджаю прыжылася надоўга. Аднак, нягледзячы на працяг палітыкі калектывізацыі, у ЛКСМБ зноў праявілася імкненне да падтрымкі ў першую чаргу аднаасобных гаспадарак. І толькі пад ціскам ЦК ВЛКСМ камсамол рэспублікі пачаў аддаваць прыярытэт працы ў калгасах [2, л. 40].

На пачатак 1931 г. у калгасах БССР налічвалася каля 300 тыс. юнакоў і дзяўчат. Прыкладна 85% вясковых камсамольцаў (каля 50 тыс. чалавек) былі ахоплены калгасамі [3, л. 18, 274, 290; 4, л. 47]. Але гэта складала толькі каля 17% ад усёй калгаснай моладзі, што гаворыць аб нешматлікасці камсамольскай праслойкі сярод яе. Увогуле ў студзені 1931 г. удзел ЛКСМБ у справядчна-перавыбарнай кампаніі кіруючых органаў калгасаў у большасці раёнаў праходзіў слаба, таму перавыбары разгортваліся не-

своечасова [5, л. 7]. І гэта нягледзячы на тое, што ў Калгасцэнтры меліся прадстаўнікі ЦК саюза [6, л. 27–28].

У цэлым шэрагу месцаў члены камсамола слаба ўдзельнічалі ў кіраўніцтве калгасамі з пункту гледжання планавання. Недастатковай была камсамольская праца па разгортванні ў калгасах і саўгасах сацыялістычнага саборніцтва і ўдарніцтва, якія часта набывалі кампанейскі характар. На вёсцы налічвалася да 85% камсамольцаў-ударнікаў, але некаторыя з іх насамрэч не заслугоўвалі гэтага звання [7, л. 36]. ЛКСМБ вяла праўляў сябе ў барацьбе з безгаспадарчасцю ў калгасах і за ўзняцце працоўнай дысцыпліны. Правядзенне паасобных гаспадарчых мерапрыемстваў слаба ўвязвалася з арганізацыяй новага прыліву ў калгасы. Шэраг РК і ячэек камсамола рэспублікі не ўзначалілі актыўнага руху бядняцка-серадняцкіх мас за калектывізацыю [2, л. 41]. Масавая кампанія па суцэльным уцягненні вясковых камсамольцаў у калгасы праводзілася зусім дрэнна [8, л. 13].

Некаторыя структуры саюза правялі паход за арганізацыю працы ў калгасах, але ён не распаўсюдзіўся на ўвесь ЛКСМБ і не стаў сапраўды масавым. Камітэты і ячэйкі прафсаюзаў і кампартыі недастаткова дапамагалі ў правядзенні гэтага паходу [9, л. 142], што яўна сведчыць аб няўзгодненасці падобнай працы з імі. Хаця к маю 1931 г. шэраг арганізацый камсамола БССР дасягнулі значных поспехаў у барацьбе за намечаныя тэмпы калектывізацыі бядняцка-серадняцкіх гаспадарак, агульны ўдзел саюза ў калектывізацыі лічыўся недавальняючым. Шэраг РК ЛКСМБ не ўвязвалі сваю штодзённую дзейнасць з выкананнем задач па ўзняцці тэмпаў калектывізацыі [5, л. 37]. У Бабруйскім, Гомельскім, Дубровенскім і Старадарожскім раёнах камсамольскія структуры зусім бяздзейнічалі ў справе калектывізацыі [8, л. 67].

Асобныя арганізацыі камсамола рэспублікі не забяспечылі паспяховага выканання рашэнняў пленума ЦК КП(б)Б аб калектывізацыі 30% бядняцка-серадняцкіх гаспадарак у час сяўбы (гэта датычылася памежных раёнаў, а таксама Бабруйскага, Барысаўскага, Гарадоцкага, Гомельскага, Лельчыцкага, Рэчыцкага РК саюза) [5, л. 102].

Усё вышэйзгаданае яскрава сведчыць пра адсутнасць ў ЛКСМБ рэальнай зацікаўленасці ў арганізацыі калгаснай працы. Больш таго, можна нават гаварыць аб пашыранасці ў камсамоле БССР правых настройаў і ўплываў праціўнікаў калектывізацыі. Відавочна таксама слабая ўзгодненасць яго дзейнасці з кампартыяй і прафсаюзамі.

Толькі ў чэрвені 1931 г. пачаўся пэўны пералом сітуацыі ў іншы бок. ЦК і РК ЛКСМБ апэратыўна ўключыліся ў двухтыднёвы паход за ўлік працы ў калгасах, мабілізавалі каля 5 тыс. камсамольцаў, сіламі якіх ажыццяўляўся ўлік у 3 600 калгасах. Была заведзена звыш 1 тыс. працоўных кніжак, створана станоўчая грамадская думка на конт пастаўленых паходам задач. Аднак Асіповіцкі, Гарадоцкі, Камарынскі, Капыльскі, Клічаўскі, Крычаўскі, Расонскі і Сенненскі РК камсамола фармальна аднесліся да яго правядзення, самавольна скарацілі колькасць мабілізаваных, сістэматычна не дасылалі звестак аб паходзе. Гэта выразна сведчыць аб яго фактычным сабатажы з іх боку. Таму з 6 ліпеня 1931 г. у БССР быў абвешчаны шасцідзённы рэйд груп «лёгкай кавалерыі» і юнкераўскіх брыгад для падагульнення вынікаў праведзенай саюзам працы, выяўлення і ліквідацыі недахопаў [3, л. 278–279; 5, л. 172]. Усяго ў 1931 г. ЛКСМБ вылучыў для арганізацыі ўліку працы і прадукцыі ў калгасах 8,5 тыс. камсамольцаў. Многія з іх пасля заканчэння кароткатэрміновых курсаў сталі калгаснымі рахункаводамі [10, с. 56].

Нягледзячы на шэраг добрых прыкладаў удзелу асобных камсамольскіх структур у арганізацыйна-гаспадарчым умацаванні калгасаў, дзейнасць камсамола рэспублікі ў гэтым напрамку ў 1931 г. была яўна недавальняючай. Вясковымі аддзелаў ЦК і РК саюза недастаткова апэратыўна ажыццяўлялася кіраўніцтва і праверка працы ячэек і асобных камсамольцаў. Слаба вялася барацьба за сапраўднае ўвядзенне здзельшчыны, а таксама з дробнабуржуазнымі праявамі ў калгасах [11, л. 53]. ЛКСМБ яшчэ слаба

ўдзельнічаў у сацыялістычнай перабудове вёскі. Адсутнічала сістэматычная праца камсамольцаў з юнацтвам батракоў, беднякоў і сярднякоў па ўцягненні яго ў сацыялістычнае будаўніцтва [2, л. 40–41].

У 1931 г. у БССР па ініцыятыве камсамола рэспублікі пачалося стварэнне пры камітэтах саюза маладзёжных сельскагаспадарчых станцый. У адпаведнасці з пастановай Народнага камісарыята земляробства (НКЗ) БССР ад 16 лютага 1931 г. іх фінансаванне ажыццяўлялася з бюджэту раённых зямельных органаў. Юнацкія сельскагаспадарчыя станцыі набылі вялікае гаспадарча-палітычнае значэнне ў справе павышэння вытворчасці калектыўнага сектара, укаранення масавага вопыту рацыяналізатарства і вынаходніцтва ў сельскай гаспадарцы. Сетку гэтых станцый, якія падначальваліся Беларускай сельскагаспадарчай станцыі моладзі (БССМ) пры ЦК ЛКСМБ (пачала практычную працу з 17 красавіка), камсамол рэспублікі выкарыстоўваў для арганізацыі практычнага ўдзелу юнакоў і дзяўчат калгасаў і саўгасаў у калгасна-саўгасным будаўніцтве. Станцыі з'яўляліся цэнтрамі вопытнай метадычнай базы саюза. Для штодзённай практычнай працы маладзёжных сельскагаспадарчых станцый да іх прымацоўваліся спецыялісты (аграномы, ветурачы, заатэхнікі), усе станцыі мелі 3 сектары: вытворчы, гарадскі і масавай працы [12, л. 181; 13, л. 146, 355–356, 359; 14, л. 23–25].

БССМ з'яўлялася метадычнай базай сельскагаспадарчага сектара ЦК ЛКСМБ, працавала непасрэдна пад яго кіраўніцтвам па планах, зацверджаных НКЗ БССР. Станцыю ўзначальваў загадчык. Яна магла атрымоўваць дадатковыя фінансавыя сродкі ад зацікаўленых гаспадарчых устаноў і кааперацыйных аб'яднанняў [15, л. 40–41]. Аднак у маі 1931 г. яе кіраўніцтва яшчэ не спраўлялася з пастаўленымі задачамі: адсутнічалі абагульненне вопыту ўдарніцтва і спаборніцтва ў калгасах і саўгасах, дапамога раённым арганізацыям у распаўсюджванні вопыту, станоўчая грамадская думка вакол працы станцый, выкарыстанне навуковых напрацовак [6, л. 86].

На верасень 1931 г. у рэспубліцы налічвалася толькі 10 юнацкіх сельскагаспадарчых станцый пры РК камсамола [15, л. 253]. Нягледзячы на складанае ўласнае ўнутранае становішча, ЛКСМБ удзельнічаў у правядзенні пасяўных і ўборачных кампаній [3, л. 290]. У красавіку 1931 г., зыходзячы з рашэнняў ЦК КП(б)Б аб забароне рэспубліканскіх нарад, звязаных з выкліканнем раённых працаўнікоў, усім аддзелам ЦК камсамола БССР было забаронена выклікаць на розныя нарады прадстаўнікоў РК саюза да заканчэння вясновай пасяўной кампаніі [15, л. 76]. Аднак ЛКСМБ незадавальняюча мабілізоўваў сваіх членаў і працоўнае юнацтва на падрыхтоўку і правядзенне вясновай пасяўной кампаніі [5, л. 37; 8, л. 67]. Бюро ЦК камсамола рэспублікі нават скараціла мабілізацыю камсамольцаў на пасяўную кампанію з 300 да 200 чалавек [5, л. 69]. Гэта яшчэ раз падкрэслівае складанае ўнутранае становішча ў саюзе.

ЛКСМБ таксама недастаткова ўвязваў задачу спецыялізацыі сельскай гаспадаркі з правядзеннем вясновай сяўбы. Праведзены ім месячнік па падрыхтоўцы да сяўбы не перарос у сістэматычную працу па яе правядзенні [5, л. 102]. Шэраг РК камсамола рэспублікі слаба мабілізоўвалі масы на рашучую барацьбу з правай практыкай у гэтым пытанні. Так, Бабруйскі, Гомельскі, Дубровенскі і Старадарожскі РК саюза не ўвязвалі падрыхтоўку да вясновай сяўбы з новым калгасным прылівам [5, л. 18]. ЛКСМБ незадавальняюча рэалізоўваў заклік ЦК ВКП(б) і СНК СССР аб кантрактацыі яравых пасеваў [5, л. 39] і зусім слаба працаваў у галіне выканання планаў кантрактацыі [6, л. 43].

У маі 1931 г. камсамол БССР дрэнна ўдзельнічаў у кампаніі нарыхтоўкі кармоў і стварэння фуражнага фонду. Арганізацыі саюза недаацэньвалі яе важнасці. Шэрагам іх не быў падтрыманы паход ЛКСМБ за сілас [16, л. 92]. З канца мая камсамол рэспублікі ўключыўся ва ўсесаюзную камсамольскую ахову ўраджаю і правядзенне ўборчай кампаніі [5, л. 146]. Усяго ў 1931 г. у ёй у БССР удзельнічалі каля 15 тыс. камсамольцаў [17, л. 67]. У верасні ЛКСМБ не мабілізаваўся на нарыхтоўку садавіны і гародніны. Ра-

шэнне ЦК УЛКСМ аб удзеле камсамола ва ўборцы і нарыхтоўцы садавіны і гародніны ад 8 жніўня 1931 г. да мас камсамольцаў рэспублікі не было даведзена. Камітэты і ячэйкі ЛКСМБ зусім незадавальняюча ўдзельнічалі ва ўборцы, нарыхтоўцы і перапрацоўцы садавіны і гародніны. Сельскагаспадарчы сектар ЦК камсамола БССР цалкам бяздзейнічаў. Газета «Чырвоная зьмена» зусім слаба асвятляла гэту кампанію [18, л. 84].

ЛКСМБ удзельнічаў і ў хлебнарыхтоўках пад лозунгам «Ні аднаго цэнтнера хлеба прыватніку!» ЦК камсамола рэспублікі мабілізаваў камсамольцаў у сістэму Хлебжывёлаводсаюза і Трактарцэнтра ў якасці ўзважвальшчыкаў, прыёмшчыкаў і нарыхтоўшчыкаў. Для дапамогі раённым арганізацыям і кіраўніцтва ходам нарыхтоўчай кампаніі ў шэраг раёнаў БССР была накіравана група з цэнтральнага камсамольскага актыву. Аднак слаба разгортвалася масавая арганізацыйная праца сярод калгаснікаў і бядняцка-серадняцкіх аднаасобных гаспадарак. Недастаткова рабіўся націск на заможную частку вёскі [19, л. 2]. Такое становішча можна растлумачыць пашыранасцю ў ЛКСМБ правых настрояў.

Нягледзячы на тое, што ўдзел камсамола БССР у нарыхтоўцы і адгрузцы бульбы для прамысловых цэнтраў Савецкага Саюза разгортваўся марудна [20, л. 117], усяго сіламі ЛКСМБ было адгружана 25 эшалонаў бульбы Ленінграду і 18 эшалонаў бульбы Маскве. Асобныя камсамольскія арганізацыі рэспублікі былі прэміраваны пастановай Народнага камісарыята забеспячэння СССР за актыўны ўдзел у нарыхтоўцы і адгрузцы бульбы пралетарскім цэнтрам Савецкага Саюза [17, л. 49; 19, л. 3].

Разам з тым выкананне плана ільонарыхтовак знаходзілася ў незадавальняючым стане. Хаця камсамол БССР актыўна ўключыўся ў правядзенне месячніка апрацоўкі і нарыхтоўкі лёну (пасылка 135 камсамольцаў-актывістаў на дапамогу раённым арганізацыям, абвешчэнне двухтыднёвіка штурму, выклік на сакратарыят ЦК з дакладамі сакратароў шэрагу РК і г.д.), частка РК саюза пусцілі справу на самацёк, не вялі масавую працу, недаабкладалі заможных сялян цвёрдымі заданнямі, лічылі планы ільонарыхтовак нерэальнымі і самавольна скарачалі іх [15, л. 63]. Зноў бачым яўнае сведчанне пашыранасці правых настрояў у ЛКСМБ.

ЦК і РК камсамола БССР у апошнія дэкады красавіка 1931 г. па сутнасці зусім спынілі працу па нарошчванні тэмпаў нарыхтоўкі лёну. Рэспубліка па-ранейшаму заставалася на апошнім месцы ў СССР па выкананні планаў ільонарыхтовак. У Смалявіцкім, Слуцкім, Каралінскім, Свіслацкім, Церахаўскім і інш. раёнах камсамольскія РК увогуле нават не пачыналі займацца ільонарыхтоўкамі. ЦК саюза недастаткова кіраваў падначаленымі РК у справе льонарыхтовак і слаба правяраў выкананне дырэктывы як уласных, так і партыйна-савецкіх органаў, што гаворыць аб разбалансаванасці кіраўнічага механізму ў ЛКСМБ. У выніку не было забяспечана поўнае і своечасовае выкананне плана льонарыхтовак [21].

На складаную сітуацыю з удзелам камсамола БССР у льонарыхтоўках звярнула ўвагу нават «Комсомольская правда». У сакавіку 1931 г. у Дрысенскім раёне працавала выяздная рэдакцыя гэтай газеты, якая разам з РК ЛКСМБ выдала 3 нумары (кожны тыражом у 3 тыс. экзэмпляраў) лістка-газеты «За разьвіццё ільну!» [13, л. 314–318]. А ў красавіку з'явіліся публікацыі аб праблемах удзелу камсамольцаў рэспублікі ў льонарыхтоўках і ў самой «Комсомольской правде» [5, л. 87; 15, л. 101]. У жніўні 1931 г. была абвешчана мабілізацыя 300 членаў камсамола БССР для ўборкі лёну ў саўгасах [20, л. 25–26]. Але жаданых вынікаў гэта не прынесла.

ЛКСМБ слаба ўдзельнічаў не толькі ў нарыхтоўцы, але і ў першапачатковай апрацоўцы ільна і канпель. Так, на лістапад 1931 г. план па мяцці быў выкананы на 11,3%, па трапанні – на 3,8%; ільнянога валакна было нарыхтавана 7,8%, пнянкі – 0,9%, семя лёну – 44,9%, семя канпель – 8,8%. Асабліва адставалі ў гэтай працы Асвейскі, Бешанковіцкі, Гарадоцкі, Дубровенскі, Крупскі, Мсціслаўскі, Сіроцінскі, Ушац-

кі РК камсамола. РК і ячэйкі саюза дрэнна забяспечвалі правільную арганізацыю адпаведнай працы ў калгасах (расстаноўка сіл, сапраўднае ўвядзенне здзельшчыны і г.д.), не разгарнулі належнай масавай працы сярод калгаснікаў і аднаасобнікаў з ліку беднякоў і сярэднякоў па своечасовай апрацоўкі лёну і канпель, здачы іх дзяржаве (семя і валакно), а таксама сацыялістычнага спаборніцтва і ўдарніцтва [22, л. 159]. Увогуле Асвейскі, Гарадоцкі, Горацкі, Дубровенскі, Крупскі, Полацкі, Талочынскі, Чавускі РК ЛКСМБ не забяспечылі належны ход ільонарыхтоўчай кампаніі, бо не вялі адпаведнай растлумачальнай працы сярод камсамольцаў і сялянства, недаацэньвалі важнасці выканання ільонарыхтоўчых планаў [23, л. 35]. У выніку камсамолам рэспублікі была сарвана арганізацыя ўсебеларускага льноабозу да XIV з'езда КП(б)Б [24, л. 12].

У 1931 г. дзейнічаў дагавор ЦК ЛКСМБ і Беларускага цэнтральнага жывёлагадоўчага саюза аб узаемадзеянні ў рамках камсамольскага калгасна-вытворчага паходу ў галіне развіцця жывёлагадоўлі, а таксама ў справе дапамогі жывёлагадоўчай кааператывунай сістэме БССР у выкананні планавых заданняў па аднаўленні і арганізацыі першапачатковых вытворчых таварыстваў [13, л. 131–132]. Аднак камсамол рэспублікі слаба ўдзельнічаў у вырашэнні жывёлагадоўчай праблемы. Так, асобныя РК і ячэйкі ЛКСМБ цалкам правалілі свінагадоўчую эстафету, якую праводзіў саюз [9, л. 157–158]. Нягледзячы на катэгарычную пастанову ЦК камсамола БССР аб мабілізацыі 2 тыс. камсамольцаў у саўгасы Свінаводтрэсту, прынятую 25 сакавіка 1931 г. [15, л. 113], адпаведная развёрстка РК саюза ў красавіку 1931 г. не была выканана. Шэраг РК ЛКСМБ (Дрысенскі, Свіслацкі і інш.) лічылі гэту мабілізацыю немагчымай, а Мазырскі і Слуцкі РК камсамола нават адмовіліся яе выконваць [6, л. 56]. У сувязі з гэтым Сакратарыят ЦК ЛКСМБ 22 мая 1931 г. вымушаны быў нават абвясціць двухтыднёвік ліквідацыі камсамольскіх хібаў у саўгасах Свінаводтрэста [15, л. 117].

Рэдакцыя «Чырвонай змены» з 1 ліпеня да 15 верасня 1931 г. не разгарнула шырокай агітацыйнай працы па мабілізацыі саюза на выкананне рашэнняў кампартыі аб развіцці свінагадоўлі, па рэалізацыі закліку «Комсомольской правды» да барацьбы за тону мяса з апаросу ў шасцімесячным узросце. Толькі ў другой палове верасня былі прадпрыняты канкрэтныя захады, каб выправіць гэту сітуацыю [25, с. 2], а з кастрычніка ў штаб па свінагадоўлі пры «Комсомольской правде» быў уведзены прадстаўнік ЦК камсамола БССР [15, л. 303].

Хоць прадстаўнік ЦК ЛКСМБ у 1931 г. і ўваходзіў у штаб па правядзенні месячніка рэалізацыі сельскагаспадарчых машын [13, л. 217], саюз яшчэ слаба ўдзельнічаў у вырашэнні праблемы спецыялізацыі і масавай падрыхтоўкі кадраў для сельскай гаспадаркі, машынізацыі і меліярацыі. Камсамольцы, у першую чаргу актыў, нездавальняюча авалодвалі сельскагаспадарчай тэхнікай [2, л. 37]. Аднак камсамол рэспублікі мэтанакіравана павялічваў увагу да падрыхтоўкі кадраў для МТС. Толькі з чэрвеня 1930 г. па снежань 1931 г. на працу туды было накіравана 638 яго членаў. З іх і іншай моладзі былі падрыхтаваны сотні трактарыстаў. Так, ў БССР у 1930 г. толькі 12 камсамольцаў умелі вадзіць трактары, у 1933 г. – 630, а ў 1934 г. – 850 [26, с. 173–174, 198].

У сувязі з пастановай ЦК ВКП(б), СНК і НКЗ СССР аб жывёлагадоўлі па лініі ЦК ЛКСМБ у красавіку 1932 г. былі створаны і пасланы на месцы брыгады для разгортвання працы ў гэтым кірунку [13, л. 88]. Але многія РК камсамола рэспублікі не зрабілі адпаведных высноў з пастаноў кампартыі і ўрада [27, л. 13]. Так, у большасці арганізацый саюза не вялося належнай барацьбы з недахопамі ў свінагадоўлі. Масы не былі мабілізаваны пад лозунгам «Даць тону – апарос!». Бяздзейнічалі камсамольскія брыгады і свінарнікі [24, л. 33]. Разам з тым палепшылася праца ячэек ЛКСМБ і асобных камсамольцаў у рамках «шэфства над канём». Была разгорнута, у тым ліку праз друк, масавая растлумачальная праца ў гэтым кірунку як унутры камсамола, так і сярод значнай часткі вясковага насельніцтва. Члены саюза вялі вялікую арганізацыйную і растлума-

чальную працу сярод конюхаў, накіраваную на актывізацыю іх удзелу ў сацыялістычным будаўніцтве, паляпшэнне прафесійнай падрыхтоўкі конюхаў і арганізацыю перадачы лепшага вопыту, канцэнтраванне ўвагі ўсёй грамадскасці на справе паляпшэння коннегадоўлі. Адбыўся ўсебеларускі маладзёжны рэйд па праверцы конюхаў і стану стайняў. На працу ў апошніх масава вылучаліся камсамольцы-ўдарнікі. Праводзіліся злёты конюхаў. У чэрвені 1932 г. па ўсёй БССР адзіны камсамольскі дзень быў прысвечаны выключна пытанням стану конскага пагалоўя і ўдзелу ячэек ЛКСМБ у ажыццяўленні задач «шэфства над канём». Камсамол рэспублікі аказваў канкрэтную дапамогу ў развіцці коннегадоўлі. За рэдкім выключэннем камсамольцы-конюхі мелі лепшыя паказчыкі ў працы. Шэраг мясцовых камсамольскіх ячэек цалкам узялі ў свае рукі догляд коней [27, л. 10–11, 15, 17]. Аднак ЛКСМБ марудна ўключалася ў рэалізацыю пастаноў аб удзеле ў падрыхтоўцы і правядзенні вясновай пасяўной кампаніі 1932 г. [23, л. 29]. Спачатку для яе ажыццяўлення былі мабілізаваны толькі 150 членаў саюза [13, л. 126].

Адначасова камсамол БССР імкнуўся пашыраць і калгасную працу. Так, у маі для ўмацавання калгасаў памежных раёнаў былі мабілізаваны 200 камсамольцаў з не менш чым трохгадовым стажам з ліку кандыдатаў і членаў КП(б)Б, а таксама яшчэ 150 са стажам не менш 2-х гадоў, прычым з іх – 10 чалавек палякаў [23, л. 114], што, зразумела, тлумачыцца памежжам з Польшчай. Але ЛКСМБ па-ранейшаму адставаў ад планавых тэмпаў сацыялістычнага будаўніцтва ў сельскай гаспадарцы. Хоць у выніку паходу за ўраджай і калектывізацыю ўзрасла творчасць мас юнацтва, значна вырас працэнт членаў камсамола ў калгасах і г.д., саюзам недастаткова было разгорнута сацыялістычнае спаборніцтва па калектывізацыі паміж АК, РК і ячэйкамі, нешырока выкарыстоўвалася ініцыятыва і самадзейнасць камсамольцаў, маладых парабкаў і беднякоў. Пытанне аб рабоце сярод юнакоў і дзяўчат з ліку беднага сялянства ў гэты час амаль зусім не стаяла на парадку дня ў ЛКСМБ. Праца сярод дзяўчат увогуле ішла вельмі дрэнна. Калектывізацыя яшчэ не стала асноўнай мэтай дзейнасці камсамола рэспублікі на вёсцы. Значная колькасць яго арганізацый абмяжоўвалася правядзеннем толькі агракультурных мерапрыемстваў. У часткі членаў саюза ярка праяўляліся правыя ўплывы (выступленні супраць праводзімых кампартыйнай мерапрыемстваў па калектывізацыі, абарона заможных сялян і імкненне ўцягнуць іх у калгасы, антыкалгасныя настроі). Працягвалі адзначацца сотні выпадкаў збягання камсамольцаў ад калектывізацыі ў гарады. У некаторых гарадскіх ячэйках ЛКСМБ па-ранейшаму глядзелі на пасылку ў калгасы як на нейкую кару. Для правядзення чарговай мабілізацыі членаў камсамола БССР у калгасы ў канцы 1932 г. давялося ствараць нават спецыяльную камісію ЦК КП(б)Б [13, л. 89, 351–353]. Ячэйкі саюза адыгрывалі слабую ролю ў калгаснай творчасці [28, л. 71].

Аднак праявы актыўнасці ў ЛКСМБ не згасалі. Па ініцыятыве Мсціслаўскіх камсамольцаў з 20 ліпеня па 20 жніўня 1932 г. у рэспубліцы прайшоў месячнік камсамольскага штурму па ўборцы ўраджаю. Члены камсамола арганізоўвалі «чырвоныя абозы» для своєчасовага вывазу збожжа. У выніку моладзь дапамагла калгасам і саўгасам без страт сабраць увесь ураджай збожжавых [29, с. 74; 30, с. 1].

Са студзеня 1933 г. ЦК ЛКСМБ разгарнуў агразаатэхпаход камсамольцаў і сельскага юнацтва з мэтай павышэння аграатэхнічнага і заатэхнічнага ўзроўню падрыхтоўкі маладых калгаснікаў і рабочых саўгасаў. Ствараліся агразаатэхнічныя гурткі, вучобай у якіх былі ахоплены звыш 28 тыс. юнакоў і дзяўчат [26, с. 201–202]. Акрамя таго, пры «Чырвонай зьмене» 18 студзеня 1933 г. быў створаны штаб для кіраўніцтва сацыялістычным спаборніцтвам у саўгасах [31, л. 10], што сведчыць аб прыярытэтнасці для камсамола разгортвання гэтай працы менавіта ў іх. Таксама ЦК ЛКСМБ прыняў рашэнне аб мабілізацыі ў калгасы для ўмацавання іх пралетарскімі кадрамі 617 членаў камсамола: Бабруйск – 50, Барысаў – 30, Віцебск – 145, Гомель – 140, Жлобін – 12, Магілёў –

75, Мінск – 115, Орша – 50 [32, л. 14]. Як бачым, 65% мабілізаваных прыпадала на Віцебск, Гомель і Мінск, што зразумела, бо яны з'яўляліся найбольшымі прамысловымі цэнтрамі рэспублікі.

Народны камісарыят працы БССР 27 лютага 1933 г. пастанавіў вызваліць ад працы на прадпрыемствах і ва ўстановах рабочых і служачых, мабілізаваных у калгасы камсамольцаў, з выплатай фактычнага заробку і двухтыднёвай зарплаты як выхадной дапамогі, захаваннем за імі сярэдняга заробку на час 5-дзённых курсаў. У сакавіку 1933 г. мабілізаваным у калгасы членам ЛКСМБ былі выдадзены чаравікі, пара бялізны, аднаразовы паёк, грошы на праезд, выхадная двухтыднёвая дапамога і аплата за 5-дзённых курсы. ЦК камсамола рэспублікі былі дадзены ўказанні аб залічэнні іх у калгасы, забеспячэнні жыллём і выдачы ім харчавання за лік будучых працадзён. Але мабілізацыя не заўжды праходзіла гладка, некаторыя камсамольцы адмаўляліся. Гомельскі і Бабруйскі АК саюза ў зададзены тэрмін не выканалі развёрстку па мабілізацыі. На месцах не ўсюды былі падрыхтаваны да прыняцця мабілізаваных [32, л. 13, 27–34; 33, л. 36].

Бюро ЦК ЛКСМБ 4 ліпеня 1933 г. прыняло пастанову аб прымацаванні 26 сваіх членаў для штодзённай сувязі і аператыўнай дапамогі ў практычнай рабоце мабілізаваным у калгасы камсамольцам, бо практыка прымацавання для сувязі з імі пазаштатных інструктараў інфармацыйнага сектара з ліку студэнтаў сябе не апраўдала [33, л. 217, 219], што сведчыць аб першапачатковай недаацэнцы складанага характару гэтай працы. Аднак многія члены сельскіх камсамольскіх арганізацый не прымалі непасрэднага ўдзелу ў калгаснай вытворчасці, ухіляліся ад фізічнай працы [10, с. 57].

З надыходам вясны 11 членаў Бюро і работнікаў ЦК камсамола БССР былі накіраваны ў раёны для арганізацыі пасяўной кампаніі [33, л. 38]. Пастановай Бюро ЦК ЛКСМБ і калегіі НКЗ рэспублікі ад 3 красавіка 1933 г. была ўхвалена ініцыятыва Мінскага ГК камсамола і рэдакцыі газеты «Чырвоная змена» аб правядзенні ў перыяд вясновай пасяўной кампаніі конкурсу-спаборніцтва на лепшага трактарыста. Былі ўстаноўлены 80 прэмій на суму 50 тыс. руб. для пераможцаў. Першая ўключала для лепшых трактарыстаў веласіпеды (5 прэмій) і 3 прэміі па 400 рублёў; для лепшых брыгадзіраў паездкі на курорт (3 прэміі) і 2 прэміі па 600 руб.; для лепшых МТС і саўгасаў 2 прэміі па 4 тыс. руб. для правядзення культурна-масавай работы. Другая ўключала для лепшых трактарыстаў гармонікі (10 прэмій) і 5 прэмій па 200 руб.; для лепшых брыгадзіраў вытворчых экскурсіі ў Маскву, Ленінград і Харкаў (8 прэмій) і 5 прэмій па 300 руб.; для лепшых МТС і саўгасаў 2 прэміі па 2 тыс. руб. Трэцяя ўключала для лепшых трактарыстаў касцюмы (10 прэмій), 10 прэмій па 150 руб., тэхнічныя і ленінскія бібліятэчкі (10 прэмій); для лепшых брыгадзіраў – гармонікі (8 прэмій), 4 прэміі па 200 руб., тэхнічныя і ленінскія бібліятэчкі (5 прэмій). Акрамя гэтага прадугледжваліся за ўзорную арганізацыю конкурсаў 2 прэміі для цэнтральных рэспубліканскіх газет па 3 тыс. руб., 5 прэмій па 1 тыс. руб. для раённых газет, 3 прэміі па 300 руб. для шматтыражак МТС і саўгасаў, 10 прэмій па 100 руб. для брыгадных штодзёнак, 3 прэміі па 1 тыс. руб. для РК саюза [33, л. 75, 78–79]. Аднак штаб, створаны пры ЦК ЛКСМБ, не прыняў мер па сувязі з раённымі арганізацыямі для ажыццяўлення конкурсу на лепшага трактарыста, а «Чырвоная змена» надала недастаткова ўвагі гэтаму конкурсу [33, л. 84–85], што адмоўна паўплывала на якасць яго правядзення. Гэта зноў сведчыць аб разбалансаванасці сістэмы кіравання ўнутры камсамола БССР.

Пастановай ЦК ЛКСМБ з 20 па 25 мая 1933 г. была абвешчана ўдарная камсамольская пяцідзёнка сяўбы, бо на 10 мая было засеяна толькі 27,8% плошчаў. Але ў справе падрыхтоўкі пяцідзёнкі недапушчальна марудзілі Бабруйскі, Дзяржынскі, Дубровенскі, Крупскі, Смалявіцкі і Уздзенскі РК камсамола. Значная колькасць РК саюза зусім неаператыўна кіравала адпаведнай працай падначаленых ячэек. У выніку пяцідзёнкі была правалена. Толькі 9 камсамольскіх РК (Барысаўскі, Жыткавіцкі, Лельчыцкі,

Парыцкі, Рагачоўскі, Слуцкі, Старобінскі, Тураўскі, Чырвонаслабодскі) нефармальна аднесліся да яе правядзення [33, л. 123, 128, 135]. Як бачым, нягледзячы на шматлікія недахопы ў дзейнасці ЛКСМБ, улады яшчэ разглядалі яго як дзейсны сродак у справе якаснага правядзення пасяўной кампаніі. Аднак гэты давер не быў апраўданы, што з'яўляецца пацвярджэннем глыбокага ўнутранага крызісу камсамола рэспублікі, адсутнасці ў яго ЦК і РК якаснай сістэмы кіравання.

Таксама ЛКСМБ недастаткова ўдзельнічаў у выкананні плана нарыхтоўкі бульбы для Харкаўскай вобласці УССР, асабліва Бабруйскі, Веткаўскі, Крупскі, Магілёўскі, Пухавіцкі, Хойніцкі і Чавускі РК камсамола, якія не разумелі значнасці гэтага мерапрыемства [33, л. 65]. Нездавальняючымі былі вынікі працы ЛКСМБ і ў рамках «шэфства над канём». РК камсамола БССР не дапамагалі ячэйкам і конюхам у правядзенні мерапрыемстваў па конегадоўлі [33, л. 145]. Разам з тым у 1933 г. ЛКСМБ узяў шэфства над сельскагаспадарчымі машынамі рэспублікі. У цэнтральных установах і арганізацыях, а таксама раённых цэнтрах 7–27 чэрвеня быў праведзены «чырвонаармейскі» рэйд юных карэспандэнтаў і «лёгкіх кавалерыстаў» з мэтай праверкі стану падрыхтоўкі кадраў, рамонт і размеркавання сельскагаспадарчых машын. У выніку быў выяўлены шэраг недахопаў [27, л. 71], у тым ліку незадавальняючае распаўсюджанне камсамольцамі на вёсцы агра-тэхнічнай літаратуры [31, л. 11].

Па выніках рэйду камсамол БССР мабілізаваў 95 слесараў і токараў з ліку сваіх членаў на сталую працу ў машына-трактарныя майстэрні (МТМ), саўгасы і МТС. Яшчэ 9 камсамольцаў-выпускнікоў школ ФЗН былі мабілізаваны на сталую працу рабочымі МТС тэрмінам не менш 2 гадоў [31, л. 66]. Але некаторыя дырэктары МТМ і МТС не прымалі мабілізаваных з-за адсутнасці патрэбы ў іх. У большасці МТМ мабілізаваным не давалі жылля, дрэнна кармілі, выкарыстоўвалі не па профілі і г.д. [27, л. 122]. Такое становішча гаворыць аб непрадуманасці і паспешлівасці правядзення мабілізацыі, адсутнасці паўнаўладнага ўліку патрэб у запаўненні вакансій. Акрамя таго, у палітадзелы МТС былі мабілізаваны 56 членаў ЛКСМБ, але з іх толькі 47 выехалі на месца працы ў тэрмін [31, л. 45], што зноў сведчыць аб непадрыхтаванасці належным чынам і гэтай мабілізацыі. Усяго ў МТС рэспублікі дзейнічалі 1 616 партыйна-камсамольскіх груп [34, с. 190]. У калгасах з зон адказнасці МТС таксама ствараліся камсамольскія групы [35, с. 2]. Гэта, несумненна, гаворыць аб паступовым пашырэнні уплыву камсамола ў дадзеным сектары сельскагаспадарчай вытворчасці БССР нягледзячы на ўсе цяжкасці і складанасці. Не спынялася і ўцягванне дзяўчат у працу з сельскагаспадарчай тэхнікай. Так, к канцу 1933 г. у рэспубліцы налічвалася 249 дзяўчат-трактарыстак [26, с. 203].

Актывізавала сваю дзейнасць БССМ пры ЦК ЛКСМБ, якая 18 красавіка 1933 г. была пераведзена ў памяшканне Дома тэхнікі ў Мінску [33, л. 84, 86]. Аднак на месцах не ўсюды разгортвалі працы юнацкіх сельскагаспадарчых станцый было арганізавана належным чынам. Так, нягледзячы на ўказанні ЦК як саюзнага, так і рэспубліканскага камсамола, Дзяржынскі, Клімавіцкі і Лёзненскі РК ЛКСМБ зрывалі працу станцый. У шэрагу РК камсамола не жадалі вылучаць туды лепшых актывістаў, а ў асобных камсамольскіх РК работнікаў станцый не выкарыстоўвалі па прызначэнні і ператваралі іх у інструктараў [36, л. 60]. Разам з тым у льнаводчых раёнах рэспублікі ўсё яшчэ надацэнвалі льноцерабілку «Камсамолка», а РК ЛКСМБ не арганізавалі працы па выкананні плана выкарыстання ільноцерабілак. З-за гэтага БССР адставала ў спаборніцтве з Заходняй вобласцю [31, л. 165].

Нягледзячы на недахопы, улады працягвалі рабіць стаўку на камсамол у сельскагаспадарчых кампаніях. ЛКСМБ быў абвешчаны шэфам насеннага фонду і з 26 студзеня па 10 лютага 1934 г. правёў усебеларускі камсамольскі рэйд ачысткі насення і праверкі яго захавання [37, л. 6–7]. Таксама у сувязі з тым, што ў рэспубліцы незада-

вальняюча ішла нарыхтоўка бульбы для прамысловых цэнтраў СССР, было вырашана падключыць да гэтай справы РК і ячэйкі камсамола [36, л. 31].

У 1934 г. для ўмацавання калгасаў памежных раёнаў было мабілізавана 150 членаў ЛКСМБ [38, л. 140]. Яшчэ 216 камсамольцаў пасля заканчэння 6-месячных курсаў па падрыхтоўцы тэхнікаў-жывёлаводаў былі мабілізаваны на працу па жывёлагадоўлі [37, л. 81, 83]. Але НКЗ БССР вельмі марудна распрацоўваў нарматыўныя матэрыялы аб выкарыстанні мабілізаваных, што зрывала іх прыём на месцах [37, л. 1, 3, 30–31]. Гэта выразна сведчыць аб няўзгодненасці дзеянняў камсамола і наркамата.

У МТС і калгасах члены ЛКСМБ вылучаліся на важнейшыя ўчасткі вытворчасці. У 1934 г. 172 камсамольцы працавалі старшынямі калгасаў, 420 – брыгадзірамі, 1 270 – на ўборачных машынах [39, с. 107–108]. ЦК ЛКСМБ і «Чырвонай зьменай» нават было арганізавана ўсебеларускае спаборніцтва маладых брыгадзіраў і старшынь калгасаў [40, л. 155].

У 1934 г. камсамол рэспублікі, нягледзячы на спаборніцтва з калегамі з Ленінградскай і Заходняй абласцей па своечасовым і якасным выкананні рамонту трактароў, нездавальняюча ўдзельнічаў у гэтай справе. Стан рамонтнага трактароў быў вельмі дрэнны, бо РК ЛКСМБ абмяжоўваліся пасылкай брыгад для дапамогі камсамольскім ячэйкам МТС і не кантралявалі іх дзейнасць [37, л. 32, 40].

У 1-й палове 1934 г. у БССР востра стаяла пытанне аб аднаўленні конскага палогоўя, асабліва аб стопрацэнтным пакрыцці конематак, годных да расплоду. Гэта датычылася і камсамола рэспублікі ў рамках «шэфства над канём». Але некаторыя РК ЛКСМБ (Ветка, Гомель, Жлобін, Крычаў, Лельчыцы, Петрыкаў, Пухавічы, Тураў, Церахава) гэтым пытаннем зусім не цікавіліся і таму адставалі ў выкананні планавых задач [41, л. 154]. Шэраг РК камсамола рэспублікі бяздзейнічалі ў справе сіласавання, хаця ён і з'яўляўся «шэфам сіласа» [41, л. 160–161].

Цэлыя групы камсамольцаў правяралі падрыхтаванасць калгасаў і саўгасаў да ўборкі ўраджаю і ахоўвалі яго [40, л. 156]. Аднак, нягледзячы на набліжэнне ўборкі, у шэрагу РК ЛКСМБ не была разгорнута праца па падрыхтоўцы да яе і да аховы ўраджаю. Толькі ў Дзяржынскім, Рагачоўскім, Слуцкім і Хойніцкім раёнах былі арганізаваны камсамольска-маладзёжныя дружыны па ахове ўраджаю і збудаваны вышкі на палях [41, л. 156].

Прадстаўнік ЦК камсамола БССР 22 мая 1934 г. увайшоў у склад рэспубліканскай камісіі Усесаюзнага конкурсу імя XVII партз'езда на лепшае правядзенне хлебанарыхтоўчай кампаніі і бульбапаставак [38, л. 158].

У выніку ў жніўні 1934 г. у рэспубліцы разгарнулася спаборніцтва камсамольцаў, маладых брыгадзіраў і старшынь калгасаў, што выклікала іх вялікую актыўнасць у справе своечасовай і дабрыякаснай уборкі і здачы хлеба дзяржаве. Але Веткаўскі, Жыткавіцкі, Мазырэкі, Мсціслаўскі, Суражскі і Ушацкі РК ЛКСМБ зусім не кіравалі гэтым спаборніцтвам [37, л. 193]. Тым не менш к 5 верасня 1934 г. у БССР быў датэрмінова выкананы гадавы план хлебанарыхтовак, у чым камсамол адыграў вялікую ролю. У многіх раёнах, сельсаветах, калгасах і саўгасах менавіта камсамольцы былі ініцыятарамі і арганізатарамі хлебных абозаў [40, л. 154, 157]. Акрамя таго ЛКСМБ абвясціў усебеларускі конкурс на лепшае выкарыстанне льноцерабільных машын ва ўборачнай кампаніі 1934 г. Былі ўстаноўлены 50 прэмій на суму 10 тыс. руб. для лепшых ударнікаў з ліку механікаў, абслугоўваючых машыны, і трактарыстаў. Аднак у верасні пад уплывам артыкула ў «Комсомольской правде» ЦК камсамола рэспублікі вымушаны быў прызнаць, што праца па льнонарыхтоўках ажыццяўлялася камсамольцамі БССР недастаткова добра [37, л. 155, 220, 223].

Нягледзячы на ўсе хібы, у 1933–1934 гг. ЛКСМБ актыўна ўдзельнічаў у асваенні новай сельгастэхнікі і ў арганізацыйна-гаспадарчым умацаванні калгасаў [34, с. 197].

Калі ў 1933 г. з агульнага ліку членаў камсамола рэспублікі на вёсцы ў калгасах працавалі 82%, то ў 1934 г. – 90%; калі трактарыстаў-камсамольцаў у 1933 г. налічвалася 630, то ў 1934 г. – 850 [28, л. 67]. Члены ЛКСМБ дапамагалі разгортваць сацыялістычнае спаборніцтва сярод калгаснікаў і механізатараў, умацоўваць працоўную дысцыпліну, ахоўваць грамадскую маёмасць. Па рашэнні ЦК камсамола БССР быў зноў праведзены камсамольскі паход з мэтай наладжвання ўліку ў сельскай гаспадарцы, у якім прынялі ўдзел каля 15 тыс. камсамольцаў. Па ініцыятыве ЛКСМБ у летне-асенні перыяд ствараліся камсамольска-юнацкія дазоры па ахове ўраджаю, у якіх былі задзейнічаны тысячы юнакоў і дзяўчат [26, с. 193–195; 28, л. 48; 33, л. 198; 42, с. 6]. Увогуле члены ЛКСМБ займалі значнае месца ў калгаснай вытворчасці і ў кіраўніцтве калгасамі рэспублікі, аказвалі вялікую дапамогу ў справе іх арганізацыйна-гаспадарчага ўмацавання і выканання ўсіх гаспадарчых кампаній на сяле. Пераважная большасць камсамольцаў былі перадавікамі норм выпрацоўкі [43, л. 80].

У 1934–1935 гг. сацыялістычнае спаборніцтва маладых калгаснікаў, брыгадзіраў і звеннявых ператварылася ў масавы паход юнацтва за высокі ўраджай. З ліку ўдзельнікаў спаборніцтва каля 200 чалавек для абмену вопытам выступілі на старонках «Чырвонай зьмены» [28, л. 48]. Дынаміка колькасці сельскіх камсамольцаў у калгасах БССР у першай палове 1930-х гг. вагалася: калі ў 1932 г. іх колькасць там скарацілася да менш чым 80%, то ў 1935 г. узрасла да больш чым 90% [10, с. 58].

У 1935 г. ЦК камсамола рэспублікі правёў конкурс сярод школ і курсаў па падрыхтоўцы і перападрыхтоўцы кваліфікаваных кадраў для сельскагаспадарчых машын [44, л. 14–15]. У многім дзякуючы менавіта такім конкурсам, першымі стаханаўцамі ў сельскай гаспадарцы БССР сталі камсамольцы-льноцерабільшчыкі Горацкай МТС Д. Каравосава і А. Шустаў, якія ўстанавілі рэспубліканскі рэкорд, апрацаваўшы за сезон 86 га лёну. Як лепшыя льноцерабільшчыкі рэспублікі, яны ўдзельнічалі ва Усесаюзнай нарадзе па вырошчванні лёну ў Маскве ў студзені 1936 г. Маладая брыгадзір трактарнай брыгады Капыльскай МТС С. Рачок пры норме выпрацоўкі на трактар 250 га выканалі ў 1935 г. 465 га, а ў 1936 г. – 1 500 га. Камсамолец-брыгадзір трактарнай брыгады Хоцімскай МТС Д. Ячменеў у 1935 г. выканаў выпрацоўку на адзін трактар у 706 га. У 1936 г. камсамолец-трактарыст В. Ліпень з Пухавіцкай МТС першым узараў 1 017 га і эканоміў пры гэтым 2,6 т гаручага. Актыўны ўдзел у спаборніцтве за павелічэнне выпрацоўкі працадзён прынялі маладыя паляводы БССР. У 1937 г. першынства ў рэспубліцы заваявала камсамолка Н. Масюк з калгаса «Баявік» Грэскага раёна, якая за год напрацавала 620 працадзён [26, с. 208–209].

Значна ўзрасла удзельная вага ЛКСМБ у гаспадарчым жыцці калгасаў і вёскі ўвогуле ў 1936 г. [28, л. 67]. Вясковыя члены камсамола актыўна ўдзельнічалі ў сацыялістычных пераўтварэннях сельскай гаспадаркі, стварэнні калгасаў, ахове сацыялістычнай уласнасці [28 л. 8; 45, с. 622]. Сярод трактарыстаў БССР 68% складалі камсамольцы і моладзь. Са студзеня па май 1936 г. 570 дзяўчат былі падрыхтаваны для працы на трактарах, 11 – на камбайнах, 150 – памочнікамі камбайнёраў, 90 – льноцерабільшчыцамі. Усяго ў 1936 г. спецыяльнасцю механізатара ў рэспубліцы авалодалі 2 480 дзяўчат, а дзяўчат-трактарыстак налічвалася каля 3 тыс. (каля 25% ад колькасці ўсіх трактарыстаў). Такі рост іх колькасці дазволіў ствараць пры МТС БССР жаночыя трактарныя брыгады [26, с. 203].

У саўгасах і калгасах члены ЛКСМБ таксама мелі дасягненні ў разгортванні стаханаўскага руху [28, л. 49]. На нарадзе жывёлаводаў-стаханаўцаў рэспублікі былі ўзнагароджаны 10 камсамольцаў [46, с. 6]. Але стаханаўскі рух не атрымаў яшчэ патрэбнага размаху ў калгасах і саўгасах БССР. Стаханаўцамі там былі толькі асобныя члены камсамола. ЛКСМБ не забяспечыў якаснай палітычнай, тэхнічнай і агульнаадукацыйнай вучобы стаханаўцаў [28, л. 50]. Увогуле дрэнна ішла агратэхвучоба і здача агратэхэкса-

мену камсамольцамі і юнымі калгаснікамі. Агрятэхгурткі працавалі слаба [47, л. 235]. У гэты час з-пад увагі камсамола рэспублікі выпалі маладыя сяляне-аднаасобнікі. Так, РК саюза ў памежнай зоне зусім не працавалі з імі [48, л. 130]. У 1937 г. юнацтва складала дзве трэці ўсіх механізатараў БССР. К чэрвеню 1938 г. прафесіяй трактарыстаў і камбайнёраў у рэспубліцы авалодалі яшчэ 1 645 дзяўчат [26, с. 218, 240].

У 1939 г. ЛКСМБ, як і раней, аказаў вялікую дапамогу ў паспяховай арганізацыі і правядзенні сяўбы [26, с. 238–239]. 3 чэрвеня 1939 г. камсамол БССР прымаў актыўны ўдзел у ссяленні хутароў у вёскі. У гэтай справе ўдзельнічалі больш 35 тыс. членаў саюза, было створана 2 619 камсамольска-маладзёжных брыгад для перавозкі і ўстаноўкі жылых і гаспадарчых пабудоў сялян. Камсамольцы першымі перавозілі свае хаты. Гэта кампанія адыграла важную ролю ў арганізацыйна-гаспадарчым умацаванні калгасаў [10, с. 68; 29, с. 91; 49, с. 314]. Таксама ЛКСМБ ініцыяваў чарговую кампанію падрыхтоўкі трактарыстак з ліку дзяўчат. У выніку яшчэ каля 1,5 тыс. дзяўчат навучыліся вадзіць трактары. Сумленнай працай члены камсамола рэспублікі заваявалі вялікі аўтарытэт сярод калгаснікаў, многія камсамольцы былі выбраны на кіруючую работу ў калгасах [10, с. 67–68; 29, с. 92]. Увогуле і ў другой палове 1930-х гг. ЛКСМБ працягваў арганізоўваць калгасы і МТС, шэфстваваў над імі, вёў адпаведную агітацыю сярод сялян-аднаасобнікаў [50, с. 54].

Заклучэнне

Такім чынам, у 1930-я гг. моладзь заставалася важнай апорай у развіцці сельскагаспадарчай вытворчасці БССР, з'яўлялася непасрэдным удзельнікам мадэрнізацыі сельскай гаспадаркі рэспублікі. Разам з тым у пачатку 1930-х гг. пашырэнне адмоўнага стаўлення ў грамадстве да палітыкі калектывізацыі знайшло непасрэднае адлюстраванне і ў камсамоле БССР, які ў сваёй дзейнасці на вёсцы толькі пад ціскам ЦК ВЛКСМ пачаў аддаваць прырытэт працы ў калгасах, а не падтрымцы аднаасобных сялянскіх гаспадарак. Аднак чаканага камсамольскім кіраўніцтвам эфекту гэта не прынесла. Агульны ўдзел ЛКСМБ у калектывізацыі і арганізацыйна-гаспадарчым умацаванні калгасаў лічыўся недавальняючым.

З-за пашыранасці ў камсамоле БССР правых настрояў недастаткова разгорнута было сацыялістычнае спаборніцтва па калектывізацыі паміж АК, РК і ячэйкамі, нешырока выкарыстоўвалася ініцыятыва і самадзейнасць членаў саюза, маладых парабкаў і беднякоў у справе сацыялістычнай перабудовы вёскі. Значная колькасць камсамольскіх арганізацый абмяжоўвалася правядзеннем толькі агракультурных мерапрыемстваў. Няўзгодненымі былі дзеянні ЛКСМБ і кампартыі, прафсаюзаў, НКЗ БССР.

Мабілізацыі камсамольцаў у калгасы, саўгасы, МТС і МТМ праводзіліся непрадумана і паспешліва, адсутнічаў паўнаважны ўлік патрэб у запаўненні вакансій. Улады рэспублікі працягвалі рабіць стаўку на камсамол у сельскагаспадарчых кампаніях. Але гэты давер не заўсёды апраўдваўся з-за глыбокага ўнутранага крызісу ЛКСМБ, адсутнасці ў яго ЦК і РК якаснай сістэмы кіравання.

Нягледзячы на ўсе цяжкасці і складанасці, уплыў камсамола ў калгасах, саўгасах, МТС і МТМ рэспублікі паступова пашыраўся, дзякуючы мэтанакіраванай палітыцы ўлад. Новай формай удзелу юнакоў і дзяўчат ва ўдасканаленні сельскагаспадарчай вытворчасці стала арганізацыя па ініцыятыве ЛКСМБ пры яго камітэтах маладзёжных сельскагаспадарчых станцый. Аднак на месцах не ўсюды разгортванне іх працы было арганізавана належным чынам. З сярэдзіны 1930-х гг. камсамольцы займалі значнае месца ў калгаснай вытворчасці і ў кіраўніцтве калгасамі БССР, аказвалі вялікую дапамогу ў справе іх арганізацыйна-гаспадарчага ўмацавання і выканання ўсіх гаспадарчых кампаній на сяле. Аднак і напрыканцы 1930-х гг. сялянская моладзь рэспублікі не была цалкам ахоплена калгасамі. Меліся нават гаспадаркі маладых сялян-аднаасобнікаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Кривчиков, В. Тыловое обеспечение войск Красной Армии на территории Беларуси (1924–1939 гг.) // В. Кривчиков. – Гродно : ГрГМУ, 2012. – 204 с.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 112.
3. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 114.
4. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 580.
5. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 120.
6. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 126.
7. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 111.
8. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 131.
9. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 109.
10. Жураў, А. Е. Камсамол Беларусі ў барацьбе за сацыялізм // А. Е. Жураў. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1957. – 76 с.
11. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 117.
12. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 424.
13. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 493.
14. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 576.
15. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 130.
16. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 121.
17. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 538.
18. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 570.
19. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 572.
20. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 128.
21. Дайте льняное сырье. Комсомольцы Белоруссии срывают работу текстильных фабрик // Комсомольская правда. – 1931. – 27 апр. – С. 3.
22. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 122.
23. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 132.
24. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 133.
25. Чырвоная зьмена. – 1931. – 1 каст.
26. Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии. – Минск : Беларусь, 1975. – 536 с.
27. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 599.
28. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 139.
29. Жураў, А. Я. У баях народжаны. Кароткі нарыс гісторыі камсамола Беларусі // А. Я. Жураў. – Мінск : Народная асвета, 1970. – 224 с.
30. Чырвоная зьмена. – 1932. – 27 ліп.
31. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 135.
32. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі. – Ф. М-1. Воп. 23. Спр. 1050.
33. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 134.
34. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. – Минск : Беларусь, 1967. – Ч. II. – 585 с.
35. Звезда. – 1933. – 29 верас.
36. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 609.
37. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 136.
38. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 610.
39. Партии помощник боевой. – Минск : Выд-ва АН БССР, 1968. – 287 с.
40. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 608.
41. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 611.

42. Аўгустайціс, А. В. Пад сьцягам партыі Леніна – Сталіна : справаздачны даклад ЦК на XI з’ездзе ЛКСМБ // А. В. Аўгустайціс. – Мінск : Белпартвыдавецтва ЦК КП(б)Б, 1936. – 33 с.
43. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 606.
44. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 137.
45. Гісторыя Беларускай ССР. – Мінск : Навука і тэхніка, 1973. – Т. 3. – 696 с.
46. Спрэчкі па дакладу таварыша Лешчынера // Чырвоная зьмена. – 1936. – 14 сак. – С. 6–7.
47. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 1. Спр. 140.
48. НАРБ. – Ф. 63п. Воп. 2. Спр. 621.
49. Гісторыя Беларускай ССР. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1958. – Т. 2. – 664 с.
50. Макарэвіч, А. Камсамол / А. Макарэвіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1997. – Т. 4. – С. 54–55.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.01.2016

Danilovich V.V. Young People in Agricultural Industry of the BSSR in the 1930s

The article deals with the problem of youth participation in agricultural production in the Soviet Belarus in the 30s. of the twentieth century. It is stated that the youth are an important pillar in the development of the agricultural production of the Byelorussian SSR, was directly involved in the modernization of agriculture of the republic. However, in the early 1930s the expansion of the negative attitude of society towards collectivization policy found a direct reflection in the Komsomol and the Byelorussian SSR. Overall its participation in the collectivization and organizational and economic strengthening of the collective farms was considered unsatisfactory. A significant number of Komsomol organizations carrying out only limited agricultural events. However, despite all the difficulties and complexity of the impact of the Young Communist League in the collective and state farms, machine and tractor stations and the workshops of the republic gradually expanded, thanks to the purposeful policy of the authorities. New form of participation of young people in improving agricultural production was the organization on the initiative of the Komsomol committee of the republic during its youth agricultural stations. However, in the late 1930s peasant youth of Byelorussian SSR were not fully involved by collective farms. The country even had farms of young individual farmers.

УДК 9(437:272)

А.А. Петрусевиц

иерей, канд. богословия,

докторант Общецерковной аспирантуры и докторантуры
имени святых Кирилла и Мефодия Московского Патриархата

УТВЕРЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ЧЕХИИ И СЛОВАКИИ)

Начало христианства на территории современных Чехии и Словакии неразрывно связано с именами просветителей славян святыми братьями Кириллом и Мефодием. Истинно-христианское наследие их миссии навсегда осталось вписано в сердца здешних христиан, несмотря на то, что в результате политических изменений многие из них вскоре попали в сферу влияния Римско-католической церкви. В результате заключения Ужгородской унии в середине XVII в. большинство священнослужителей вошли в унию с Католической церковью. Но истина часто торжествует вопреки своей беззащитности. Брошенные святыми братьями Кириллом и Мефодием семена дали обильные всходы: в XIX в. Православие начало возрождаться. И, пройдя через многие испытания и трудности конца XIX – начала XX в., в 1951 г. Православной церкви в Чехословакии была дарована автокефалия, которая в 1998 г. была признана всем православным миром.

Введение

Христианизация населения Европы проходила не одновременно. В Римской империи христианство было провозглашено единственной государственной религией еще в конце IV в. императором Феодосием I. Несмотря на то, что следы язычества сохранялись еще довольно долго, жители Византии и бывшей Западной Римской империи уже в начале раннего средневековья были христианами. Христианство было распространено и среди германских народов. В Британии, после того как римские легионы вынуждены были ее оставить в начале V в., христианство находилось под угрозой исчезновения. Но вскоре христианской стала Ирландия, где наиболее известным проповедником был Патрик, объявленный затем святым покровителем этой страны. Ирландские монахи-миссионеры активно распространяли христианскую веру в Шотландии, Англии, а также и в разных уголках континентальной Европы. В IX в. Сербия и Болгария приняли христианство и вошли в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Примерно тогда же христианство проникло и на территорию современных Чехии и Словакии.

Цель статьи – рассмотреть процесс утверждения христианства на территории современных Чехии и Словакии.

Первые проповедники христианства на территории Моравского государства

Массовое распространение христианства на территории современных Чехии и Словакии относится к первой половине IX в. и связано с приходом на эти земли миссионеров из Греции, Валахии и Германии. Но деятельность первых проповедников была безуспешна ввиду того, что они проповедовали и совершали богослужение на непонятном для проживавшего там народа языке, не могли преподать вероучение с достаточной глубиной и не требовали от своих последователей осуществления христианского учения в жизни.

Успеху проповеди препятствовало еще одно важное обстоятельство: немецкая миссия угрожала независимости Моравского государства. Проповедники поддерживали немецких королей в их стремлении добиться господства над славянскими племенами Центральной Европы. Моравский князь Ростислав, понимая важность просвещения народа для его культурного развития и желая ограничить миссионерскую деятельность латино-германского духовенства, обратился в 862 г. в Византию с просьбой прислать

в Моравию учителей-проповедников, владеющих славянским языком. Князь видел угрозу его государству со стороны агрессивного соседа, германского князя Людвигу Благочестивого и искал возможность сближения с Византией, которая в случае опасности могла стать его союзником.

Миссия святых Кирилла и Мефодия

В 863 г. Византийский император Михаил III и Патриарх Фотий направили в Великоморавскую державу миссию во главе с братьями Кириллом и Мефодием. Патриарх Фотий также адресовал князю Ростиславу грамоту, в которой первосвятитель обращался к князю с напутствием: «Бог, который повелевает каждому народу прийти к познанию правды и достигнуть почести высшего звания, воззрел на твою веру и усилия... Он явил и письмена на вашем языке, которых ранее не было, но теперь с недавних пор существуют, дабы и вы были причтены к народам великим, которые Бога хвалят на своем родном языке. А посему мы послали к тебе того, которому они и были явлены, мужа драгоценного и прославленного, весьма ученого, философа. Вот, прими этот дар лучший и достойнейший, нежели всякое золото, серебро и драгоценные камни и все преходящее богатство. Постарайся вместе с ним смело утвердить дело и всем сердцем взыскать Бога и не закрывать спасение для всего народа, но всячески побуждай, дабы не ленились, а вступили на путь правды, чтобы и ты, если приведешь их своим старанием к познанию Бога, принял награду и в этой, и в грядущей жизни за все души, которые верят во Христа Бога нашего отныне и до века, и оставил по себе светлую память будущим поколениям, подобно как и великий царь Константин» [1, с. 6].

Кирилл и Мефодий начали проповедь христианской веры на славянском языке. Еще на родине Кирилл разработал славянскую азбуку и начал переводить на славянский язык основные богослужебные книги. Здесь, в Великой Моравии, братья вместе с учениками продолжили перевод Библии, Литургий святого Иоанна Златоустого и святого Василия Великого, а также основных богослужебных книг. По инициативе князя Ростислава была создана школа, где дети учились славянской азбуке по переведенным книгам. Вскоре под руководством братьев-миссионеров стали строить церкви, в которых богослужение совершалось на славянском языке. Успешная миссионерская деятельность братьев Кирилла и Мефодия, поддерживаемая князем Ростиславом, закладывала основы независимости Великоморавской державы, поэтому и вызывала резкое противодействие со стороны немецких князей и духовенства, преследовавших свои интересы в славянских государствах. Латинские миссионеры обвинили братьев в употреблении в богослужении «неосвященного языка», а также в распространении ложного учения о Святом Духе. Кирилл вступил в полемику со своими обвинителями, доказывая им пагубность «трехязычной ереси», суть которой заключалась в признании сакральными, достойными выразить Священное Писание, только трех языков в мире: еврейского, греческого и латинского [2, с. 6].

В такой непрерывной борьбе братья прожили в Моравии сорок месяцев, их миссионерский труд и пример святой жизни нашли поддержку не только правителя Моравии, но и простого народа, который, наконец, услышал благую весть о Христе на родном языке и сознательно принял христианство, отказавшись от языческого заблуждения. Братья Кирилл и Мефодий, желая организовать самостоятельную Церковь в Моравском государстве, отправили своих учеников в Константинополь для рукоположения их в пресвитеров и диаконов. Но в это время там совершился дворцовый переворот, император Михаил III был убит, а на его место избран Василий I Македонец, организатор убийства. Патриарх Фотий впал в немилость императора и был лишен кафедры. Узнав о таком положении дел в Константинополе, братья Кирилл и Мефодий были обеспокоены, понимая, что лишились защиты и поддержки. Успех их миссии в Моравии

вызывал недовольство латинской иерархии и духовенства. Кроме того, братья были обеспокоены еще и тем, пожелает ли новое византийское правительство и церковная власть рукополагать священников для Моравской державы, приобретая тем самым врага в лице Римского папы? Кроме того, новый Патриарх Игнатий придерживался «трехъязычной ереси». В таком безвыходном положении святые братья, к их великому изумлению, получили приглашение от папы Николая I посетить Рим. Папа, как предусмотрительный иерарх, сделал тактический ход: пригласил братьев-миссионеров в Рим с целью воспрепятствовать их плану посвящения учеников в священники Византийской церковью, чтобы таким образом сохранить новокрещенных христиан для Рима [3, с. 29]. Миссионеры понимали, что рукоположение в священники в Риме станет бесповоротным шагом подчинения Римскому папе, но любой ценой стремились достичь того, чтобы в Моравии была учреждена славянская епархия, пусть даже в юрисдикции Рима. Перед самым приходом братьев в Рим папа Николай I умер, и на его место был избран папа Адриан II, который с честью встретил братьев и принял в дар от них мощи священномученика Климента, папы Римского. Папа Адриан II, как блестящий дипломат, проявил благосклонность по отношению к братьям: сам совершил литургию на славянском языке и освятил богослужебные книги, свидетельствуя тем самым, что дает согласие на совершение богослужений на по-славянски. Более того, папа рукоположил Мефодия в сан священника, а своим епископам Формозу и Гаудериху дал распоряжение рукоположить учеников Кирилла и Мефодия.

В послании святому князю Ростиславу папа Адриан II писал: «Если же кто осмелится порицать указанных учителей и совращать от истины к басням или, развращая вас, будет хулить книги вашего языка, тот пусть будет отлучен и представлен на суд церкви и до тех пор не получит прощения, пока не исправится. Ибо это волки, а не овцы, и должно узнавать их по плодам и остерегаться их» [1, с. 9]. Причиной такого благорасположения папы было желание привлечь братьев-миссионеров на свою сторону. Это подтверждает исследователь И. Огиенко, когда пишет: «Рим нигде и никогда не учреждал национальные церкви, а наоборот, он подавлял их, как, например, готскую церковь или англо-саксонскую церковь» [3, с. 29]. Несмотря на благоприятные результаты встречи с папой, перед братьями стояла нерешенная проблема учреждения автономной епархии, которая находилась бы не в подчинении Зальцбургскому архиепископу, как это было возможно, а в прямом подчинении Риму, чтобы исключить вмешательство баварского духовенства, в руках которого была церковная власть. Папа Адриан II, не желая настраивать против себя германцев, отложил решение проблемы. Между тем, 14 февраля 869 г. на сорок втором году жизни умер один из братьев-миссионеров – Кирилл. Мефодий продолжил миссионерскую деятельность и добился от папы учреждения Паннонской епархии. По просьбе князя Коцела папа рукоположил Мефодия в сан архиепископа Моравии и Паннонии [4, с. 30]. Таким образом, начатое по просьбе князя Ростислава миссионерское дело братьев Кирилла и Мефодия увенчалось успехом: для Моравии был рукоположен архиерей, а следовательно, была организована полноценная церковная структура.

Упразднение «мефодиевской церкви»

Политическая ситуация в Моравии не отличалась стабильностью. Князь Ростислав продолжал борьбу за независимость своей державы: к концу 869 г. был заключен мирный договор с немцами, но ненадолго. Племянник князя Ростислава Святополк, бывший удельным князем одной из моравских областей, предал своего дядю и стал союзником немецкого князя Карломана, сына короля Людовика. Ростислав был захвачен в плен, его держава оказалась во власти Карломана, а сам князь Ростислав за любовь к своему народу и верность апостольскому учению был ослеплен и заточен в темницу.

В 870 г., претерпев страшные мучения, князь Ростислав умер в одной из баварских тюрем. Святого Мефодия, лишённого политической поддержки, немецкие власти арестовали и, не найдя предлога для осуждения, заточили в монастырь. Сохранилась монастырская поминальная книга, где наряду с именами насельников монастыря упоминается и имя епископа Мефодия [1, с. 10]. Пребывание в заключении подорвало здоровье святителя. Чувствуя приближение смерти, он попросил своего ученика Горазда быть его преемником по кафедре, в то время как папа Стефан V назначил в Моравию епископа Вихинга, главу партии немецкого духовенства в Великой Моравии. 6 апреля 885 г. епископ Мефодий умер, и папа направил князю Святополку письмо, в котором говорил о назначении Вихинга Моравским епископом и осуждал деятельность Мефодия. Папа запретил богослужение на славянском языке, потребовал внести «Filioque» в Символ Веры и установить пост в субботу согласно западной практике. Настоящий смысл письма Папы Стефана V проявился впоследствии: более двухсот славянских священников были изгнаны из страны, была проведена насильственная ликвидация монастырей, уничтожены документы и церковные здания. В результате всех этих действий «мефодиевская церковь» как организация перестала существовать. Для Православной Церкви и ее верующих начался период открытых преследований и гонений со стороны Римского престола.

Продолжение кирилло-мефодиевской традиции

Во время уничтожения «мефодиевской церкви» в Западной Словакии и Моравии Восточная Словакия, имевшая связь с Закарпатской Украиной и состоявшая в юрисдикции Мукачевских епископов, сохраняла духовное наследие святых Кирилла и Мефодия. Насколько прочно было здесь христианство, видно из того, что верующие из Угорской Руси целыми процессиями посещали Киев и даже принимали участие в торжествах крещения киевлян. К примеру, православный мукачевский князь Феодор Кориатович, управлявший Закарпатской областью, построил много православных храмов, а также обновил существовавший с XI в. на Закарпатье православный мужской монастырь святителя Николая на Чернечьей горе недалеко от Мукачево, ставший впоследствии духовным центром управления церковью Закарпатья и Словакии.

Но в середине XVII в. Православие и в Восточной Словакии подверглось нападкам со стороны католичества. В 1649 г. иезуитам при помощи местных помещиков удалось ввести Ужгородскую унию с Римом. Уния была введена для усиления позиции католицизма в борьбе с Православием и Протестантизмом. Унию приняла лишь часть духовенства, а народу было сказано, что он остается православным. На протяжении веков движение к восстановлению Православия в Восточной Словакии сталкивалось с сильным сопротивлением властей: православных притесняли, ограничивали в гражданских правах, наказывали, запрещали молитвенные собрания, изымали и уничтожали книги и церковные предметы, православных священнослужителей арестовывали.

На территории современной Чехии после изгнания учеников святого Мефодия миссия святых братьев тоже не умерла. В народе сохранялась живая память о кирилло-мефодиевском деле, о чем свидетельствует целый ряд исторических памятников, сохранившихся до наших дней на славянском языке. Вацлав Гуса, изучая культуру этого народа XI в., свидетельствует, что древнейшие памятники письменности: житие Кирилла и Мефодия, легенда о князе Вячеславе и княгине Людмиле – были написаны как на старославянском, так и на латинском языках [5, с. 49]. В 1032 г. в Чехии был основан Сазавский монастырь, в котором, как свидетельствует житие святого Прокопия, игумена Сазавского, совершались богослужения на славянском языке и исповедовалась вера в таком виде, как заповедали славянские просветители – святые братья Кирилл и Мефодий. В духовном центре при монастыре латинские и старославянские труды переводили-

лись на чешский язык. «Здесь не боялись принимать все то, что принесли первые сов-местные века христианства, не боялись открывать и брать все полезное и чистое из свя-тоотеческого наследия. Там, где латинские богословы не могли дать ответы на многие вопросы, приходила на помощь святоотеческая литература, часто византийского проис-хождения. Это говорит о связи приверженцев святого Прокопия с Афоном и Киево-Пе-черской лаврой» [6, с. 148].

Преемник святого Прокопия, игумен Вит, был изгнан в 1057 г. князем Спитигне-вом II за свою любовь к славянскому богослужению. Спустя 6 лет благодаря чешскому королю Вратиславу II Вит возвратился в монастырь и обратился к папе Григорию VII с просьбой утвердить греко-славянскую Божественную литургию. Папа согласия не дал и даже более того запретил совершать греко-славянское богослужение. С согласия ко-роля в монастыре продолжали придерживаться византийской традиции, а в 1079 г. ко-роль Вратислав II по требованию чешского сейма просил Рим о всеобщем введении греко-славянской литургии. Только после смерти Вратислава II противники греко-сла-вянской литургической традиции изгнали славянских монахов из Сазавского монасты-ря. Их место заняли латинские монахи, которые уничтожили славянские богослужеб-ные книги. Начался период гонений и преследований тех, кто старался сохранить в чешских землях веру святых Мефодия и Кирилла.

Но тем не менее существуют свидетельства того, что на территории Чешских зе-мель остались представители православного вероисповедания, сохранившие веру, кото-рую принесли святые братья Кирилл и Мефодий. Об этом говорит тот факт, что в Праге по распоряжению Карла IV в 1347 г. был основан Эмаусский монастырь на Слованех славянского обряда [7, с. 53]. Для нас же важен сам факт того, что православных было немало тогда в Чешских землях.

Однако латинский обряд продолжал преобладать, что и послужило одной из при-чин известного движения Яна Гуса (1371–1415), чешского национального героя, кото-рый боролся против засилия католической церкви, за отмену индульгенций, проповедь и богослужение на понятном языке, введение в церковную практику переводов литур-гических текстов и богослужебных книг и т.д. В связи с этим следует отметить, что по-пытки чешской церковной реформы не происходили непосредственно из православия, но реформаторы ясно понимали исторические истоки предлагаемых перемен, происхо-дивших из Восточной Церкви.

В XVI в. чешские и словацкие земли оказались в составе империи Габсбургов. Угнетения со стороны Габсбургов и отмена в 1617 г. привилегий чехов и словаков, со-хранявших еще некоторую независимость в составе монархии, привели в 1618 г. к вос-станию в Чехии. В 1620 г. восстание было подавлено во время кровопролитного сраже-ния между чешскими войсками и армией Католической Лиги при Белой Горе под Пра-гой. В результате Белогорского поражения около 36 тыс. чешских семей покинули ро-дину. В Чехию возвратились иезуиты-католики. На протяжении XVII–XVIII вв. здесь проводилось насильственное и систематическое окатоличивание населения.

В XIX в. Православие у чехов начало возрождаться. В 1848 г. в Праге состоялся Славянский съезд, на котором была совершена под открытым небом Божественная ли-тургия на славянском языке. В связи с тем, что в 1870 г. на Первом Ватиканском Собо-ре был провозглашен догмат о непогрешимости Римского папы, группа чехов-католи-ков из 12 человек, находившаяся в России, обратилась к Петербургскому митрополиту Исидору с просьбой присоединить их к Русской Православной Церкви, что и было со-вершено в праздник Покрова Божией Матери в 1870 г. в Александро-Невском соборе Петербурга [8, с. 13]. В этом же году для православных богослужений Петербургское благотворительное общество арендовало храм святителя Николая на Староместской площади в Праге, а в 1874 г. этот храм был освящен. Кроме того, в Карловых Варах,

Марианских Лазнях и Франтишковых Лазнях – курортах, где любила отдыхать и лечиться в то время русская интеллигенция, – были построены православные храмы в русском стиле, в которых служили русские священники. Эти храмы окормляли приезжавших сюда русских и одновременно выполняли православную миссию среди чехов.

Несмотря на притеснения со стороны австрийских католических учреждений, Православие в Чехии интенсивно распространялось. Известны случаи перехода в Православие целых сел. Согласно данным переписи населения, 1910 г. в Чехии насчитывалось свыше 1 000 православных.

После окончания Первой мировой войны было образовано Чехословацкое государство, в котором началось стремительное движение к возвращению к православной вере. В период между Первой и Второй мировыми войнами на территории Чехословацкой Республики существовали православные приходы нескольких юрисдикций: русской, сербской и константинопольской. В XX в. обновителем Православия в чешских землях стал святитель Горазд (Павлик), епископ, мученически погибший в 1942 г. от рук немецких захватчиков [9].

Пройдя сквозь горнило мытарств, в 1948 г. Православная Церковь в Чешских землях и Словакии вошла в юрисдикцию Русской Православной Церкви, а в ноябре 1951 г. в Москве Святейшим Патриархом Алексием I был подписан акт о даровании автокефалии Православной церкви в Чехословакии. 27 августа 1998 г. Константинопольским Патриархатом, не признававшим до этого автокефального статуса Чехо-Словацкой Церкви, был издан «Патриарший Синодальный Томос о даровании автокефалии святой Православной церкви в Чешских землях и Словакии» [10]. Православная Церковь на территории современных Чехии и Словакии была признана всем православным миром как самостоятельная и независимая в своем управлении.

Заключение

Утверждение христианства на территории современных Чехии и Словакии – это результат самоотверженной миссии братьев Кирилла и Мефодия.

Православная вера среди чехов и словаков на протяжении десяти столетий подвергалась гонению. Если на Ближнем Востоке и на Балканах тяжким испытанием для православных было мусульманское иго, то на территории современных Чехии и Словакии Православие всеми силами пытались уничтожить католики. Но полностью добиться этого им не удалось. Чехи и словаки остались верны Православию и именно поэтому смогли сохранитьбя как нации с собственным языком, традициями, культурой и историей. И сегодня Православие на территории современных Чехии и Словакии организовано в самостоятельную в своем управлении Поместную Православную Церковь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Святые Чешских Земель и Словакии. – М. : Изд-во свв. Кирилла и Мефодия : Ковчег. – 2003. – 62 с.
2. Иоанн, митрополит. 1100-летний юбилей Православия в Чехословакии / митрополит Иоанн // Ежегодник Православной Церкви в Чехословакии. – Прага, 1963. – С. 5–8.
3. Михалев, А., протоиерей. Культурно-миссионерская деятельность славянских апостолов в великой Моравии / протоиерей А. Михалев // Ежегодник Православной Церкви в Чехословакии. – Прага, 1963. – С. 117–127.
4. Новак, А. Г. Некоторые спорные вопросы кирилло-мефодиевской проблематики / А. Г. Новак // Ежегодник Православной Церкви в Чехословакии. – Прага, 1963. – С. 22–39.

5. Гуса, В. История Чехословакии / В. Гуса. – Прага, 1963. – 372 с.
6. Христофор, митрополит. Православный мир. Исторический обзор Поместных Православных Церквей / митрополит Христофор. – М., 2007. – 179 с.
7. Новикова, Е. Православие у чехов / Е. Новикова. – М., 1848. – 96 с.
8. Чешское торжество Православия: Къ тридцатилѣтію воссоединенія с Православной Церковью первой группы чеховъ. – Петроградъ : Изданіе Воскресенской миссіонерской обители, 1901. – 26 с.
9. Петрусевич, А. А. Положение Православной Церкви в Чехословакии во время Второй мировой войны / А. А. Петрусевич // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2014. – № 2. – С. 37–43.
10. Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Дело 54. Справочные материалы. ΠΑΤΡΙΑΡΧΙΚΟΣ ΚΑΙ ΣΥΝΟΔΙΚΟΣ ΤΟΜΟΣ ΠΕΡΙ ΕΥΛΟΓΙΑΣ ΤΟΥ ΑΥΤΟΚΕΦΑΛΟΥ ΤΗΣ ΕΝ ΤΣΕΧΙΑ ΚΑΙ ΣΛΟΒΑΚΙΑ ΑΓΙΑΣ ΟΡΘΟΔΟΞΟΥ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣ (перевод автора).

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.12.2015

Petrusevich A.A. The Adoption of Christianity in Eastern Europe (on the Example of Modern Czech Republic and Slovakia)

In the article the author describes the process of adoption of Christianity in the territory of today's Czech Republic and Slovakia. The origin of Christianity in these lands belongs to the first half of the IX century and is associated with the arrival on these lands missionaries from Greece, Wallachia and Germany. Devoid of unity and unorganized activities of the first preachers was unsuccessful. Then, at the request of the Moravian Prince Rostislav of Byzantium in 863 year preachers Cyril and Methodius were sent, thanks to whom the diocese was soon organized, and Christianity spread throughout Moravia.

УДК 93:233-46:373(476)

М.Г. Коженевская

*аспірант каф. історыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных історычных дысцыплін
Гродненскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена проблеме деятельности женских благотворительных организаций на территории белорусских губерний Российской империи в конце XIX – начале XX в. Автор раскрывает процесс становления женских благотворительных обществ, функциональные особенности их деятельности, а также роль женщины в благотворительности в исследуемый период. Особое внимание уделяется такому направлению работы обществ, как образование, всесторонняя помощь учебным заведениям и бедным учащимся. На архивном материале дается характеристика женских обществ, которые целью своей деятельности ставили оказание помощи в воспитании и образовании подрастающего поколения. Показана деятельность отдельных представительниц богатых и знатных семей, которые на собственные средства открывали школы, пансионы и т.п., а также устраивали различные мероприятия с благотворительной целью.

Введение

Вторая половина XIX – начало XX в. является периодом развития женского движения на территории Российской империи. Женщина стала активно стремиться к получению образования, профессии, бороться за свои права в обществе и т.п. Одной из сфер деятельности, где женщина реализовывала себя, была благотворительность. Это едва ли не единственная сфера, в которой женщине были открыты все пути. Помогать различным категориям нуждающихся стремились представительницы влиятельных и имущих семей как в частном порядке, так и через организованные женские благотворительные общества.

Наряду с беззаветным и самоотверженным служением этому делу (в виде частной благотворительности, в форме забот и о женщинах, и о детях, и о больных и увечных, и о всех нуждающихся в помощи) женщина откликалась и на все общественные бедствия: шла кормить голодных во время бедствия, вступала в ряды сестер милосердия во время войны, работала в качестве врача и фельдшерицы в борьбе с эпидемиями и горячо отдавала свои силы, где могла, на просвещение темного народа [1, с. 23]. Наиболее популярным направлением деятельности женских благотворительных обществ являлась сфера образования, где усилиями неравнодушных дам оказывалась помощь нуждающимся учащимся.

Целью данной статьи является рассмотрение деятельности женских благотворительных обществ в сфере образования, а также отдельных представительниц, которые стремились помогать бедным ученикам.

Деятельность женских благотворительных организаций в сфере образования

Изменения в социально-экономической жизни государства во второй половине XIX – начале XX в. вызвали необходимость повышать образовательный уровень, получать профессиональные знания. Поскольку затраты на национальное образование со сто-

---

Научный руководитель – С.А. Пивоварчик, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

роны государства были небольшие, то потребность населения в образовании нередко удовлетворяли благотворительные общества, в том числе и женские, а также частные лица. На территории белорусских губерний всё чаще стали создаваться общества вспомоществования нуждающимся учащимся различных учебных заведений, которые выдавали денежные пособия, вносили плату за обучение, содержали при школах и училищах бесплатные или дешевые столовые, снабжали одеждой, книгами, обувью и т.п.

Средства на свою деятельность они получали за счет единовременных пожертвований, членских взносов, благотворительных мероприятий и т.п. Время от времени общества вспомоществования получали незначительные дотации от городских властей.

Женская благотворительность на белорусской территории берет свое начало ещё в XII в., когда Ефросиньей Полоцкой было открыто женское монастырское училище. В нем дети из бедных семей полочан и сироты бесплатно обучались грамоте, переписыванию книг и получали духовно-нравственное воспитание, находясь на полном или частичном содержании монастыря [2]. В следующие столетия эта тенденция оказания помощи детям из бедных семей и сиротам меценатками сохранялась и успешно развивалась, постепенно приобретая новые организационные формы.

Среди создававшихся женских благотворительных обществ были те, которые занимались исключительно поддержкой и развитием образования. Одно из первых таких обществ – Минское женское благотворительное общество, организованное в 1859 г., чтобы местные жители имели возможность давать своим дочерям образование. Инициатором его создания была жена минского губернатора графиня М.И. Келер. Средства, на которые приходилось организовывать работу, составляли пожертвования горожан. За короткий срок было собран капитал более 1 000 руб. [3, с. 31].

С целью оказания помощи нуждающимся ученикам в 1909 г. в г. Режица Витебской губернии было образовано Женское попечительство об учениках Талмуд-Торы. Около 100 учеников данного учебного заведения были выходцами из бедных еврейских семей. Само учреждение не имело средств на улучшение материального положения своих учеников, поэтому женами местных мещан и купцов (Хаей Ошерошной Гедь, Фридой Абрамовной Фальковой, Хасей Гиршевной Тагер, Фридой Моисеевной Шерешевской, Дорой Рахмелевной Рубин, Ревеккой Абрамовной Рубин и др.) было решено оказать им помощь. Председателем Общества была назначена Э. Загорье [4, л. 5]. Помощь выражалась в снабжении нуждающихся учеников одеждой, обувью и пищей в столовой при Талмуд-Торе, а также в заботе об их гигиене и здоровье. Средства общества состояли из членских взносов, доходов от капиталов общества и посторонних лиц деньгами или вещами, а также отказов по духовным завещаниям. Часть дохода составляли деньги, вырученные от устраиваемых спектаклей, литературных чтений, концертов и т.п. При количестве почти в 100 учеников помощь, к сожалению, оказывалась только в скромных размерах [4, л. 44]. Согласно отчету деятельности данного общества за 1911–1912 гг., расход Общества составил сумму в 1 297 руб. 18 коп., из которых 545 руб. 56 коп. было потрачено на одежду, 331 руб. 65 коп. на обувь, 163 руб. 46 коп. на завтраки [4, л. 63].

На белорусской территории среди женских благотворительных организаций всё же преобладали те, для которых образование являлось одним из направлений широкой деятельности. Могилевское женское благотворительное общество было образовано в 1860-е гг. с целью «доставления средств к улучшению нравственного и материального состояния нуждающихся жителей Могилевской губернии, в особенности, семейств неимущих офицеров и чиновников» [5, с. 173]. В 1898 г. при Могилевском женском благотворительном обществе был открыт детский приют, рассчитанный на 25 мальчиков от 5 до 10 лет, жителей только Гомельского уезда Могилевской губернии, за исключением лиц иудейского вероисповедания. Их обучали грамоте и кузнечно-слесар-

ному ремеслу. Руководство по приюту в воспитательном и хозяйственном отношениях принадлежало его попечительнице, жене генерал-майора М.В. Семякиной, в должности надзирательницы с 1898 г. состояла О.И. Романкевич. Помимо этого Могилевское женское благотворительное общество содержало в местной женской гимназии две стипендии [6, с. 21].

Активность прекрасной половины населения страны в благотворительной деятельности не всегда приводила к образованию именно женского благотворительного общества (по названию, составу, цели деятельности и т.п.). Членами некоторых объединений, оказывавших помощь бедным учащимся, могли быть лица обоего пола, но более деятельными в работе были женщины (как председатели, члены правления и т.п.).

В 1906 г. в Двинске начало свою работу Общество вспомоществования нуждающимся ученикам частной женской гимназии П.К. Броерской. Целью создания общества являлось оказание материальной помощи наиболее нуждающимся ученицам частной женской гимназии. Вспомоществование заключалось в оплате за обучение, в выдаче учебных книг и пособий, одежды и пищи, поиске занятий ученицам гимназии. Средства общества состояли из ежегодных взносов членов и соревнователей общества, единовременных пожертвований деньгами и вещами как членов, так и посторонних лиц, средств, собранных от устраиваемых обществом публичных чтений, спектаклей концертов и т.п. [7, л. 18]. Согласно отчету деятельности Общества за 1908 г., приход составил 3 208 руб. 9 коп. (288 руб. – членские взносы; 1 125 руб. 50 коп. – пожертвование П.К. Броерской; 1 667 руб. – сбор от базара, устроенного Правлением общества 10 февраля 1908 г., 64 руб. 20 коп. – от концерта, устроенного 17 апреля 1908 г.). Из вышеназванной суммы на пособия учащимся было израсходовано 2 600 руб. 25 коп., на канцелярские товары – 51 руб. 71 коп. [7, л. 49].

В деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Минского еврейского первоначального училища с ремесленными отделениями также принимали активное участие женщины. Своей деятельностью Общество стремилось уменьшить нужду учеников путем снабжения их питанием, одеждой, бельем, обувью и т.п. В 1903 г. председателем Общества был О.Л. Лунц, вице-председателем Ф.Р. Поляк, казначеем Л.В. Берлянд и секретарем С.Д. Каминский. В правление входили в качестве выборных членов г-жи Б.Б. Гинзбург, Р.А. Гурвич, Ф.Р. Поляк, Л.М. Сирвинт, Т.М. Френкель, С.И. Фогель, Е.Л. Каплан, г-да Л.В. Берлянд и С.Д. Каминский. Кандидатами состояли г-жи Л.М. Сутина, Э.Г. Гецова и г-н М.Б. Гурвич. Членами ревизионной комиссии состояли г-жи Л.Я. Сыркина, П.Ю. Венгерова, кандидатом к ним г-жа А.И. Ляховская [8, с. 3]. В 1910 г. на попечении Общества находилось 70 учеников ремесленного училища. Наибольшее количество средств было потрачено на пищу, одежду и обувь. В среднем на каждого ученика в год тратилось 39 руб. 82 коп. на еду, 5 руб. 80 коп. на одежду, 5 руб. 16 коп. на обувь. Пансионерам выдавались рубахи, портянки, костюмы (всем без исключения) и пальто (по мере надобности) [8, с. 5].

Во второй половине XIX – начале XX в. при организации благотворительных обществ продолжала играть роль конфессиональная принадлежность нуждающихся. Представительницы богатых семей и женские благотворительные общества нередко стремились помочь исключительно своим единоверцам. Так, в начале XX в. в Гродненской губернии при Красностоцком женском монастыре действовала «Свято-Ольгинская община сестер просвещения». Главная цель деятельности Общины сестер просвещения состояла в упрочении воспитательного влияния учительниц церковно-приходских школ, в объединении их педагогической деятельности и обеспечении их благополучия в нравственном и материальном отношении при женских монастырях. Общины сестер просвещения формировались из женщин, желающих посвятить себя обучению и воспитанию детей на христианских началах, согласно учению православной цер-

кви [9, с. 100]. Стоит отметить, что успехи монастыря были поразительными в развитии не только школьного образования, но и практического хозяйствования. При монастыре работали церковно-учительская школа, сельскохозяйственное училище, приют для сирот, открыты аптеки, амбулатория, больница, производственные мастерские; образовано православное братство. Вся жизнь обители протекала в лучших обычаях и традициях православия [9, с. 101].

Представительницы католической религии также старались оказать помощь нуждающимся. Так, дворянки Мария Генриховна Радзевич, Ядвига Генриховна Скирмунт и Антонина Адамовна Завадская за свой счёт открыли в г. Кобрине в 1909 г. приют для 12 девочек римско-католического вероисповедания «Дом Святого Антония» [10, л. 5]. В приюте девочки обеспечивались пищей, обучались Закону Божьему, ремеслам и другим работам, которые соответствовали их возрасту и способностям. В случае болезни дети пользовались бесплатной медицинской помощью и лекарствами или за счёт приюта помещались в больницу [10, л. 23]. Средства приюта (500 руб.) состояли из членских взносов, пожертвований членов приюта и посторонних лиц как деньгами, так и вещами, а также из доходов от устраиваемых приютом драматических представлений, концертов, литературных вечеров и т.п. В 1912 г. в приюте было 22 девочки в возрасте 6–13 лет. Дети занимались разными видами рукоделия, шили для себя одежду, а летом были преимущественно заняты на находящемся при приюте огороде для выращивания овощей. Старшие дети обучались также польской грамоте и Закону Божию, который преподавал ксёндз П. Должик [10, с. 61].

В качестве примера общества, которое помогало ученикам-иудеям, можно назвать Дамское попечительство «Малбиш Арумим», которое начало свою работу в г. Орша в 1912 г. Оно оказывало материальную помощь учащимся Оршанской Талмуд-Торы и состоящему при ней женскому профессиональному училищу. Помощь попечительства выражалась в снабжении бедных одеждой и обувью и т.п. [11, с. 5].

В исследуемый период в деле развития бесплатного образования помощь оказывалась со стороны не только благотворительных обществ, но и частных лиц, многие из которых открывали и содержали учебные заведения.

В январе 1861 г. в г. Полоцке женой надворного советника Екимовой, госпожами Вернер и Брунст была открыта бесплатная школа для девочек. В этом учебном заведении ставили цель воспитать и подготовить учениц, чтобы они стали знающими учительницами и хорошими матерями, которые воспитают своих детей в правилах православной веры и смогут дать им начальное образование. Здесь преподавались такие предметы, как Закон Божий православного исповедания, церковно-славянское чтение и пение, русское чтение и письмо, правила арифметики, некоторые понятия об отечественной истории и географии. Девочек учили также рукоделию, шитью одежды, вязанию и вышиванию. Учебное заведение существовало на добровольные пожертвования частных лиц и на суммы, вырученные от продажи рукодельных работ учениц. В школу принимались дети бедных родителей, большей частью сироты, всех сословий с 6-летнего возраста. Несмотря на то что работа школы была ориентирована на детей из православных семей, в ней обучались также дети римско-католического и иудейского вероисповедания. В 1867 г. учебное заведение посещали 70 девочек (50 православных, 19 католичек, 10 иудеек) [12, л. 5–8].

В г. Динабург в 1864 г. Екатериной Грумбковой был открыт женских пансион, по окончании которого выпускницы выходили с достаточным образованием. В 1867 г. в данном учебном заведении училось 17 девушек от 10 до 15 лет. Правительство, стремясь поддержать развитие женского образования в крае, оказывало материальную помощь содержательницам подобных пансионов и школ. В 1867 г. было принято решение направлять в ведение директора Динабургской гимназии ежегодно по 500 руб. для вы-

дачи по мере необходимости пособий содержательнице женского пансиона Е. Грумбковой. «Если же это невозможно, то выдавать ей одновременно для поощрения хотя бы 300 руб.» [13, л. 3].

В начале XX в. деятельную поддержку различным категориям нуждающихся оказывала жена минского генерал-губернатора Надежда Ильинична Новосильцева. При ее участии в 1910 г. при приюте беспризорных детей имени Святой Ирины была устроена церковно-приходская школа. В приют же принимались дети православных родителей, крестьян, мещан и т.д. Различная помощь пособиями, бесплатными обедами оказывалась преимущественно православным, но пользовались ею также лица и других христианских исповеданий [14, с. 11].

Заключение

Таким образом, одним из популярных направлений деятельности женских благотворительных обществ, активно создававшихся во второй половине XIX – начале XX в., являлось образование. Реформа в области просвещения, открытие новых школ и доступ в них детям всех сословий и вероисповеданий, малое финансирование государства порождало необходимость помогать ученикам из бедных семей и сиротам. Помощь оказывалась как женскими благотворительными обществами и кружками, так и отдельными представительницами богатых и влиятельных семей, которые не оставались равнодушными к нужде детей. Одни женские благотворительные общества ставили своей главной целью помочь учащимся того или иного учебного заведения. Другие же рассматривали образование и воспитание как одно из направлений своей деятельности. Не последнюю роль при организации обществ и оказания помощи играла конфессиональная принадлежность нуждающихся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шабанова, А. Н. Очерк женского движения в России / А. Н. Шабанова. – СПб., 1912. – 32 с.
2. Грыгор’еў, А. Станаўленне дзцячай дабрачыннасці ў Беларусі / А. Грыгор’еў // Народная асвета. – 2000. – № 7. – С. 150–159.
3. Помалейко, О. Л. Женские организации в Беларуси на рубеже веков (конец XIX – начало XX в.) / О. Л. Помалейко. – Минск : Тесей, 2012. – 128 с.
4. Дело об учреждении Женского общества попечения об учениках «Талмуд-Горы» в г. Режице (Резекне, Латвия) (1909–1914 гг.) // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБМ). – Ф. 2649. Оп. 1. Д. 224.
5. Полное собрание Законов Российской империи / Отд. 1. 1860 г. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. – Собр. 2, т. XXXV. – 961 с.
6. Григорьев, А. Д. Становление и развитие социальной работы на Беларуси (X–XX в.) / А. Д. Григорьев. – Минск : БГПУ, 2000. – 218 с.
7. Дело об образовании общества нуждающихся учениц частной женской гимназии П. К. Броерской в г. Двинске (1906–1911 гг.) // НИАБМ. – Ф. 2649. Оп. 1. Д. 60.
8. Отчет общества вспомоществования нуждающимся ученикам Минского еврейского первоначального училища с ремесленным отделением за 1903 г. – Минск : Тип. П. А. Клиориной, 1904 г. – 11 с.
9. Черепица, В. Н. Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) : монография / В. Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 420 с.

10. Дело об открытии приюта для девочек «Дом Святого Антония» в г. Кобрине // Национальный исторический архив в г. Гродно (НИАГр). – Ф. 103. Оп. 1. Д. 80.
11. Отчет оршанской Талмуд-Торы за 1912 г. – Орша : Тип. Левина, 1913. – 12 с.
12. Дело об оказании пособия Полоцкой бесплатной школы для бедных девочек (1867 г.) // НИАБМ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 33344.
13. Дело о пособии содержательницам женских пансионов Грумбковой в Динабурге и Лейнард в г. Велиже Витебской губернии (1866/1867 гг.) // НИАБМ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 32614.
14. Краткий очерк деятельности супруги генерала-адъютанта Надежды Ильиничны Новосильцевой в г. Минске. – Минск : Типо-лит. упр. Либ.-Ром. ж.д, 1914. – 46 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.02.2016

Kazhaneuskaya M.G. Activities of Women's Charitable Organization in Belarus in the Second Half of the XIX and early XX Centuries in the Field of Education

The article deals with the problem of women's charitable organization activity on the Belarusian province territory of the Russian Empire in the end of the XIX – beginning of the XX centuries. The author presents the process of organization formation, functional features of their activities and women's role in charity in the studying period. Particular attention is given to education, comprehensive assistance to educational institutions and poor students. The characteristic of women's organizations is based on archives. The objective of the work of these organizations was the provision of assistance for upbringing and the education of younger generation. The author also presents the activities of individual representatives from rich noble families, who opened schools, boarding schools on their own funds. They also organized different events for a charitable purpose.

УДК 94(47+57) «1914/1918»

Э.В. Старостенко

аспірантка 1 года обучения,

*ассистент каф. археологии и специальных исторических дисциплин
Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова*

ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО В ГЕРМАНСКО-АВСТРИЙСКОМ ПЛЕНУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена исследованию положения и деятельности православного военного духовенства в германско-австрийском плену в годы Первой мировой войны. Анализируются данные о количестве пленных священников, условиях их содержания, богослужебной деятельности, помощи духовенству со стороны ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства и Святейшего Правительствующего Синода, участие в организации религиозных служб нижних чинов и офицеров, находящихся в лагерях для военнопленных. Рассматриваются меры, принимаемые для возвращения священнослужителей из плена.

Введение

История военного духовенства включает в себя широкий круг вопросов, одним из которых является пребывание священников в германско-австрийском плену в период Первой мировой войны. Данный вопрос, наравне с историей военного духовенства в целом, обстоятельно в историографии не разработан. Некоторое отражение он нашел в работах К.Г. Капкова [1], С.Л. Фирсова [2], в которых рассматривается история военного духовенства в Российской империи. Большое внимание исследуемой проблеме уделено в статьях А.А. Кострюкова [3–5]. В последние годы наблюдается рост интереса к данной теме, о чем свидетельствует появление работ, посвященных истории пленного военного духовенства в рассматриваемый период времени. Среди них следует назвать статьи С.Н. Емельянова, Д.А. Карпука, К.А. Пахалюка [6–8].

Целью данной статьи является анализ положения военного духовенства, находящегося в германско-австрийском плену, и его богослужебная деятельность в лагерях для пленных офицеров и нижних чинов.

Пребывание в германско-австрийском плену подданных Российской империи и их освобождение ставило перед военным командованием российской армии ряд проблем. С одной стороны, существовала необходимость организации возвращения российских пленных на родину, а с другой – возникала потребность в ограждении оставшихся в плену от политической пропаганды. Помимо прочего на протяжении Первой мировой войны среди нижних чинов и офицерского состава распространялись слухи о благах германско-австрийского плена, что подталкивало воинов сдаваться в руки врага. Важная роль в борьбе с подобными толками возлагалась на военных священников, которым предписывалось проводить разъяснительную работу среди солдат с целью предупреждения их сдачи в плен. В указе Святейшего Синода от 8 марта 1916 г. сообщалось о поступлении от военнопленных писем, в которых описывались хорошие условия жизни в плену, что расходилось с сообщениями, полученными из других источников. Признавая, что такая информация может подтолкнуть солдат сдаваться противнику, на военных священников возлагалась задача распространять среди своей паствы сведения о реальном положении дел, «чтобы они [духовенство] в своих проповедях и беседах ... объясняли о позоре плена и о долге каждого русского человека в настоящую тяжелую го-

---

Научный руководитель – Д.С. Лавринович, доктор исторических наук, доцент, первый проректор Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова

дину защищать свою Родину до последней капли крови, и рассказывали о тех исключительно тяжелых условиях, в каких находятся наши военнопленные в Германии и Австрии, вдали от Родины, среди чужого враждующего народа, изнуряемые непосильными работами и подвергаемые всякого рода унижениям и истязаниям от жестокого врага, не знающего пощады и милости» [9, с. 226].

Но порой священники сами оказывались в статусе военнопленных, хотя вопрос, следует ли считать военных священнослужителей именно военнопленными или же они должны быть включены в число пленных гражданских лиц, вызывал споры. В рапорте протоиерея Александра Субботина, служащего 29-го полевого подвижного госпиталя, на имя протопресвитера военного и морского духовенства от 15 ноября 1916 г. была предпринята попытка обосновать, что священник, будучи духовным лицом, не может приравниваться к военнопленному: «Духовенство, разделяющее со своими частями тяжелые условия плена, согласно общему положению о военнопленных, приравнивается к военным чинам со всеми ограничениями, какие применяются к невольным жертвам войны. Возникает вопрос, вправе ли Военное ведомство считать плененных священников военнопленными, а отсюда и применять к ним все те ограничения в содержании, какие по понятным соображениям применяются к военнопленным. Ответ должен быть только отрицательный. В самом деле, пастырь принципиально не может быть военнопленным уже по сану, задачам и характеру своей деятельности» [10, л. 74]. В качестве обоснования своих доводов автор обращается к Женевской конвенции: «если они попадут в руки неприятеля, то с ними не может быть поступлено, как с военными» [10, л. 74об.]. Считая свои доводы убедительными, протоиерей полагал, что если духовенство не причисляется к военнопленным, то тем самым разрешается вопрос о незаконности применения к духовенству ограничений в содержании и всех видах довольства [10, л. 75]. Анализ источников показал, что в документах военное духовенство преимущественно фигурировало как гражданские лица, попавшие в плен. Например, в указе Святейшего Синода от 11 марта 1916 г. сообщалось о ведущихся между воюющими сторонами переговорах о взаимном освобождении плененных гражданских лиц, к которым относились и священнослужители [11, л. 45].

Информация о священниках, оказавшихся в плену, публиковалась списками в официальной части журнала «Вестник военного и морского духовенства», где иногда указывалось их место пребывания и текущий статус (пометки «возвратился из плена», «переведен в»). Установление места нахождения пленного священнослужителя занимало некоторое время: например, в № 19 «Вестника военного и морского духовенства» за 1 октября 1914 г. был опубликован список выбывших священнослужителей, в котором среди без вести пропавших числился протоиерей Иоанн Федорович Лофицкий. Позже на имя протопресвитера военного и морского духовенства было получено письмо жены протоиерея о том, что ее муж находится в плену [12, л. 8]. Уже в январском номере Вестника военного и морского духовенства за 1915 г. в списки были внесены изменения, в соответствии с которыми протоиерей был определен как находящийся в плену в крепости Кюстрин, в Германии [13, с. 11].

О количестве священников, попавших в плен за время войны, встречаются противоречивые сведения. Так, в соответствии с шестью списками выбывших священников, опубликованными в «Вестнике военного и морского духовенства» с 1914 по конец 1916 г. число священников, о пленении которых было точно известно, составило 29 человек (без учета без вести пропавших). В Российском государственном историческом архиве встречаются 42 имени в списке от 2 марта 1916 г. [14, л. 44], в более поздних документах – 80 имен [15, л. 85]. В воспоминаниях протопресвитера Г. Шавельского сообщаются большие цифры: «Более ста военных священников попали в плен. Пленение священника свидетельствует, что он находился на своем посту, а не пробавлялся в ты-

лу, где не угрожает опасность» [16, с. 106]. Российский историк А.А. Кострюков указывает, что число военных священников в плену в годы Первой мировой войны составляло около 80 человек [3, с. 110]. В более поздней работе А.А. Кострюков пишет, что число священнослужителей, побывавших в германско-австрийском плену, составило 76 человек [4, с. 71].

Перед ведомством при протопресвитере военного и морского духовенства стояло несколько основных проблем, связанных как с военнопленными в целом, так и пленными священниками в частности. Среди них – необходимость освобождения священнослужителей. 11 марта 1916 г. был издан указ Святейшего Синода «По вопросу об освобождении из вражеского плена священно-церковнослужителей Русской Православной Церкви». В нем синодальному Обер-прокурору предписывалось связаться с министром иностранных дел, чтобы ускорить процесс освобождения православных священников: «Возбудить в установленном порядке настойчивое ходатайство об освобождении из плена православных духовных лиц, как тех, о коих происходила переписка с Министерством Иностранных дел, так и других, которые могут оказаться находящимися в плену, но об освобождении которых еще не было ходатайств» [11, л. 45]. Преосвященные епархий и протопресвитер военного и морского духовенства обязывались предоставить сведения о том, кто из состава вверенного им духовенства находится в плену, их местонахождение (если таковое известно), а также собрать данные о порядке выдачи причитающегося пленным священникам жалования.

Усилия для возвращения военного духовенства прилагались на протяжении всей войны. Так, священнослужители могли подлежать освобождению наравне с попавшим в плен медицинским персоналом. В письме на имя протопресвитера от исполняющего должность начальника Генерального штаба по эвакуационному отделу и по заведыванию военнопленными от 7 января 1917 г. сообщалось о запланированном на ближайшее время обмене с Германией взятым в плен медицинским персоналом. В связи с этим Министерство иностранных дел предложило включить в число подлежащих освобождению лиц и всех находящихся в плену священников. При этом оговаривалось, что, вероятнее всего, освободить всех священнослужителей не удастся, а потому протопресвитера просили уведомить, освобождение каких священнослужителей было бы особенно желательным. Министерством прилагался именной список 25 священнослужителей, о преклонном возрасте или болезненном состоянии которых имелись данные, а протопресвитера просили составить свой список, в котором бы имена священнослужителей шли в порядке желательности их освобождения [17, л. 101–101об.].

Данные списков выбывших священников свидетельствуют о том, что иногда возвращение священников из плена было довольно быстрым. Например, находящиеся в плену, в соответствии со списком от 1 ноября 1914 г., священники Стефан Онуфриевич Кучинский и Феодор Феодорович Петропавловский были объявлены возвратившимися из плена в свои части уже в № 1 «Вестника военного и морского духовенства» от 1 января 1915 г. [18, с. 729; 13, с. 11]. Однако порой пребывание священников в германско-австрийском плену растягивалось на длительное время.

В тех лагерях, где среди пленных находились военные священники, германско-австрийское руководство могло позволить им отправлять религиозные службы и даже проводить с паствой беседы. Осуществление религиозной деятельности определялось отношением к данному вопросу лагерного начальства, а также тем, кто содержался в лагере. В письмах священника Антония Жуковича подробно описана его деятельность в различных лагерях. Его воспоминания позволяют сделать выводы о том, что отношение руководства к деятельности пленных православных священников отличалось в лагерях для нижних чинов и лагерях для офицеров.

В лагерях для нижних чинов священник столкнулся с большими проблемами по организации своей деятельности. В лагере для нижних чинов в Стендале, куда он был переведен в ноябре 1914 г., руководство долгое время не разрешало ему совершать богослужения, и лишь после настойчивых требований священник смог добиться разрешения к рождественским праздникам 1914 г. На богослужение его всегда сопровождали конвоир и официальный переводчик, было запрещено молиться за императора и великого князя Николая Николаевича, вступать в разговоры с нижними чинами, вести какие-либо беседы, кроме богослужебных. Несмотря на то, что священник получил разрешение на религиозную деятельность, руководство лагеря всячески чинило препятствия: «определенного места для совершения служб не было отведено и каждый раз совершалось таковое то в той, то в другой компании по указанию дежурного немецкого фельдфебеля. Часто бывали такие случаи, что богомольцев преждевременно уводили до окончания богослужения за ничтожными надобностями, как, например, на переключку и т.п., или же не отпускали певчих на богослужение; назначали, например, богослужение в той команде, которая в этот день наряжалась на лагерные и кухонные работы; из других же команд в таких случаях никоим образом не позволяли чинам приходить на богослужение, хотя бы даже они были совершенно свободны. Бывали и такие случаи, что наружные часовые лагеря не давали мне и конвоиру пропуска в лагерь, выдерживали меня у лагеря по несколько часов, и я ни с чем возвращался в свое помещение – в городские казармы» [19, с. 483]. К самому Жуковичу также демонстрировалось неуважительное отношение: «Немцы ... являлись из любопытства на наше богослужение в шапках и с сигарами в зубах и на мои протесты не обращали никакого внимания, а, напротив, мстили мне за это и подвергали всевозможным насмешкам и унижениям; так, например, заставляли стоять перед немецким офицером на дворе без шляпы, идти с нижними чинами в ногу и т.п.» [19, с. 483].

В офицерских лагерях ситуация обстояла несколько иначе. Здесь предоставлялось больше свободы, в частности, при совершении общей молитвы. В офицерском лагере в Гейдельберге богослужение совершалось в одной из казарменных комнат, где также отправляли службы французские аббаты и английские пасторы. Переводчик на богослужении не присутствовал, и священник мог беспрепятственно совершать молитвословия за императора и великого князя Николая Николаевича. По случаю взятия российскими войсками Эрзерума даже было позволено отслужить благодарственный молебен с провозглашением многолетия армии и российского императора и вечной памяти павшим героям.

Но в том же Гейдельберге помимо офицерского лагеря находились две рабочие команды из нижних чинов, по 100 человек в каждой, религиозное обслуживание которых было ограничено: «чтобы совершить в этих командах богослужение и дать возможность чинам их выполнить долг исповеди и св. причастия, потребовалось много хлопот пред комендантом: мне только один раз разрешили совершить там богослужение в одно воскресенье и то с предупреждением долго не затягивать богослужения, чтобы не отвлекать нижних чинов от работ, которые на них возлагаются во все дни, не исключая воскресных и праздничных» [19, с. 485].

Случалось и так, что русские священники не допускались к службе среди военнопленных, которых германское и австрийское командование пыталось привлечь на свою сторону. В качестве примера Жукович приводит лагерь для уроженцев Украины: «Немцы усиленно ведут политическую пропаганду. Здесь они устроили стильные православные церкви с колокольнями и колоколами, солдат на работы не назначают, но туда наших священников не посылают, так как не находят таковых для своих преступных целей, а содержат там духовенство из галичан или буковинцев, которые и обслуживают их по коварным замыслам» [19, с. 486].

Серьезной проблемой для священнослужителей в плену стало отсутствие принадлежностей для служб. Данный вопрос решался или с помощью ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства, или же самими военнопленными. Так, определением Святейшего Синода от 13–20 января 1916 г. была учреждена комиссия по удовлетворению религиозно-нравственных нужд русских военнопленных. На нее возлагались задачи командировать в Германию и Австрию священников, для пастырского попечения о военнопленных, а также обеспечить пленное духовенство принадлежностями, необходимыми для совершения богослужений. Своей первоочередной целью Комиссия ставила снабжение лагерей для военнопленных всем необходимым для отправления церковных служб: «Первая и самая важная духовная нужда у пленных – это иметь отраду среди тоски и лишений плена в родном. Богослужения, молиться за церковными службами родными привычными молитвами и участвовать – кто может – в этих службах чтением и пением» [20, с. 262].

Часто военнопленные сами прилагали усилия для того, чтобы снабдить священников всем необходимым. В своих воспоминаниях о лагере в Стендале священник Жукович писал: «Наши нижние чины, с разрешения коменданта, устроили на свой счет соответствующий богослужебный столик, подсвечник; я же, вместе с находившимся в этом лагере нашим врачом Петропавловским, приобрели на свой счет недостающие сосуды и священническое облачение, всего стоимостью 200 марок, так что, к всеобщей нашей радости, в рождественские праздники 1915 года была уже совершена полностью Божественная Литургия, чего все пленные так пламенно желали и в чем я, как священнослужитель, нашел душевное успокоение» [19, с. 484]. Этот же священник сообщал, что во время его пребывания в офицерском лагере в Гейдельберге, офицеры прибрали все необходимые богослужебные принадлежности, сами устроили резной работы престол, жертвенник, аналои, семисвечник, подсвечники, а часть богослужебных сосудов и облачение были присланы из германского военного министерства.

Иногда священникам удавалось сохранить часть необходимого для службы. В сообщении одного из военнопленных, опубликованном в «Вестнике военного и морского духовенства», сообщалось о визите П.А. Казем-Бек, уполномоченной Красного Креста, в лагерь для военнопленных на о. Денгольм. В этом лагере находилось несколько военных священников, во главе которых стоял протоиерей Морозов, настоятель собора Новогеоргиевской крепости. Почти все священники, взятые в плен, не успели захватить с собой ничего из церковных принадлежностей. Однако, благодаря деятельности священника Медведева, которому удалось вывести из крепости походную церковь и другие церковные принадлежности, пленное духовенство было снабжено иконами и всем необходимым для богослужения и могло совершать литургию в праздничные дни [21, с. 728]. В сообщении рекомендовалось организовать отправку церковных облачений, богослужебных книг и икон для удовлетворения нужд военнопленных. К тексту имелась сноска, в которой редакция журнала сообщала, что поступающие просьбы всегда удовлетворяются протопресвитером.

Действительно, ведомство при протопресвитере военного и морского духовенства старалось быстро реагировать на письма из плена, и в короткие сроки выполнять поступавшие просьбы. Например, в письме Эмпаминонда Хрисолора, пленного священника из лагеря в Галли, от 2 октября 1915 г., сообщалось о положении дел в лагере пленных офицеров: «Более года весьма ревностно удовлетворяет религиозные потребности пленных иеромонах Корнилий. С 1 октября будет отправляться и литургия, которая, за отсутствием св. Антиминса, не совершалась доселе. Сегодня освящаем икону Богоматери, прекрасно написанную художником-полковником Поповым, весьма ревностно несущим обязанности старосты нашей церкви. Богослужение совершается ежедневно» [22, с. 724–725]. Хрисолор просил протопресвитера обеспечить церковными

нотами и иерейским молитвословом хор, созданный в лагере из числа офицеров. В «Вестнике военного и морского духовенства» сообщалось, что данная просьба была щедро удовлетворена протопресвитером. В частности, в центральное справочное бюро о военнопленных была направлена просьба об отправке на имя священника Хрисолора необходимых принадлежностей, приобретенных на средства управления протопресвитера: «2 иерейских молитвослова, обиход нотного церковного пения Н. Бахметева (8 книг), сборник Духовно-музыкальных песнопений Е. Азеева (10 книг), собрание дух. муз. сочинений прот. Турчанинова (4 книги) и песнопения всенощных бдений (3 книги)» [23, л. 13–13об.]. Такая помощь оказывалась неоднократно.

Заключение

В годы Первой мировой войны в германско-австрийском плену могли оказаться не только нижние чины и офицеры, а также гражданские лица, в том числе и военные священники. Среди военнопленных в местах их пребывания активно проводилась антироссийская и антиправославная пропаганда, для борьбы с которой предполагалось опереться на военное духовенство, имеющее в ряде случаев влияние на солдат и офицеров. В виду этого вопрос о духовенстве в плену стал одним из важнейших для военного командования и ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства. Так как попытки направить священников для отправления служб не увенчались успехом, то эти задачи возлагались на священников, попавших в плен. Однако даже в случае получения разрешения со стороны руководства лагеря, пленное духовенство нередко сталкивалось с рядом проблем: отсутствие необходимых для богослужебных действий принадлежностей, неуважительное отношение со стороны руководства лагерей, запреты на беседы с нижними чинами и офицерами и прочее. Помощь в обеспечении священников необходимым для богослужебной деятельности в плену оказывало ведомство при протопресвитере военного и морского духовенства, часто необходимое для работы приобретали сами священники и военнопленные.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капков, К. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: Итоги к 1917 г. / К. Г. Капков. – М. : Летопись, 2009. – 256 с.
2. Фирсов, С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С. Л. Фирсов. – М. : Духовная библиотека, 2002. – 624 с.
3. Кострюков, А. А. Русские военные священники в немецко-австрийском плену в годы Первой мировой войны / А. А. Кострюков // Церковь и время. – 2006. – № 2. – С. 109–118.
4. Кострюков, А. Подвиг русского военного духовенства в годы Первой мировой войны / А. Кострюков // Журнал Московской Патриархии. – 2014. – № 7. – С. 66–71.
5. Кострюков, А. Русское военное духовенство в 1917 г. (комментарий в свете веры) [Электронный ресурс] / А. Кострюков // Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/406287.html>. – Дата доступа: 15.01.2016.
6. Емельянов, С. Н. Новые вызовы и задачи: военное духовенство в годы Первой мировой и Гражданской войн / С. Н. Емельянов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та имени А. С. Пушкина. Т. 4. История. – 2015. – № 2. – С. 51–60.
7. Карпук, Д. А. К вопросу о пастырском служении православных священнослужителей в годы Первой мировой войны среди русских военнопленных на территории Германии и Австро-Венгрии [Электронный ресурс] / Д. А. Карпук // Санкт-Петербург-

ская духовная академия. – Режим доступа: <http://spbda.ru/tags/svyaschenniki-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/>. – Дата доступа: 15.01.2016.

8. Пахалюк, К. А. Православное духовенство на защите империи [Электронный ресурс] / К. А. Пахалюк // История. РФ федеральный портал. – Режим доступа: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/pravoslavnoie-dukhovienstvo-na-zashchitie-impierii>. – Дата доступа: 15.01.2016.

9. Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 8. – С. 226.

10. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 74–75об.

11. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 45.

12. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9219. Л. 8.

13. Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 1. – С. 10–11.

14. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 44.

15. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 85.

16. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота : в 2 т. / Г. Шавельский. – Нью-Йорк, 1954. – Т. 2. – 412 с.

17. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 101–101об.

18. Вестник военного и морского духовенства. – 1914. – № 21. – С. 729.

19. Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 15–16. – С. 482–486.

20. Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 9. – С. 262–264.

21. Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 23. – С. 728.

22. Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 23. – С. 724–725.

23. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9606. Л. 13–13об.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.02.2016

Starostenko E.V. Orthodox Military Clergy in the German-Austrian Captivity during the First World War

The article investigates the situation and the activities of the Orthodox priests in the German-Austrian captivity during the First World War. The data about the number of prisoner priests and their conditions of detention in captivity, liturgical activity, help the clergy from departments under protopresbyter of Military and Naval clergy and the Holy Synod, participation in the organization of the religious life of the lower ranks and officers in the camps for war prisoners are analyzed in this work. The measures which are for the return of the clergy, who were captured are investigated in the article.

УДК 94(47+438)

С.Я. Глазырын

*магістр гіст. навук, старшы выкладчык каф. гісторыі і турызма
Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта*

ПРАБЛЕМА ЭТНІЧНАГА СКЛАДУ ЎДЗЕЛЬНІКАЎ ПАЎСТАННЯ 1863 г. НА ТЭРЫТОРЫІ ВІЦЕБСКАЙ І МАГІЛЁўСКАЙ ГУБЕРНЯЎ

Артыкул прысвечаны вывучэнню аднаго з найбольш дыскусійных пытанняў у межах праблемы паўстання 1863 г. на тэрыторыі Беларусі – пытання этнічнай ідэнтыфікацыі і самаідэнтыфікацыі яго ўдзельнікаў. У артыкуле прааналізаваны погляды на праблему асноўных прадстаўнікоў розных ідэалагічных кірункаў перыяду паўстання 1863 г. Вызначаецца стаўленне да пытання этнічнай ідэнтыфікацыі непасрэдна саміх удзельнікаў паўстання 1863 г. на тэрыторыі Віцебскай і Магілёўскай губерняў.

Уводзіны

Да сённяшняга часу адной з дыскусійных праблем у межах вывучэння паўстання 1863–1864 гг. застаецца праблема этнічнай ідэнтыфікацыі і самаідэнтыфікацыі яго ўдзельнікаў. Дыскусійны характар пазначанай праблемы выкліканы ў першую чаргу яе ідэалагізаванасцю. Па-другое, фактычная адсутнасць дакументальных крыніц, якія аб'ектыўна асвятлялі б праблему этнічнай ідэнтыфікацыі і самаідэнтыфікацыі ўдзельнікаў паўстання на тэрыторыі Віцебскай і Магілёўскай губерняў. У прадстаўленым артыкуле выкарыстаны найперш матэрыялы і крыніцы, выдадзеныя ў перыяд часу ад пачатку нацыянальна-вызваленчага руху ў Віцебскай і Магілёўскай губернях у 1861 г. да пачатку ўзброенага паўстання ў 1863 г., бо матэрыялы пазнейшага паходжання маюць адбітак далейшай трансфармацыі расійскай імперскай ідэалогіі, асабліва ў часе рэакцыі пасля паўстання.

Да пачатку 1860-х гг. у адносінах да насельніцтва паўночна-заходніх губерняў Расійскай імперыі амаль канчаткова сфарміравалася вядомая аксіёма этнічнай ідэнтыфікацыі, у аснову якой быў пакладзены прынцып канфесійнай прыналежнасці: «католік – паляк, праваслаўны – рускі». Аднак самі аўтары гэтай канцэпцыі разумелі яе спрошчаны і штучны характар, а таму давалі пэўныя каментары, якія былі больш набліжаныя да аб'ектыўнай рэальнасці. Так, адзін са стваральнікаў ідэалогіі «заходнерусізму» Каяловіч у 1863 г. пісаў: «Я понимаю под Белоруссией гораздо больше того, что обыкновенно называется этим именем (Віцебская і Магілёўская губерні – С.Г.), понимаю всю ту страну, где народ говорит по-белорусски т.е и часть Виленской и часть Гродненской губернии» [1, с. 23]. Такім чынам, паклаўшы за аснову этнічнай ідэнтыфікацыі не канфесійны, а моўны прынцып, ён працягвае: «Там (у Паўночна-Заходнім краі – С.Г.) многие латиняне (каталікі – С.Г.) шляхетского происхождения, мещане и все члены крестьянского сословия сохраняют ещё свои самородные и местные начала и не делаются от этого поляками» [1, с. 11]. Зразумела, што аўтар адносіць большасць шляхты, мяшчан і амаль усіх сялян заходніх губерняў да беларусаў, разумеючы іх моўнае і культурнае адзінства. Аднак тут жа Каяловіч робіць маленькую заўвагу, якая сведчыць аб яго прыхільнасці «заходнерусізму»: «Называю белоруссов, малоруссов вообще русскими потому, что это слово постоянно встречается в памятниках местного происхождения и сейчас все белорусы его употребляют» [1, с. 6]. Вельмі важна, што свае высновы адносна дадзенай праблемы Каяловіч падмацоўвае фактамі, якія назбіраў падчас асабістых паездак па рэгіёне. Так, у падтрымку сваіх сцверджанняў ён піша: «В окрестностях по всем сведениям, какие я собрал прошлым летом, шляхта говорит по-белорусски и немалое число её православного вероисповедания ...почти везде мещанское христи-

анское население городов Западной России тоже говорит по-белорусски» [1, с. 9]. Такім чынам, падсумоўваючы свае высновы, Каяловіч падзяляе насельніцтва паўночна-заходніх губерняў на наступныя этнічныя групы: этнічных палякаў (мазавецкае племя), якія з'яўляюцца меншасцю, беларусаў (рускіх), велікарусаў, якія таксама з'яўляюцца меншасцю. Але сярод іх ёсць асобная група насельніцтва, якую таксама называюць палякамі. У пазначаным рэгіёне яе складала большасць буйной і сярэдняй шляхты, якая, быўшы беларусамі па паходжанні, успрыняла ў выніку пэўных палітычных працэсаў (Крэўская, Люблінская вуніі і г.д.) польскую мову і культуру і зрабілася палякамі. Такім чынам, атрымліваецца, што ў дадзены перыяд тэрмін «паляк» у дачыненні да пазначанай катэгорыі насельніцтва з'яўляецца не этнонімам, а палітонімам.

Гэтыя ж высновы пацвярджае ў сваіх працах яшчэ адзін прыхільнік ідэалогіі «заходнерусізма» – урадавы гісторык паўстання 1863 г. Васіль Ратч, які зазначае: «В Западной России число дворян коренного польского происхождения ничтожно. Однако туземные литовско-русские (літоўскія і беларускія – С.Г.) дворяне считают себя поляками» [2, с. 7]. Тут жа аўтар дадае, што мясцовая шляхта засвоіла адзіны для сябе прыцып ў пытаннях нацыянальнасці, які сцвярджае, што рэлігія і мова вызначаюць характар народнасці [2, с. 40]. Менавіта таму пераход у каталіцтва і засваенне польскай мовы мясцовай беларускай шляхтай азначае аўтаматычна пераход у польскую нацыянальнасць, але не ў этнічную групу палякаў. У падтрымку высновы В. Ратч прыводзіць такое выказванне прадстаўніка гэтай шляхты: «Ещё недавно, перед последним мятежом часто слышались заявления уроженцев Западной России: хотя я – православный, я – поляк до мозга костей» [2, с. 41]. Паказальна, што, ясна ўсведамляючы сваё этнічнае (беларускае) паходжанне, мясцовая шляхта лічыла сябе выключна палякамі. Падобную мадэль этнічнай самаідэнтыфікацыі засвоіла і мяцовае сялянства, лічыць В. Ратч: «У простолюдина поныне существует вкоренённое убеждение о том, что православный – русский, а латинянин – поляк» [2, с. 40]. Атрымліваецца, што ў гэты час сяляне паўночна-заходніх (беларускіх) губерняў адносілі сябе выключна альбо да рускіх, альбо да палякаў, у залежнасці ад веравызнання. Як і Каяловіч, В. Ратч таксама распрацаваў сацыяльна-этнічную класіфікацыю мясцовага насельніцтва, аналізуючы дадзеныя па Магілёўскай губерні ў 1865 г. Так, згодна з ёй, усё рыма-каталіцкае насельніцтва губерні падзялялася на памешчыкаў-каталікоў, у асяродку якіх была невялікая частка этнічных палякаў («поляков по происхождению»), астатнія ж, зразумела, былі беларусамі. Апошнія, засвоіўшы польскую мову і веру, зрабіліся палякамі, выказваючы адданасць палітычным традыцыям былой Рэчы Паспалітай. Другую групу складалі чыноўнікі, у большасці жыхары гарадоў, якія не з'яўляліся палякамі па паходжанні, але па палітычных поглядах адносіліся да «шляхетского польского общества». Да трэцяй групы В. Ратч адносіў дробную шляхту, у склад якой уваходзілі бедныя дваране, мяшчане і аднадворцы. Яны таксама ў большасці не былі этнічнымі палякамі, але з гонарам захоўвалі «предания о былых шляхетских вольностях» [3, с. 76].

Яшчэ адзін цікавы погляд на сацыяльна-этнічную карціну насельніцтва беларускіх губерняў Расійскай імперыі 1860-х гг. прапанаваў былы навучэнец Полацкага кадэцкага корпуса Дзмітры Кайгародаў. Яго звесткі з'яўляюцца вельмі карыснымі ў межах разглядаемай праблемы, таму што ён быў непасрэдным сведкам падзей паўстання 1863 г., а па-другое, падае дадзеныя па даследуемым рэгіёне – Полацку і Полацкім павеце. Так, апісваючы небяспечны для грамадства паўстанцкі элемент, Д. Кайгародаў падзяліў насельніцтва Полацка на наступныя сацыяльныя і этна-канфесіянальныя катэгорыі: тры чвэрці жыхароў горада складалі яўрэі, яшчэ адну чвэрць складалі рускія мяшчане-раскольнікі, служачы і выкладчыцкі персанал кадэцкага корпуса (тут Кайгародаў не падае звестак пра этнічны склад гэтай групы, але можна сцвярджаць, што ў большасці яе прадстаўнікі былі рускія), палякі, да якіх адносіліся збяднелыя дваране, служа-

чыя ўрадавых устаноў горада і невялікая група беларусаў-каталікоў, якую называлі шляхтай. У павеце ж асноўную масу паўстанцкага элемента складалі памешчыкі – пераважна палякі альбо апалячаныя беларусы-каталікі [4, с. 793]. З вышэй сказанага бачна, што большасць дваран-каталікоў жыхароў Полацка, таксама як і памешчыкаў-каталікоў, былі этнічнымі беларусамі і толькі па палітычных поглядах маглі называцца палякамі, што пацвярджае дзве папярэднія канцэпцыі.

Падсумоўваючы вышэй пералічаныя высновы па праблеме этнічнай ідэнтыфікацыі насельніцтва беларускіх губерняў (у тым ліку Віцебскай і Магілёўскай) з боку ўрадавых назіральнікаў, хацелася б прывесці цікавыя звесткі з неапублікаваных архіўных урадавых статыстычных крыніц, якія не ўпісваюцца ў агульнадзяржаўную статыстыку разглядаемага перыяду, пад агульнай назвай «Сведения о населённых местах, собранные губернскими статистическими комитетами МВД по предписанию Министра внутренних дел от 9 апреля 1859 года для подготовки издания полного списка населённых мест Российской империи». Тут ёсць звесткі таксама па Віцебскай і Магілёўскай губернях. Іх каштоўнасць заключаецца ў тым, што статыстычныя дадзеныя збіраліся непасрэдна станавамі прыставамі паветаў, а гэта значыць, што адзін чалавек меў справу з невялікай тэрыторыяй. Таму атрыманую інфармацыю можна лічыць дастаткова аб'ектыўнай. Так, статыстычныя табліцы ўтрымліваюць наступныя раздзелы: «Назва і тып паселішча», «Каму належыць», «Каля якой вады знаходзіцца», «Колькасць двароў», «Колькасць насельніцтва па веравызнаннях». Бачна, што ў аснову табліцы пакладзены той жа прынцып, які выкарыстоўваўся ў адпаведных табліцах Памятных кніжак: падзел насельніцтва па веравызнанні, а не па этнічным паходжанні. Аднак кожная табліца ўтрымлівае рукапісныя пазнакі збіральнікаў пра этнічнае паходжанне насельніцтва насупраць веравызнання. Напрыклад, праваслаўных мужчынскага і жаночага пола Х чалавек, насупраць – допіс: рускі альбо беларус; каталікоў Х чалавек, насупраць – допіс: паляк альбо беларус. Такім чынам, аналізуючы дадзеныя, напрыклад, звесткі па Віцебскай губерні, атрымліваецца, што большасць сялян, дваран, мяшчан-хрысціян, якія тут пражывалі на мяжы 1850–1860-х гг., былі этнічнымі беларусамі, а этнічных палякаў і рускіх быў вельмі нізкі працэнт [5, л. 646; 6, л. 614]. У аснову падзелу на этнічныя групы ў дадзеным выпадку быў пакладзены прынцып, пра які пісаў Каяловіч, а менавіта моўны прынцып.

Каб больш выразна раскрыць праблему этнічнай ідэнтыфікацыі і самаідэнтыфікацыі насельніцтва Віцебскай і Магілёўскай губерняў напярэдадні і ў час паўстання 1863 г, трэба звярнуцца непасрэдна да ўдзельнікаў узброенай барацьбы, альбо да так званага «польскага боку». Адным з тых, хто выразна выказаў сваю пазіцыю па пазначанай праблеме, быў кіраўнік паўстанцкіх сіл Літвы і Беларусі Зыгмунт Серакоўскі, які, дарэчы, падтрымліваў сувязі з кіраўнікамі паўстання на Магілёўшчыне, у прыватнасці, з Людвігам Звяждоўскім (да паўстання ўваходзіў у створаную Серакоўскім ваенна-рэвалюцыйную арганізацыю ў Пецяярбурзе [7, с. 291]). Свае ідэалагічныя погляды адносна «польскага пытання» Серакоўскі змясціў у «Нататцы пра польскае пытанне», напісанай прыкладна ў снежні 1862 г. У ёй асобна разглядаецца месца і роля Заходняга Края і яго насельніцтва ў будучай барацьбе. Дарэчы, сам З. Серакоўскі не быў этнічным палякам, а паходзіў з украінскага дваранскага роду [7, с. 291]. Так, на пытанне «Што такое Заходні Край?» ён адказвае: «Вышэйшы і сярэдні клас тут складаюць палякі, а дакладней сказаць, літоўцы і русіны (беларусы і украінцы), якія добраахвотна прынялі польскую мову, польскія намаганні, карацей кажучы, польскую цывілізацыю» [8, с. 234]. Далей, паказваючы палітычнае, а не этнічнае значэнне тэрміна «паляк», Серакоўскі адзначае: «Усё, што думае пра грамадскія справы, усё, што чытае і піша ў Заходнім Краі, – усё гэта абсалютна польскае» [8, с. 234]. Пагаджаючыся з перавагай этнічных беларусаў, украінцаў, літоўцаў, ён сцвярджае, што ўласна польскі элемент у Краі складае

толькі дзясятую частку насельніцтва. Большасць складалі беларусы, украінцы толькі таму, што размаўлялі па-беларуску і па-ўкраінску. Напрыканцы сваёй высновы З. Серакоўскі яшчэ раз пераходзіць з плоскасці этнічнай у палітычную: «У Заходнім Краі кожны рамеснік, які засвоіў хаця б якую адукацыю, селянін, які зрабіўся заможным, робіцца тут палякам» [8, с. 234]. Зразумела, што такой пазіцыі адносна этнічнай самаідэнтыфікацыі прытрымлівалася большасць буйной і сярэдняй шляхты Віцебскай і Магілёўскай губерняў, што выразна бачна са зместу яе адозваў да расійскага ўрада.

Іншыя погляды на пазначаную праблему мелі прадстаўнікі паўстанцкага руху з асяродку чыноўніцтва і дробнай шляхты. Так, удзельнік аршанскага паўстанцкага атрада на Магілёўшчыне Станіслаў Акрэйц, дзяржаўны служачы Магілёўскай губерні, ва ўспамінах апісвае дыялог з яшчэ адным удзельнікам узброенай барацьбы напярэдні 1863 г. Між іншым, С. Акрэйц прапанаваў свайму таварышу, таксама дзяржаўнаму служачаму, адказць, навошта той пайшоў у інсурэкцыю (паўстанне)? Той у свім адказе падкрэсліў, што змагацца будзе за Беларусь і за народ [9, с. 59]. З далейшага зместу размовы бачна, што Беларусь (Белоруссия) – гэта краіна паміж Расіяй і Польшчай, дзе жыў народ, які з пункту гледжання культуры больш падобны да польскага. Сам жа тэрмін «народ» мае ў кантэксце адказу два значэнні: з аднаго боку, гэта шляхта, якая змагалася за незалежнасць сваёй радзімы – Польшчы, з другога – гэта маса сялян, за свабоду якіх ішлі змагацца паўстанцы [9, с. 58]. Сярод удзельнікаў узброенага паўстання на Магілёўшчыне С. Акрэйц вылучае невялікую групу «старых земляўласнікаў», якія ішлі супраць народа выключна за аднаўленне Польшчы [9, с. 58].

Яшчэ больш цікавымі і дэмакратычнымі з’яўляюцца погляды іншага ўдзельніка паўстання на Віцебшчыне Арцёма Вярыгі-Дарэўскага. У 1863 г. ён быў адным з арганізатараў рэвалюцыйнага руху ў Віцебску. Свае думкі наконт беларускага пытання Вярыга-Дарэўскі выказваў у прыватнай перапісцы з Адамам Кіркорам на працягу 1859–1862 гг. Тут ён выразна называе сябе беларусам, а ўсю «беларушчыну» лічыць сваім ідэалам [10, с. 242]. Сярод тых, хто падзяляе такія ж погляды, ён называе ўніверсітэцкую моладзь і асабліва бяднейшую маладую шляхту [11, с. 231–232; 243].

Выхаванцы канвікту Гільзэна-Шадурскіх пры Віцебскай гімназіі падзялялі ідэі Вярыгі-Дарэўскага: «З якой жа ўдзячнасцю ўпісваем мы свае імёны ў гэтую кнігу, што злучае нашу Беларусь з Літвой і што належыць мужу, які сёння ззяе ў нашай сям’і, паэту слова і дзеяння. Дарагая Беларусь! Прыгледзься да яго дзейнасці ... паглядзі, як ён вучыць тваіх дзяцей любіць радзіму, як вядзе іх дарогай прагрэсу. ... Вучыш нас, пане, роднай мове, запальваеш думку ... дык няхай табе бог адплаціць, а мы і ўся нашая ўстанова бласлаўляем тваё імя» [11, с. 267]. Гэтай моладзі супрацьстаяць ветэраны, якія сыходзяць з палітычнай арэны, – старая буйная шляхта.

Такім чынам, выразна бачна, што на пачатку 1860-х гг. у беларускіх губернях сярод этнічных палякаў, «палякаў па духу», з’яўляюцца такія, хто пачалі лічыць сябе хутчэй беларусамі. Гэтае суіснаванне, гэтая трансфармацыя этнічнай самаідэнтыфікацыі ў беларускім тагачасным грамадстве падкрэсліваецца ў той жа перапісцы Вярыгі-Дарэўскага і Кіркора. Апошні, звяртаючыся да Арцёма Дарэўскага, называе яго сынам зямлі беларускай, а сябе залічае да сыноў братняй Беларусі Польшчы, хаця сам паходзіў з небагатага беларускага дваранскага роду Магілёўскай губерні [11, с. 252; 12, с. 180].

Заклучэнне

З усяго вышэй сказанага вынікае, што, нягледзячы на адназначнасць урадавай статыстыкі, этнічная карціна насельніцтва Віцебскай і Магілёўскай губерняў 1860-х гг. была вельмі складанай. У гэты час нацыятворчыя працэсы на пазначанай тэрыторыі яшчэ не завершыліся. Большая частка насельніцтва, якая потым прыняла ўдзел ў падзеях 1861–1863 гг., у адносінах да сваёй самаідэнтыфікацыі кіравалася катэгорыямі

хутчэй палітычнымі, чым этнічнымі. Такім чынам, у перыяд рэвалюцыйнага руху 1861–1863 гг. на тэрыторыі Віцебскай і Магілёўскай губерняў галоўнымі яго ўдзельнікамі былі прадстаўнікі дваранскага саслоўя рыма-каталіцкага веравызнання. Этнічную большасць сярод іх складалі беларусы, якія, ўспрыняўшы польскую мову і культуру, ідэнтыфікавалі сябе як палякі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Коялович, М. О расселении племён Западного края России / М. Коялович. – М. : Тип. Бахметева, 1863. – 36 с.
2. Ратч, В. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России : в 2 ч. / В. Ратч. – Вильно : Тип. губерн. правления, 1867. – Ч. 1. – 675 с.
3. Ратч, В. Очерки мятежного движения в Могилёвской губернии в 1863 году / В. Ратч. – Вильно : Тип. А. К. Киркора, 1865. – 68 с.
4. Кайгородов, Д. Из времён польского восстания 1863 года / Д. Кайгородов // Ист. вестн. – 1907. – № 108. – С. 792–802.
5. Сведения о населённых местах Витебской губернии, собранные губернским статистическим комитетом МВД по предписанию министра внутренних дел от 9 апреля 1859 года, для подготовки издания полного списка населённых мест Российской империи. 1866 год. Ч. 1 // Российский государственный исторический архив в г. Москве (РГИА). – Ф. 1290. Оп. 4. Д. 102.
6. Сведения о населённых местах Витебской губернии, собранные губернским статистическим комитетом МВД по предписанию министра внутренних дел от 9 апреля 1859 года, для подготовки издания полного списка населённых мест Российской империи. 1866 год. Ч. 2 // РГИА. – Ф. 1290. Оп. 4. Д. 103.
7. Кісялёў, Г. Серакоўскі Зыгмунд / Г. Кісялёў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1993–2003. – Т. VI, кн. 1 : Пузыны – Усяя. – 2001. – С. 291.
8. Русско-польские революционные связи : в 2 т. / под ред. В. А. Дьякова. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1 : Материалы и документы. – 583 с.
9. Окрейц, С. Уголок восстания 1863 года / С. Окрейц // Ист. вестн. – 1902. – Т. 90, № 11. – С. 425–453.
10. Письмо Арцёма Дарэўскага-Вярыгі да Адама Кіркора ад 13.10. 1862 г. // Пачынальнікі: 3 гіст.-літ. матэрыялаў XIX ст. / уклад. Г. В. Кісялёў ; рэд. В. В. Барысенка, А. І. Мальдзіс. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – С. 242–243.
11. Пачынальнікі: 3 гіст.-літ. матэрыялаў XIX ст. / уклад. Г. В. Кісялёў ; рэд. В. В. Барысенка, А. І. Мальдзіс. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 549 с.
12. Караў, Д. Кіркор / Д. Караў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1993–2003. – Т. IV : Кадэты – Ляшчэня. – 1997. – С. 180.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.02.2016

Hlasyryn S.Ya. Problems of Ethnic Composition of Members of Uprising in 1863 on the Territory of Vitebsk and Mogilev Provinces

The article is devoted to the study of one of the most controversial issues in the problem of the uprising of 1863 in Belarus – the issue of ethnic identification and self-identification of its members. The article analyzes the views on the problem of the main representatives of different ideological trends of the period of the uprising of 1863. The attitude towards the issue of ethnic identity of the participants in the uprising of 1863 in the Vitebsk and Mogilev province is determined.

УДК 811.411.16

Ю.Г. Ермак*магістр політ. навук, аспірантка 3 года обучения каф. турызма і культурнага наследия Гродненскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы***ЕВРЕЙСКИЕ СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ
В ЖЕНСКИХ МЕМУАРАХ XIX – НАЧАЛА XX в.**

В статье рассматриваются свадебные обычаи иудеев белорусской части черты еврейской оседлости, описанные в женских мемуарах и архивных источниках, относящихся к середине XIX – началу XX в. В ходе исследования были выявлены основные элементы брачной процедуры, подвергшиеся наибольшим изменениям в ходе модернизации образа жизни еврейской общности на территории современной Беларуси. Автор приходит к выводу, что внешние формы свадебного обряда претерпели коренные изменения. В него вошли светские элементы, заимствованные у европейцев, распространилась свобода отношений, началось движение в сторону гендерного равноправия.

Введение

До недавнего времени женская история не являлась отдельной темой научных исследований, а мемуарная литература, написанная женщинами, не вводилась в научный оборот в качестве исторического источника. Связано это было, с одной стороны, с влиянием гендерных стереотипов, с другой – с небольшим количеством воспоминаний, написанных женщинами. Последний момент объясняется тем, что в XIX в. женщины, поглощенные семейно-бытовыми обязанностями, и, как правило, не отличавшиеся высоким уровнем образования, редко становились авторами мемуаров. Вторая половина XIX – начало XX в. внесла коррективы в жизнь еврейской общности черты еврейской оседлости. В это время под влиянием ускоренной капиталистической модернизации происходит ломка патриархальных устоев, в результате чего трансформируется образ жизни женщин-иудеек.

Цель работы: основываясь на женских мемуарах, выявить основные элементы свадебных обрядов иудеев Беларуси, претерпевшие трансформацию в середине XIX – начале XX века.

Общая цель исследования конкретизируется в следующих задачах:

- 1) изучить основные элементы свадебных обрядов, отраженных в женской мемуарной литературе в середине XIX и начале XX в.;
- 2) выявить элементы, подвергшиеся кардинальной трансформации.

Предмет исследования – еврейские свадебные обычаи, которые рассматриваются как интегрированная целостность, подверженная социокультурной динамике.

Актуальность исследования. Растущее влияние женщин в современном мире создало предпосылки для вычленения женской истории в отдельное направление в рамках гуманитарных дисциплин. Развитие гендерных исследований, в свою очередь, актуализирует исследование женского исторического наследия, частью которого является мемуарная литература. Изучение проблем, связанных с женской историей, приобретает особую актуальность в постиндустриальную эпоху, которая исповедует ценности свободы и равенства людей, искореняя разнообразные проявления дискриминации, в том числе на гендерной и этнической основе.

Научная новизна. Отражение еврейских свадебных обычаев в женской мемуаристике прежде не было темой отдельного исследования. Новизна исследования состоит

Научный руководитель – О.А. Соболевская, кандидат культурологии, доцент кафедры философии, политологии и психологии частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения»

в осмыслении влияния иноэтнического окружения на институт семьи в традиционном еврейском обществе черты оседлости и субъективно преломлённого восприятия изменений, ставших итогом данного социокультурного взаимодействия. Данное исследование обладает научной значимостью, поскольку демонстрирует новые теоретические результаты по актуальному научному направлению – гендерной истории – с использованием нетрадиционного типа источников (мемуарной литературы).

Практическая значимость исследования. Как показывают данные социологических исследований, сейчас, в начале XXI в., в белорусском обществе наблюдается возрождение семейных ценностей, следовательно, изучение всех аспектов истории семьи многоконфессионального народа Беларуси актуально и с научной, и с воспитательной точки зрения. Результаты исследования могут быть использованы как при написании научных трудов обобщающего характера, так и в воспитательно-идеологической работе.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен логикой социально-экономического развития Российской империи и входивших в нее белорусских губерний. Рубеж XIX–XX вв. характеризовался активным развитием капиталистических отношений и ускоренным процессом модернизации традиционного еврейского общества, в котором нарастал процесс аккультурации, находивший выражение в пробуждении самосознания женщин и изменении семейного уклада.

Выбор методов обусловлен стремлением подойти с максимальной непредвзятостью к предмету исследования, он рассматривается сквозь призму исторических фактов. В качестве научного инструментария использовались диахронический, сравнительно-исторический, типологический, ретроспективный методы.

Историография проблемы

Подробной характеристике процедуры бракосочетания в иудейской традиции посвящена статья Л.О. Леванды [1, с. 103–130]. Работа является сугубо эмпиричной, в ней не выделена специфика брачных обрядов у иудеев различных частей черты еврейской оседлости, отсутствует анализ изменений свадебных обычаев в ходе исторического развития.

Выдающимся по собранному этнографическому материалу является очерк этнографии еврейского народонаселения в России, изданный в 1852 г. [2, с. 24–27]. М. Берлин был по своим убеждениям маскилом (сторонником просвещения евреев). Желая видеть своих единоверцев европеизированными, автор описывал традиции иудеев, подчеркивая их косность и архаичность.

Исследователь восточноевропейского еврейства эпохи Просвещения Дэвид Биале (David Biale) опубликовал в 80-е гг. XX в. статью о детстве, свадьбе и семье, в которой проанализировал изменения, происходящие в традиционных еврейских семьях под влиянием Гаскалы (Просвещения) [3, с. 45–61]. В работе «Эрос и Просвещение: любовь против свадьбы в период Просвещения у восточноевропейских евреев» [4, с. 49–67] приведены причины борьбы маскилов с ранними браками, цитируются воспоминания участников событий. Недостаток данных публикаций для нашего исследования заключается в том, что они затрагивают обрядовую деятельность евреев, проживавших на территории современной Польши. С учетом большой консервативности и замкнутости еврейского сообщества повседневная жизнь польских евреев и евреев-литваков территории нынешней Беларуси видится в рамках проблематики данного исследования нетождественной.

В историческом документе под названием «Домашний регламент» [5, с. 110–115] отдельная глава посвящена свадебной одежде. При изучении мемуарной литературы, посвященной тому периоду, появляется возможность увидеть, как реализовывались на практике подобные законы, отношение современников к ним.

Сравнительный анализ восприятия брачного обряда в мемуарах П. Венгеровой и А. Выгодской

Мемуарная литература позволяет проследить изменение роли семьи как социального института в еврейском обществе XIX – начала XX в. В пользу осознания в рамках парадигмы традиционной культуры огромной значимости семьи для сохранения еврейского народа в условиях рассеяния говорит количество и обширность географии специальных благотворительных обществ, созданных с целью обеспечения приданым еврейских девушек из неимущих слоев населения. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно сохранил дела об учреждении общества «Гахносах-Кало» («Приданое») в Брест-Литовске [6, л. 4–28], Пружанах [7, л. 25] и Волковыске [8, л. 10–19].

Немногочисленные имеющиеся в нашем распоряжении мемуары еврейских женщин в основном были написаны в Западной Европе (Германия, Англия) и в США. Данное обстоятельство объясняется более высоким по сравнению с Восточной Европой уровнем жизни, распространением буржуазных ценностей в еврейской среде, высокой степенью ассимиляции [9, с. 64–65].

Основным источником для проведения сравнительного анализа еврейских свадебных обычаев стали мемуары Паулины Венгеровой (1833–1916) «Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX в.» [10]. Воспоминания реконструируют патриархальную еврейскую жизнь в черте еврейской оседлости в 1830–1850-х гг. Четыре главы посвящаются проведению свадебного обряда: в первой описана свадьба сестры Евы, которая вышла замуж в 1846 г.; остальные три описывают свадьбу самой П. Венгеровой, которая проходила двумя годами позже и отразила значительные отличия, проявившиеся в еврейской среде под воздействием реформ периода правления Николая I [10, с. 145]. Во второй части книги описано начало процесса ассимиляции, закончившегося отходом части евреев от иудаизма.

Не менее важным источником явились мемуары Анны Выгодской «История одной жизни: воспоминания», изданные в Риге в 1938 г. [11]. Будучи представительницей эмансипированной просвещенной части еврейской молодежи, А.П. Выгодская высмеивала и резко критиковала быт евреев конца XIX в. в белорусских местечках; она описывает замкнутость, нищету, влияние суеверий на еврейские массы.

Согласно утверждению Ю.В. Функ, выдача замуж бедных еврейских девушек с помощью предоставления им приданого есть не что иное, как следование священным книгам иудеев – Торе и Талмуду [12, с. 68]. В традиционном еврейском обществе середины XIX в. женитьба детей считалась первоочередной задачей родителей. Брак мыслился как единственная сфера приложения духовных и физических сил женщины, ее уделом было служение родным, рождение и воспитание детей.

Воспоминания Анны Выгодской показывают переосмысление традиционного представления о значимости брака. Активно демонстрируя стремление получить образование, несмотря на препоны со стороны патриархально настроенной семьи, желая быть в первую очередь профессионалом, она именовала себя «бестужевкой с демократическими взглядами и стремлением к физическому труду» [11, с. 220]. Несмотря на столь прогрессивные взгляды, Анна уступила настоятельным требованиям родителей выйти замуж согласно понятиям о приличиях, принятых в еврейском буржуазном кругу начала XX в. Общественное мнение осуждало родителей, не нашедших дочери мужа. Девушка, которая оставалась не замужем в возрасте 25 лет, именовалась единоверцами «альте мойд» (буквально – «старая дева»), мужчин презрительно называли «альтер бохер» («старый холостяк», «старый парень»). Наличие старой девы вредило репутации семьи.

С иронией мемуаристка вспоминает радость родителей по поводу ее согласия выйти замуж. «Родители, конечно, были очень рады, что я не останусь старой девой – ведь по тогдашним понятиям девица 24-х лет уже считалась весьма зрелой» [11, с. 218]. При этом Анна Выгодская подчеркивает отсутствие особого значения бракосочетания

для себя как для личности и перспективного медицинского работника. В этом отношении можно отметить влияние на мировоззрение мемуаристки процесса ассимиляции, разрушающего представление об абсолютной ценности семьи, характерного для иудейской традиции, прагматичного духа капитализма и набирающего популярность в среде работающих еврейских женщин феминизма.

Модернизация традиционного образа жизни еврейской общности Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. проявилась не только в отношении к браку и семье, но и в изменении отдельных элементов брачных обычаев. Еврейская свадьба, согласно Галахе (традиционное иудейское право, совокупность законов и установлений иудаизма, регламентирующих религиозную, семейную и общественную жизнь верующих евреев – Ю.Е.), состоит из обрядов «кидушин» и «хупы», предшествующим же элементом является «шидух» (ивр. «сватовство»). Шидух осуществляли посредники – шадхоны (сваты), которые предлагали потенциальных кандидатов на роль жениха и невесты. Изучив предложения и выбрав подходящую партию (в первую очередь ценились талмудические познания и материальная обеспеченность), родители давали свое согласие на свадьбу дочери. В вопросе выбора пары юные невесты не имели права на собственное мнение. Соглашаться с родителями обязывало и воспитание, и обычай. То, что девушка довольна выбором родителей, являлось аксиомой и выражалось в словосочетании «что выбрали родители, выбрал Бог».

Таким образом была сосватана в 1846 г. старшая сестра П. Венгеровой – Ева. «Родители просто сказали ей (Еве), что некий господин Ф. из города С. сватается за нее. И так как он происходит из хорошего дома, богат, не урод, и имеет самостоятельное торговое дело, родители сочли эту партию подходящей и дали свое согласие. Теперь пусть это сделает и моя сестра. Сестра, бесконечно далекая от того, чтобы ставить под сомнения слова родителей, не выдвинула никаких возражений» [10, с. 136]. В соответствии с патриархальным обычаем два года спустя произошло сватовство и самой мемуаристки. Отец, получив письмо с предложением выдать замуж дочь, ответил согласием. О самостоятельном выборе девушки не было речи.

Правила знакомства молодых также определял древний обычай. В первой половине XIX в. для еврейской девушки естественно было впервые увидеть своего будущего супруга, будучи облаченной в подвенечное платье. Возможности увидеть и поговорить с женихом до свадьбы, как правило, не было. Общество не видело в этом особой необходимости. Заочное знакомство происходило по переписке, очное – на самой церемонии. К концу 1840-х гг. родители стали либеральнее относиться к правам своих дочерей: становится обычным явлением поездка просватанной девушки на встречу с будущим женихом, даже если для этого требуется преодолеть значительное расстояние, а согласие невесты по-прежнему остаётся формальностью. Молодым разрешалось не только познакомиться друг с другом, но даже провести время вместе в компании молодежи [10, с. 184].

Существовали обычаи, определенные освященной веками традицией, касавшиеся выбора дня свадьбы. Проводить обряд бракосочетания запрещалось в день *шаббата*, который длится от пятничного заката до субботнего вечера. Не проводили свадебные ритуалы во время еврейских праздников, таких как Рош ха Шана (Новый год), Песах, в период между Песахом и Шавуотом. У А. Выгодской выбор дня свадьбы выпал на «счастливейший день» – вторник.

В конце XIX в. в еврейский традиционный уклад стали проникать европейские элементы, присущие христианскому населению Беларуси. Особенно ярко данная тенденция проявилась в свадебном костюме невесты. Одежда невесты – это не только эстетический элемент свадебного обряда, но и показатель материального благосостояния семьи. Она менее других подвержена базисным изменениям, возможно, из-за того, что ее аксессуарная составляющая постоянно меняется, а основа – платье и фата – величины постоянные. Следует отметить, что в еврейской свадебной моде не было строго

ограниченной гаммы цветов либо ткани, из которой изготавливался наряд. Предпочтение отдавалось светлым, пастельным тонам, а материал зависел от денежной обеспеченности родителей молодой. «В качестве свадебного наряда Ева получила сиреневое шелковое платье, отделанное белыми кружевными прошвами, миртовый венок и длинную фату» [10, с. 137]. «Я облачилась в тяжелое платье серого шелка и укрепила на голове миртовый венок с длинной белой вуалью. Белые перчатки, веер и крошечный кружевной носовой платок довершили мой костюм» [10, с. 203].

Патриархальное еврейское общество черты оседлости контролировало практически все сферы жизни своих единоверцев, в том числе и свадебную моду. В 1845 г. иудейские общины Беларуси приняли документ под названием «Домашний регламент», который вводил правила ношения традиционной еврейской одежды в зависимости от уровня состоятельности отдельных еврейских семей, осуществляя «намерение уменьшать количество гардероба ... для удовлетворения желания правительства, впредь установить правила об уменьшении количества платьев, чтобы не рядиться в дорогие одежды» [5, с. 112]. Считалось, что ограничения в гардеробе будут, во-первых, содействовать уменьшению расходов, во-вторых, «убавятся ненависть и зависть народов из-за дорогих платьев» [5, с. 112]. Авторы напомнили единоверцам, что, одеваясь против законов Торы (одеваться дороже, чем могут в действительности себе позволить), они вовлекают себя в грех тщеславия.

«Регламент» коснулся и свадебных нарядов. Документ устанавливал запрет на использование кружев в свадебной одежде невесты. Авторы педантично просчитали и суммы надана (приданое наличными деньгами) по отношению к стоимости свадебных нарядов. Были сокращены траты на свадебные трапезы, ограничено количество подаваемых блюд, число приглашенных гостей [5, с. 115]. Постановления касались в первую очередь состоятельных людей, к которым относилась семья П. Венгеровой: отец Паулины был подрядчиком на крупных государственных стройках [10, с. 4].

Как свидетельствуют воспоминания П. Венгеровой, богатые евреи не считали необходимым следовать регламенту. Влияние общинных лидеров на элиту еврейского общества черты оседлости с середины XIX в. ослабело, а к началу XX в. стало номинальным. Зажиточная купеческая семья Выгодской была в значительной степени европеизирована, поэтому свадебный туалет невесты сшили согласно европейской моде. «Подвенечное платье из самого дорогого шелка – дамассе имело шлейф длиною, пожалуй, аршина в полтора. Сшит был этот туалет великолепно... Но кроме платья было еще множество других атрибутов: атласные белые туфли, белые шелковые чулки, фата из шелкового тюля, а главное – веер, который должен быть прислан женихом» [11, с. 229]. В начале XX в. влияние европейской моды стало постепенно проникать в малообеспеченные слои провинциального еврейства, стирая визуальные различия между иудейским и христианским населением Беларуси.

В древнееврейской религиозной традиции существовал обычай срезания волос замужней женщины сразу после свадьбы. Изменив статус, она должна была носить на голове чепец. В середине 1840-х гг. чепец снабдили широкой шелковой налобной повязкой того же цвета, что и волосы. Как иронично подмечает П. Венгерова, «по тогдашним понятиям, она (налобная повязка) очень хорошо их имитировала» [10, с. 144]. В конце 1840-х гг. в богатых домах в обиход входит парик. Он заменил налобную повязку у замужних женщин; сверху, как и прежде, остался чепец.

Важным элементом еврейской брачной церемонии первой половины 40-х гг. XIX в. было торжественное препровождение невесты к гостям («кабалат-панім»), в богатых домах сопровождавшееся музыкой. Ее усаживали в кресло, поставленное на середине свадебного зала, чтобы все гости могли полюбоваться молодой. Чуть позже появлялся жених в сопровождении родственников и друзей [1, с. 104]. По обычаю, жених и невеста не имели права ни на какой телесный контакт, даже на рукопожатие [10, с. 140]. После знакомства начинался праздничный завтрак, а затем танцы. Женщины танцевали

отдельно от мужчин, невеста также участвовала в веселье, жених мог только наблюдать: это было продиктовано законами целомудрия и ритуальной чистоты.

Ситуация изменилась к концу 40-х гг. XIX в. С грустью рассказывала о своей свадебной церемонии П. Венгерова: «Без всякой торжественности меня ввели в свадебный зал. Мне не предложили даже сесть, как это принято у нас» [10, с. 203]. В отличие от П. Венгеровой, с разочарованием вспоминая свой выход к гостям, А. Выгодская считала торжественность, которой сопровождался ее путь к празднично украшенному цветами креслу невесты, неуместной. «Глупо чувствует себя человек, когда все глаза устремлены на него: мне было томительно неловко, и все время я думала только о том, чтобы пришел конец этому спектаклю» [11, с. 232].

Причину такого отношения к церемонии можно усмотреть в том, что мемуаристка позиционирует себя современной, жаждущей образования и труда женщиной, лишенной предрассудков и консерватизма. Для нее лучшим свадебным подарком становится полное собрание сочинений Салтыкова-Щедрина. Остальные традиционные свадебные подарки (деньги, ювелирные украшения, вазы и утварь, платья, капоты и шубы, сшитые по заказу родителей накануне свадьбы) не имеют никакого значения для увлеченной идеей реализовать себя профессионально 24-летней молодой женщины.

Новации быстрее входили в жизнь высших слоев еврейского общества и молодежи. Богатые и именитые евреи, к примеру, купцы первой и второй гильдии, подрядчики и фабриканты, были вхожи в круги российской бюрократии и торгово-промышленной элиты, а эмансипированная молодежь шла в авангарде всего нового. Влияние ассимиляции прослеживается во внешнем виде и поведении прибывших на свадьбу молодых родственников жениха П. Венгеровой, проживавших в Петербурге. «[Они были] в светлых коротких летних шелковых костюмах, типа дорожных, и широкополых белых соломенных шляпах. Войдя в комнату, они сняли шляпы и так и остались сидеть с обнаженными головами, в то время как другие мужчины постоянно носили на голове маленькую черную бархатную шапочку» [10, с. 202]. Для еврейского мужчины снятие головного убора в помещении недопустимо по религиозным догмам, равносильно отказу от иудаизма и богохульству. Этот момент ярко указывает на далеко зашедший в среде столичного еврейства процесс аккультурации и сохранения приверженности традициям в провинции. Упрощение традиций, исключение из них некоторых символических элементов, наполненных скрытым и понятным только для иудеев смыслом, приводило к постепенной ассимиляции, размыванию семейных традиций патриархального еврейского общества.

Внешние изменения, коснувшиеся костюма и манер, не влияли на религиозную составляющую свадебного обряда. Религия являлась наименее поддающейся изменениям социокультурной сферой, носителем объединяющего начала в обществе. На протяжении всего XIX в. сохранялась и свято чтилась евреями, проживающими в Беларуси, церемония, проходившая в синагоге. Целью данного исследования не является описание последовательности сакральных действий и молитв, произносимых раввином под хупой (свадебный балдахин, под которым стоят невеста и жених во время церемонии), т.к. и по сегодняшний день они остаются неизменными.

Заключение

Итак, еврейские свадебные традиции в черте еврейской оседлости на протяжении 40-х гг. XIX – начала XX в. подверглись постепенным изменениям. Они были проявлением заметных прогрессивных трансформаций, способствовали расшатыванию замкнутости еврейского общества. Не затрагивая религиозной составляющей обряда, изменения коснулись внешних форм брачной церемонии. К началу XX в. сохранилась традиция сватовства и выбора дня бракосочетания, свадебный наряд невесты претерпел изменения под влиянием модных европейских тенденций. Для начала XX в. становится характерным очное знакомство молодых людей. Снижается значимость кабалат-панам,

торжественный прием становится скромнее. Срезание волос замужним еврейским женщинам становится архаичной традицией, которая перестает применяться на практике. Таким образом, свадебные традиции обогатились новыми светскими элементами, заимствованными у христианского населения, отношения между полами стали более свободными, проявлялись зачатки гендерного равноправия. Свадебные ритуалы, относящиеся к сакральной жизни общества, подверглись трансформации, приведшей к упрощению и снижению символичности обряда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леванда, Л. О. Старинные еврейские свадебные обычаи / Л. О. Леванда // Пережитое : сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. – СПб., 1911. – С. 103–130.
2. Берлин, М. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России / М. Берлин. – 1852. – С. 24–27.
3. The Jewish Family: Myth and Reality / ed. by S. M. Cohen, P. E. Hymen. – London : Holmes and Meier, 1986. – P. 45–61.
4. Biale, D. Eros and Enlightenment: Love Against Marriage in the East European Jewish Enlightenment / D. Biale // Polin : Journal of Polish Jewish Studies. – 1986. – Vol. 1. – P. 49–67.
5. Каган, М. Домашний регламент в Белоруссии (1845) / М. Каган // Еврейская старина. – 1910. – Т. 3. – С. 110–115.
6. Дело об учреждении Брест-Литовского общества взаимопомощи «Гахносах-Кало» 1914 г. – 40 л. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБГ). – Ф. 103. Оп. 1. Д. 168.
7. Дело об учреждении общества «Приданое» – «Гахносах-Кало» в г. Пружаны 1913 г. – 63 л. // НИАБГ. – Ф. 103. Оп. 1. Д. 87.
8. Дело об учреждении приданной кассы в г. Волковыске 1900 г. – 27 л. // НИАБГ. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 661.
9. Hymen, P. E. Gender and Assimilation in Modern Jewish History: The Roles and Representation of Women / P. E. Hymen. – Sacattle – London : University of Washington Press. – 1995. – 197 p.
10. Венгерова, П. Воспоминания бабушки: очерки культурной истории евреев России в XIX веке / П. Венгерова. – М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2003. – 352 с.
11. Выгодская, А. П. История одной жизни : воспоминания / А. П. Выгодская. – Рига : Dzive un Kultura. – 1938. – Ч. 1. – 233 с.
12. Функ, Ю. Яўрэйская дабрачыннасць на Беларусі ў XIX – пачатку XX стст. / Ю. Функ // Беларус. гіст. часопіс. – 1999. – № 1. – С. 63–69.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.10.2015

Yarmak Yu.G. Jewish Wedding Manners in Women's Memoirs (XIX – Beginning of XX Century)

Wedding manners of Jews in Belarusian part of Jewish settlement are viewed through the prism of women's memoirs, written in the middle of XIX – beginning of XX century. Already published memoirs and memoirs considered as rare books are used in this article; the author also consults never published archive materials. During the investigation, the main components of marriage procedure, which changed a lot during cultural, historical, social and economic development of Jews community in context of capitalist development of Northwestern part of Russian Empire, were determined. The author comes to the conclusion that external form of wedding manners underwent radical changes. Soviet elements, elements taken from Europe and some kind of a freedom in relationships appeared in it; the beginning of gender equality appears.

УДК 903'1(476-15)“634”:903.02

С.С. Юрэцкі

магістр гіст. навук, аспірант 3 года навучання

аддзела археалогіі першабытнага грамадства Інстытута гісторыі НАН Беларусі

МЕСЦА СУПОЛЬНАСЦЕЙ ЛЯСНОГА НЕАЛІТУ БЕЛАРУСКАГА ПАНЯМОННЯ Ў СІСТЭМЕ КУЛЬТУРНЫХ СУВЯЗЕЙ (ПРЫКЛАД КЕРАМІКІ)

У артыкуле разглядаецца праблема ўдзелу супольнасцей ляснога неаліту ў сістэме культурных сувязей на тэрыторыі Беларускага Панямоння. Закранаюцца пытанні ўзаемадачыненняў старажытнага насельніцтва, якое з'яўлялася носьбітам мясцовых прыпяцка-нёманскай і нёманскай культур з прышлымі традыцыямі цэнтральнаеўрапейскага неаліту (культуры лейкападобных кубкаў, шарападобных амфар і шнуравой керамікі). Таксама асвятляецца праблематыка прысутнасці ў рэгіёне ўплываў з боку суседніх супольнасцей ляснога неаліту (галоўным чынам нарвенскага асяродку). Даследаванне заснавана на разглядзе керамікі як важнейшай крыніцы ў працэсе вывучэння старажытных супольнасцей. На прыкладзе ўсебаковага аналізу керамічных матэрыялаў устаноўлены інакультурныя азнакі, якія з'яўляюцца сведчаннем пранікнення яго ўплыву ў лясны неаліт рэгіёна. Такія прыметы выяўлены пераважна сярод марфалагічных і арнаментальных паказчыкаў керамікі. З тэхналагічнага пункту гледжання адметныя матэрыялы з дамешкамі таўчонах ракавінак, што не з'яўляецца характэрнай з'явай для эпохі неаліту на тэрыторыі рэгіёна.

Уводзіны

Аналіз керамікі супольнасцей ляснога неаліту з тэрыторыі Беларускага Панямоння дазваляе вылучыць шэраг культурнавызначальных паказчыкаў, якія з'яўляюцца сведчаннем ўплыву з боку як цэнтральнаеўрапейскага аграрнага неаліту, так і суседніх усходнееўрапейскіх культур. З пэўнымі дапушчэннямі атрыманыя даныя неабходна разглядаць у якасці крыніц па асвятленні лёсу мясцовага насельніцтва ў перыяд з 5 па пачатак 2 тысячагоддзя да н.э. Неабходнасць разгляду дадзенай праблематыкі неаднаразова падымалася ў навуковай літаратуры і з'яўляецца адной з асноўных праблем у вывучэнні старажытнасцей эпохі неаліту ў Беларускім Панямонні на сучасным узроўні даследаванняў [15–17].

Дадзены артыкул прысвечаны адзнакам культурных уплываў на прыкладзе керамічных калекцый. Менавіта кераміка з'яўляецца асноўнай крыніцай у працэсе вывучэння супольнасцей ляснога неаліту на тэрыторыі Беларусі, вызначэння іх храналогіі і перыядызатыі, а таксама культурнай ідэнтыфікацыі [8, с. 48–67].

Уплывы з боку цэнтральнаеўрапейскага неаліту

У якасці сведчанняў уздзеяння на мясцовы лясны неаліт вылучаюцца прыметы наступных культур, што традыцыйна адносяцца да цэнтральнаеўрапейскага аграрнага неаліту: культуры лейкападобных кубкаў, культуры шарападобных амфар, а таксама кола культуры шнуравой керамікі.

На прысутнасць старажытнасцей культуры лейкападобных кубкаў на тэрыторыі сучаснай Паўночна-Заходняй Беларусі ўказвалася яшчэ ў навуковых публікацыях міжваеннага часу [18; 19]. Аднак у сучасных даследаваннях маюцца толькі няпэўныя сведчанні існавання артэфактаў, якія звязваюцца з дадзенай супольнасцю і паходзяць з рэгіёна Беларускага Панямоння [3; 22]. Сярод патэнцыяльных паказчыкаў уплыву традыцыйнай культуры лейкападобных кубкаў на мясцовае насельніцтва супольнасцей ляснога неаліту пераважна разглядаюцца дамешкі шамоту ў гліняным фармоначным цесце,

---

Навуковы кіраўнік – В.Л. Лакіза, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, намеснік дырэктара па навуковай працы Інстытута гісторыі НАН Беларусі

гладкасценнасць керамікі, арнаментация ў выглядзе лінейнага штампу, а таксама адметнасці марфалогіі, якія праявіліся ў вылучэнні шыйкі і S-падобнай прафіліроўкі пасудзін [22, с. 134–136]. Пагаджаючыся з А. Ваўрусевічам, адзначым, што дамешкі шамоту ў якасці сведчанняў уплыву з боку «лейкападобнікаў» могуць разглядацца досыць умоўна і скептычна [22, с. 135]. Доказам гэтаму служаць тэхналагічныя асаблівасці ранне-неалітычнай керамікі прыпяцка-нёманскай культуры [10, с. 146].

Больш надзейнымі азнакамі культуры лейкападобных кубкаў на кераміцы прыпяцка-нёманскай культуры з'яўляюцца адбіткі лінейнага штампу [10, с. 147]. На раннім этапе нёманскай культуры пашыраецца аздабленне ў выглядзе лінейнага штампу, а таксама загладжанасць знешніх паверхняў, вылучэнне шыйкі і S-падобнай прафіліроўкі ў вастрадонных пасудзін [8, с. 58–59; 14].

Сярод усяго масіву прыпяцка-нёманскай культуры ў Беларускім Панямонні толькі нешматлікія фрагменты керамікі арнаментаваны ў выглядзе стылізаванага нахіленага лінейнага штампа у т.зв. «скарэпіснай манеры». Больш прадстаўнічыя па колькасці матэрыялы зафіксаваны на раннім этапе нёманскай культуры, а таксама на больш позняй кераміцы класічнага этапу названай супольнасці. Адзначым таксама пакуль праблемны характар інтэрпрэтацыі тэкстыльных адбіткаў на такой кераміцы [8, с. 59].

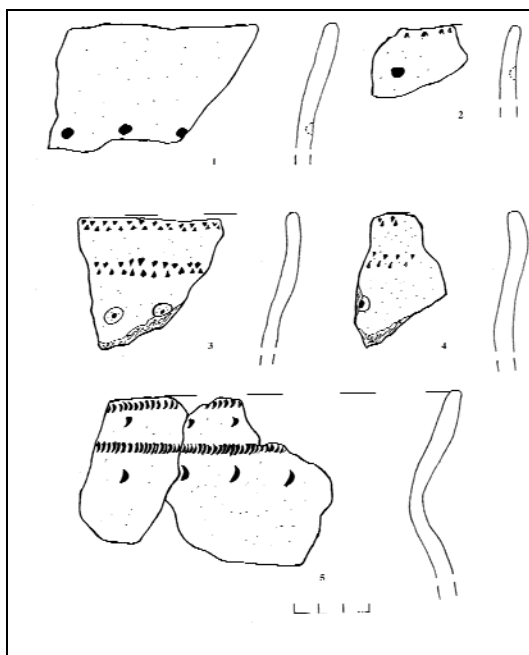
Вызначальным для керамікі ранняй нёманскай культуры з'яўляецца загладжанасць знешніх паверхняў керамікі, а таксама ўнутраных у верхніх частках пасудзін, наяўнасць вылучанай адагнутаі шыйкі, якая надае S-падобную прафіліроўку. Такія прыметы маглі з'явіцца ў Беларускім Панямонні, найбольш верагодна, толькі з боку культуры лейкападобных кубкаў [8, с. 58–59]. Згодна М. Шмыт, названыя паказчыкі ў керамічных матэрыялах адпавядаюць т.зв. «сінкрэтычным» формам прысутнасці традыцыі згаданай культуры ў мясцовым асяроддзі лясной зоны Усходняй Еўропы [21, р. 111]. Такія культурныя імпульсы маглі перадавацца не толькі непасрэдна, але і апасродкавана праз носьбітаў іншых культур, якія непасрэдна суіснавалі з «лейкападобнікамі». У выпадку ляснога неаліту Беларускага Панямоння такая перадача традыцый магла адбывацца праз супольнасці Заходняга Палесся [2; 4], Падлясся [23–25], а таксама праз насельніцтва Беларускага Пабужжа [7].

Дакладная прысутнасць носьбітаў цэнтральнаеўрапейскай традыцыі аграрнага неаліту адзначана для культуры шарападобных амфар, старажытнасці якой непасрэдна зафіксаваныя на тэрыторыі Беларускага Панямоння [1; 9; 21]. Асноўнымі паказчыкамі ўздзеяння «шарападобнікаў» на мясцовую нёманскую культуру з'яўляюцца элементы арнаментации ў выглядзе лінейнага штампу, а таксама трубчастага аздаблення («адбіткі птушынага пярэ») (малюнак, паз. 3, 4) [1, с. 11; 21, fig. 44: 2].

У дачыненні да фіксацыі на тэрыторыі Беларускага Панямоння азнак «шарападобнікаў» у асяроддзі мясцовага насельніцтва супольнасцей ляснога неаліту паўстае праблема своеасаблівага перакрывавання традыцый культур шарападобных амфар і шнуравой керамікі [1, с. 12]. Для класічнага этапу нёманскай культуры аб верагодным уплыве непасрэдна культуры шарападобных амфар можна гаварыць толькі ў дачыненні да керамікі, для якой з'яўляецца адметным адсутнасць падштрыхоўкі знешняй паверхні (малюнак, паз. 1–4). Для больш позніх керамічных матэрыялаў дабраборскай традыцыі распаўсюджванне элементаў аздаблення ў выглядзе лінейнага штампу і трубчастага аздаблення магло адбывацца апасродкавана праз носьбітаў кола культуры шнуравой керамікі, лакальныя групы якой і пазначаны А.У. Вайтовіч (Зуевай) як асноўныя пасрэднікі ў перадачы такіх прымет [1, с. 17].

У вызначэнні ролі насельніцтва, якое з'яўлялася носьбітам кола культур шнуравой керамікі, на нёманскую культуру на яе класічным этапе развіцця істотнае значэнне мае разгляд такога элемента апрацоўкі знешняй паверхні, як падштрыхоўка (малюнак, паз. 5). М.М. Чарняўскім выказвалася думка аб тым, што такі спосаб працірання паверхні

быў пераняты мясцовым насельніцтвам верагодна ад «шнуравікоў» [10, с. 153]. В.Л. Лакіза, наадварот, разглядае падштрыхоўку як азнаку ўплыву нёманскай культуры на Падгорнаўскую групу помнікаў кола культуры шнуравой керамікі ў Панямонні [6, с. 152].

Малюнак. – Кераміка класічнага этапу нёманскай культуры з помніку Лысая Гара (па матэрыялах даследаванняў М.М. Чарняўскага, 1965 г.)

Больш паглыблены разгляд дадзенай праблематыкі дазваляе схіліцца да пункту гледжання аб першасным уплыве носьбітаў кола культуры шнуравой керамікі на мясцовае насельніцтва ляснага неаліту, у выніку чаго і быў пераняты звычай падштрыхоўкі (пучком травы?) знешніх паверхняў начынняў. Па-першае, традыцыі працірання паверхні пучком травы зафіксаваныя ў найбольш ранніх фазах развіцця кола культуры шнуравой керамікі ў Цэнтральнай Еўропе, дзе падобным спосабам апрацоўваліся пераважна буйныя амфары, а таксама, хоць і ў меншай ступені, кубкі [20, с. 127]. Па-другое, падштрыхоўка паверхні пасудзін, якая ўтваралася ў выніку загладжвання, з’явілася ў асяроддзі нёманскай культуры не толькі ў Панямонні, але і ў Заходнім Палессі [2], а таксама на тэрыторыі Польшчы [23]. Гэтыя факты сведчаць пра наяўнасць пэўнага моцнага культурнага імпульсу, што выклікаў перамены на такой значнай тэрыторыі. У пазначаны перыяд такім імпульсам, найбольш верагодна, магло быць распаўсюджванне традыцый кола культуры шнуравой керамікі. Па-трэцяе, храналагічныя паказчыкі сведчаць пра пэўную адначасовасць з’яўлення ў Беларускім Панямонні старажытнасцей агульнаеўрапейскага А-гарызонту шнуравой керамікі (з другой чвэрці 3 тысячагоддзя да н.э.) [5, с. 173] і керамікі з падштрыхоўкай знешняй паверхні (матэрыялы дабраборскай традыцыі) (з другой чвэрці / сярэдзіны 3 тысячагоддзя да н.э.) [11, с. 109].

Культурны імпульс з боку «шнуравікоў», відавочна, моцна змяніў асяроддзе мясцовага насельніцтва нёманскай культуры, што выклікала пэўную дыферэнцыяцыю ў яе развіцці. З аднаго боку, прадстаўлена кераміка, для якой характэрна выразная падгарызантальная падштрыхоўка і далейшае развіццё цэнтральнаеўрапейскіх прымет у спосабах стылістыкі пасудзін. З другога боку, фіксуецца існаванне некласічных матэрыялаў нёманскай культуры, якія хоць і ўтрымліваюць сляды падштрыхоўкі, але сумяшчаюць яе з даволі архаічным на той момант спосабам дабаўкі валакністай арганікі («расліннасці») у фармовачнае цеста. Такія факты гіпатэтычна тлумачацца тым, што частка на-

сельніцтва магла падкрэсліваць сваю адметнасць у параўнанні з распаўсюджваннем у іх асяроддзі «элітарных» азнак шнуравой керамікі.

Ўздзеянне супольнасцей ляснога неаліту

Менш адметнымі выглядаюць сведчанні ўздзеяння на кераміку прыпяцка-нёманскай і нёманскай культур з боку традыцый суседніх супольнасцей ляснога неаліту. Такія ўплывы ў першую чаргу праявіліся ў існаванні нарвенскага/постнарвенскага культурнага кампаненту ў лясным неаліце Беларускага Панямоння [17, с. 72]. Сам факт існавання керамікі нарвенскага тыпу з таўчонымі ракавінкамі ў цесце на тэрыторыі рэгіёна сведчыць пра кантакты насельніцтва двух вялікіх культурных асяродкаў: нёманскага і нарвенскага. Аднак застаецца пад пытаннем ступень такога ўздзеяння. Фактычна згаданы ўплыў праявіўся толькі ў матэрыялах на помніку Дакудава–5, наяўнасці stylізаванай выявы качкі на кераміцы з помніка Русаковічы–9 [13, с. 116, мал. 2] і, магчыма, нешматлікіх вусеневых узорах на матэрыялах з вярхоўяў Нёмана [12, с. 68–69].

У якасці азнак суседніх культур ляснога неаліту апісваліся таксама лапчастыя адбіткі на кераміцы. Аднак дадзеныя фрагменты досыць нешматлікія, хоць і з'явіліся тут, верагодна, у выніку кантактаў з носьбітамі верхнедняпроўскай культуры [8, с. 60].

Як сведчанні магчымага ўплыву з боку традыцый ляснога неаліту разглядаюцца ямкавыя ўцісканні на тшцінецкай кераміцы [8, с. 78, 83]. Аднак дадзеная праблема яшчэ далёкая ад свайго вырашэння і вымагае сумесных кансультацый і даследаванняў спецыялістаў па неаліце і раннім бронзавым веку. Пад пытаннем застаецца і вызначэнне самага характару з'яўлення керамікі сярод насельніцтва лясной зоны Усходняй Еўропы. На дадзеным этапе вывучэння найбольш верагоднай з'яўляецца гіпотэза, якую выказаў у свой час М.М. Чарняўскі, аб аўтахтонным характары зараджэння вырабу керамічных начынняў [11, с. 103].

Такім чынам, уплыў на насельніцтва супольнасцей прыпяцка-нёманскай і нёманскай культур у Беларускім Панямонні з боку суседніх традыцый ляснога неаліту ў параўнанні з цэнтральнаеўрапейскімі быў менш значным. Кераміка нарвенскага тыпу сведчыць пра магчымасць пранікнення ў рэгіён носьбітаў нарвенскай/постнарвенскай культурнай традыцыі. Аднак такія ўплывы, відавочна, не мелі моцнага ўздзеяння на мясцовыя супольнасці. Дадзены пункт гледжання верагодна тлумачыцца прыкладна аднолькавым узроўнем развіцця гэтых супольнасцей на тэрыторыі лясной зоны Усходняй Еўропы, для якіх была ўласціва натуральная гаспадарка.

Заклучэнне

У выніку неабходна падсумаваць сведчанні месца супольнасцей ляснога неаліту ў культурных працэсах на тэрыторыі Беларускага Панямоння на прыкладзе вывучэння керамічных калекцый. Развіцце носьбітаў раннеалітычнай прыпяцка-нёманскай культур адбывалася ў традыцыйным рэчышчы для сінхронных культур на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Аднак на кераміцы названай супольнасці зафіксаваныя і першыя нешматлікія адбіткі лінейнага штампа, што з'яўляюцца сведчаннямі пранікнення ў рэгіён традыцый культуры лейкападобных кубкаў. Менавіта пад уплывам «лейкападобнікаў» складваецца ранні этап нёманскай культуры. Далейшае развіццё мясцовага насельніцтва адбывалася пад уплывам культуры шарападобных амфар, што праявілася ў далейшым развіцці звычай загладжвання знешняй паверхні, аздаблення ў выглядзе лінейнага штампу і трубчастай арнаментцыі. На развіццё традыцый «шарападобнікаў» у пэўнай ступені наклаўся больш моцны ўплыў з боку кола культуры шнуравой керамікі. Менавіта пад уздзеяннем «шнуравікоў» (з другой чвэрці 3 тысячагоддзя да н.э.) неабходна разглядаць з'яўленне ў мясцовым асяроддзі звычай апрацоўкі знешняй паверхні пучком травы, ад чаго заставаліся сляды падштрыхоўкі. Альтэрнатыўны шлях развіцця

познанеалітычнага мясцовага насельніцтва прадстаўлены ў кераміцы, якая адносіцца да некласічных матэрыялаў нёманскай культуры з наяўнасцю слядоў ад ужывання «расліннасці» пры вырабе пасудзін. Такім чынам, развіццё мясцовага насельніцтва ляснога неаліту адбывалася пад моцным уплывам цэнтральнаеўрапейскіх культур. Культурныя кантакты з носьбітамі ляснога неаліту з больш паўночных рэгіёнаў абумовілі з'яўленне нарвенскага/постнарвенскага кампаненту на тэрыторыі Беларускага Панямоння.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Зуева, А. У. Культура шарападобных амфар на тэрыторыі Беларусі і яе роля ў развіцці супольнасцяў III – пачатку II тысячагоддзя да н.э. : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.06 / А. У. Зуева. – Мінск, 2011. – 24 с.

2. Исаенко, В. Ф. Неолит Припятского Полесья / В. Ф. Исаенко. – Минск : Наука и техника, 1976. – 128 с.

3. Крывальцэвіч, М. М. Матэрыялы неаліту і бронзавага веку з Беларусі ў фондах Варшаўскага археалагічнага музея / М. М. Крывальцэвіч // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 1999. – Вып. 14. – С. 68–82.

4. Крывальцэвіч, М. М. Беларускае Палессе ў перыяд пераходу ад неаліту да эпохі бронзы: праблемы і перспектывы археалагічнага вывучэння / М. М. Крывальцэвіч // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski / red. A. Koško. – Warszawa : Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego, 2004. – S. 137–162.

5. Лакіза, В. Позні неаліт, ранні і сярэдні перыяды бронзавага веку Паўночна-Заходняй Беларусі. Стан і перспектывы даследаванняў / В. Лакіза // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski / red. A. Koško. – Warszawa : Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego, 2004. – S. 99–119.

6. Лакіза, В. Л. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння / В. Л. Лакіза. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 344 с.

7. Ткачоў, А. Кераміка ляснога неаліту з тэрыторыі Беларускага Пабужжа / А. Ткачоў // Супольнасці каменнага і бронзавага вякоў міжрэчча Віслы і Дняпра : зб. навук. арт. памяці Міхала Чарняўскага / уклад. В. У. Ашэйчык [і інш.]. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2015. – С. 143–164.

8. Чарняўскі, М. М. Неаліт Беларускага Панямоння / М. М. Чарняўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 142 с.

9. Чарняўскі, М. М. Культура шарападобных амфар / М. М. Чарняўскі // Археалогія Беларусі : у 4 т. / рэдкал.: М. В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1997. – Т. 1 : Каменны і бронзавы вякі / М. М. Чарняўскі [і інш.]. – С. 211–219.

10. Чарняўскі, М. М. Нёманская культура / М. М. Чарняўскі, У. Ф. Ісаенка // Археалогія Беларусі : у 4 т. / рэдкал.: М. В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1997. – Т. 1 : Каменны і бронзавы вякі / М. М. Чарняўскі [і інш.]. – С. 145–170.

11. Чарняўскі, М. М. Неаліт Беларусі : праблемы перыядызацыі і храналогіі / М. М. Чарняўскі // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski / red. A. Koško. – Warszawa : Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego, 2004. – S. 99–118.

12. Чарняўскі, М. М. Выявы птушак на кераміцы ў першабытнай культуры Беларусі / М. М. Чарняўскі // Acta Archaeologica Albaruthenica. – Мінск, 2008. – Vol. III. – С. 67–76.

13. Чарняўскі, М. М. Кераміка ўсвятцай культуры: набыткі апошніх палявых сезонаў / М. М. Чарняўскі // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку) : зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 ліст. 2008 г. / пад агульн. рэд. Д. У. Дукі, У. А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2009. – С. 115–122.

14. Чарняўскі, М. М. Нёманская неалітычная культура ў Беларусі: генезіс і эвалюцыя / М. М. Чарняўскі // *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu / pod red. U. Stankiewicz, A. Wawrusiewicz.* – Białystok, 2011. – S. 77–86.
15. Юрецкий, С. С. К проблемам в изучении неолита Северо-Западной Беларуси / С. С. Юрецкий // *Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий : материалы XXX междунар. студ. археол.-этнолог. конф., Брянск, 22–24 мая 2014 г.* – Брянск : РИО БГУ, 2014. – С. 84–92.
16. Юрэцкі, С. С. Да праблемы культурнай ідэнтыфікацыі неалітычных старажытнасцей Беларускага Панямоння (гістарыяграфічны агляд) / С. С. Юрэцкі // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 25.* – Мінск : Беларус. навука, 2014. – С. 141–150.
17. Юрэцкі, С. С. Узаемадзеянне традыцый у лясным неаліце Беларускага Панямоння на прыкладзе вывучэння керамікі / С. С. Юрэцкі // *Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий : материалы XXXI междунар. студ. археол.-этнолог. конф., Брянск, 21–23 мая 2015 г.* – Брянск : РИО БГУ, 2015. – С. 66–76.
18. Jażdżewski, K. *Kultura pucharów lejkowatych w Polsce zachodniej i środkowej / K. Jażdżewski.* – Poznań : Nakł. Polskiego Towarzystwa Prehistorycznego, 1936. – 457 s.
19. Hołubowicz, W. *Stanowisko kultury pucharów lejkowatych koło wsi Zanarocze w woj. Wileńskim / W. Hołubowicz // Z otchłani wieków.* – 1939. – № 5–6. – S. 159–165.
20. Kurzawa, J. *Zagadnienie najwcześniejszych faz kultury ceramiki sznurowej na Nizinie Wielkopolsko-Kujawskiej: problem tła genetycznego społeczności kultury pucharów lejkowatych / J. Kurzawa // Poznań : Wyd-wo Un-tu im. A. Mickiewicza, 2001.* – 382 s.
21. Szmyt, M. *Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe : 2960-2350 BC / M. Szmyt.* – Poznań, 1999. – 350 p.
22. Wawrusiewicz, A. *Taksonomiczne podstawy identyfikacji tradycji kultury pucharów lejkowatych w środowisku strefy leśnej Europy Wschodniej. Perspektywa subneolitu kontynentalnego / A. Wawrusiewicz // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 18 / Ін-т гісторыі НАН Беларусі.* – Мінск, 2010. – С. 131–146.
23. Wawrusiewicz, A. *Okres neolitu i wczesnej epoki brązu na Podlasiu. Stan i perspektywę badań / A. Wawrusiewicz // Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu / pod red. U. Stankiewicz i A. Wawrusiewicz.* – Białystok, 2011. – S. 87–101.
24. Wawrusiewicz, A. *Ceramika typu Sokołówek na Podlasiu i jej znaczenie w rozwoju społeczności subneolitycznych Polski Północno-Wschodniej / A. Wawrusiewicz // Studja i materiały nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu.* – Warszawa, 2013. – T. III. – S. 49–94.
25. Wawrusiewicz, A. *Ceramika wczesnoneolityczna na Podlasiu. Przyczynek do badań nad genezą kultury niemeńskiej / A. Wawrusiewicz // Супольнасці каменнага і бронзавага вякоў міжрэчча Віслы і Дняпра : зб. навук. арт. памяці Міхала Чарняўскага / уклад. В. У. Ашэйчык [і інш.].* – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2015. – С. 123–140.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.03.2016

Yuretski S.S. The Location of the Forest Neolithic Communities of the Belarusian Poniemen in the System of Cultural Relations (as an Example Ceramics)

Ceramics is the main source for the population study of the Neolithic Age on the territory of Belarus. As an example the ceramic collections of the forest Neolithic monuments of the Belarusian Poniemen managed to trace a number of signs that indicate the influence of several cultural traditions (the Central European Neolithic and neighboring cultures of the forest Neolithic). The strongest impact was experienced by the population of the Neman culture in its early and classical stages of development from the Central European cultures. Evidence for the presence of traditions of the neighboring forest Neolithic cultures on the territory of Belarusian Poniemen has much less pronounced.

В.Л. Ключня¹, А.В. Черновалов²

¹ д-р экон. наук, проф., зав. каф. экономической теории
Белорусского государственного университета

² д-р экон. наук, проф. каф. экономики и менеджмента
Академии труда и социальных отношений (Москва)

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИКИ И РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

В статье рассматривается история исследований проблем взаимодействия экономики и нравственности, актуальность исследования нравственности как междисциплинарной теории позитивного развития страны и мира, определение сущности нравственности. Затрагиваются также идеи построения счастья на Земле. Отмечается возросшая противоречивость трудов в области взаимодействия нравственности и экономики, нравственного ориентирования каждой личности, а также отсутствие единства по этой проблематике в трудах известных ученых прошлого.

Введение

Во времена экономических кризисов на поверхности человеческих отношений все более отчетливо проступает неравенство в распределении ресурсов, необходимых для обеспечения жизнедеятельности людей. Богатые становятся еще богаче, средний класс переходит в категорию бедных, а последние зачастую голодают. Все это с точки зрения просвещенного человека-гуманиста безнравственно. Как же переломить ситуацию, что необходимо изменить для создания нравственных хозяйственных отношений? Вопросы формирования и развития подобных основ хозяйствования всегда были в поле зрения экономистов и философов. *Гуманистическая сущность* экономической деятельности, *созидательный смысл хозяйственных отношений, честность и доверие* в ходе обменных операций, реализация требования *справедливости* при решении спорных вопросов и многие другие нравственные аспекты социально-экономической практики отражены в работах как древних мыслителей, так и представителей новейшего этапа экономической истории [1]. Однако существующие сегодня в рамках основного течения экономические доктрины придерживаются упрощенной и однобокой трактовки человеческого поведения в рамках *модели экономического человека*, который предстает в ипостаси работа-трудоголика, устраивающего перманентные экономические, торговые, валютные, маркетинговые и прочие войны, проявляя зачастую присущую его «звериной составляющей» дикость и кровожадность, но прикрываясь при этом этикой манерного дворянина. Поэтому в существующих исследованиях нравственные основы хозяйственного развития чаще предстают или констатируются как явления желательные, но не обязательные, что объективно предопределялось уровнем экономического развития общества и субъективно дополнялось утилитарным экономическим сознанием человека, стремящегося не к самореализации, а к элементарному жизнеобеспечению и богатству. Нравственные основы хозяйствования здесь выступают лишь как определенный элемент экономических взаимодействий, не являясь конституирующим качеством социально-экономических отношений. *Материально-вещественные аспекты* человеческой экономической деятельности существенно преобладают в настоящее время над *разумно-сознательными факторами* бытия, и нравственные основы производства благ обнаруживают себя латентно, фрагментарно, несистемно.

Проблема взаимодействия экономики и нравственности, или противопоставления нравственной и безнравственной экономик, является в настоящее время предметом научных дискуссий разных наук, в том числе экономики, социологии, политологии и философии. Кроме того тема нравственности не аполитична, так как является еще и способом прикрытия безнравственности как фальсификации действительности, идеологического воздействия, развития скрытых форм возможного подчинения личностей чужой воле путем давления, насилия через наставление, чуждое истинной нравственности. Так, Ф.В. Ницше считает, что нравственности «предшествует *принуждение*, и даже она сама еще некоторое время есть принуждение, которому подчиняются во избежание страданий. Позднее она становится обычаем, еще позднее – свободным повиновением и, наконец, почти инстинктом; тогда она, как все издавна привычное и естественное, связана с удовольствием – и называется добродетелью» [18]. Если И. Кант говорит о высшей свободе, которую ученые интерпретируют как *свободу творчества, самореализации и финансовую свободу* (не нужду трудолюбивых, талантливых людей) [10], то Ф.В. Ницше *нравственность связывает с принуждением, т.е. со страхом*, который предшествует нравственности. При этом Ф.В. Ницше активно цитируется и позитивно исследуется в современных научных философских и социологических работах [7; 11].

В этой связи авторы статьи поставили перед собою цель показать, что в науке не существует единой экономической теории на все случаи жизни, так как экономические доктрины обслуживают различные интересы различных групп и слоев общества. Поэтому авторы подчеркивают, что в экономических исследованиях важно изначально реализовывать принцип целеполагания, т.е. определять, в чем состоит методологическая направленность экономического анализа и его предназначение, например, в увеличении уже существующего богатства нации и числа живущих среди ее членов миллиардеров или в росте численности населения, обладающего необходимыми для жизни ресурсами, увеличении продолжительности жизни людей, испытывающих в результате этого определенный уровень счастья в рамках экономики счастья. *Экономика счастья* создает психическое благополучие нации, формирует совершенный человеческий организм, обеспечивает его жизнедеятельность и продлевает жизнь людей [4–6]. Авторами выдвигается гипотеза о том, что нравственные основы в экономике должны сформировать экономику счастья, методологической основой которой является индивидуализм счастливого человека, а измерительными показателями считаются индекс счастья, уровень безусловного дохода, размер материнского капитала, индекс эластичности [34] в управлении и прочие.

В последнее время действия международных финансовых институтов на глобальном уровне, таких как Международный валютный фонд (МВФ) или Всемирный банк, навязывающих государствам свое видение необходимых для счастливой жизни в отдельных странах экономических реформ (например, в Украине и Беларуси) взамен за выделение суверенных кредитных ресурсов приводят лишь к обнищанию широких масс населения, повышению тарифов на электроэнергию и газ, стоимости коммунальных услуг и снижению заработной платы у бюджетных работников. Действия правительств на макроуровне, желающих получить кредитные вливания от МВФ, связывают с попытками внедрения новых институтов (в рамках либеральной модели экономики – налогообложения, рынка ценных бумаг, банкротства, предпринимательства и конкуренции и т.д.), без оценки их эластичности к состоянию хозяйственной и социальной среды (методики таких расчетов авторы неоднократно публиковали в научной и периодической печати), что вновь приводит к идеологическим и экономическим потерям как в политической, так и в хозяйственной сфере.

С другой стороны, постоянный рост богатства в странах с развитой рыночной экономикой создал условия для процветания домашних хозяйств и личностей, формирования благополучия и рационального потребления без излишеств и консументских перегибов, а отдельные страны, например, Швейцария, рассматривают вопрос о внедрении «безусловного дохода» в размере 2 500 Евро для каждого гражданина страны [32]. Напротив, в восточноевропейских странах (Польша, Беларусь, Россия, Украина) на уровне фирм и предпринимательства сформировался этический стиль поведения в хозяйственной сфере, подобный «карточному игроку», который взамен производственно-технологической и торговой деятельности предпочитает играть на рынках FOREX, глобальных рынках нефти, золота, рынке и акций и облигаций, получая спекулятивные доходы, которые в условиях существующей рыночной и правовой экономической инфраструктуры считаются законно приобретаемыми. При этом такой игрок ведет вызывающе праздный образ жизни, придерживаясь неких абстрактных правил этикета, что тиражируется в средствах массовой информации и подается в качестве морально-нравственного образца хозяйствования. В этой связи возникает множество попутных вопросов о нравственных характеристиках подобного режима функционирования экономических агентов как на глобальном, так и на национальном и микроэкономическом уровнях. Решение поставленных задач требует углубления в содержательную часть понятия *нравственности*, что, несомненно, повлечет за собой выяснение вопроса о сущности человека, о его интересах, в том числе экономических, об экономической модели человека в хозяйственной системе, его жизненной позиции, о том, чем является человек с точки зрения различных религиозных конфессий и в каких правовых и культурных традициях он существует.

В истории философской и экономической мысли на эти вопросы давались разные ответы, постыдно опускаемые современной либеральной экономической традицией (*экономический мейнстрим*). Той традицией, которая сформирована еще Адамом Смитом и широко растиражирована в современных университетских учебниках и псевдонаучных догматических работах неолибералов-экономистов, основанных на моделях и предпосылках, происходящих из древней истории человечества, а потому превратившихся сегодня в мифы и догматы. Рыночный тип экономики и ее либеральная идеология рассматриваются до настоящего времени как один из непоколебимых столпов хозяйственной практики; при этом считается, что такая экономика изначально нравственна: невидимая рука рынка автоматически выравнивает спрос и предложение, создает всеобщее равновесие и благополучие и позволяет всем участникам рассматриваемого процесса жить зажиточно и процветать в богатстве. Так ли это на самом деле, попытаемся разобраться, начиная с оценки либеральной модели экономического человека. Так кто этот «йети»: робот-трудоголик или карточный игрок?

Модели счастливого и экономического человека

Рассмотрение данного вопроса начнем с критики *модели экономического человека*, который функционирует в окружающем нас мире с *целью максимизации полезности*. Последняя, очевидно, имеет материальную сущность, так как современная экономическая литература связывает полезность с финансовыми категориями. Что это означает? Будучи потребителем, экономический человек максимизирует полезность, измеряя финансовые величины доходной и расходной части своего бюджета, а также старается приобретать товары и услуги по наименьшей цене с наилучшими показателями качества. Будучи предпринимателем, экономический человек максимизирует полезность, увеличивая размер получаемой прибыли. Учитывая тот факт, что финансы представляют собой оборот денежного товара в виде дохода, то, будучи *товаром*, деньги характеризуют материальную и только *материальную сущность экономического чело-*

века. Следовательно, духовной сущности экономический человек не имеет; более того, такая модель человека характеризуется тем, что в живой природе его не существует. Чешский автор Томаш Седлячек в работе «Добро и зло в экономике» [45] справедливо сравнил эту модель со снежным человеком «Йети» (о нем многие говорят, например, экономисты, социологи, иногда философы, но никто его не видел). Следовательно, такая модель для построения экономики счастья не подходит; последняя требует новой модели человека, т.е. *счастливого человека*, который наряду с материальной сущностью имеет и нравственно-духовную сущность, реализующуюся в активной интеллектуальной и прочей деятельности.

Подтверждением этому тезису служат и философские изыскания различных авторов. Один из создателей философской антропологии Г. Плеснер рассматривал человека в двух измерениях: *биологическом и духовном*. Быть человеком – это, по Г. Плеснеру, находиться в процессе становления и формирования человека, который есть не что иное, как борьба за человеческое бытие, поскольку ему постоянно угрожает опасность скатиться до нечеловеческого бытия [25]. Бытие человеком, субъектом истории, определяет сознание свободы и креативности, т.е. тех ценностей, на которые указывал в XIX в. К. Маркс в своих «Экономико-философских рукописях» (1844 г.), показывая два отличных друг от друга лица человека: это не только лицо господствующего над самим собой свободного духа, но и (а может быть, и прежде всего) лицо существа, которое приводит в действие процессы, обращающиеся против него самого, процессы, над которыми он не в силах осуществлять какой либо контроль. При этом К. Маркс в шестом тезисе о Фейербахе указывает на социальный контекст человеческой жизни: «Фейербах сводит сущности религии к сущности человека. Но сущность человека не есть абстракция, заключенная в отдельном индивидууме. В своей действительности она является совокупностью общественных отношений» [16]. Через сто с лишним лет, сравнивая взгляды К. Маркса и Иоанна Павла II, можно заметить удивительные совпадения по вопросу аксеологического образа человека. Это совпадение особенно рельефно выступает при оценке капитализма, вытекающей из принятых обоими мыслителями фундаментальных гуманистических ценностей.

Так, Иоанн-Павел II, исходя из положений христианского теизма, утверждал, что человеку, наделенному разумом и свободной волей, присуще достоинство, которое нельзя понять без обращения к Трансценденции. Ведь человек является не только существом телесным, но и духовным. *Достоинство человеческой личности* Иоанн Павел II рассматривает как принцип, который придает смысл осуществляемой личностью роли в общественной жизни. Этот принцип дает Папе возможность перейти от антропологических рассуждений к оценкам современного капиталистического общества как социальной действительности, а также функционирующих в нем неолиберальных концепций. Иоанн Павел II исходил из положений своей философской антропологии, утверждая, что творимые этой действительностью проявления зла являются результатом преклонения перед определенной философией человека, а именно такой, которая видит в человеке самотворца (в экономической неоклассике понятие самотворца реализуется в принцип методологического индивидуализма), создающего самого себя и дающего самому себе смысл. Создающего не только себя, но и окружающую его действительность. С точки зрения такой антропологии человек является не тем, «кто читает об истине. Но тем, кто ее творит и таким образом уподобляется Творцу... Истина не открывается, но творится субъектом». Это ведет к «процессу субъективизации *совести* и всей *морали* [35; 43; 44].

Особым видом отхода от истины о человеке как о личности является реализация *модели экономического человека* в либеральном понимании капитализма, существующей вне культурных, политических и духовных отношений наряду с оформившейся

в историческом развитии хозяйственной традицией и, следовательно, вне специфической институциональной среды. Экономический человек, по мысли Адама Смита, реализует жизненные цели основанные на эгоистических устремлениях, которые могут идти в разрез с действующими институтами и нормами нравственности (прежде чем сформулировать модель экономического человека и принцип невидимой руки рынка, А. Смит глубоко исследовал этическую сторону поведения людей и пришел в выводу, что эгоизм как морально-этическая норма является движущей силой капитализма и рыночной экономики).

В этом отношении данная модель особенно близка к интерпретации его как «игрока» и «робота-трудоголика». Удивительность такого положения состоит в том, что эти типажи не редки в окружающей действительности, и либеральная рыночная идеология тиражирует подобные идеалы, видимо, базируясь при этом на некоторых религиозно-культурных традициях. Наиболее близкой к либеральной философской и хозяйственной традиции является так называемая *протестантская трудовая этика – теологическая философская позиция, ставшая основой самой либеральной идеи*¹. В своей протестантской проповеди Б. Франклин говорил: «Помни, что время – это деньги. Помни, что кредит – это деньги. Деньги по своей природе плодоносны и способны порождать новые деньги. Тому, кто точно платит, открыт кошелек других. Прилежность и умеренность даст тебе положение в обществе. Честность увеличивает кредит» [30, с. 14]. Понятно, что такая общепринятая позиция ориентирует человека к предопределенным действиям и четко согласуется с либеральным хозяйственным законодательством. В таких европейских странах, где представлена протестанско-католическая хозяйственная традиция, ориентированная на зримый, материальный мир, рационализм, действенный, но не созерцательный подход к жизни, реализацию человеческих возможностей через демократические институты, формируется разновидность институциональной среды, отличной от, например, православных стран, жители которых, как правило, ориентированы на духовные, а не материальные возможности самореализации или чисто умственные способности человека в процессе его самосовершенствования.

Русская (или славянская) позиция по проблеме прав и свобод и достоинства человека, параметров его экзистенции, сформулирована в докладе Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла. По его мнению, существуют серьезные противоречия между европейской концепцией прав человека и учением православной церкви и других традиционных российских религиозных общин. Он утверждает, что в соответствии с западноевропейской либеральной традицией уважать следует лишь юридические законы, а вот нравственные императивы – не обязательно [34, с. 2]. Таким образом, невозможно игнорировать наличие фундаментального противоречия между религиозным и секулярным подходами к теме человеческого достоинства. Тема достоинства личности в рамках существования институциональной славянской среды стала актуальной, по мнению митрополита Кирилла, потому, что православный мир постепенно включается в качестве интегральной части в единое европейское пространство. Однако,

¹ Главное отличие протестантов от католиков в отношении к деньгам и собственности. Католик в своей жизни должен собирать дары небесные, то есть духовные. Протестантизм признает накопление богатства богоугодным делом, если оно заработано честным путем. Такой подход снимал преграды перед частной хозяйственной инициативой и способствовал развитию предпринимательства, при одном условии: бизнес должен быть честным. Иначе говоря, жить следует ради труда, который обогащает. Эта этика стала философским и идеологическим фундаментом капитализма с его либеральной идеологией и в последствии перенята всеми развитыми странами мира. Например, в Англии зародилась разновидность кальвинизма – англиканство, в Германии – лютеранство; в США первыми переселенцами были протестанты. Аналогично в азиатских странах: в Японии, Корее, на Тайване, в Гонконге, Китае – развито конфуцианство, которое считает длительный кропотливый труд основой жизни и достатка.

как отмечает митрополит Кирилл, «наше искреннее стремление непредвзято проанализировать и осмыслить комплекс этих идей зачастую безоговорочно отвергается. Более того, любая самостоятельная критическая позиция в отношении секулярного либерализма, ныне выступающего в роли идеологического обеспечения интеграционных процессов в новой Европе, неизбежно принимается в штыки. В то же время сегодня, к сожалению, можно наблюдать появление симптомов, свидетельствующих о стремлении некоторых либеральных кругов перейти к открытому употреблению силы в борьбе с традиционализмом, в том числе с религиозными обычаями и ценностями» [34, с. 2]. И уже совершенно неверным является научный подход, который использует такую ситуацию, когда огромное разнообразие Божия мира пытаются объять и покрыть при помощи нескольких идей, которые были сформулированы в западноевропейском философском и политико-экономическом контексте, без реального участия мусульман, иудеев, буддистов, индуистов, православных христиан, а также отчасти католиков. Ведь абсолютное большинство населения планеты, являющееся носителем древних самобытных культур, не принимали участия в выработке этой системы ценностей, которую ныне утверждают в мире в качестве универсального стандарта. С другой стороны, очевидно, что прогресс глобализации рано или поздно должен привести к согласию по вопросу об общих фундаментальных ценностях, поскольку иным образом устроить жизнь в едином цивилизационном пространстве невозможно. Однако требует обсуждения вопрос о том, насколько секулярные либеральные ценности в том виде, в котором они существуют ныне, могут претендовать на статус универсальных, и в том, могут ли эти ценности без соответствующей коррекции лечь в основу формирования новых отношений между людьми, странами и народами в эпоху глобализации?

Все это означает, что в определении *экономической модели человека* нельзя пренебрегать общественным аспектом его экзистенции и при формулировании неких проектов по реформированию хозяйственной действительности в виде принятия законодательных актов отношение к человеку только как к части биологического мира, потребляющего экономические блага, не приемлемо. *Человек, формируя сферу социальных, культурных, политических и духовных отношений наряду с оформившейся в историческом развитии хозяйственной традицией, дает себе и окружающим его людям специфическую институциональную среду*², не учитывая характеристики которой нельзя добиться серьезных успехов в реализации процессов экономической трансформации и формировании экономики счастья. Среда формирует нравственные идеалы. Такая формулировка подтверждается в исследовании М. Воловиковой, которая полагает, что «в жизни народа, страны идеалам принадлежит консолидирующая, объединяющая роль. Принятый народом *нравственный идеал*, т.е. образец нравственного совершенства, является системообразующей ценностью в сознании нации». В общественной жизни «нравственные идеалы выступают как регулятор социальной активности и социального поведения, а практически утрата идеалов как духовных опор личности и народа ведет не только к исчезновению множества ценностных ориентиров, но и к стихийной, обусловленной примитивными потребностями и влечениями жизни» [3].

В настоящей работе авторы, разделяя понимание категории «нравственности», сформулированной А. Купрейченко, придерживаются следующей трактовки этого понятия: нравственность – это целостная система воззрений на должную социальную

---

² Под институциональной средой мы понимаем совокупность действующих в государстве институтов и культурно-национальных традиций, предполагающих как минимум два обстоятельства: 1) институты и традиции связаны между собой, 2) их состав принципиально неоднороден, т.е. институциональная среда есть совокупность правил и традиций, определяющих условия человеческого поведения на основе принципа целеустремленного корпоративизма и имеющих конкретную национальную специфику.

жизнь, выражающая то или иное *понимание сущности человека и его бытия*. Она составляет *ценностный базис общества* и имеет всеобщее значение, регулируя жизнедеятельность человека во всех сферах жизни с целью достижения единства или согласованности общественных, групповых и личных интересов. Поэтому нравственные идеалы и факторы конкретного общества нельзя подчинять планам международных финансовых институтов: идеалы первичны, а экономические интересы вторичны. Нравственными или безнравственными считаются те или иные виды отношений между людьми в экономической сфере: например, партнерство, конкуренция, конфликты, долговые обязательства и т.д. На этой основе субъекты экономической деятельности определяют приемлемые или неприемлемые ее виды, а также стратегии поведения в различных условиях и ситуациях [12].

Следовательно, модель счастливого человека основывается на методологическом индивидуализме, однако она должна реализовываться в новой экономической доктрине счастья как функция максимально эластичного приближения к нравственному идеалу нации с определенным набором ценностей, являющихся социальным базисом данного общества и его социальным капиталом.

Таким образом, в нашем понимании, *нравственность в экономике* – это целевые установки любой деятельности человека и общества в целом, проявляющиеся в делении нравственных качеств на позитивные и негативные, что проявляется в намерениях, словах, реальных делах и предпринимательских проектах. Но как же объяснить существование нравственной и безнравственной экономической деятельности; неужели существуют различные экономики в нашем мире: жертвенная экономика, игровая экономика, производственно-техническая экономика, экономика знания, экономика духовности и нравственности и прочее? Да, в соответствии с выведенной выше моделью человека *доктрина экономики счастья* предполагает существование всех видов экономик, в которых должен действовать счастливый человек, придерживающийся нравственных идеалов нации, что реализует конвенциональный методологический подход при построении доктрины и позволяет системно анализировать соотношение нравственности и хозяйственной деятельности.

Нравственные ценности и экономические интересы

В новой экономической парадигме «экономики счастья» важно дать четкое определение понятию «нравственности». Хотя термин «нравственная экономика» и введен в научный оборот в конце 1990-х гг., он до сих пор не вносит ясности в процесс формирования структуры и содержательной теоретической части такой экономики, а также не предоставляет необходимых измерительных параметров такой экономики в целях реализации количественных методов ее анализа. Как верно отмечает Е. Колычева, взаимосвязь экономики и нравственности основывается на двойственности человеческой природы, проявляющейся в его духовности и материальности, что отмечалось нами выше. Нравственность, которая употребляется как синоним термина «мораль», – это духовное проявление человека, его духовная сфера, а материализм – экономическая. Но вопрос о роли нравственных ориентиров в экономическом поведении человека продолжает оставаться открытым. По мнению Е. Колычевой, можно выделить *четыре модели взаимосвязи нравственных ценностей и экономических интересов* [13].

Идеи древних мыслителей (Демокрита, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Сенеки), а также К. Маркса, Ш. Монтескье, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Э. Дюркгейма, В. Зомбарта, А. Сена и других, а еще официальная позиция конфуцианства, брахманизма, буддизма и Русской Православной Церкви, как полагает Е. Колычева, формируют наиболее рас-

пространенную *первую модель взаимодействия экономики и нравственности*, основанную на признании приоритета нравственности и духовности над экономикой³.

Вторая модель взаимосвязи нравственности и экономики содержится во взглядах А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, даосизма, ее проповедают гуманисты Ренессанса и др. Она рассматривает, по мнению Е. Колычевой, нравственность и экономику как две равнозначные сферы, которые одинаково важны для индивида и общества и существуют в единстве [13].

Третья модель, представленная учениями мыслителей Древнего Египта, Вавилонии, сторонников моизма, ряда философов Нового времени (Т. Гоббс, К.А. Гельвеций, П. Гольбах, Д. Дидро, А. Смит, И. Бентам, Дж.-Ст. Милль, В. Парето, Г. Беккер, М. Фридман, А. Рэнд), формирует представления общества о приоритете экономики, рассматривая поведение людей как подчинение их экономическим интересам. Нравственность в этой системе признается ценной настолько, насколько она полезна или вредна. На личностном уровне подход выражается в принципе индивидуализма, который проявляется и в концепции «экономического человека» (А. Смит), и объективизме (А. Рэнд). В соответствии с этим принципом индивид выстраивает свое экономическое поведение, основываясь на личных интересах, в расчете на собственную выгоду, при этом опираясь на разум [13].

Четвертая модель взаимосвязи экономики и нравственности разработана в трудах киников, Эпиктета, Н. Макиавелли, Б. Мандевиля и Ф. Ницше и представляет экономику и нравственность враждующими, необъединимыми даже мысленно сферами существования человека [6; 13].

Позиция Е. Колычевой, как нам представляется, заслуживает внимания, так как она доказывает с помощью приведенных выше обобщений наличие научной проблематики, касающейся трактовки взаимодействия экономики и нравственности. Следует также согласиться с выводом Е. Колычевой о том, что вопрос о роли нравственных ориентиров в экономическом поведении человека продолжает оставаться открытым.

Актуальность же данной проблематики задает экономистам необходимое сейчас направление проведения научных исследований, позволяющих противостоять агрессивной либеральной экономической идеологии, обеспечивать информационную безопасность идеологической пропаганды, разрабатывать для студентов и школьников учебные материалы, реально описывающие экономические процессы и явления, осуществляемые в рамках белорусской экономической модели развития.

Показатели экономики счастья

Показатель Валового Внутреннего Продукта (ВВП), которым у нас привыкли оперировать и экономисты, и представители других наук, не годится ни для сравнений стран с разной структурой экономики, ни для оценки уровня благосостояния нации. Финансово-расчетная сущность этого показателя пригодна в основном для целей дополнительного изготовления долларовых купюр в мировом масштабе Федеральной Резервной Системой США, так как тонну нефти и велосипед никак нельзя сопоставлять, даже если по цене они и одинаковы. Реальный экономический рост легко измеряется по объемам производства всего пяти продуктов: молока, мяса (если его производят, значит, в стране есть скот и есть корма), мебели (значит, люди строятся и заводят семьи), тканей (есть спрос на материал со стороны швейной отрасли) и металлорежущих станков. Такой подход значительно понятнее для населения и точнее описывает уровень счастья, однако в научных исследованиях не пригоден. Неоспоримый вклад в воз-

³ К первой модели отнесена и теория, разработанная Е.Е. Румянцевой с использованием Священного Писания в книге «Нравственные законы экономики» (М. : ИНФРА-М, 2009. – 94 с.).

рождение интереса к счастью как цели государственной политики внес Рут Винховен⁴, голландский социолог, признанный мировой авторитет в научном исследовании счастья. По его мнению, уровень счастья, который демонстрируют люди, наряду с уровнем здоровья и благосостояния, является одним из важных измеряемых показателей того, насколько данное конкретное общество пригодно и комфортно для жизни людей [41]. Он показал, что счастье может быть использовано как надежное измерение для оценки прогресса в обществе [41]. Русский социолог П.А. Сорокин указывал как на недопустимость игнорирования счастья, так и на преувеличение его значимости: «Все критерии прогресса, какими бы разнообразными они не были, так или иначе подразумевают и должны включать в себя принцип счастья» [28, с. 511]. Профессор Лондонской школы экономики Р. Лэйард считает, что именно стремление человека к счастью должно быть принято государством в качестве золотого стандарта и основы всех политических решений [15]. По его мнению, счастье граждан – единственный показатель эффективности, который правительства должны учитывать при планировании своего курса, а умножать богатство имеет смысл только для преумножения счастья людей [15]. Он замечает при этом, что традиционный показатель результативности экономической политики – ВВП – растет и тогда, когда строится новая тюрьма, когда разводятся люди, когда случается автомобильная авария или совершается самоубийство, т.е. рост ВВП достигается путем «преумножения несчастий».

Многочисленные исследования подтверждают тот факт, что чем больше благосостояние, тем выше счастье (сравниваем ли мы различные страны или население внутри одной страны, данный факт будет прослеживаться). Однако, как оказалось, рост удовлетворенности жизнью не всегда прямо связан с ростом благосостояния. Подтверждением этому может служить известный *парадокс Истерлина*, названный в честь экономиста Ричарда Истерлина, который обнаружил, что *рост доходов на душу населения лишь до определенного уровня приводит к росту счастья, но не более*. Здесь действует принцип «гедонистического колеса»: «Притязания растут вместе с ростом дохода, и после удовлетворения основных нужд для благополучия имеет большое значение не абсолютный, а относительный уровень дохода» [38]. Р. Лэйард считает, что такой порог составляет 20 000 долл. ВВП на душу населения в год. В странах, прошедших этот уровень, удовлетворенность жизнью больше не растет, а порой даже снижается [15]. Интерес к этому парадоксу не ослабевает до сих пор. В 2003 г. Р. Винховен и М. Хэджерти опубликовали исследование, опровергающее парадокс Истерлина [40]. В 2008 г. Б. Стивенсон и Дж. Вольфатерс установили, что увеличение абсолютного дохода четко связано с повышением самооценки счастья. И межстрановые исследования, и опросы внутри стран показывают, что *между счастьем и логарифмом дохода наблюдается практически линейная зависимость – одна и та же и для богатых, и для бедных*. Э. Динер также провел широкомасштабное исследование, результатом которого стал вывод, что рост доходов вызывает рост счастья, если при этом потребности растут медленнее дохода [37]. Однако в 2010 г. Истерлин опубликовал новую работу, затрагивающую 37 стран, подтверждающую его предыдущие выкладки [39]. Недостаточность экономических факторов, их неоднозначная связь с удовлетворенностью жизни проявляется, например, в том, что, хотя жители западных стран сейчас в среднем в 4 раза лучше материально обеспечены, чем 40 лет назад, уровень их субъективного благополучия практически не изме-

---

⁴Р. Винховен является директором-основателем Всемирной базы данных счастья, а также основателем и главным редактором «Журнала исследования счастья» (Journal of Happiness Studies). Он считается «крестным отцом исследования счастья» и «ведущим специалистом по всему миру уровней счастья от страны к стране» [42].

нился, а у 37% богатых американцев ощущение счастья ниже среднего уровня⁵ [36]. Таким образом, вопрос о взаимосвязи счастья и благосостояния остается открытым.

Справедливо утверждается, что «субъективное восприятие удовлетворенности жизнью объективно влияет на общественную ситуацию в гораздо большей степени, чем реальное положение дел» [26, с. 136], поэтому, как отмечает С.В. Степашин, «удовлетворенность или неудовлетворенность населения своей жизнью является важным показателем внутренней стабильности общества, уровня общественной поддержки деятельности властей и властных институтов в целом» [26, с. 137]. Постепенно приходит понимание того, что «опросы о счастье могут служить важным вспомогательным инструментом для формирования общественной политики» [26]. В настоящее время основное отличие так называемой вторичной модернизации от первичной принято усматривать в том, что ее главной задачей становится уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, а повышение качества жизни ради удовлетворения их потребностей в счастье и самовыражении [18].

19 июля 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Бутана [14] и при соавторстве более 50 государств, в том числе Франции, Великобритании и Японии, приняла резолюцию «Счастье: целостный подход к развитию», в которой рекомендовано использовать счастье как показатель развития каждой страны [20]. При этом в Резолюции содержится призыв к странам мира осуществлять деятельность по разработке собственных методов измерения счастья, представлять их в ООН с целью обмена опытом и формирования универсальной системы оценки уровня счастья.

Еще одна попытка найти альтернативу ВВП была предпринята в 2008 г. во Франции. Президент страны Николя Саркози создал специальную комиссию по измерению экономических достижений и социального прогресса, которую возглавили Нобелевские лауреаты: индиец Амартия Сен и американец Джозеф Стиглиц, – известные своим критическим отношением к общепринятым методам управления экономикой. Комиссия предложила использовать для расчетов такие индикаторы качества жизни, как устойчивость развития, безопасность, политические права людей, состояние экологии и т.д. В 2009 г. Стиглиц и Сен опубликовали статью, в которой утверждали, что преувеличение значения динамики ВВП стало одной из причин мирового финансового кризиса. Правительства и экономисты упустили из виду другие, не менее важные факторы, такие как социальная цена безработицы или неконтролируемое кредитование, которое увеличивало сегодняшние темпы роста экономики в ущерб дню завтрашнему. По итогам работы комиссии президент Саркози предложил ввести для оценки развития страны такие параметры, как 1) счастье и 2) доступность услуг здравоохранения, и призвал другие страны взять на вооружение опыт Франции.

Всевозможные индексы счастья рассчитываются различными международными организациями и научными центрами, которые используют самые разнообразные методики. Самой известной и наиболее широко признанной альтернативой ВВП стал *Индекс человеческого развития (ИЧР)*. Он включает в себя в качестве составной части ВВП на душу населения, а также такие индикаторы, как доступ к образованию, средняя продолжительность жизни и ряд других факторов. ИЧР ежегодно рассчитывается аналитиками Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) совместно с группой независимых международных экспертов. Для определения этого индекса наряду с аналитическими разработками используются статистические данные нацио-

---

⁵ М. Аргайл подчеркивает, что ученые до сих пор «не смогли понять, почему огромные исторические подвижки в среднем уровне дохода не вызвали повышения степени удовлетворенности и счастья. Вероятно, данный факт обусловлен ростом притязаний: если раньше люди мечтали о собственном велосипеде, то сейчас им уже нужно два автомобиля» [1].

нальных институтов и международных организаций. Доклады ПРООН по результатам исследований публикуются с 1990 г. [19]. При всех своих достоинствах ИЧР имеет и ряд существенных недостатков: например, он опирается на национальные средние показатели, не отражающие асимметричность в распределении благ, не принимаются во внимание экологические факторы и *вопросы духовно-нравственного развития человека*. Поэтому, несмотря на комплексный подход с учетом многочисленных показателей, используемых в расчете ИЧР, предпринимаются попытки совершенствования данной методики и поиска оптимального и универсального метода измерения счастья.

Очередная такая попытка была предпринята в 2006 г. Британский исследовательский центр *New Economic Foundation* совместно с некоторыми международными организациями и группой независимых экспертов разработал Всемирный индекс счастья (*The Happy Planet Index*). Это комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира и отдельных регионов с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. В основе индекса лежат предположения об априорном желании человека прожить долгую жизнь, избавленную от страданий и лишений, нацеленности государственной деятельности на максимизацию благосостояния собственных граждан, включающую в себя разумное использование и охрану окружающей среды. Из них и вытекают три основных компонента, используемых при вычислении индекса: *субъективная удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и состояние окружающей среды, измеренное через размеры биологически продуктивных территорий в расчете на одного человека*. Иными словами, основная цель составления данного индекса заключается в том, чтобы оценить эффективность политики государства в отношении природных ресурсов страны и благополучия собственного населения [37]. Главная цель, которую преследовали создатели Всемирного индекса счастья, заключалась в том, чтобы определить эффективность, с которой страны используют экономический рост и природные ресурсы для обеспечения своим гражданам счастливой жизни. В 2012 г., например, самой счастливой страной было признано небольшое государство в Центральной Америке Коста-Рика, где Всемирный индекс счастья составил 64 балла. Интересно, что 9 из 10 стран первой десятки рейтинга – представители Латинской Америки. Крупные экономически развитые страны оказались в списке гораздо ниже прежде всего из-за негативного влияния на окружающую среду. Список замыкает Ботсвана с индексом 22 балла. Коста-Рика обошла Великобританию по Всемирному индексу счастья, потому что ее население живет счастливо, пользуясь лишь малой долей от потребляемых нами ресурсов [21; 27]. Сами авторы исследования признают, что индекс счастья не лишен определенных недостатков. Страны, которые демонстрируют хорошие результаты в рейтинге, могут испытывать определенные проблемы. В частности, индекс не учитывает нарушения прав человека. Более того, люди, права которых нарушаются в наибольшей степени, составляют меньшинство, и это почти не отражается на усредненных показателях [37].

Свой «индекс лучшей жизни» (*Better Life Index*) с 2011 г. начала рассчитывать и известная международная Организация экономического сотрудничества и развития (*Organization for Economic Cooperation and Development*). Рейтинг стран составляется на основе официальной статистики и опросов института Гэллапа по 11-ти параметрам: *доход, жилье, работа, окружающая среда, образование, баланс работы и отдыха, безопасность, удовлетворенность жизнью, вовлеченность в гражданскую активность, здоровье, сообщество*. В базовой модели каждому из субиндексов присвоен одинаковый вес [36]. Изначально индекс охватывал только страны ОЭСР, однако с 2012 г. в него были включены Россия и Бразилия. По последним данным, верхние строчки рейтинга занимают Норвегия, США, Дания, Канада, Швейцария, Нидерланды, Новая Зеландия и Люксембург, а на первом месте – Австралия. В этой стране в апреле 2012 г. уровень

безработицы составлял около 5% (в Европе – 10,9%, в США – 8,1%). Кроме того, экономика Австралии сейчас активно развивается во многом за счёт роста спроса на железную руду и уголь. Нет у австралийцев особых проблем и со здоровьем: 85% респондентов заявили, что чувствуют себя отлично. У жителей страны достаточно и свободного времени, чтобы уделять его дому и семье (примерно 3 часа в сутки, а это сравнительно высокий показатель [29]). Между тем на Западе людям сегодня важна прежде всего удовлетворенность жизнью, на втором месте для них стоит образование, на третьем – здоровье [5].

Отдельно можно отметить многочисленные рейтинги счастливых стран, составленные по результатам опросов населения на основе самых разнообразных методик. Наиболее известный среди них – «индекс качества жизни», или «индекс удовлетворенности жизнью» (*Well-Being Index*), методологию которого разработал психолог и социолог лауреат Нобелевской премии Даниэль Канеман. Источником данных для него является *Gallup World Poll*. В расчет включается ряд индексов: *личного здоровья, оптимизма, базовых нужд общества, гражданской вовлеченности, доверия к национальным институтам, развития молодежи, коррупции и несколько других*. В основе исследования лежат национальные опросы с сохранением базового блока вопросов единым для всех стран. Люди отвечали на ряд вопросов, касающихся проблем проживания, питания, правопорядка, личной экономической ситуации, здоровья, доверия к национальным институтам и т.д. По результатам опроса (в каждой стране были опрошены порядка 1 тысячи человек старше 15 лет) определились три группы: «страдающие» (показывающие низкий уровень удовлетворенности), «борющиеся» (демонстрирующие средний уровень удовлетворенности) и «преуспевающие» (высоко удовлетворенные жизнью). По итогам 2011 г. рейтинг возглавили датчане: именно в Дании («преуспевающих») оказалось 74%. Процентное соотношение данных групп и ложится в основу ранжирования стран [33].

Нравственная оценка белорусской экономической модели развития

Экономика, по определению Президента страны А.Г. Лукашенко, является критерием эффективности политики и права белорусской государственной модели социально-экономического устойчивого инновационного развития [34]. Являясь создателем этой модели, А.Г. Лукашенко сформулировал и ее идеологическую установку: «Экономика есть концентрированное выражение эффективности политики и права». В политическую и правовую основу *белорусской модели развития* положен фундаментальный Закон общества – Конституция Республики Беларусь. Развивая концепцию белорусской экономической модели, П. Никитенко отмечает: «Человек является главной производительной силой и носителем производственных отношений в любой социально-ориентированной экономической системе, её модели развития экономики» [34]. Поэму стратегия развития экономики любой страны, региона, предприятия, организации, индивидуального предпринимателя должна быть направлена на созидательную деятельность, мультиплицирующую динамику роста целевых экономических прогнозных показателей, т.е. воспроизводства стоимости продукции, товаров, работ, услуг, сохранение природы, человека, его здоровья и трудового долголетия. В этом, по мнению П. Никитенко сосредоточена сущность системных построений белорусской экономической модели.

Осмысление результатов функционирования белорусской экономики на протяжении 1991–1995 гг. привело к осознанию необходимости приведения в действие долговременных механизмов ее реформирования, направленных на оживление деловой активности, стимулирование научно-технического прогресса, расширение социальной базы преобразований. Следствием этого явились разработка и принятие Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь – концептуального

документа, определяющего стратегические направления преобразований социально-экономической жизни страны, ее общесистемные условия формирования. Последние создают принципиальные рамки мировоззренческого, идеологического, политического характера для всех аспектов существования и устойчивого развития человека, семьи, общества и государства. В Основных направлениях в качестве перспективной принята модель социально ориентированной рыночной экономики, которая строится на принципах конституционных гарантий личных прав и свобод граждан, свободы предпринимательства, выбора профессии и места работы, равенства всех форм собственности, гарантии ее неприкосновенности и использования в интересах личности и общества, обеспечения взаимосвязи благосостояния работника и результатов его труда, социальной защиты нетрудоспособных и других социально уязвимых слоев населения, социального партнерства. Белорусская модель получила название *социально ориентированной многоукладной рыночной экономики*. Составные части этой модели: лидер государства, форма госуправления и структура органов власти, законодательство, контроль за национальными ресурсами и госсобственностью, инвестиции, фундаментальная роль преемственности социально-экономических процессов. Формы и методы государственного управления в Беларуси оказались совершенно адекватны настоящему периоду социально-экономического развития страны и менталитету подавляющей части населения и его нравственным идеалам. Кроме того белорусская модель социально-экономического развития успешна: к настоящему времени она обрела черты некоторой завершенности и имеет право на анализ факторов ее успешности и перспектив развития в направлении формирования модели экономики счастья. В этих целях авторы предлагают открыть научную дискуссию по проблемам нравственности и хозяйственной деятельности, разработать свой национальный индекс счастья и провести цикл научно-практических конференций.

Заключение

Итак, в идеале не государственный строй подстраивает под себя нравственность, а законы нравственности открываются, воспринимаются и реализуются в зависимости от уровня знаний и уровня нравственности правящей элиты общества. Но, безусловно, в каждой нации присутствуют какие-то главные нравственные качества, ее отличительные особенности в международном сообществе, связанные с религией, историей, культурой, климатом и формой государственного правления как одним из факторов. В то же время представляется значимым для сегодняшнего этапа развития белорусской экономической науки использование научных концептов экономики счастья. С другой стороны, следует отметить наличие значимых дискуссионных зон в этой проблематике, которые имеют тенденцию к расширению разными, не связанными между собой исследованиями в разных науках вместо междисциплинарной направленности на конструктивное разрешение общей противоречивости рассматриваемой концепции и понимания ценности в единстве (не единообразия) в научных исследованиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргайл, М. Психология счастья / М. Аргайл. – СПб. : Питер, 2003.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4.
3. Воловикова, М. И. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / М. И. Воловикова. – М., 2005. – 384 с.
4. Грозовский, Б. Экономика счастья / Б. Грозовский // Новое время. – 2012. – 16 апр.
5. Долгин, А. Экономика счастья / А. Долгин // Независимая газета. – 2009. – 28 мая.

6. Журавлев, А. Л. Счастье как научная категория / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Вестн. РАН. – 2014. – Т. 84, № 8. – С. 715–723.
7. Ирицян, Г. Э. Формирование культурологической теории: Ф. Ницше и пост-модернизм : дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Г. Э. Ирицян. – Ростов н/Д, 2011.
8. Исследование Gallup International: Глобальный индекс счастья в 2015 году [Электронный ресурс].
9. Исследование Gallup International: Глобальный индекс счастья в 2012 году / [Электронный ресурс].
10. Кант, И. Основы метафизики нравственности [Электронный ресурс] / И. Кант. – Режим доступа: http://annaganzha.narod.ru/kant_omn_fr.pdf.
11. Кампос, А. Д. Критика рационального гуманизма: историко-философский анализ идей Ф. Ницше : дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс] / А. Д. Кампос. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/03/pdf/45.pdf> 09.00.03. – Саратов : Сарат. гос. ун-т имени Н.Г. Чернышевского, 2010.
12. Купрейченко, А. Б. Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения личности и группы : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / А. Б. Купрейченко. – М., 2010.
13. Колычева, Е. Ю. Взаимосвязь экономики и нравственности в истории философской мысли : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Е. Ю. Колычева. – Курск, 2012. – 189 с.
14. Конституция Королевства Бутан, Ст. 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions>.
15. Лэйард, Р. Счастье: уроки новой науки / Р. Лэйард. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.
16. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 25 т. – М. : Политиздат, 1986. – Т. 3, кн. 3 : Процесс капиталистического производства взятый в целом : Ч. 2.
17. Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье // Избр. произведения. – М. : Госполитиздат, 1955.
18. Ницше, Ф. В. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Отдел второй: К истории моральных чувств» [Электронный ресурс] / Ф. В. Ницше. – Режим доступа: <http://www.nicshe.velchel.ru/index.php?cnt=15&sub=2&part=7>.
19. Официальный сайт Центра гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings>.
20. Официальный сайт Информационного центра ООН в Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unic.ru>.
21. Официальный сайт Института Гэллага [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gallup.com/home.aspx>.
22. Официальный сайт Gross national happiness commission. Royal Government of Bhutan [Электронный ресурс].
23. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). – М. : Весь мир, 2011.
24. Попова, С. М. Измерения прогресса / С. М. Попова, С. М. Шахрай, А. А. Яник. – М. : Наука, 2010.
25. Плеснер, Г. Власть и сущность человека. Эссе о философской антропологии и истории мировоззрения / Г. Плеснер. – Варшава, 1994. – 252 с.
26. Степашин, С. В. Государственный аудит и экономика будущего / С. В. Степашин. – М. : Наука, 2008.
27. Сотов, А. Кто в мире самый счастливый? / А. Сотов // Российская газета. – 2012. – 14 июня.
28. Сорокин, П. А. Социологический прогресс и принцип счастья / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

29. Синицына, Е. Индексы счастья: как измерить неизмеримое / Е. Синицына // Сайт лаборатории социальных инноваций CLOUDWATCHER. – Режим доступа: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/1/view/90>.
30. Сухарев, В. Европейцы и американцы глазами психолога / В. Сухарев, М. Сухарев. – Минск : Беларусь, 2000. – 256 с.
31. Синеокая, Ю. В. Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX – начало XXI вв.) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / Ю. В. Синеокая. – М., 2009. – 426 с.
32. Стремление к счастью является одной из основополагающих целей человечества // Официальный сайт ООН. <http://www.un.org/ru/sg/messages/2013/happiness-day.shtml>; «Эффект счастья». Официальный сайт ВОЗ, 2011. <http://www.who.int/bulletin/volumes/89/4/11-020411/ru>.
33. Чепурных, М. Н. Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор) / М. Н. Чепурных // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 9. – С. 67–69.
34. Черновалов, А. В. Институциональные основы преодоления экономической несостоятельности фирм в условиях экономической трансформации : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.031 / А. В. Черновалов. – М., 2006. – 426 с.
35. Ян Павел II. Труд есть знак единства и солидарности. Выступление на 68 сессии Международной организации труда // L Osservatore Romano – 1982. – № 7–8; Jan Pawel II. Śłowiek – miara sprawiedliwości społecznej // L Osservatore Romano. – 1982. – № 3.
36. Diener, E. Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators / Ed. Diener, E. Suh // Social Indicators Research. – V. 40. – № 1, 2.
37. Diener, Ed. Rising income and the subjective well-being of nations / Ed. Diener // Journal of Personality and Social Psychology. – Vol. 104 (2). – Feb. 2013. – P. 267–276.
38. Easterlin, R. A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence / R. A. Easterlin. – 1974.
39. Easterlin, R. A. The happiness-income paradox revisited [Электронный ресурс] / R. A. Easterlin. – Режим доступа: <http://www.pnas.org/content/107/52/22463>.
40. Hagerty, M. R. Wealth and Happiness Revisited Growing wealth of nations does go with greater happiness / M. R. Hagerty, R. Veenhoven // Social Indicators Research. – 2003. – Vol. 64. – P. 1–27.
41. Veenhoven, R. Questions on happiness: Classical topics, modern answers, blind spots / R. Veenhoven // Subjective well-being: An interdisciplinary perspective / F. Strack, M. Argyle, N. Schwarz [eds.]. – Oxford : Pergamon Press, 1991. – P. 14.
42. Zuckerman, P. Society Without God: What the Least Religious Nations Can Tell Us about Contentment / P. Zuckerman. – NYU Press. – 2008. – P. 7.
43. Niemiec, H. Prawda o człowieku w encyklice Jana Pawła II «Veritatis splendor» / H. Niemiec // Częstochowskie Studia Teologiczne. – 1993/1994. – № XXI–XXII.
44. Valadier, P. Europa i jej bogowie. Krytyczna analiza współczesności // Przegląd Powszechny. – 1996. – № 4.
45. Sedláčka, T. Ekonomie dobra a zla / T. Sedláčka. – Nakladatelství 65. pole, 2009. – 272 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.02.2016

Klunia V.L., Chernovalov A.V. Moral Foundations of Economics and the Development of Belarusian Economic Model

In the article the history of the researches of the problems of economy and moral interaction, the relevance of the moral research as the interdisciplinary theory of the positive development of the country and the world, the definition of the essence of the moral are considered. In addition, the ideas of happiness creation on the Earth are touched. The increased discrepancy of the works in the field of the moral and economy interaction, the moral orientation of the each personality, and the absence of the unity on this perspective in the works of the famous scientists of the past is noted.

УДК 368.013

Н.И. Зайцева¹, И.В. Хведчик²

¹старший преподаватель каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
²студентка 4 курса юридического факультета
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

**ДИВЕРСИФИКАЦИЯ СТРАХОВОГО ПОРТФЕЛЯ
КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ БРУСП «БЕЛГОССТРАХ»**

Актуальность статьи обуславливает тот факт, что БРУСП «Белгосстрах» – лидер на страховом рынке Республики Беларусь и основным направлением его развития является инновационность, то есть использование уникальных страховых продуктов. В статье рассмотрен и проанализирован страховой портфель БРУСП «Белгосстрах» и разработаны мероприятия для диверсификации страхового портфеля.

Введение

В условиях рыночной экономики страхование выполняет одну из важнейших функций – стабилизирующую, т.е. обеспечивает непрерывность производства хозяйствующих субъектов и безопасность государства. Эффективная деятельность страховых компаний помогает государству в реализации социальной функции.

Таким образом, функционирование на страховом рынке финансово устойчивых страховщиков есть необходимое условие для стабильного функционирования экономики страны.

В свою очередь, одним из условий финансовой устойчивости страховой организации является сбалансированность страхового портфеля. На сегодняшний день существует много определений термина страховой портфель. В соответствии с Энциклопедическим словарем экономики и права, страховой портфель – это фактическое количество застрахованных объектов страхования или общее число договоров страхования, заключенных страховым обществом в течение определенного времени.

Главная цель формирования страхового портфеля состоит в достижении оптимального сочетания между риском и доходом для страховщика. Основным методом снижения риска потерь и повышения финансовой устойчивости является диверсификация страхового портфеля.

Анализ страхового портфеля БРУСП «Белгосстрах»

БРУСП «Белгосстрах» – лидер на рынке страховых услуг Республики Беларусь. Разветвленная сеть филиалов и представительств (8 филиалов и 118 представительств) по всей стране делают услуги доступными для физических и юридических лиц Беларуси. Страховой портфель БРУСП «Белгосстрах» является крупнейшим среди 24 действующих страховых компаний.

На национальном страховом рынке сформирована действенная система обязательного страхования, основная функция которой – обеспечение страховой защиты от наиболее крупных и социально опасных рисков на основе относительно невысоких страховых тарифов. В свою очередь, дополнительное значение имеет добровольное страхование, роль которого возрастает.

В таблице 1 представлены основные показатели, характеризующие добровольное страхование БРУСП «Белгосстрах».

Таблица 1. – Сведения о страховых взносах и выплатах страхового возмещения по видам страхования за 2010–2014 гг. БРУСП «Белгосстрах»

	2010	2011	2012	2013	2014
Страховые взносы					
Имущественное страхование	156 068 226,7	33 216 303,5	430 119 891	759 023 811	734 686 671
Личное страхование	26 794 057,1	49 133 199,4	900 505 567	160 344 676	200 155 420
Страхование ответственности	15 111 314,3	33 216 303,5	43 811 408	62 892 212	87 272 495
Страховые выплаты					
Имущественное страхование	97 841 395,9	7 960 300	195 269 365	256 017 536	298 036 926
Личное страхование	12 519 407, 2	16 100 688,3	32 622 327	55 042 152	55 894 284
Страхование ответственности	1 676 030,6	7 960 300	11 547 869	9 442 391	12 809 996
Удельный вес страховых выплат, %					
Имущественное страхование	62,69	23,97	45,4	33,72	40,57
Личное страхование	46,72	32,77	36,23	34,32	27,9
Страхование ответственности	11,09	23,97	26,36	15,01	14,68

Таким образом, исходя из данных, представленных в таблице 1, можно сделать вывод, что объем страховых взносов наряду с объемом страховых выплат возрастает с каждым годом, за исключением 2011. С точки зрения определения удельного веса страховых выплат наименее рисковым видом страхования является страхование ответственности, но, хотя имущественное страхование является наиболее рисковым, оно приносит наибольший доход.

При более детальном анализе структуры видов добровольного страхования можно определить, что наибольший удельный вес в имущественном страховании занимает страхование имущества граждан. В 2014 г. удельный вес страховых взносов составил 55,78% от общей суммы страховых взносов по имущественному страхованию, а уровень страховых выплат – 46,16%. Наименее рисковым видом имущественного страхования является страхование грузов, но при этом является наименее доходным из-за малого количества страховых взносов (таблица 2).

Таблица 2. – Сведения о страховых взносах и выплатах страхового возмещения по страхованию грузов за 2010 – 2014 гг. БРУСП «Белгосстрах»

	2010	2011	2012	2013	2014
Страховые взносы, тыс. руб.	557 606,5	1 091 674,4	2 108 009	3 496 468	3 924 570
Страховые выплаты, тыс. руб.	12 520,8	109 977,4	101 911	107 976	1 352 738
Удельный вес страховых выплат, %	2,25	10,07	4,83	3,09	34,47

До 2012 г. наибольшая сумма страховых взносов по личному страхованию поступала по страхованию от несчастных случаев и болезней на время поездки за границу; на сегодняшний день залогом развития личного страхования определено продвижение добровольного страхования медицинских расходов. Однако при этом уровень стра-

ховых выплат возрос с 18,86% (2012 г.) до 67,46% (2014 г.). Это связано с тем, что с начала 2012 г. произошло совершенствование сервисного обслуживания застрахованных лиц. Как результат – во всех региональных подразделениях БРУСП «Белгосстрах» в первом квартале начали свою работу секторы сопровождения договоров страхования медицинских расходов, укомплектованные штатом специалистов с медицинским образованием [1, с. 32]. Таким образом, повысилась степень информированности застрахованных лиц, количество обращений за медицинской помощью, а следовательно, и рост страховых случаев.

Обязательное страхование осуществляется государственными страховыми организациями и (или) страховыми организациями, в уставных фондах которых более 50% долей (простых (обыкновенных) или иных голосующих акций) находятся в собственности Республики Беларусь и (или) ее административно-территориальных единиц, если иное не установлено актами Президента Республики Беларусь [2]. БРУСП «Белгосстрах» уполномочено на осуществление данного вида страхования. Доля страховых выплат по обязательному страхованию представлена в таблице 3.

Таблица 3. – Доля страховых выплат по видам обязательного страхования БРУСП «Белгосстрах», %

	2010	2011	2012	2013	2014
Страхование строений граждан	49,39	46,26	37,29	39,19	42,42
Медицинское страхование иностранных граждан и лиц без гражданства	9,55	6,42	9	12,75	15,1
Страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний	67,69	63,99	60,38	58,59	61,09
Прочее личное	94,33	94,29	94,4	94,34	94,34
Страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств	77,64	69,58	76,29	69,1	71,67
Договоры страхования «Зеленая карта»	15,71	16,22	14,73	18,33	15,22
Страхование гражданской ответственности перевозчика	38,71	36,56	36,55	24,28	28,21
Страхование ответственности коммерческих организаций, осуществляющих риэлтерскую деятельность	1,06	0,46	0,98	0	0,69
Страхование с государственной поддержкой урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы	282,06	276,11	26,74	58,37	45,38
Страхование гражданской ответственности временных (антикризисных) управляющих	0,69	3,15	0,97	2,76	104,83

Средняя доля выплат по обязательному страхованию в 2014 г. составила 56,52%, а по добровольному страхованию – 39,36 %. В 2013 г. эти показатели были 56,7% и 32,63%, в 2012 – 56,11% и 42,46% соответственно.

При рассмотрении структуры страхового портфеля важно отметить, что с каждым годом увеличивается доля добровольного страхования и снижается доля обязательного. По состоянию на 1 января 2015 г. доля добровольного страхования составила 29,92%, в 2010 г. была – 28,35%.

Рекомендуемые мероприятия для диверсификации страхового портфеля БРУСП «Белгосстрах»

Важное значение для страхового портфеля БРУСП «Белгосстрах» имеет диверсификация страхового портфеля. Это закреплено в бизнес-плане. Из года в год приори-

тетным направлением деятельности БРУСП «Белгосстрах» является сохранение лидирующих позиции на отечественном страховом рынке за счет повышения конкурентоспособности компании на основе роста качества страховых услуг и внедрения инновационных механизмов развития страхования. Основным принципом деятельности БРУСП «Белгосстрах» – инновационность, т.е. использование современных технологий и уникальных продуктов.

Согласно Республиканской программе «Развития страховой деятельности на 2011–2015 годы» приоритетными направлениями развития страхового рынка являются обеспечение оптимального сочетания обязательной и добровольной форм страхования, введение новых видов обязательного и добровольного страхования и совершенствование действующих, а также обеспечение финансовых гарантий в сферах общественной жизни, связанных с использованием источников повышенной опасности и возникновением крупных рисков, затрагивающих интересы всего общества в целом. Также состояние конкурентной среды на страховом рынке призвано способствовать повышению качества страховых услуг, снижению их стоимости, активному внедрению новых страховых продуктов. Таким образом, все эти факторы заставляют диверсифицировать страховой портфель БРУСП «Белгосстрах».

По состоянию на 1 января 2015 г. БРУСП «Белгосстрах» оказывает страховые услуги по 85 лицензируемым видам страхования, в том числе по 66 видам добровольного страхования и 11 видам (19 разновидностям) обязательного страхования. Для страхового рынка Республики Беларусь страховой портфель БРУСП «Белгосстрах» содержит все основные виды страхования. Однако в связи с тем, что конкуренция на страховом рынке возрастает и постепенно снижается доля БРУСП «Белгосстрах», необходимо внедрение новых видов программ страхования.

Несмотря на все достижения современного мира, все еще актуальными остаются охота и рыболовство. Сейчас это стало модным увлечением и хобби для очень большого количества людей. Почти все западные страны ввели страхование гражданской ответственности охотников в качестве обязательной процедуры. При этом нужно заключить два отдельных договора: на страхование ответственности самого охотника и страхование ответственности владельца охотничьей собаки. Российские страховые компании оказывают добровольное страхование для охотников и рыболовов. При заключении договора добровольного страхования охотник получает защиту при наступлении несчастного случая, болезни, гибели собаки, порчи и потери имущества.

Разработка комплексной программы страхования «Охотник», «Рыболов» требует грамотной маркетинговой политики. С учетом специфики маркетинга страховых услуг и небольшого числа потенциальных страхователей было установлено, что:

1. Оптимальный вид рекламы – распространение листовок рекламного характера в местах их частого пребывания (специализированные магазины и общества охотников и рыболовов).

2. Потребители особенно доверяют оценкам специалистов и уважаемых людей (если они уверены в их беспристрастности) [4]. Поэтому необходимо проведение семинаров для консультантов магазинов и сотрудников обществ охотников и рыболовов.

3. Необходимо поддерживать реализацию мероприятий, направленных на увеличение степени известности торговой марки «Белгосстрах», так как имиджевая реклама для страховых компаний важна. Она повышает их известность и престижность.

В весенне-летний период актуальным становится отдых на природе, и в связи с этим с каждым годом возрастает количество людей, пострадавших от укуса клещей. Российские страховые компании успешно реализуют страховую программу «Антиклещ». Для диверсификации страховой деятельности БРУСП «Белгосстрах» можно добавить программу «Антиклещ» в страховой портфель. В случае обнаружения призна-

ков наличия клеща будет организовано и оплачено амбулаторное лечение, а в случае развития заболеваний – стационарное.

Заключение

Проблема финансовой устойчивости, эффективной работы страховой организации многогранна. Следует учитывать влияние различных дестабилизирующих факторов, однако одно из приоритетных направлений обеспечения финансовой устойчивости является анализ структуры и динамики страхового портфеля. А важным направлением развития является диверсификация страхового портфеля, так как она обеспечивает снижение рисков портфеля, а значит – повышает финансовую устойчивость и конкурентоспособность страховой организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якубицкий, С. Белгосстрах: современный вектор развития / С. Якубицкий // Финансы. Учет. Аудит. – 2012. – № 5.
2. О страховой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 28 августа 2006 г., № 530 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 14.04.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
3. Рязанцева, Р. А. Страховой портфель страховой организации: теоретический аспект / Р. А. Рязанцева // Известия ИГЭА. – 2009. – № 4 (88).
4. Левичева, В. Специфика продвижения страховых услуг / В. Левичева // лаборатория рекламы [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.advlab.ru/articles/article518.htm>. – Дата доступа: 23.10.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.01.2016

Zaitsava N.I., Khvedchik I.V. Diversification of Insurance Portfolio as Directions for the Development of «Belgosstrakh»

The relevance of the issue raised in the article is preconditioned by the fact that «Belgosstrakh» is the Belarusian insurance market leader that focuses on innovations, i.e. introducing unique insurance products. In view of the above, the author discusses and analyses the Belgosstrakh insurance portfolio proposing measures aimed at its diversification.

УДК 338.2

Ж.В. Черновалова*старший преподаватель каф. теоретической и прикладной экономики
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ
СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

В статье рассмотрены возможности комбинирования социологических и экономических инструментов анализа в целях изучения объекта институционального характера. Приведены концепции, понятия и категории новой институциональной экономической теории, основатель которой О. Уильямсон стал лауреатом Нобелевской премии по экономике в 2009 г. Использован авторский метод количественного анализа.

Введение

Одной из основных тенденций нашего времени можно назвать переход к экономике созидательных знаний. Вместо земли, рабочей силы и капитала роль основного источника конкурентного преимущества на рынке сегодня начинают играть знания, а особое значение приобретает способность создавать новые и распространять уже существующие знания и применять их к новым ситуациям. В современных быстро меняющихся условиях организациям следует уделять внимание укреплению связей между людьми, а также развитию доверия, взаимопонимания и общих ценностей и моделей поведения, которые объединяют людей и создают условия для сотрудничества. Большинство исследователей называют это социальным капиталом [1; 2].

В настоящее время можно наблюдать разногласия между предпринимателями и властью по поводу Указа Президента № 222, которые уходят вглубь экономической системы и грозят ей турбулентностью. Одна сторона ссылается на юридический принцип равноправия и справедливости для всех участников экономического процесса, где его участники исполняют все же различные роли. Другая сторона делает упор на свободу предпринимательства и конкуренцию. Однако проблема социального капитала нашего общества незаслуженно опускается из рассмотрения возникшей в экономической политике проблемы. В данной статье предпринимается попытка показать, что социальный капитал Беларуси пока не готов работать в режиме автоматического реагирования на новое законодательство (как это происходит в Германии или Австрии). Из этого теоретического утверждения можно сформулировать рекомендации для экономической политики: до того момента, когда уровень социального капитала в Беларуси (и его составная часть – предпринимательство) не достигнут до параметров, необходимых для принятия предлагаемых законодательных нововведений, их следует либо отложить, либо модернизировать, так как они должны быть эластичны к существующим экономическим условиям.

Теоретические основы концепции социального капитала

В течение последних десятилетий концепт социального капитала становится все более популярным. Однако, несмотря на популярность, а возможно, и благодаря ей, концепция социального капитала довольно запутана, а центральное понятие выглядит как метафора. В настоящее время существует множество дефиниций социального капитала при отсутствии единого конвенционального определения. Рассмотрим ряд определений, предлагаемых в научно-исследовательской литературе [7; 10; 11], и проанализируем их. Несмотря на широкое разнообразие определений и толкований социального капитала у них есть общие черты. Так, большинство авторов полагают, что *социальный капитал* –

это ресурс, основанный на взаимоотношениях, а общими являются те аспекты социальной культуры (социальные ценности), которые *повышают экономическую продуктивность*, снижая как прямые транзакционные, так и косвенные производственные издержки. Ну, и наконец, основным общим атрибутом понятия «социальный капитал» является наличие эффективных *социальных сетей*. Таким образом, широкое толкование социального капитала охватывает отношения и социальные сети, а также вытекающие из них формальные и неформальные правила, создающие экономические институты и определяющие характер и качество взаимодействий в хозяйственной среде государства.

Социальный капитал, с одной стороны, отвечает основным требованиям экономического категориального аппарата [1; 2], т.е. он имеет свойство нарастать и обесцениваться, конвертироваться в другие формы капитала и приносить прибыль. С другой стороны, резко отличается от вещественного и других видов капитала. Прежде всего, он не является вещью и атрибутом отдельного человека, поэтому оформление прав собственности здесь проблематично, он не сводится к выработанным способностям человека, не является чисто логическим рациональным понятием (подобно человеческому капиталу) и не отпечатывается в теле человека в виде инкорпорированных навыков (подобно культурному капиталу) [7; 10; 11].

Основные разногласия между исследователями социального капитала связаны с пониманием его как коллективного (общественного) или индивидуального блага [3], на основе чего выделяют микро- и макроуровни социального капитала. Макроуровень представляет собой институциональный контекст, в котором действуют организации, фирмы, предприниматели, и включает формальные отношения и структуры, такие как законы, правовые рамки, политический режим, уровень участия в политическом процессе. Сторонниками макроуровневого понимания социального капитала являются такие авторы, как Р. Патнем, М. Пелдем, М. Шифф, Ф. Фукуяма, и ученые, впервые введшие термин «социальный капитал» в научный оборот: Дж. Ханифан и Дж. Якобс.

М. Пелдем определяет социальный капитал как «клей, позволяющий мобилизовать дополнительные ресурсы отношений на основе доверия людей друг к другу» [7; 10; 11]. Согласно Р. Патнему, социальный капитал образуется из активных взаимосвязей между людьми, в пределах которых доверие и общие ценности связывают членов сетей и общностей, делают возможным и упрощают совместное действие. Социальные сети, согласно этой теории, являются скелетом, структурным и, следовательно, устойчивым, исходным элементом воспроизводства социального капитала. Определения социального капитала на этом уровне, как правило, содержат такие составляющие: *горизонтальные и неформальные сети, «гражданские» ценности и нормы, горизонтальное диффузное (а не вертикальное, одностороннее) доверие и эффективность системы* как результат действия предыдущих составляющих [7; 10; 11].

Микроуровень представлен двумя типами социального капитала: *когнитивным и структурным*. Первый включает в себя ценности, убеждения, установки, поведение и социальные нормы, присущие членам некой социальной общности или устойчивой группы людей. Структурный социальный капитал складывается в горизонтальных организациях и сетях, имеющих коллегиальный открытый процесс принятия решений, отчетность лидеров, практики коллективного действия и взаимной ответственности. Микроуровневое трактование социального капитала развивали такие авторы, как П. Бурдые, У. Бейкер, П. Ди Маджио, Р. Барт, Б. Вельманн, Н. Лин и др. У. Бейкер предлагает такое определение: «Социальный капитал – это ресурсы, которые акторы получают из специфических социальных структур и используют, исходя из своих интересов». Наиболее значительный вклад в концептуализацию микроуровневого понимания социального капитала внес французский социолог П. Бурдые. Он определяет социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с наличием крепких

связей, более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [10].

Ряд авторов в основу классификации ставят *источники формирования социального капитала*. Например, в работе Л.В. Стрельниковой за основу взято определение Дж. Тернера [10]. Социальный капитал – это те силы, которые увеличивают потенциал экономического развития общества путем создания и поддержания социальных связей и моделей социальных организаций. Эти силы действуют на макро-, мезо- и микроуровнях. А значит, социальный капитал формируется как:

а) объединения индивидов для решения фундаментальных вопросов, связанных с производством, воспроизводством, регулированием и координацией основных потребностей (макроинституциональный уровень);

б) корпоративные элементы человеческого капитала и категориальные элементы, которые генерируют социальные различия, сказывающиеся на отношении к ним в обществе (мезоуровень);

в) непосредственные личные отношения в рамках корпоративных и социальных ячеек (микроуровень).

В целом первый уровень базируется на изучении неформальных и локальных горизонтальных ассоциаций, второй добавляет вертикальные ассоциации, а третий строится на первых двух и дополняется исследованиями формальных национальных структур, таких как правительство и закон.

Все три уровня имеют несколько общих черт. Во-первых, все исследования связывают экономическую, политическую и социальную сферы. Аналитические подходы базируются на утверждении, что, с одной стороны, социальные отношения воздействуют на экономические результаты, а с другой – сами зависят от этих результатов. Во-вторых, в центре внимания ученых находятся отношения экономических агентов и пути, посредством которых формальные и неформальные организации могут достичь большей эффективности от своей экономической деятельности. В-третьих, предполагается, что желательные социальные отношения и институты облечены в конкретные формы.

Хотелось бы также отметить, что И.Е. Дискин [4; 5], в свою очередь, выделяет *национальный и индивидуальный социальный капитал*. Последний характеризует возможности индивида обеспечивать сокращение транзакционных издержек путем использования своих социальных ресурсов: места индивида в системе социальных институтов, уровня его влияния и связей в данной системе, адекватного понимания им значений социокультурных сигналов и норм, которыми поддерживаются хозяйственные и иные социальные взаимодействия. *Национальный социальный капитал* характеризует обобщенный вклад социальной организации общества в эффективность общественного производства через сокращение транзакционных издержек. Национальный социальный капитал можно представить в виде одной из компонент производственной функции наряду с денежным и промышленным капиталом, человеческим капиталом и научно-техническим прогрессом. На основе ранее предложенной концепции национального социального капитала для объяснения специфики нового этапа мирового общественного развития И.Е. Дискин выдвигает тезис о существовании *глобального социального капитала*, выступающего аналогичным фактором глобального производства, обеспечивающего существенное сокращение транзакционных издержек, рост эффективности мировой экономики. Более того, представляется, что именно рост глобального социального капитала стал важным фактором устойчивого функционирования глобальной экономики [4; 5].

Функционирование глобального социального капитала, по мнению И.Е. Дискина, выступает как одна из сущностных (возможно, даже критериальных) характеристик нового этапа развития социально-экономических отношений в мире [4; 5]. Как экономическая категория, он позволяет связать между собой отдельные элементы в подлинно

целостную, интегрированную систему представлений о мировой институциональной системе. Разноуровневые толкования социального капитала лишены антагонизма и дополняют друг друга.

Сущность социального капитала наиболее эффективно определяется через его функции. Приведем наиболее часто выделяемые и общепризнанные функции:

- 1) быстрая и эффективная координация деятельности людей;
- 2) снижение частоты проявлений отклоняющегося поведения, недобросовестного отношения к труду;
- 3) резкое увеличение отдачи от физического и человеческого капитала;
- 4) снижение социальной напряженности и установление отношений доверия;
- 5) облегчение внутригрупповой адаптации;
- 6) укрепление общественной безопасности;
- 7) снижение издержек взаимодействий и т.д.

Вышеперечисленные функции можно также сгруппировать в соответствии с макро- и микроуровневым толкованием социального капитала: становление здорового гражданского общества путем снижения социальной напряженности и установления отношений доверия (социальный контроль, поддержка семейных и родственных связей, укрепление общественной безопасности), источник дополнительных доходов вследствие снижения транзакционных издержек.

Таким образом, социальный капитал имеет «социальную» и «капитальную» составляющие. Наиболее общую трактовку функции социального капитала можно встретить у Дж. Коулмена: «Социальный капитал определяется его функцией. Это не единственная сущность, а набор сущностей, имеющих две общие характеристики: они все выражают определенные аспекты социальной структуры и облегчают определенные действия индивидов в рамках этой структуры» [7].

После рассмотрения ряда подходов к сущности социального капитала, можно заметить, что во многих определениях различаются скорее формы представления и схема использования конструкта, чем его содержательная база. Дж. Коулман выделяет три формы социального капитала: 1) обязательства и ожидания, 2) информационные каналы и 3) социальные нормы [7]. При этом он признает, что практически все социальные отношения и социальные структуры способны производить социальный капитал в каких-либо его формах, т.е. практически их бесчисленное количество.

П. Бурдье пишет, что социальный капитал «состоит из социальных обязательств («связей»), которые при определенных условиях преобразуются в экономический капитал и могут быть обращены в институт в форме причастности индивида к какой-либо социальной группе» [10]. Следуя традиции Бурдье, ученые рассматривают социальную сеть как форму социального капитала. Например, в работе П.Н. Шихирева рассматриваются такие формы социального капитала, как доверие внутри организации как интегральное выражение состояния ее внутренних общественных связей и репутация организации и выражение состояния внешних связей [11]. Хотя данное утверждение спорно и доверие гораздо чаще упоминается как источник или продукт социального капитала.

Роль социального капитала в современной меняющейся экономике воспринимается неоднозначно: *он может привести и к нарушениям нормального функционирования общества, если будет использоваться одной группой против других*. По мнению И.Е. Дискаина, в первую очередь следует обратить внимание на исследование все еще продолжающегося процесса конвертации социального капитала во власть и собственность. Данная проблематика, рассматриваемая прежде всего через призму коррупционного использования личных связей, формирования политико-коммерческих или криминальных группировок, до сих пор активно обсуждается публицистами и политиками. В этой связи перспективным направлением исследований может стать изучение факто-

ров формирования национального социального капитала как необходимого условия ускорения социально-экономического развития Беларуси. Важно не только проанализировать направления институционального развития в нашей стране, но и разработать методы исследования роли социального капитала как фактора экономического роста. Здесь можно высказать гипотезу, что *включение национального социального капитала как фактора в производственную функцию может обеспечить этой традиционной модели макроэкономического анализа существенное повышение адекватности, в том числе создать предпосылки для прояснения причин различий в эффективности традиционных факторов производства в странах с различными базовыми ценностями и мотивационными комплексами.*

Одним из приоритетных направлений экономического развития страны является формирование высоких стандартов корпоративной и предпринимательской культуры. Поэтому важным предметом исследований в области социального капитала может стать изучение факторов формирования *корпоративного и индивидуального предпринимательского социального капитала.* Здесь уже имеется существенный научный задел, связанный с использованием зарубежных методов исследования проблем доверия как фактора роста социального капитала и эффективности функционирования экономики.

Важно прояснить взаимодействие *корпоративного, индивидуального предпринимательского и национального социального капитала.* Вполне очевидна схема, когда рост корпоративной и предпринимательской культуры и наращивание социального капитала выступают факторами роста национального социального капитала. Однако и в институциональной теории, и в практике белорусской экономики известен феномен, когда рост корпоративного и индивидуального предпринимательского социального капитала, формирование локальной институциональной среды крупных и влиятельных корпораций и групп индивидуальных предпринимателей блокируют складывание эффективной общенациональной институциональной среды, препятствуют росту национального социального капитала. Эта «институциональная ловушка», когда сиюминутные интересы корпораций, фирм и предпринимателей препятствуют созданию прочной национальной институциональной среды, в которой стратегически, в перспективе, заинтересованы все организации и фирмы, требует своего изучения в конкретной ситуации. Здесь важно найти пути формирования национального социального капитала без разрушения накопленного корпоративного и индивидуального предпринимательского капитала [4; 5].

Таким образом, в концепции социального капитала подчеркивается значимость социальных связей для благосостояния как отдельного индивида, так и общества в целом.

Основные направления развития институциональной системы и рекомендации для мероприятий экономической политики

Использование понятия «капитал» позволяет ввести в научный экономический оборот категории затрат и выгод, рассчитывать функции минимизации издержек и максимизации результатов, анализировать норму отдачи для инвестиций в социальные отношения и эффективность институциональных проектов в виде нововведений в хозяйственное законодательство.

Наличие или отсутствие в обществе социального капитала не является чем-то предопределенным, наследуемым исключительно через религию и культуру. Качественные и количественные характеристики социального капитала, а также формы его реализации зависят от институциональных условий его формирования. Данная зависимость выглядит следующим образом: институциональная система имеет сложную структуру и включает в себя все многообразие институтов, институциональных устройств и инструментов, находящихся в строгой иерархической зависимости. В качестве базовых институтов формирования социального капитала выделены *институт доверия, ин-*

ститут свободы и право частной собственности, а также структура социального контракта [12]. Институциональная система находится во взаимодействии с институциональной средой, в рамках которой существует соответствующая хозяйственная, правовая и культурно-религиозная традиция поведения «актеров». Под воздействием существующей в конкретном государстве институциональной среды формируется ее социальный капитал. В качестве основных параметров, влияющих на формирование социального капитала, нами выделены критерии *уровня доверия и характера властных отношений*. Используя широко распространенную в рамках количественных институциональных оценок методику Хофстеда, на основании выделенных выше параметров можно рассчитать коэффициент Черновалова [13; 14], характеризующий эффективность внедрения указа № 222, регламентирующей предпринимательскую деятельность в Беларуси, и оценить его эластичность к условиям институциональной среды, ориентированной на существующий уровень социального капитала. Следует учитывать, что в социальных науках применение моделей не является гарантией или предпосылкой высокого уровня и качества исследования. В данной области знания трудно вообще говорить о четких доказательствах в строгом смысле слова. Однако из этого не следует, что от количественных исследований необходимо отказаться: любой измеренный результат имеет свою полезную нагрузку.

Показателем институциональной эффективности служит коэффициент эластичности институционального проекта (Ei) (в данном случае это содержание указа № 222 в действующей институциональной среде¹ с учетом достигнутого уровня социального капитала) в общем виде представляется следующим образом: $Ei = a_{ij} / I_{is}$ [13]. В результате графического сопоставления регрессионных моделей институционального проекта и соответствующей среды и проведенных расчетов определяется параметр корреляции между регрессионными моделями, сформированными в результате внедрения институционального проекта в соответствии с требованиями целевой функции $TRC \rightarrow \min$ [13] к условиям институциональной среды. Так, в нашем случае он составляет $Ei = 0,47$ [6]. Данные показатели свидетельствуют о том, что в Беларуси не работают механизмы, которые могли бы обеспечить надежный информент контрактных прав и прав собственности. Как следствие, белорусское общество характеризуется низким уровнем правосознания граждан.

Анализ статистических данных подтверждает теоретические выводы. Белорусская институциональная система характеризуется несовершенством институтов гражданского общества, противоречиями между формальными и неформальными правилами, неразвитостью институциональных устройств, способных выступать субъектами гражданского общества, а также вертикальной структурой социального контракта, в связи с этим базовыми параметрами институциональной среды является критически низкий уровень институционального и обобщенного доверия, а властные отношения носят навязанный персонифицированный характер [16]. В данных условиях локализация отношений происходит с целью защиты от неопределенности и преодоления административных барьеров, формируются закрытые централизованные социальные сети, воспроизводится вертикально-интегрирующий социальный капитал с функцией частного и клубного блага, который реализуется в форме связей, иногда – коррупции и клиентелы.

¹ Проводилось исследование об отношении граждан к нормам права. Респондентам предложили высказаться о том, как следует относиться к закону. Треть опрошенных считает, что нормы права следует соблюдать, но иногда можно «обойти». Ещё 9% готовы соблюдать нормы закона, если они не противоречат их интересам, а 21% респондентов ставят справедливость выше закона. Таким образом, примерно 30% опрошенных готовы соблюдать нормы законов не во всех случаях, а при условии их соответствия либо личным интересам респондентов, либо их представлениям о справедливости. Только 25% респондентов высказали готовность всегда и во всём соблюдать нормы законов [15].

Рисунок. – Основные направления развития институциональной системы формирования социального капитала

В настоящее время актуальной задачей является определение направлений развития институциональной системы формирования социального капитала. По нашему мнению, чтобы социальный капитал в Беларуси формировался и воспроизводился как общественное благо, при осуществлении экономической политики необходимо создавать институциональные условия, способствующие развитию иных форм реализации социального капитала, таких как *социальное и деловое партнерство*. В этих условиях реализацию Указа Президента № 222 как институционального проекта, учитывая низкий расчетный показатель коэффициента Черновалова, следует отложить либо модернизировать, так как в данном виде правовой документ разрушает достигнутые уже параметры доверия и экономической свободы в социальном капитале и препятствует их дальнейшему развитию.

Заключение

Преодоление локализации и развитие позитивного социального капитала может быть достигнуто через создание условий развития партнерских отношений как формы реализации социального капитала. Развитие институтов партнерства и внедрение их в институциональную систему будет способствовать преодолению локализации и формированию социального капитала с функцией общественного блага. Институт свободы, рассматриваемый нами в качестве базового в формировании социального капитала, получит свое развитие в процессе партнерства. Экономическая свобода проявляется как возможность и способность построения «горизонтальных» отношений между социальными акторами, обладающими экономически значимой собственностью (деловое партнерство); между «предпринимательскими и непредпринимательскими акторами», отношения между которыми складываются в рамках трудовой и социальной дифференциации (социальное партнерство). Позитивно-доверительное отношение к партнеру является неотъемлемым модусом современного понятия экономической свободы и сетевых взаимодействий. В основе возникновения отношений партнерства лежит феномен неперсонифицированного доверия (институционального и обобщенного). Потенциальным партнером может быть любой экономический агент, обладающий заданными свойствами, при этом личное знакомство, родственные или иные связи с ним имеют второстепенное значение.

Создание институциональных условий развития делового и социального партнерства позволит формировать открытые горизонтальные социальные сети, основанные на соблюдении экономической свободы, уважении прав собственности и на неперсонифи-

фицированном доверии, что приведет к формированию социального капитала и на уровне организации, фирмы, предпринимательской группы, и в национальном масштабе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блауг, М. Методология экономической науки / М. Блауг. – М. : ЖВЭ, 2004. – 415 с.
2. Гребнев, Л. О предмете экономической науки / Л. Гребнев // Вопросы экономики. – 2007. – № 8. – С. 134–146.
3. Демкив, О. Социальный капитал: теоретические основания исследования и операционные параметры / О. Демкив // Социология: теория, методы, маркетинг. – М., 2004.
4. Дискин, И. Е. Экономическая трансформация и социальный капитал / И. Е. Дискин // Проблемы прогнозирования. – 1997. – № 1.
5. Дискин, И. Е. Социальный капитал в глобальной экономике / И. Е. Дискин // Общественные науки и современность. – 2003. – № 10.
6. Черновалов, А. В. Институционалистика : курс лекций / А. В. Черновалов, В. Л. Ключня. – Минск : БГУ, 2010. – 303 с.
7. Коулман, Д. Капитал социальный и человеческий / Д. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
8. Коуз, Р. Нобелевская лекция «Институциональная структура производства» / Р. Коуз // Природа фирмы. – М. : Дело, 2001. – С. 341–351.
9. Локшин, М. Использование научного метода в российских исследованиях бедности / М. Локшин // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 6. – С. 46–58.
10. Стрельникова, Л. В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов / Л. В. Стрельникова // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 33–41.
11. Тихонова, Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2004. – № 4. – С. 24–35.
12. Ходжсон, Д. Что такое институты? / Д. Ходжсон // Вопросы экономики. – 2007. – № 8. – С. 28–49.
13. Черновалов, А. В. Теорема институциональной эффективности и основные критерии оценки результатов разрешения хозяйственных споров / А. В. Черновалов // Вестн. хоз. суда Респ. Беларусь. – 2007. – № 12 – С. 189–205.
14. Черновалов, А. В. Новые университетские курсы: экономическая теория права и институционалистика / А. В. Черновалов, Ж. В. Черновалова // Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманит. і грамад. навук. – 2008. – № 3 (34). – С. 44–56.
15. Черновалов, А. В. Институционалистика: начала количественного анализа в НИЭТ // А. В. Черновалов // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Развитие прикладных экономических исследований на основе институциональной теории и методологии», Брест, 29–30 апр. 2008 г. – Брест : Альтернатива, 2008. – С. 20–27.
16. Черновалов, А. В. Институционалистика : монография / А. В. Черновалов. – Брест : БрГУ имени А. С. Пушкина, 2010. – 235 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.02.2016

Chernovalova J.V. Basic Directions of Increase the Social Capital Level of Belarus: Recommendations for Economic Politics

New methods of designing and forecasting of possible consequences are shown from the realization of institutional projects, which can be used, with decision-making of the necessity of their introduction. The example of a combination is considered by the researcher of sociological and economic instruments of the analysis with the aim of object studying institutional character. Concepts, meanings and categories are shown in a new institutional economic theory by O. Williamson who founded this theory and became the Nobel Prize winner in the area of economic in 2009.

УДК 330.34:338.001.36

Э.Э. Ермакова¹, М.П. Мишкова²¹старший преподаватель каф. управления, экономики и финансов
Брестского государственного технического университета²старший преподаватель каф. управления, экономики и финансов
Брестского государственного технического университета**СТАТИСТИКА ИННОВАЦИЙ В БЕЛАРУСИ**

В статье раскрываются вопросы учёта статистических данных инновационной деятельности. Определены преимущества и недостатки национальной статистической системы в сфере инноваций. Рассматриваются основные проблемы статистики инноваций в Беларуси. Анализ показал необходимость совершенствования статистического отражения инновационных процессов.

Введение

Инновации являются движущей силой экономического роста, обеспечивают конкурентоспособность страны, региона, предприятия. На современном этапе переход к инновационному развитию экономики в Беларуси является решающим фактором повышения конкурентоспособности. Программы инновационного развития в республике предусматривают повышение инновационной активности. При этом оценка эффективности инновационной политики невозможна без надёжной, достоверной и полной информации, которая представлена статистическими данными, отражающими развитие инновационного потенциала, масштабы и тенденции инновационных процессов в разных сферах экономики. Целью работы является определение соответствия данных, предоставляемых официальной статистикой запросам исследователей и аналитиков. Для достижения указанной цели необходимо решить ряд задач: провести анализ становления и развития статистики инноваций; установить проблемы статистики инноваций в Беларуси; определить пути совершенствования сбора и анализа статистических данных.

Формирование статистики инноваций

Статистика инноваций, являясь относительно новым разделом социально-экономической статистики, активно развивается последние годы. Данный раздел статистики обеспечивает всех заинтересованных лиц информацией для проведения комплексного анализа инновационной деятельности в различных отраслях и сферах народного хозяйства. Статистическое наблюдение за процессами в науке и инновациях в Беларуси осуществляется национальным статистическим комитетом, показатели которого публикуются в статистических ежегодниках «Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь».

Одним из мотивов сбора данных об инновациях является стремление к лучшему пониманию собственно инновационного процесса и его отношения к экономическому росту. Это требует знаний как об инновационной деятельности, непосредственно влияющей на результативность деятельности предприятий (например, через повышение спроса или сокращение затрат), так и о факторах, влияющих на способность предприятия внедрять инновации [1].

В комплексе представить все явления и процессы, отражающие инновационные процессы в науке и промышленности, позволяет совокупность показателей, характеризующих состояние и закономерности развития инновационной деятельности и формирования инновационного потенциала в Республике Беларусь. В систему показателей статистики инноваций входят следующие разделы:

- 1) показатели, характеризующие организации, выполняющие научные исследования и разработки по секторам деятельности и кадровый потенциал науки;
- 2) показатели, отражающие деятельность высших учебных заведений, в том числе деятельность магистратуры, аспирантуры и докторантуры;
- 3) экономические показатели научной деятельности, выражающиеся в объёме затрат на научные исследования и разработки и структуре затрат по источникам финансирования, секторам деятельности и видами работ;
- 4) показатели, отражающие инновационную активность организаций и экономические эффекты от инновационной деятельности.

Отражение инновационной активности предприятий в статистике

Повышение инновационной активности предприятий является приоритетом стратегического развития Беларуси. Инновационная активность страны напрямую зависит от инновационной активности субъектов хозяйствования. Однако вопрос, на основании каких индикаторов организация может быть отнесена к категории инновационно-активной, остаётся открытым. Рассмотрим несколько подходов к определению сущности инноваций и инновационной деятельности.

Инновация – конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедрённого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности либо в новом подходе к социальным услугам [2].

Под инновационной деятельностью в соответствии с «Руководством Осло» понимается деятельность, которая охватывает все те научные, технологические, организационные, финансовые и коммерческие мероприятия, включая инвестиции в новые знания, которые фактически или по замыслу ведут к появлению технологически новых или усовершенствованных продуктов либо процессов [1]. Инновации и инновационная деятельность предполагают наличие в деятельности предприятия организационных, финансовых и коммерческих процессов, ведущих к появлению новых или усовершенствованных продуктов или процессов.

Понятие инновационной деятельности неразрывно связано с понятием инновационной активности. Согласно подходу Статистического комитета Республики Беларусь, инновационно-активной считается организация, которая осуществляет затраты на технологические инновации, т.е. ведёт разработки и внедрение новых или усовершенствованных продуктов, технологических процессов [2].

Таким образом, идентификация инновационных организаций проводится по факту произведённых в отчётном периоде затрат на технологические инновации. Критерии, которые позволяют отнести предприятие к инновационному, не определены. В качестве критериев инновационности организации могут быть использованы такие количественные величины, как:

- 1) определённая доля затрат на технологические инновации;
- 2) установленный удельный вес инновационной продукции;
- 3) конкретный уровень сотрудников, занимающихся НИКР.

Официальная статистика представлена информацией об инновационной активности предприятий по видам инновационной деятельности, по видам экономической деятельности, по источникам финансирования, по степени влияния инновационной деятельности на окружающую среду, по типам технологических инноваций. В числе инновационно-активных организаций выделяют организации промышленности и сферы услуг. Информация представлена в целом по республике и отдельно по регионам.

Обобщающим является абсолютный показатель инновационно-активных предприятий и совокупный уровень инновационной активности, рассчитанный как отноше-

ние количества предприятий, осуществляющих инновации, к общему числу обследованных за определённый период времени предприятий в целом по республике, региону, по видам экономической деятельности и т.д. Очевидно, что охват предприятий для выделения из них инновационно-активных весьма неполный, что не позволяет иметь полную картину о развитии инновационных процессов в стране.

В таблице 1 представлены показатели инновационной активности предприятий промышленности и расчётные показатели числа и доли обследованных организаций за анализируемый период.

Таблица 1. – Показатели инновационной активности предприятий промышленности

Показатели	2005	2006	2007	2010	2013	2014
Число инновационно-активных предприятий, ед.	318	378	380	324	411	383
Доля инновационно-активных предприятий, %	14,1	16,3	17,8	15,4	21,7	22,8
Число обследованных предприятий, ед.	2 446	2 908	2 923	2 104	1 894	1 680
Общее число предприятий промышленности, ед.	8 484	8 798	9 501	11 946	13 615	13 696
Доля обследованных предприятий, %	28,8	33,0	30,8	17,6	13,9	12,3

Проведённые расчёты наглядно демонстрируют изменение числа обследованных предприятий как в абсолютном, так и в относительном выражении в сторону уменьшения. Период 2005–2007 гг. характеризуется высокими показателями объёма выборки, третья часть промышленных предприятий была обследована на предмет инновационной активности. С 2010 г. число и удельный вес обследованных предприятий промышленности снижается. В 2014 г. этот показатель в относительном выражении составил чуть более 12% от общего числа предприятий промышленности, и нет никаких оснований утверждать, что оставшаяся часть необследованных предприятий сохранит ту же структуру по степени инновационности.

Инновационная активность среднего и малого бизнеса

С 2011 г. данные официальной статистической отчётности учитываемых инноваций расширились сведениями об инновационной активности среднего и малого бизнеса. Процессы, происходящие в инновационной сфере, представлены предприятиями обрабатывающего производства в целом и по видам экономической деятельности. Очевидно, что отражение результатов инновационной деятельности малых и средних предприятий является положительной динамикой в развитии статистики инноваций, однако в системе показателей для этих предприятий не отражена некоторая важнейшая информация, используемая в системе показателей промышленности в целом.

Недостаток статистической информации малого и среднего бизнеса выражается в следующем:

- 1) данные об инновационной активности представлены только абсолютными величинами;
- 2) показатели инновационной продукции, отгруженной малыми и средними предприятиями, указаны только в относительном выражении;
- 3) отсутствуют данные об экспорте инновационной продукции этими предприятиями;
- 4) не учтены затраты на технологические инновации;

5) невозможно оценить уровень инновационного развития малого бизнеса в регионах;

6) нет информации об инновационной активности в микроорганизациях.

Анализ динамики показателей развития инновационного предпринимательства в среднем и малом бизнесе представлен в таблице 2.

Таблица 2. – Показатели инновационной активности средних и малых организаций обрабатывающих производств

Показатели	2011	2012	2013	2014
Общее число предприятий обрабатывающей промышленности, ед.	12 226	12 804	13 360	13 441
Число инновационно-активных предприятий обрабатывающей промышленности, ед.	433	428	399	369
Доля инновационно-активных предприятий в общем числе предприятий, %	3,5	3,3	3,0	2,7
Число средних предприятий обрабатывающей промышленности, ед.	588	586	582	555
Число средних инновационных предприятий обрабатывающей промышленности, ед.	85	88	88	75
Доля средних инновационно-активных предприятий в общем числе средних предприятий, %	14,5	15,0	15,1	13,5
Число малых предприятий обрабатывающей промышленности, ед.	3 374	3 389	3 409	3 434
Число малых инновационных предприятий обрабатывающей промышленности, ед.	57	53	50	48
Доля малых инновационно-активных предприятий в общем числе малых предприятий, %	1,7	1,6	1,5	1,4
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продукции предприятий обрабатывающей промышленности, %	16,3	20,0	20,3	16,0
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продукции средних предприятий, %	3,8	5,3	6,9	4,1
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продукции малых предприятий, %	0,8	1,3	1,3	3,6

Согласно статистическим данным и проведенным расчетам, степень инновационной активности на средних предприятиях гораздо выше общих показателей обрабатывающей промышленности. Однако при переходе от оценки доли инновационно-активных предприятий к оценке удельного веса инновационной продукции положение средних предприятий существенно меняется. Сравнение динамики этих показателей демонстрирует различие тенденций изменения по размерам предприятий. Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции средних предприятий незначительна по сравнению с общими показателями обрабатывающей промышленности.

Деятельность отечественных малых предприятий в инновационном предпринимательстве выражена явно слабо, отсутствует информация о созданных малых инновационных предприятиях в высших учебных заведениях.

Следовательно, комплексное использование статистических показателей для анализа инновационной деятельности затруднительно, данных для оценки инновационных процессов на средних и малых предприятиях недостаточно.

Инновации в сфере услуг

Сфера услуг официальной статистикой представлена более детально. Сбор данных осуществляется с 2006 г. и представлен в разрезе видов инновационной деятельности, по регионам Республики Беларусь, а также учтены затраты на технологические инновации в целом и по различным источникам финансирования.

Собранные в ходе наблюдений данные предоставляют возможности для анализа процессов, происходящих в этой сфере. Однако в силу того, что число инновационных организаций, оказывающих услуги, в Беларуси незначительно, удельный вес этих организаций не указан, разделение по видам оказываемых услуг тоже не осуществлено.

В таблице 3 представлен анализ инновационной деятельности Республики Беларусь в сфере услуг.

Таблица 3. – Показатели инновационной активности сферы услуг

Показатели	2006	2007	2008	2011	2012	2013	2014
Число инновационно-активных организаций, ед.	30	29	25	24	45	43	32
Объём оказанных услуг, млрд руб.	2 915,4	4 338,7	4 771,8	8 851,9	15 576,4	21 416,5	25 598,3
Объём оказанных услуг инновационного характера, млрд руб.	567,5	748,6	881,0	220,0	920,5	1 091,4	615,2
Удельный вес инновационных услуг в общем объёме услуг, %	19,5	17,3	18,5	2,5	5,9	5,1	2,4

Количество инновационных организаций в сфере услуг в 2014 г. соответствует 2006 г., однако результативный уровень на порядок ниже. Доля услуг инновационного характера составила в 2014 г. всего 2,4% против 19,5% в 2006 г. Официальная статистика не располагает информацией о рынке инжиниринговых, консалтинговых, информационных и других видах услуг инновационного характера.

Патентная статистика

Для анализа инновационной активности в Беларуси также можно использовать возможности патентной статистики, информация представлена с 1993 г.

Патентная статистика в том или ином виде все чаще используется в качестве характеристики результативности исследовательской деятельности. Количество патентов, выданных предприятию или стране, может отражать их технологический динамизм. Изучение роста числа патентных классов может подсказать направления технологического прогресса [1].

Динамика патентования показывает изменение изобретательской активности за исследуемый период. Статистические данные разделены по национальной принадлежности заявителя и патентообладателя. Систематизированная информация позволяет оценить уровень национальной научно-технической активности и отражает уровень международного сотрудничества в области инноваций.

Располагая необходимой патентной статистической информацией, в процессе анализа можно оценить связи между патентной активностью и экономическим ростом, определить эффективность затрат на научно-исследовательские разработки, строить прогнозы путём моделирования изобретательской активности населения. Однако очевидным является ограниченность официальной патентной статистики – отсутствие данных в разрезе регионов.

Как правило, заявки на объекты интеллектуальной собственности, являющиеся техническими решениями, такими как изобретение и полезная модель, подаются научными организациями и вузами. В нашей стране можно было бы предоставлять патентную информацию не только по регионам, но и по организациям, что позволило бы исследователям проводить более глубокий, детальный и полный анализ инновационных процессов.

Технологический баланс

В развитых странах одним из основных статистических показателей, характеризующих уровень инновационного потенциала страны, считается технологический баланс, который отражает технологическую зависимость страны на рынке высокотехнологичной продукции. Отечественная статистика не представляет для всеобщего использования таблицы, фиксирующие финансовые потоки по экспорту и импорту технологий и технологических услуг.

В соответствии с методологией, разработанной Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), и перечнем высокотехнологичных товаров Республики Беларусь, утверждённым постановлением Совета Министров Республики Беларусь, в таблице 4 составлен технологический баланс Республики Беларусь.

Таблица 4. – Технологический баланс Республики Беларусь, млн долл. США

Показатели	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Высокотехнологичные товары						
Экспорт	964,9	720,2	2 269	3 451,1	836,9	1 142,4
Импорт	1 769,6	2 219,5	2 280,8	2 438,7	3 043,2	2 903,4
Баланс	-804,7	-1 499,3	-11,8	1 012,4	-2 206,3	-1761
Высокотехнологичные услуги						
Экспорт	476,1	787,5	936,7	1 212,5	1 513,8	1 838,7
Импорт	237,0	396,8	454,3	522,5	535,6	656,6
Баланс	239,1	390,7	482,4	690	978,2	1182,1
в т.ч. плата за пользование интеллектуальной собственностью						
Экспорт	9,5	8,5	22,8	22,7	22,7	39,0
Импорт	76,0	102,7	89,2	105,2	145,1	207,4
Баланс	-66,5	-94,2	-66,4	-82,5	-122,4	-168,4
Внешняя торговля высокотехнологичными товарами и услугами						
Экспорт	1 441,0	1 507,7	3 205,7	4 663,6	2 350,7	2 981,1
Импорт	2 006,6	2 616,3	2 735,1	2 961,2	3 578,8	3 560,0
Баланс	-565,6	-1 108,6	470,6	1 702,4	-1 228,1	-578,9

Технологический баланс в общем определяет позицию Республики Беларусь как экспортёра, однако баланс высокотехнологичных услуг в частности стабильно имеет положительный результат, с 2009 г. наблюдается рост этого показателя. Тем не менее участие страны во внешнеэкономической деятельности в интеллектуальной сфере имеет отрицательное значение.

Инновационная инфраструктура

Нельзя не отметить ещё одно существенное упущение национального статистического комитета – инновационная инфраструктура вообще не является объектом статистического учёта. Для объективной оценки инновационного потенциала республики в целом и каждого региона в отдельности необходимо дополнить официальную статистику

стику сведениями о наличии и результатах деятельности таких организаций инновационной инфраструктуры, как технопарки, центры трансфера технологий.

Заключение

Характеризуя ситуацию в статистической системе инноваций Республики Беларусь, можно констатировать, что в целом информационное обеспечение мониторинга научной и инновационной деятельности развивается и совершенствуется. Практически ежегодно официальная статистика охватывает новые сферы деятельности и пополняет показатели статистического наблюдения учитываемых инноваций, которые широко используются в практической деятельности, в научных исследованиях и государственной научно-технической и инновационной политике.

Однако утверждать, что в стране создано надёжное информационное обеспечение в инновационной сфере, пока рано. Неполнота информации в области науки и инноваций, несопоставимость с международными показателями остаются проблемами статистики инноваций, требующими решения.

Существенным недостатком процесса обследования инновационных субъектов хозяйствования на предмет инновационной активности является малая выборка организаций. Возможно, под статистическое наблюдение не попадает ряд предприятий, имеющих отношение к инновационной деятельности. Крайне важным является определение чётких критериев отнесения организации к инновационно-активному. Возможна группировка этих организаций по степени инновационности: высокой, умеренной и низкой инновационной активности.

Несмотря на то, что в настоящее время официальная статистика охватывает как крупные и средние, так и малые предприятия, проблемам малого инновационного предпринимательства уделено недостаточно внимания.

Необходимо устранить информационные пробелы, связанные с отсутствием систематизированных данных об объектах инновационной инфраструктуры.

Доступность более полных сведений об инновационной деятельности способствует более глубокому пониманию инновационных процессов в стране, предоставляет возможность оценить влияние инноваций на экономический рост, позволяет производить сравнение с инновационными процессами в других странах, даёт возможность повысить степень участия страны в международных рейтингах инноваций и конкурентоспособности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. – М. : ОЭСР, 2010. – 107 с.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь – Минск, 2015. – 524 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.02.2016

Ermakova E.E., Mishkova M.P. Statistics of Innovations in Belarus

The article describes the accounting statistics of innovation. Advantages and disadvantages of the national statistical system in the area of innovation are defined. Major issues of innovation statistics in Belarus are considered. The analysis showed the need to improve statistical reflection of innovative processes.

УДК 330.554

С.А. Бунько*магістр экон. наук,**старший преподаватель каф. мировой экономики, маркетинга и инвестиций,
зам. декана экономического факультета**Брестского государственного технического университета***ОЦЕНКА ВАЛОВОГО ГОРОДСКОГО ПРОДУКТА
КАК ПОКАЗАТЕЛЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ГОРОДА**

В статье обосновывается необходимость повышения внимания к управлению конкурентоспособностью городов, которые в силу концентрации на своей территории различных ресурсов создают импульсы для повышения конкурентоспособности всех уровней территориальных и производственных экономических систем. В связи с этим актуальным является разработка индикаторов ее оценки. Рассматривается возможность расчета такого показателя, как валовой городской продукт, поскольку на уровне регионов такой показатель признается одним из основных. Исследуется российский и западноевропейский опыт оценки валового городского продукта. Предлагается уточненная методика его расчёта и приводятся результаты апробации на примере областных центров Республики Беларусь.

Введение

В отношении территорий понятие конкурентоспособности стало применяться в западной экономической науке во второй половине XX в. В отечественной практике проблема разработки и реализации стратегии повышения конкурентоспособности территорий (страны, региона, города) является относительно новой и актуальной. В Беларуси, как и на всём постсоветском пространстве, управление городами как объектами сложной социально-экономической природы не было осмысленно на должном теоретическом уровне. Их развитие рассматривалось в большей степени с пространственной и инфраструктурной точки зрения. В западной экономической науке, напротив, именно развитию городов придаётся особое значение. Автор согласна, что, «несмотря на серию “прорывных” теоретических исследований Дж. Хендерсона, М. Фуджита, Э. Венеэйблса и др., наблюдается примат регионов над городами, хотя урбанизация не менее значима, чем регионализация» [1, с. 88].

Исследования показывают, что наиболее характерной чертой городов является концентрация на сравнительно ограниченной территории практически всех видов деятельности, которая предопределяет особые функции города (доминирование), вытекающие из таких его характеристик, как агломерация, близость, лёгкость взаимодействия, быстрая циркуляция информации и т.д. [2, с. 88]. Исходя из этого можно сделать вывод, что повышение их конкурентоспособности создаёт импульсы для развития всех уровней территориальных и производственных экономических систем. Это подтверждает необходимость повышения внимания к управлению конкурентоспособностью городов и, следовательно, к ее оценке.

Несмотря на возрастающий интерес к данной тематике, следует признать, что методического обоснования оценки конкурентоспособности города на данный момент не существует. Существует некоторый опыт измерений городского развития в рамках реализации концепции «хорошего управления» («Good Urban Governance») международной программы ООН Хабитат. Одной из ее целей является создание системы управления городом, ориентированной, в том числе на формирование конкурентоспособной экономики города. Инструментов управления при реализации данной концепции является система измерения качества городского управления как ориентир для повышения эффективности управления. В этих целях в рамках программы функционирует Центр по гло-

бальному мониторингу и статистике городов, который разрабатывает показатели городского развития [3]. Ещё одним шагом в направлении стандартизации показателей является опубликованный в мае 2014 г. стандарт ISO 37120:2014 «Устойчивое развитие общин: Индикаторы для городских служб и качества жизни». Ожидается, что он обеспечит городские власти и исследователей стандартизированным подходом к оценке городского развития в социальной, экономической и экологической сферах [4]. В рамках данного стандарта планируется разработка показателей конкурентоспособности города.

Учитывая отсутствие сформированных подходов к оценке конкурентоспособности городов, целесообразно опираться на накопленный опыт на уровне регионов. Одним из важнейших показателей такой оценки является среднедушевой валовой региональный продукт (ВРП). Однако в настоящее время нет общепризнанной международной методики расчета данного показателя на уровне города. Теоретически валовой городской продукт (ВГП) может быть рассчитан по аналогии с исчислением валового внутреннего продукта (ВВП) производственным методом, методом использования доходов и по источникам доходов.

На основе производственного метода ВВП рассчитывается как сумма валовых добавленных стоимостей по видам экономической деятельности и чистых налогов на продукты. В Республике Беларусь производственным методом рассчитывается как ВВП, так и ВРП (для областей и г. Минска), расчет которых ведётся с 2010 г. Данный метод считается одним из наиболее точных, однако статистические данные о добавленной стоимости в разрезе городов и районов в Беларуси не формируются.

Метод использования доходов предполагает расчет ВВП путем суммирования конечного потребления, валового накопления капитала и разницы между чистым экспортом и чистым импортом. Такой метод расчета достаточно затруднён, поскольку в официальной статистике Беларуси не предоставлены сведения о валовых накоплениях капитала в разрезе городов, а также не представляется возможным учесть внутрорегиональные потоки товаров и услуг.

При расчете ВВП по источникам доходов учитываются доходы, получаемые единицами, участвующими в производстве, а также государственными организациями и некоммерческими организациями, обслуживающими домашние хозяйства. При этом валовая прибыль и валовой смешанный доход определяются как разница между ВВП, рассчитанным производственным методом, оплатой труда работников и чистыми налогами на производство и импорт. На уровне города метод может применяться в упрощённом виде суммированием оплаты труда наемных работников, валовой прибыли и валового смешанного дохода, а также чистых налогов на производство и импорт. Однако детализация показателей официальной статистики в разрезе городов не позволяет точно определить ни один из перечисленных компонентов.

Таким образом, существующие методы оценки ВВП не позволяют достоверно определить этот показатель на городском уровне. Некоторый опыт его исчисления накоплен в странах Евросоюза. Так, Евростатом в единой методике оценки Европейский городов (UrbanAudit) предлагается формирование ВГП на основе производственного метода, при этом данные по городам вычлняются из существующей отчетности. Если же вычленение невозможно, Евростат рекомендует применять экспертные методы сбора данных. Также одним из способов получения данных является заимствование структуры, т.е. при отсутствии данных используется информация по располагающемуся рядом крупному территориальному образованию, при этом допускается экспертная корректировка. Однако Евростат оговаривает, что не может рекомендовать какого-либо единого метода, поэтому допускается использовать различные показатели в зависимости от условий и возможностей оценки деятельности конкретного города [5, с. 146].

В связи с невозможностью точного расчета ВГП на основе перечисленных методов ряд российских исследователей предлагают собственные, упрощённые методики расчета ВГП, в Российской Федерации называемого муниципальным (ВМП). Так, Р.М. Газизов [6, с. 126], Г.Я. Белякова, А.И. Фролова [7, с. 43–44] предлагают использовать условный ВГП, исчисляемый как суммарный объем производства отраслей экономики на душу населения или в целом. По нашему мнению, данный показатель абсолютно не отражает сути валового продукта и не может применяться даже условно.

Д.В. Колечков [8, с. 51–52] предлагает применять производственный метод, признавая при этом, что по ряду отраслей при расчете возникает трудность исчисления валовой добавленной стоимости, связанная с ограниченностью или даже отсутствием информации. Поэтому по отраслям, где невозможен прямой счет, используются среднерегionalные показатели и предусматривается возможность их корректировки на основе экспертных оценок. По мнению автора, метод достаточно трудоемкий, однако не отличается высокой точностью получаемых результатов.

Метод факторной оценки, предложенный А.А. Лопатыным, А.М. Набиевым и В.С. Силицевым [9], исходит из предположения тесной взаимосвязи валового городского продукта с ВРП и оценки его на этой основе. При этом ВРП представлен функцией, описывающей зависимость его величины от количества применяемых факторов производства и предельной производительности каждого из них, а именно производственной функцией Кобба – Дугласа:

$$Y_{ВРП} = A \times K^{\alpha} \times L^{\beta}, \quad (1)$$

где A – мультиплицирующий коэффициент, учитывающий вклад прочих факторов; K – показатель, характеризующий основные фонды; L – показатель, характеризующий затраты труда; α , β – коэффициенты, показывающие предельную производительность соответственно капитала и труда.

При оценке параметров A , α и β каждого региона задается единственное ограничение: $\alpha + \beta = 1$. Предлагается использовать при этом ряды данных по их ВРП ($Y_{ВРП}$), инвестициям в основной капитал (K) и численности занятых (L). Сначала, исходя из множественной нелинейной регрессии, определяется функция ВРП, а затем рассчитывается валовой городской продукт:

$$Y_{ВГП} = \rho * Y_{ВМП}, \quad (2)$$

где ρ – весовой коэффициент, получаемый из соотношения:

$$\rho = A \times \frac{K_G^{\alpha} \times L_G^{\beta}}{K_P^{\alpha} \times L_P^{\beta}}, \quad (3)$$

где K_G , L_G , K_P , L_P – наблюдаемые показатели города и региона соответственно; A , α и β – полученные оценки коэффициентов регрессии.

Основное преимущество данного метода состоит в том, что не требуется прямого счета. Однако, по нашему мнению, несмотря на взаимосвязь показателей региона и города, мультиплицирующий коэффициент, учитывающий вклад прочих факторов для города и региона, будет значительно различаться. Кроме того, как упоминалось выше, в Беларуси показатели ВРП официально публикуются только с 2010 г., и на основе дан-

ных такого непродолжительного периода наблюдений невозможно построение точной модели множественной регрессии.

Компромиссный метод предлагает коллектив авторов во главе с А.И. Татаркиным [10, с. 6–7]. Эта группа исследователей утверждает, что условно исчисленный ВМП может быть рассчитан по следующей методике:

1. Исчисляется валовая добавленная стоимость (ВДС) суммированием оплаты труда наемных работников, прибыли до налогообложения и амортизации.

2. Принимается условно показатель оборота розничной торговли (ОРТ) как счет продукта муниципального образования по расходам.

3. Для корректировки показателя ВДС применяется метод деления остатка, смысл которого заключается в нахождении корректирующей величины при имеющихся расхождениях при подсчете добавленной стоимости по двум методам (в данном случае методам по доходам и по расходам). При этом корректирующий остаток рассчитывается так: $КО = (ОРТ - ВДС)/2$.

4. Рассчитывается условно исчисленный ВМП по формуле: $ВМП \text{ усл. исч.} = ВДС + КО$ (или $ВМП \text{ усл. исч.} = ОРТ - КО$).

Методика апробирована авторами на примере г. Екатеринбурга [10, с. 6–7]. Однако ранее уже отмечалось, что показатели «прибыль до налогообложения» и «амортизационные отчисления» по городам и районам в Беларуси официальной статистикой не публикуются.

Таким образом, применение рассмотренных методик в Беларуси на данном этапе либо невозможно, либо крайне затруднительно. В этой связи представляет интерес методика оценки ВГП относительно национального уровня. Данный показатель предложен Глобальной городской обсерваторией (GUO), действующей в рамках Программы ООН по населенным пунктам, и предполагает расчет ВГП на основе исчисления доли ВВП, приходящейся на одного работающего в конкретном городе, а также общего количества работающих и соотношения уровней заработной платы в целом по стране и по конкретному городу [11, с. 18].

По мнению автора, при этом целесообразнее ориентироваться на средние показатели не по стране в целом, а по региону, в котором располагается оцениваемый город. Тогда формула приобретает вид:

$$ВГП = \frac{ВРП}{ЧЗр} * ЧЗг * \frac{ЗПг}{ЗПр}, \quad (4)$$

где $ЧЗр$, $ЧЗг$ – численность занятого населения региона, города; $ЗПр$, $ЗПг$ – среднемесячная заработная плата по региону, городу.

Несмотря на то, что заработная плата с отчислениями на социальное страхование составляет значительную часть добавленной стоимости (в областных центрах Беларуси ее доля в ВРП в 2014 г. колеблется в диапазоне от 64,77% в Гродненской области до 72,58% в Витебской), такой расчет является достаточно условным, но все же даёт возможность получить значение ВГП и использовать его для проведения сравнительного анализа конкурентоспособности городов. Кроме того, мы считаем, что данная методика может быть уточнена с учётом доли заработной платы и других элементов, которые могут быть вычленены из ВРП на основе данных официальной статистики и соотношения средних значений по региону и городу. На данный момент можно выделить лишь рассчитанный фонд оплаты труда (с отчислениями на социальное страхование) и чистую прибыль; тогда структуру ВРП можно представить следующим образом:

$$ВРП = ОТ + ЧП + ОЧ, \quad (5)$$

где $ОТ$ – оплата труда с отчислениями на социальное страхование; $ЧП$ – чистая прибыль; $ОЧ$ – остальная часть (ВРП за вычетом оплаты труда и чистой прибыли). Тогда формула расчета ВГП приобретает следующий вид:

$$ВГП = \frac{ВРП}{ЧЗр} * ЧЗг \left(\frac{ЗПг}{ЗПр} * Дот + \frac{ЧПг}{ЧПр} * Дчп + Доч \right), \quad (6)$$

где $ЧЗр$, $ЧЗг$ – численность занятого населения региона, города соответственно, $ЗПг$, $ЗПр$ – среднемесячная заработная плата по городу, региону соответственно; $Дот$ – доля оплаты труда с отчислениями на социальное страхование в ВРП; $ЧПг$, $ЧПр$ – чистая прибыль, приходящаяся на одного занятого по городу, региону соответственно; $Дчп$ – доля чистой прибыли в ВРП; $Доч$ – доля остальной части ВРП.

Для апробации методики выбраны областные центры Республики Беларусь; показатели рассчитывались на основе данных Белстата [12]. Результаты расчетов приведены в таблице 1.

Таблица 1. – Показатели среднедушевого ВГП (предлагаемая методика)

Город	ВГП на душу населения, тыс. руб.				
	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	17 087,45	25 858,38	46 595,91	59 038,5	72 910,48
Витебск	13 534,69	23 428,67	43 600,18	48 789,37	57 750,28
Гомель	16 460,19	29 906,85	49 905,75	59 632,21	71 557,49
Гродно	15 974,23	27 531,74	48 127,51	62 900,87	77 096,28
Могилёв	14 241,07	22 231,22	40 837,19	51 099,97	62 395,75

Полученные результаты представлены на рисунке 1. Самые высокий уровень среднедушевого ВГП в Гродно, незначительно отстают Брест и Гомель, в Могилёве и Витебске этот показатель находится на низком уровне. Представляется целесообразным их сравнение, во-первых, с данными, получаемыми при расчете ВГП по методике ГУО, во-вторых, со среднерегionalными значениями, по которым оцениваются города в настоящее время в составе регионов.

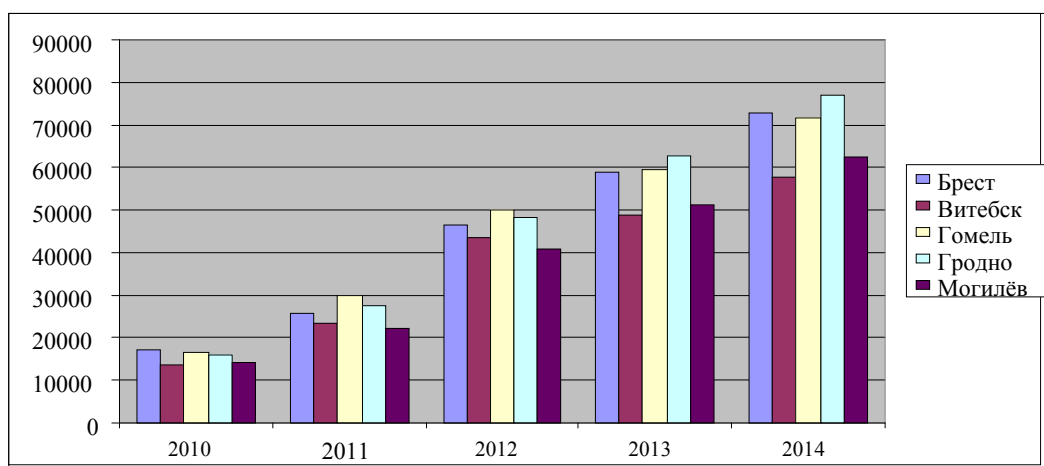

Рисунок 1. – Показатели среднедушевого ВГП (предлагаемая методика)

Результаты, полученные при определении среднедушевого ВВП по методике GUO, помещены в таблице 2.

Таблица 2. – Показатели среднедушевого ВВП (методика GUO)

Город	ВВП на душу населения, тыс. руб.				
	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	17 426,42	26 167,17	45 953,71	59 283,35	74 310,24
Витебск	13 357,24	22 531,71	45 191,20	48 946,69	59 003,35
Гомель	15 447,65	25 776,35	46 569,63	57 439,42	69 058,09
Гродно	15 878,72	26 628,77	47 027,80	62 083,59	77 270,58
Могилёв	14 528,29	22 671,41	41 203,90	51 044,25	61 355,54

На первый взгляд, разница не так очевидна, особенно в 2013–2014 гг., что объясняется невысокой долей прибыли в ВРП. Так, доля прибыли в 2013 г. варьировалась от 5,76% в Могилёвской области до 11,48% в Гомельской; в 2014 г. – от 1,74% в Могилёвской области до 8,34% в Гомельской. В то время как, например, в 2011 г. этот диапазон составлял от 9,05% в Могилёвской области до 21% в Гомельской, что значительно влияет на различия в результатах оценки. С учетом доли прибыли в 2012 г. самый высокий показатель по уровню ВВП на душу населения выявлен в Гомеле – 49 905 тыс. руб., тогда как по методике GUO он составлял лишь 46 569,63 тыс. руб. и уступал Гродно. Это позволяет утверждать, что предлагаемая методика точнее отражает уровень эффективности экономики города по величине ВВП на основе соотношения прибыли, приходящейся на одного занятого в городе и регионе (таблица 3).

Таблица 3. – Соотношение прибыли в расчете на одного занятого в областных центрах и области в целом

Город	Показатели соотношения прибыли в расчете на одного занятого в областных центрах и области в целом				
	2010	2011	2012	2013	2014
Брест	1,3147	1,0083	1,3344	1,3644	1,3493
Витебск	1,5815	0,8018	0,8870	1,1847	0,9616
Гомель	1,7684	1,4856	1,4637	1,5278	1,7362
Гродно	1,5333	1,2029	1,4365	1,6408	1,7164
Могилёв	1,1003	0,7805	1,0801	1,3583	3,8241

Для сравнения показателей городского и регионального валового продукта рассчитаны показатели среднедушевого ВРП (таблица 4).

Таблица 4. – Показатели среднедушевого ВРП по областям Республики Беларусь

Область	ВВП на душу населения, тыс. руб.				
	2010	2011	2012	2013	2014
Брестская	12 316,10	19 326,87	34 688,43	44 168,17	54 512,13
Витебская	11 925,77	20 880,73	42 195,86	44 869,31	52 923,82
Гомельская	12 944,53	22 721,48	41 955,66	50 535,42	61 518,61
Гродненская	12 383,99	21 152,00	39 134,45	52 395,01	63 572,87
Могилёвская	11 953,04	19 348,86	36 195,09	44 714,25	52 629,90

Полученные результаты (рисунок 3) при сравнении с показателями ВВП позволяют сделать следующие выводы. Так, в 2014 г. г. Гродно и Гродненская область были самыми конкурентоспособными по исчисляемому показателю (77 096,28 тыс. руб.

и 63 572,87 тыс. руб. соответственно) и показывали устойчивую положительную динамику относительно других городов и регионов.

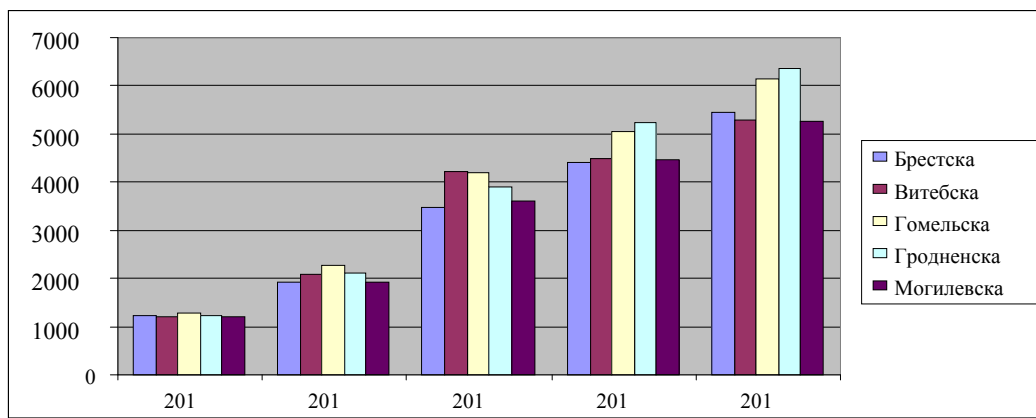

Рисунок 2. – Показатели среднедушевого ВРП по областям Республики Беларусь

По остальным областям и их центрам картина значительно меняется. Так, по уровню ВРП второе место уверенно занимает Гомельская область со среднедушевым показателем в размере 61 518,61 тыс. руб., но по уровню городского развития и его динамике на втором месте находится г. Брест. Если самый низкий уровень среднедушевого валового продукта среди регионов у Могилёвской области (52 629,9 тыс. руб.), то г. Могилёв все же опережает г. Витебск с показателем 61 355,54 тыс. руб. Кроме того, как можно заметить из таблицы 3, г. Витебск – единственный областной центр, в котором показатели прибыли на одного занятого в экономике находятся на уровне области в целом, а в отдельные периоды их значения ниже областного уровня; относительно высокий уровень среднедушевого ВРП по сравнению с региональным обеспечивается за счет более высокой доли экономически активного населения, что говорит о крайне низкой конкурентоспособности г. Витебска по этому показателю.

Заключение

Необходимость повышения внимания к конкурентоспособности городов, которые в силу своих функциональных особенностей являются точками роста национальной экономики, требует формирования системы ее оценочных показателей. Одним из таких показателей может стать валовой городской продукт, к оценке которого в настоящее время не сформировано общепризнанного подхода. Предлагаемая методика расчёта ВГП, не требующая прямого счёта, позволит, с некоторой долей условности, оценить уровень экономического развития и конкурентоспособность городов, в настоящее время рассматриваемых в составе региона. Это, в свою очередь, даст возможность при разработке стратегий как городского, так и регионального развития в целом иметь более полное представление об уровне экономического развития и его динамике. Кроме того, по нашему мнению, развитие исследований в данном направлении может послужить отправной точкой в расширении представлений о взаимовлиянии городского и регионального развития и их конкурентоспособности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фролов, Д. П. Маркетинговая парадигма регионального развития : монография / Д. П. Фролов. – 2-е изд., доп. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – 157 с.

2. Занадворов, В. С. Теория экономики города : учеб. пособие / В. С. Занадворов, И. П. Ильина. – М. : Изд. дом ВШЭ, 1999. – 195 с.
3. ООН-Хабитат : программа ООН по населённым пунктам [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/habitat/>. – Дата доступа: 25.09.2015.
4. Новый стандарт ИСО даёт городам общий критерий эффективности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.researchclub.com.ua/>. – Дата доступа: 25.09.2015.
5. Захарчук, Е. А. Валовой муниципальный продукт: возможности нахождения / Е. А. Захарчук // Инновационные технологии в управлении конкурентоспособностью территориальных социально-экономических систем : труды X Междунар. конф. молодых учёных. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2012. – С. 145–148.
6. Газизов, Р. М. Оценка уровня экономического развития сельских территорий / Р. М. Газизов // Проблемы современной экономики : материалы III междунар. науч. конф., Челябинск, дек. 2013 г. – Челябинск : Два комсомольца, 2013. – С. 125–128.
7. Совершенствование методики расчета обобщающего показателя благосостояния муниципальных образований / Г. Я. Белякова, А. И. Фролова // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 33 (216). – С. 42–48.
8. Силинцев, В. С. Совершенствование системы показателей долгосрочного прогноза социально-экономического развития региона / В. С. Силинцев, А. А. Лопатин, А. М. Набиев // Региональная направленность развития национальной экономики. Школа-семинар профессора А. А. Голикова. – Челябинск : ЧелГУ, 2005. – С. 54–60.
9. Валовой муниципальный продукт: методы расчета и применение / В. Д. Колечков [и др.] // Экономика региона. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2012. – № 4. – С. 49–59.
10. Татаркин, А. И. Вопросы (проблемы) методического обеспечения расчета валового муниципального продукта [Электронный ресурс] / А. И. Татаркин, О. А. Козлова, С. А. Тимашев // Безопасность критичных инфраструктур и территорий. – 2012. – Т. 3, № 1. – Режим доступа: <http://managementofrisk.ru/magazine/Numbers/2012-1/cont.html>. – Дата доступа: 18.11.2015.
11. Гриценко, С. В. Статистическая оценка и анализ уровня социально-экономического развития муниципальных районов Воронежской области / С. В. Гриценко // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – № 22 (151). – С. 15–23.
12. Регионы Республики Беларусь: Основные показатели социально-экономического развития : стат. сб. [Электронный ресурс]. – Т. 2. – 2014. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 25.11.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.02.2016

Bunko S.A. Evaluation of the Gross City Product as an Indicator of the Competitiveness of the City

The article substantiates the need for increased attention to the management of urban competitiveness. In this regard, the development of indicators of an assessment of competitiveness of the cities is actual. The purpose of the article is the research of possibility of calculation of such indicator as gross city product. In the main part, the West European and Russian experience of an assessment of gross city product is investigated. The specified technique of its calculation is offered and the results of approbation on the example of the regional centers of Republic of Belarus are given.

УДК 656.02

П.А. Черновалов

аспирант каф. менеджмента

Брестского государственного технического университета

**РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ ФИРМ В РАМКАХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ
НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Основная цель данной статьи – получение ответов на следующие вопросы: существует ли возможность такой трансформации счета Альтмана, чтобы он позволил оценивать платежеспособность транспортных фирм в логистических цепях; позволяет ли использованный в данной статье математический аппарат модифицировать модель Альтмана; какие конкретные данные из бухгалтерских отчетов необходимы для построения последней модели и возможен ли мониторинг финансового состояния транспортных фирм на основе счета Альтмана? Статья рассматривает модифицированный счет Альтмана для прогнозирования несостоятельности предприятий в Республике Беларусь.

Введение

Основной характеристикой экономической координации, имеющей место в настоящее время, является глобализация, охватывающая как континенты, так страны и регионы. Беларусь в этом смысле не стала исключением. Благодаря своему географическому положению наша республика чрезвычайно привлекательна для различных международных проектов. Являясь перспективным транспортным коридором между Востоком и Западом (мы считаем, что современный уровень транзита через нашу территорию составляет лишь 20–30% от своего реального потенциала), Беларусь в рамках глобальных транспортных проектов имеет предпосылки для ускоренного развития логистики и применения к реализации проектов соответствующих логистических методов и подходов. В современных хозяйственных условиях производственные предприятия все чаще обращают внимание на деятельность логистических сетей и предоставляют им на условиях аутсорсинга, возможность осуществлять материального обеспечения производственного процесса, что, в свою очередь, высвобождает излишнюю занятость на предприятии, снижает издержки производства и повышает конкурентоспособность производителя. Самым эффективным способом совершенствования системы обслуживания предприятия в рамках снабжения и сбыта, является исследование, анализ и проектирование существующих и новых цепей поставок. В общем виде проектирование цепи поставок представляет собой поиск лучшего способа перемещения и поставки товаров от поставщиков к потребителям при помощи выбора такой структуры логистической сети, которая минимизирует логистические затраты, включающие в себя преимущественно транспортные и складские расходы.

Учитывая изложенные выше замечания, мы считаем, что первоочередной задачей сегодня является совершенствование логистических сетей в рамках Брестского региона и международного региона «Буг». В отличие от глобальных логистических сетей, которые характеризуются высокой финансовой устойчивостью, региональные сети зачастую включают в себя такие фирмы, финансовое состояние и перспективы устойчивости которых являются неизвестными параметрами, что может привести к потере логистической цепью своей конкурентоспособности или даже ее ликвидации и построению новой.

Региональные логистические сети более надежны, чем цепи отдельных фирм: через них проходят большие объемы информации, поэтому оптимизация информационных потоков дает больший (нежели в отдельных фирмах) экономический эффект. Значительное внимание уделяется здесь работе по защите конфиденциальной информации от утечки при размещении ее в едином информационно-аналитическом центре, в том

числе и информации о финансовом состоянии, что относится к категории коммерческой тайны.

Проблема нехватки оборотных средств не изжила себя и в настоящее время. В целях ее ликвидации коммерческие предприятия получают кредиты в банках, что не всегда желательно: при существующей ставке рефинансирования государственные организации действуют в рамках мягких бюджетных ограничений. Нестабильность финансового состояния сегодня требует от менеджмента предприятий и соответствующих логистических сетей своевременных мер по выявлению признаков грядущей экономической несостоятельности и преодолению возможного банкротства.

В экономической литературе проблемам диагностики финансового состояния предприятий уделяется достаточно внимания. Их изучению посвящаются все больше теоретических и эмпирических работ. Однако существующие эмпирические работы лишь фиксируют состояние платежеспособности предприятий и не учитывают проблем логистической деятельности, организации управленческого учета и прогнозирования банкротства. Теоретические работы главным образом посвящены выявлению функций, места и роли антикризисной диагностики в системе экономического анализа менеджмента предприятия, а методология экономического анализа сосредоточивается вокруг толкования значений коэффициентов ликвидности и обеспеченности собственными оборотными средствами. В настоящей работе мы попытаемся сформулировать усовершенствованный «универсальный закон» в виде линейной многофакторной модели и, используя некоторые исходные условия, осуществим прогноз возможного банкротства.

Широкое использование математических методов – отличительная особенность современных подходов к исследованию способов прогнозирования банкротства. В последнее время возрастает интерес исследователей к прогнозированию несостоятельности (банкротства) на основании методики, предложенной американским экономистом Эдвардом Альтманом. Этот способ эконометрического анализа позволяет построить многофакторную модель для конкретных условий, которая позволяет разделить предприятия и фирмы на потенциальных банкротов и небанкротов. Широкое использование данного метода тормозилось некоторой институциональной неразвитостью рыночных отношений и слабостью методологического обеспечения при расчете реальных коэффициентных значений.

Как нам представляется, по мере развития фондового рынка и появления новых эконометрических исследований количество работ по этой тематике будет возрастать, а их публикации позволят усовершенствовать методологические подходы к построению Z-счета Альтмана для любых условий функционирования и осуществления мониторинга действующих предприятий в различных отраслях промышленности, в том числе и в логистических цепях.

Метод с использованием коэффициента Альтмана (*индекс кредитоспособности*) предложен в конце 1960-х гг. Данный показатель построен с помощью аппарата мультипликативного дискриминантного анализа (MDA) и позволяет разделить хозяйствующие субъекты на потенциальных банкротов и небанкротов. Индекс Альтмана представляет собой функцию от некоторых показателей, характеризующих экономический потенциал предприятия и результаты работы. В общем виде индекс кредитоспособности (Z-счет) имеет вид:

$$Z = 1,2 X_1 + 1,4 X_2 + 3,3 X_3 + 0,6 X_4 + X_5,$$

где X_1 – оборотный капитал / сумма активов; X_2 – нераспределенная прибыль / сумма активов; X_3 – операционная прибыль / сумма активов; X_4 – рыночная стоимость акций / задолженность; X_5 – выручка / сумма активов.

Результаты многочисленных расчетов по модели Альтмана показали, что обобщающий показатель Z может принимать значения в пределах $-14, +22$, при этом пред-

приятия, для которых $Z = -2,99$, попадают в число финансово устойчивых; предприятия, для которых $Z = 1,81$, являются, безусловно, несостоятельными, а интервал $1,81 - 2,99$ составляет зону неопределенности. Z -коэффициент имеет общий недостаток: его можно использовать лишь в отношении крупных компаний, котирующих свои акции на биржах. Именно для таких предприятий можно получить объективную информацию о рыночной оценке собственного капитала.

В российской и белорусской практике предпринимались многочисленные попытки использовать Z -счет Альтмана для оценки диагностики платежеспособности и вероятности банкротства с применением компьютерных моделей прогнозирования. Однако различия во внешних факторах, оказывающих влияние на функционирование предприятия (степень развития фондового рынка и, главным образом, отсутствие вторичного рынка ценных бумаг, налоговое законодательство, нормативное обеспечение бухгалтерского учета) а, следовательно, на экономические показатели, используемые в модели, искажают вероятностные оценки. Однако процесс реформации экономического пространства России и Беларуси находится в постоянном развитии, и методики, подобные Z -счету Альтмана, следует разрабатывать и совершенствовать применительно к нашим условиям.

Общеизвестно, что при решении различных экономических задач используются те или иные математические методы, позволяющие ускорить вычислительный процесс, уменьшить расчетную погрешность, а значит, улучшить качество решения. При анализе платежеспособности транспортных фирм Брестской области пришлось столкнуться с необходимостью модификации уже имеющихся методов. При этом мы полагаем использовать несколько иные методы расчетов, поскольку применяемый в других моделях математический аппарат имеет ряд недостатков [2, с. 217]. Опишем суть проблемы.

Требуется получить модель вида:

$$Z = C_1X_1 + C_2X_2 + \dots + C_pX_p,$$

где $X_1, X_2, \dots, X_p$ – некоторые известные параметры; $C_1, C_2, \dots, C_p$ – подлежащие определению коэффициенты. В зависимости от значения Z предприятие считается платежеспособным либо потенциальным банкротом. Мы считаем, что для решения задачи нахождения коэффициентов $C_1, C_2, \dots, C_p$ наиболее оптимальным является метод главных компонент [1 с. 7].

Пусть задана $(p \times p)$ матрица наблюдений случайной векторной переменной $X = [X_1, \dots, X_p]^T$ с вектором средних $\mu_X = [\mu_1, \dots, \mu_p]^T$ и ковариационной матрицей K_X , определяющей структуру зависимости между переменными $X_j, j = 1, \dots, p$. Нужно найти линейное преобразование, которое позволило бы получить сжатое представление исходных данных меньшим числом переменных без существенной потери информации, содержащейся в исходной матрице. Преобразуем эти наблюдения $(p \times p)$ ортогональной матрицей вида:

$$C = [C_1, \dots, C_p]^T, \quad (1)$$

где $C_j = [C_{1j}, \dots, C_{pj}]^T, (j = 1, \dots, p)$ – система p -мерных ортонормированных векторов, т.е. для скалярного произведения $(*, *)$ справедливо:

$$(C_i, C_j) = \begin{cases} 1, & i=j \\ 0, & i \neq j \end{cases} \quad (2)$$

Тогда получаем случайную векторную переменную Z с некоррелированными компонентами:

$$Z = [Z_1, \dots, Z_p]^T = CX, \quad (3)$$

где Z_j есть линейная комбинация координат признаков $X_j, j = 1, \dots, p$

$$Z_j = C_{1j}X_{j1} + \dots + C_{pj}X_{jp}, \quad j = 1, \dots, p. \quad (4)$$

Из (2) следует, что $CC^T = C^TC = I$ и $C^T = C^{-1}$, поэтому

$$X = C^TZ \quad \text{ëë} \quad \text{ë} \quad (5)$$

Ковариационная матрица данных X (по определению) равна:

$$K_X = M\{(X-\mu_X)(X-\mu_X)^T\}. \quad \text{ё} \quad (6)$$

Определитель $|K_X|$ ковариационной матрицы K_X называют обобщенной дисперсией матрицы данных X . Ковариационная матрица K_Z случайной векторной переменной Z определяется выражением:

$$K_Z = M\{(Z-\mu_Z)(Z-\mu_Z)^T\} = M\{C(X-\mu_X)(X-\mu_X)^T C^T\} = CM\{(X-\mu_X)(X-\mu_X)^T\}C^T = CK_X C^T \quad (7)$$

Так как K_X и C являются квадратными матрицами, то определитель ковариационной матрицы K_Z равен:

$$|K_Z| = |CK_X C^T| = |CC^T| |K_X| = |K_X|, \quad (8)$$

т. е. обобщенные дисперсии матриц X и Z равны.

Наилучшее ортогональное преобразование должно обеспечить наименьшую избыточность. Это означает, что матрица Z должна иметь некоррелированные компоненты $Z_j, j = 1, \dots, p$. Другими словами, матрица K_Z должна быть диагональной:

$$K_Z = \text{diag}[\sigma_{Z_1}^2, \dots, \sigma_{Z_p}^2], \quad (9)$$

где $\sigma_{Z_j}^2$ – дисперсия j -ой компоненты случайной векторной переменной Z .

Обозначим $\lambda_j = \sigma_{Z_j}^2, j = 1, \dots, p$. Тогда

$$|K_Z| = \prod_{j=1}^p \lambda_j \quad (10)$$

Положим, что дисперсии упорядочены $\lambda_1 \geq \lambda_2 \geq \dots \geq 0$. Если не все λ_j равны между собой, то матрицу Z можно сжать отбрасыванием компонент с пренебрежимо малыми дисперсиями. Пусть $Z_1 - (n \times 1)$ -вектор является первой главной компонентой матрицы

$X: Z_1 = \sum_{i=1}^p C_{i1} x_{i1}$. Используя формулу (7), найдем дисперсию этой главной компоненты:

$$\sigma_{Z_1}^2 = C_1^T K_X C_1 = \sum_{r=1}^p \sum_{i=1}^p C_{ri} C_{ri} M[(X_i - \mu_i)(X_i - \mu_i)^T].$$

Потребуем, чтобы первая компонента Z_1 имела наибольшую дисперсию при условии сохранения ортогональности векторов матрицы Φ . Тогда задача нахождения наи-лучшего преобразования C_1 сводится к нахождению максимума функции:

$$Z_1 = C_1^T K_X C_1 \text{ при условии } (C_1^T, C_1) = \sum_{j=1}^p C_{1j}^2 = 1$$

Чтобы решить эту задачу оптимизации, обычно вводят функцию Лагранжа:

$$L(C) = C_1^T K_X C_1 - \lambda_1 (C_1^T C_1 - 1), \quad (11)$$

где λ_1 – множитель Лагранжа.

Необходимое условие экстремума получим, приравняв к нулю частные производные $\partial L / \partial C_1$:

$$\partial L / \partial C_1 = 2(K_X C_1 - \lambda_1 C_1) = 2(K_X - \lambda_1 I) C_1 = 0, \quad (12)$$

где I – единичная матрица. Поскольку нас интересуют только решения, при которых $C_1 \neq 0$, то должно удовлетворяться условие на определитель:

$$|K_X - \lambda_1 I| = 0. \quad (13)$$

Отсюда следует, что λ_1 есть собственное число матрицы K_X , а C_1 – соответствующий этому числу собственный вектор. Выражение (12) может быть переписано в виде:

$$K_X C_1 = \lambda_1 C_1.$$

Умножая слева на C_1^T и учитывая соотношение (2), получаем:

$$C_1^T K_X C_1 = \lambda_1 C_1^T C_1 = \lambda_1. \quad (14)$$

Левая часть равенства (14) есть $\sigma_{Z_1}^2$, а поскольку решалась задача максимизации, следовательно, λ_1 есть максимальное собственное число матрицы K_X . Чтобы найти вторую главную компоненту $Z_2 = C_2^T X$, потребуем выполнения двух условий: условия нормировки: $(C_2^T, C_2) = \sum_{j=1}^p C_{2j}^2 = 1$ и условия ортогональности: $(C_1^T, C_2) = 0$. Вектор C_2 определяется теперь так, чтобы была σ_{Z_2} максимальна при выполнении двух указанных условий. Эта задача требует использования двух множителей Лагранжа λ_2 и β . Мы должны максимизировать выражение:

$$C_2^T K_X C_2 - \lambda_2 (C_2^T C_2 - 1) - \beta (C_1^T C_2 - 1). \quad (15)$$

Взяв производную от выражения (15) и приравняв ее к 0, находим в соответствии с условием (2), что $\beta = 0$. Учитывая условия нормировки, получаем, что λ_2 есть второе по величине собственное число матрицы K_X , равное дисперсии второй главной компоненты $\lambda_2 = \sigma_{Z_2}^2$, а C_2 – соответствующий собственный вектор. Процесс повторяется до тех пор, пока не будут найдены все собственные числа и ассоциированные с ними собственные векторы, которые являются дисперсиями и коэффициентами линейных комбинаций главных компонент.

Таким образом, мы нашли преобразование, задаваемое ортогональной матрицей C , столбцы которой являются собственными векторами ковариационной матрицы K_X . С точки зрения геометрической интерпретации ортогональное преобразование есть вращение системы координат p -мерного векторного пространства вокруг начала координат. Суммарная дисперсия компонент векторной величины Z равна:

$$\sum_{j=1}^p \sigma_{Z_j}^2 = \text{tr} M \{ (Z - \mu_Z)(Z - \mu_Z)^T \} = \text{tr} M \{ C(X - \mu_X)(X - \mu_X)^T C^T \}.$$

Используя свойство следа произведения матриц, имеем:

$$\sum_{j=1}^p \sigma_{Z_j}^2 = \text{tr} M \{ (X - \mu_X)(X - \mu_X)^T C^T C \} = \text{tr} K_X = \sum_{j=1}^p \sigma_{X_j}^2, \text{ или}$$

$$\sum_{j=1}^p \lambda_j = \text{tr} K_X = \text{tr} K_Z, \quad (16)$$

где $\text{tr} K_Z$, $\text{tr} K_X$ – следы матриц K_Z и K_X .

Относительный вклад компоненты Z_j в общую дисперсию случайной векторной переменной Z равен:

$$\frac{\sigma_{Z_i}^2}{\sum_{j=1}^p \sigma_{Z_j}^2} = \frac{\lambda_j}{\sum_{j=1}^p \lambda_j} = \frac{\lambda_j}{\text{tr} K_X} \quad (17)$$

Полученное преобразование максимизирует дисперсию первых компонент Z_j , называемых главными компонентами, что обеспечивает наилучшее сжатие. Это преобразование иногда называют преобразованием Карунева – Лозва. Описанная методика позволяет получить p моделей вида:

$$Z_i = C_{i1} X_1 + C_{i2} X_2 + \dots + C_{ip} X_p, \quad i = 1, 2, \dots, p. \quad (18)$$

Из полученных моделей необходимо выбрать одну либо несколько моделей, которые необходимо привести к одной линейной модели. Учитывая, что вектор Z_i – это собственный вектор корреляционной матрицы K_X , соответствующий собственному значению λ_i , мы предлагаем следующий алгоритм решения данной проблемы:

1. В случае если собственное значение λ_1 (учитывая упорядоченность чисел $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_p$) намного превосходит все остальные числа $\lambda_2, \lambda_3, \dots, \lambda_p$, то в качестве искомой модели Z выбираем первую главную компоненту Z_1 , определяемую по формуле:

$$Z_1 = C_{11}X_1 + C_{12}X_2 + \dots + C_{1p}X_p.$$

Мы полагаем, что данный способ следует использовать в том случае, если число λ_1 больше остальных чисел $\lambda_2, \lambda_3, \dots, \lambda_p$ как минимум в два раза. Такое число λ_1 назовем преобладающим.

2. В случае когда ни одно из чисел $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_p$ не является преобладающим, то рекомендуется искомую модель Z получать в виде:

$$Z = A_1Z_1 + A_2Z_2 + \dots + A_pZ_p,$$

где $Z_1, Z_2, \dots, Z_p$ – главные компоненты корреляционной матрицы K_X , вычисляемые по формуле(18), $A_1, A_2, \dots, A_p$ – коэффициенты, подлежащие определению.

Поскольку собственные вектора $Z_1, Z_2, \dots, Z_p$ матрицы K_X соответствуют различным по величине собственным значениям $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_p$, то в качестве весовых коэффициентов $A_1, A_2, \dots, A_p$ мы видим целесообразным брать коэффициенты числа $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_p$ либо числа, им пропорциональные, поскольку важность i -й главной компоненты определяется ее вкладом в общую дисперсию:

$$\frac{\sigma_{Y_i}^2}{\sum_{j=1}^p \sigma_{Y_j}^2} = \frac{\lambda_i}{\sum_{j=1}^p \lambda_j}.$$

Тогда модель Z примет вид:

$$Z = C_1X_1 + C_2X_2 + \dots + C_pX_p,$$

где $X_1, X_2, \dots, X_p$ – известные параметры; $C_1, C_2, \dots, C_p$ – определяются по формулам:

$$C_i = \lambda_1 C_{i1} + \lambda_2 C_{i2} + \dots + \lambda_p C_{ip}.$$

Предлагаемый нами алгоритм позволяет не только получить саму искомую модель Z , но и из p коэффициентов $X_1, X_2, \dots, X_p$ выбрать наиболее значимые. Так, если в результате расчетов получили, что некоторое число $\lambda_j, j = 1, 2, \dots, p$, пренебрежительно мало по сравнению с остальными числами $\lambda_k, k = 1, 2, \dots, j-1$ (здесь используется упорядоченность чисел $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_p$), то соответствующий коэффициент X_j можно исключить из модели, не нарушая ее точности.

Итак, описанный выше метод главных компонент позволяет:

1) из всех коэффициентов $X_1, X_2, \dots, X_p$ выбрать те, которые сильнее остальных влияют на результат Z ;

2) получить сам вид модели Z для ее дальнейшего использования, т.е. вычислить значения весовых коэффициентов $C_1, C_2, \dots, C_p$.

Таким образом, метод главных компонент предполагает нахождение собственных значений и векторов матрицы. Как известно, задача нахождения собственных значений и векторов матрицы является нетривиальной. Наиболее распространены следующие методы ее решения: степенной метод; метод вращений Якоби; метод бисекции; LR-алгоритм; метод Холецкого; QR-алгоритм. Данные методы нахождения собственных значений и собственных векторов подробно описаны в [2, с. 41; 3, с. 256].

Продemonстрируем применение метода главных компонент для построения аналога модели Альтмана на реальных статистических данных, полученных по некоторым транспортным предприятиям Брестской области, и для примера возьмем несколько (порядка 10) предприятий одной отрасли.

Пусть модель включает следующие параметры: X_1 – оборотный капитал / сумма активов, X_2 – балансовая прибыль / сумма активов, X_3 – операционная прибыль / сумма активов, X_4 – выручка / сумма активов, X_5 – коэффициент текущей ликвидности, X_6 –

коэффициент абсолютной ликвидности, X_7 – коэффициент финансовой устойчивости, X_8 – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, X_9 – коэффициент рентабельности активов, X_{10} – коэффициент рентабельности собственного капитала. По выбранным предприятиям за 2012–2015 гг. имеем следующие данные (в связи с тем, что приводимые значения являются коммерческой тайной, не будем приводить названия предприятий) (Таблица 1).

К приведенным данным применяем метод главных компонент и строим ковариационную матрицу (Таблица 2). Затем находим собственные значения матрицы K_X (определяем матрицу K_Z – Таблица 3). Поскольку собственное значение $\lambda_1 = 13,1048$ намного превосходит все остальные собственные значения $\lambda_2, \lambda_3, \dots, \lambda_{10}$, то в качестве модели Z получаем модель вида:

$$Z = 0,0009 X_1 + 0,0242 X_2 + 0,0107 X_3 + 0,1589 X_4 + 0,1313 X_5 + 0,1287 X_6 + 0,0059 X_7 + 0,9693 X_8 + 0,0092 X_9 + 0,0262 X_{10},$$

где коэффициенты при $X_1, X_2, \dots, X_{10}$ – элементы собственного вектора матрицы K_X , соответствующего собственному значению $\lambda_1 = 13,1048$.

Приведенная методика позволяет также определить наименее значимые параметры. Очевидно, в нашем примере это параметры, отвечающие собственным значениям 0,0006; 0,0013; 0,0018; 0,0034; 0,0053. Это позволяет исключить такие параметры из модели и тем самым упростить ее.

Таблица 1. – Данные по предприятиям 2012–2015 гг.

Предприятие	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8	X_9	X_{10}
2012										
1	0,339	0,113	0,0558	1,211	1,2007	1,192	0,717	4,2862	0,0558	0,1135
2	0,258	0,163	0,1184	1,582	1,2493	1,244	0,792	7,6400	0,1184	0,1631
3	0,092	0,047	0,0575	0,553	1,2263	1,208	0,925	7,3788	0,0575	0,0471
4	0,521	0,300	0,0857	2,300	1,3183	1,300	0,604	5,8149	0,0857	0,3000
5	0,435	0,629	0,5075	1,412	1,6544	1,648	0,736	5,3600	0,5075	0,6291
6	0,185	0,164	0,1109	1,555	1,3402	1,334	0,861	11,2454	0,1109	0,1643
7	0,165	0,113	0,1026	0,855	1,3536	1,338	0,877	6,9926	0,1026	0,1130
8	0,497	0,477	0,3669	3,411	1,8861	1,877	0,736	12,9257	0,3669	0,4772
9	0,598	0,575	0,4351	3,817	1,5212	1,502	0,606	9,7052	0,4351	0,5757
10	0,164	0,014	0,0144	0,567	1,4391	1,342	0,886	4,9781	0,0144	0,0146
2013										
1	0,192	0,048	0,0547	0,300	1,4169	1,385	0,864	2,2123	0,0547	0,0578
2	0,321	0,048	0,0251	0,146	1,1062	1,105	0,709	0,5037	0,0251	0,0251
3	0,093	0,014	0,0207	0,103	1,1791	1,168	0,921	1,3180	0,0207	0,0210
4	0,491	0,085	0,0719	0,382	1,1385	1,132	0,568	0,8858	0,0719	0,0848
5	0,472	0,191	0,0875	0,204	1,3798	1,376	0,657	0,5963	0,0875	0,0913
6	0,295	0,040	0,0336	0,138	1,5755	1,569	0,812	0,7352	0,0336	0,0349
7	0,135	0,040	0,0265	0,158	1,3340	1,319	0,898	1,5641	0,0265	0,0283
8	0,523	0,151	0,1042	0,480	6,4082	6,382	0,918	5,8818	0,1042	0,1322
9	0,516	0,224	0,1534	0,753	1,3739	1,354	0,623	2,0043	0,1534	0,1650
10	0,048	0,004	0,0237	0,120	0,7646	0,731	0,936	1,9063	0,0237	0,0313
2014										
1	0,284	0,0000	0,0175	3,83	1,1213	1,106	0,929	1,8249	0,0033	0,0033
2	0,114	0,0000	0,0352	16,15	1,3847	1,368	0,794	1,8504	0,0175	0,0356
3	0,072	-0,044	0,0146	5,55	5,6367	5,598	0,909	10,9079	0,0961	0,1249
4	0,459	-0,086	0,0079	1,07	0,7150	0,705	0,898	1,4505	0,0146	0,0119
5	0,318	0,0000	0,1641	6,76	2,7935	2,794	0,885	4,0000	0,1641	0,2034
6	0,122	0,0000	0,0244	4,98	1,6711	1,650	0,926	4,6615	0,0244	0,0362
7	0,169	0,0000	0,0271	9,09	1,7289	1,719	0,901	2,3019	0,0271	0,0299

Продолжение таблицы 1

8	0,512	0,0000	0,0961	9,96	1,3876	1,374	0,594	2,7755	0,1091	0,1460
9	0,563	0,0000	0,1091	1,40	1,0068	0,989	0,543	1,4583	0,0079	0,0731
10	0,079	-0,005	0,0033	12,90	2,0165	1,981	0,943	8,2538	0,0352	0,0485
2015										
1	0,241	-0,038	0,1411	0,0000	1,1802	1,170	0,795	0,0000	0,0617	0,0000
2	0,260	-0,009	0,1596	0,0784	1,2414	1,237	0,790	0,3733	0,2933	0,0027
3	0,218	-0,012	0,0549	0,0536	1,3989	1,402	0,844	0,3439	0,1599	-0,0006
4	0,639	0,0000	0,1981	0,2657	1,3741	1,359	0,534	0,5707	0,2880	0,0243
5	0,092	0,0000	0,0650	0,0270	0,7535	1,046	0,877	0,2205	0,0995	-0,0035
6	0,256	-0,022	0,0901	0,1614	1,0427	1,013	0,754	0,6571	0,1776	-0,0360
7	0,316	-0,001	0,1014	0,0000	1,4425	1,405	0,780	0,0000	0,0969	0,0000
8	0,061	-0,004	0,0719	0,0244	0,4057	0,389	0,848	0,1609	0,3079	0,0005
9	0,384	-0,102	0,0305	0,2022	0,7236	0,699	0,468	0,3804	0,0150	-0,0176
10	0,295	-0,047	0,1369	0,2520	4,3829	4,359	0,862	0,0000	0,1448	0,0000

Таблица 2. – Ковариационная матрица K_x

0,0290	0,0124	0,0096	0,0715	0,0115	0,0106	-0,0171	-0,0037	0,0073	0,0118
0,0124	0,0260	0,0145	0,1108	0,0045	0,0043	-0,0059	0,3065	0,0132	0,0227
0,0096	0,0145	0,0118	0,0621	0,0072	0,0073	-0,0050	0,1327	0,0116	0,0139
0,0715	0,1108	0,0621	0,7283	-0,0324	-0,0358	-0,0383	2,0319	0,0515	0,1069
0,0115	0,0045	0,0072	-0,0324	1,4030	1,3927	0,0423	1,4041	0,0073	0,0226
0,0106	0,0043	0,0073	-0,0358	1,3927	1,3851	0,0425	1,3720	0,0076	0,0223
-0,0171	-0,0059	-0,0050	-0,0383	0,0423	0,0425	0,0173	0,0750	-0,0041	-0,0054
-0,0037	0,3065	0,1327	2,0319	1,4041	1,3720	0,0750	12,3798	0,1127	0,3287
0,0073	0,0132	0,0116	0,0515	0,0073	0,0076	-0,0041	0,1127	0,0143	0,0125
0,0118	0,0227	0,0139	0,1069	0,0226	0,0223	-0,0054	0,3287	0,0125	0,0224

Таблица 3. – Матрица K_z

13,1048	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	2,4944	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0,3651	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0,0227	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0,0181	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0,0053	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0,0034	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0,0018	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0,0013	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,0006

Коэффициентный анализ финансового состояния является одним из наиболее распространенных и в определенном смысле классических методов. Он обладает рядом достоинств и недостатков, широко описанных в экономической литературе. Тем не менее интерес к подобному подходу при осуществлении экономического анализа постоянно растет. Однако при использовании коэффициентных методов работа финансового аналитика осложняется необходимостью расчета и детального анализа достаточно большого количества коэффициентов. Современные тенденции в теории и практике финансового анализа связаны с проблемой модификации как системы действующих коэффициентных методов, так и самих коэффициентов в целях приведения их к форме, удобной для принятия адекватных управленческих решений в области финансового мониторинга. К сожалению, пока не имеется однозначного способа определения платежеспособности предприятия по значению Z . Мы предлагаем пользоваться для этого методом

сравнения с эталонным предприятием, т.е. с предприятием, для которого известно его финансовое состояние. Предложенная методика позволяет проводить сравнительный анализ финансового состояния различных предприятий, а также отслеживать динамику платежеспособности предприятия с целью принятия адекватных мер по оперативной реструктуризации для повышения показателей ликвидности и платежеспособности.

Заклучение

Проведенная работа по модификации Z-счета Альтмана – одна из попыток обогащения имеющегося в распоряжении менеджеров транспортных компаний и управляющих логистическими цепями методического обеспечения, используемого при проведении финансово-экономического анализа транспортных и логистических фирм. Основная причина обращения к данной тематике связана с неудовлетворенностью практикующих менеджеров существующими методиками финансового анализа. Поэтому полученные результаты, проверенные на статистических данных и сформулированные в виде программного обеспечения, должны вызвать интерес, по нашему мнению, не только в экономической научной среде, но и у менеджеров-аналитиков различного уровня.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богачев, К. Ю. Практикум на ЭВМ. Методы решения линейных систем и нахождения собственных значений / К. Ю. Богачев. – М. : МГУ, 1998. – 137 с.
2. Метод главных компонент : метод. указания / под ред. Л. А. Мишина. – Саратов : Саратов. гос. тех. ун-т, 2001. – 20 с.
3. Черновалов, А. В. Диагностика несостоятельности (экономических заболеваний) предприятия / А. В. Черновалов // Экономика, финансы, управление. – 2003. – № 3. – С. 80–8.
4. Черновалов, А. В. Несостоятельность (банкротство) в институциональной экономике : монография / А. В. Черновалов. – Минск : Мисанта, 2005. – С. 350.
5. Черновалов, А. В. Прогнозирование несостоятельности действующих предприятий и фирм в Республике Беларусь / А. В. Черновалов // Региональные проблемы несостоятельности предприятий в условиях модернизации экономики Республики Беларусь : сб. материалов. Междуна. науч.-практ. конф., 8–9 сент. 2003 г. – Брест : Изд-во С. Б. Лаврова, 2003. – С. 203–212.
6. Черновалов, А. В. Прогнозирование несостоятельности действующих предприятий Республики Беларусь / А. В. Черновалов // Экономика, управление, право. – 2003. – № 4. – С. 6–14.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.03.2016

Chernovalov A.V. The Development of Forecasting Insolvency Methods of Companies within the Logistics Networks on the Example of Brest Region

The article describes mathematical methods (method of main components, Jacoby's rotations method, method of dependent variable object model) needed for the modification of Altman's model to make possible its further applicability. The main aim of the article is to get answers to the following questions: is it possible to modify the Z-score Altman in a way which is applicable for application to transitional economy; is it possible to apply the proposed mathematical apparatus for calculation of numerical values of the coefficients of the model Z-score; which company's accounting records should be used for the construction of the model; monitoring suitability of the Z-score model of the financial condition of enterprises at risk of bankruptcy, in accordance with the rules of solvency assessment? The article gives a full description of the mathematical methods allowing you to modify Altman model for further use in the implementation of procedures for predicting bankruptcy of enterprises of the Republic of Belarus.

УДК [338.24:658.1] (476)

М.В. Цуканова

аспирант 3 года обучения

Брестского государственного технического университета

ПРЕВЕНТИВНОЕ АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В МАЛОМ БИЗНЕСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время большинство национальных хозяйств мира, вовлеченных в международные экономические отношения, продолжают переживать кризисные явления. В силу этого предприятия стран, в том числе и Республики Беларусь, вынуждены работать в постоянно меняющихся условиях. В статье рассматриваются последствия воздействия финансовых кризисов на деятельность предприятий. Анализируются основные факторы, определяющие степень готовности предприятия к кризису. При этом антикризисное управление рассматривается на двух уровнях: реактивное управление, действующее при наступлении кризиса, и превентивное управление, основными задачами которого является предвидение кризисной ситуации и ее недопущение. Анализируются основные особенности деятельности малого бизнеса в Республике Беларусь и факторы, определяющие возможности внедрения системы превентивного антикризисного управления на малых предприятиях.

Введение

В эпоху глобализации и экономической взаимозависимости стран мировая экономика все больше подвержена рецессиям и кризисам. В то время как народное хозяйство постоянно входит и выходит из рецессии, управление отдельными его субъектами становится все более сложным. Такие потрясения особенно опасны для малых предприятий, не обладающих достаточным запасом ресурсов для преодоления кризиса. Постоянное колебание внутренних и внешних экономических факторов, ограниченность достоверной информации приводит предприятия к необходимости непрерывного мониторинга, анализа и прогнозирования перспектив функционирования рынка и места компаний на нем. Эти процессы являются основой системы превентивного антикризисного управления, главная цель которого – недопущение возникновения кризиса. Такая система априори необходима для деятельности организации, однако существуют ряд факторов и проблем, ограничивающих возможности ее внедрения на малых предприятиях республики.

Целью работы является раскрытие основных принципов превентивного антикризисного управления и обоснование необходимости его внедрения на малых предприятиях. Выдвигается гипотеза, что предлагаемый подход способствует выработке эффективной антикризисной стратегии в малом бизнесе, что существенно нивелирует негативные последствия экономических кризисов для малого бизнеса и повышает его устойчивость. В качестве научных методов выступили классический системный подход, структурный анализ, моделирование.

Понятие финансовых кризисов и их проявление на предприятиях

Финансовые кризисы выступают как система негативных экзогенных факторов развития хозяйствующих субъектов и являются импульсом прогрессивных институциональных изменений. Дж.М. Кейнс охарактеризовал кризис как «внезапную и резкую, как правило, смену повышательной тенденции понижательной, тогда как при обратном процессе такого резкого поворота зачастую не бывает» [1].

Научный руководитель – Ю.А. Власюк, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики, маркетинга, инвестиций Брестского государственного технического университета

Кризис (κρίσις) в переводе с древнегреческого – суд, перелом, поворотный пункт, исход. Ещё одним значением данного слова является «решение» [2]. В разных источниках даются следующие определения кризиса: 1) кризис – перелом, поворот, решительная пора переходного состояния [3]; 2) кризис – состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы [4].

В рамках антикризисного управления также не существует точного определения данного понятия, однако чаще всего исследователи сходятся в том, что кризис оказывает негативное воздействие на жизнеспособность организации и выполнение основных её целей. Например, по К.Ф. Херманн, кризис – это непредсказуемая, неожиданная ситуация, которая угрожает приоритетным целям организации при ограниченном времени для принятия решений [5].

Изучение основных положений теории кризисов, разработанных Л.И. Абалкиным [6], А.А. Богдановым [7], Й. Шумпетером [8], Н.Д. Кондратьевым [9] и другими учеными, позволило определить, что кризисы завершаются либо переходом системы в новое качественное состояние, либо ее распадом, заменой иной системой. Применяя данный тезис к уровню малого предприятия, можно заключить, что финалом завершения кризиса является либо восстановление платежеспособности и финансовой устойчивости предприятия, обеспечение его нормального функционирования либо его банкротство.

Основным внешним признаком банкротства является неплатежеспособность, которая, в свою очередь, практически всегда является результатом платежного кризиса. Вместе с тем истоки неплатежеспособности скрыты и в других (глубинных) видах кризиса: производственном (снижение производительности труда), коммерческом (уменьшение товарности, снижение выручки), управленческом (отсутствие квалифицированных кадров), финансовом (неудовлетворительная структура активов и пассивов, снижение рентабельности, деловой активности) и других.

Все виды кризисов взаимодействуют и мультиплицируют общий негативный результат, способствуя возникновению общего (системного) кризиса, тем самым создавая опасность потери финансовой устойчивости, появления несостоятельности и усиливая вероятность банкротства предприятия.

Превентивное управление в системе антикризисного управления

Зарубежные авторы обычно выделяют 5 стадий антикризисного управления [10]:

1. Обнаружение сигнала (знака), с помощью которого выявляются ранние признаки, предупреждающие о возможности наступления кризисной ситуации.

2. Подготовка и предупреждение – меры, предпринимаемые топ-менеджментом по предупреждению кризиса, а также по подготовке к нему.

3. Сдерживание / локализация ущерба, предполагающие мероприятия по ограничению распространения кризисных явлений на другие подразделения и бизнес-процессы организации, а также на ее окружающую среду.

4. Восстановление – внедрение руководством организации краткосрочных и долгосрочных планов, разработанных для регенерации бизнес-операций.

5. Обучение / рефлексия – учет последствий выхода из кризисной ситуации.

Исходя из этого антикризисное управление можно подразделить на реактивное и превентивное (опережающее). Первое реализуется при проявлении негативных последствий кризисной ситуации и направлено на ее стабилизацию (первая и вторая стадии), второе – на раннее распознавание индикаторов кризиса и его предотвращение (третья и четвертая стадии). Последняя стадия исходит из реактивного антикризисного управления, однако также является информационным базисом для разработки мер превентивного характера.

Основными составляющими системы превентивного антикризисного управления являются:

- 1) анализ состояния внешней среды предприятия, составление обобщенного прогноза ее развития;
- 2) мониторинг внутренних факторов организации с целью выявления угроз для ее дальнейшего функционирования;
- 3) комплексная диагностика каждого бизнес-процесса в отдельности;
- 4) определение текущей стадии жизненного цикла предприятия и подготовка к потенциальным угрозам;
- 5) разработка превентивных антикризисных мер, направленных на предупреждение причин потенциальных угроз;
- 6) внедрение упомянутых мер;
- 7) оценка эффективности произведенных изменений;
- 8) подготовка сценариев дальнейшего развития организации после внедрения антикризисных мер.

Факторы, определяющие готовность предприятия к кризису

В рамках превентивного антикризисного управления необходимо производить постоянный мониторинг факторов, определяющих готовность предприятия к кризису.

Тематика готовности предприятия к кризису достаточно часто используется в научной литературе [10–12]. Хотя, конечно, термин «готовность» связан с военным термином «боеготовность», т.е. с возможностью соответствующим образом отреагировать на угрозу при отсутствии каких-либо предупреждающих сигналов. В целом термин «готовность» также может использоваться в рамках превентивного антикризисного управления как способность предприятия противостоять внезапно возникшей угрозе.

Термин «готовность к кризису» («crisis readiness») был введен в конце 1980-х гг. Э. Рэйли в значении «готовность справиться с неопределенностью и изменениями, вызванными кризисной ситуацией» [12]. Однако, на наш взгляд, готовность предприятия к кризису определяется не только его возможностью справиться с уже возникшей кризисной ситуацией, но также и способностью руководства предотвратить кризис. Готовность к кризису – это скорее не совокупность функций организации, а одна из её характеристик, которая определяется рядом факторов.

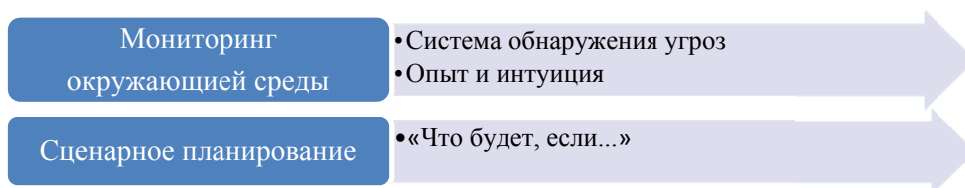
Факторы, характеризующие готовность предприятия к кризису, можно разделить на 5 основных групп: взаимосвязь с внешней средой; внутренняя структура; система менеджмента; лидерство и продуктивность.

1. Взаимосвязь с внешней средой. Анализ внешней среды является одной из основных составных частей управления организацией. Внешнюю среду можно разделить на три взаимосвязанные категории: удаленное, отраслевое и операционное окружение организации [13].

К удаленному окружению относят экономические, социальные, политические, технологические и экологические факторы, которые находятся вне контроля организации.

Отраслевое окружение организации характеризуется условиями конкуренции для организаций, предлагающих сходные продукты и услуги.

К операционному окружению организации относится то, что непосредственно влияет на её деятельность и на что в определенных рамках может повлиять сама организация. Среди составляющих операционного окружения можно выделить конкурентную позицию компании, состав её основных клиентов, репутацию поставщиков компании, а также репутацию работников компании.

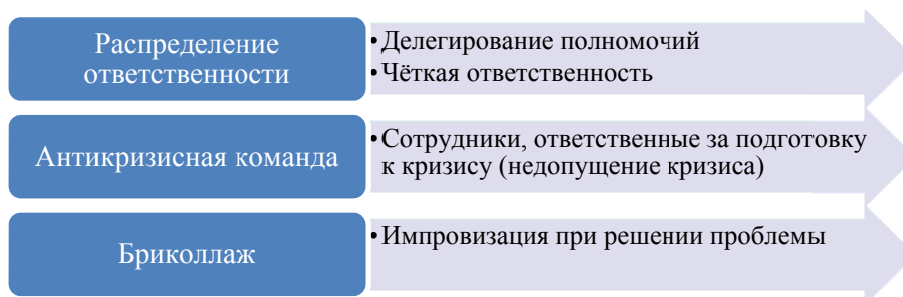

Рисунок 1. – Составляющие взаимосвязи с внешней средой при обеспечении готовности предприятия к кризису

В рамках готовности организации к кризису существует необходимость эффективного анализа и выработки соответствующих решений по отношению ко всем трём уровням внешнего окружения компании.

2. Внутренняя структура. Внутренняя структура представляет собой формальные связи между задачами, людьми и ресурсами и распределение ответственности в отношении этих задач, людей и ресурсов между членами организации. Распределение ответственности внутри организации является одним из важнейших составляющих готовности предприятия к кризису. В то же время излишнее делегирование полномочий может привести к нарушению порядка подчинённости в организации. Таким образом, важно построить внутреннюю структуру, в которой будет установлена чёткая ответственность каждого работника, без нарушения порядка подчинённости в организации.

Американский исследователь К. Вейк среди факторов внутренней структуры организации, определяющих готовность предприятия к кризису, выделяет такое понятие, как «бриколлаг» [10]. Бриколлаг можно определить как «трансформацию значения объекта или символа в результате необщепринятого применения». Д. Коту определяет бриколлаг как «способность импровизировать при решении проблемы в отсутствие соответствующих инструментов и материалов» [11].

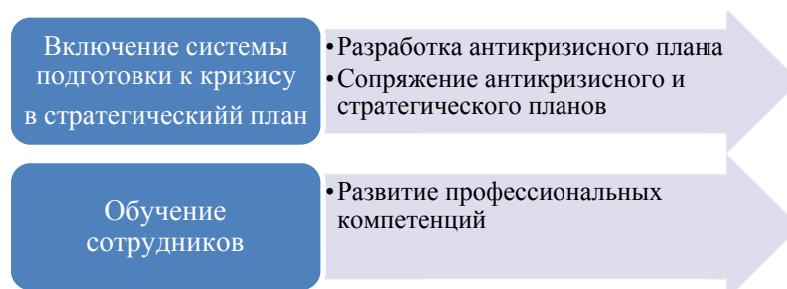

Рисунок 2. – Факторы внутренней структуры при обеспечении готовности предприятия к кризису

3. Система менеджмента. Антикризисное управление является неотъемлемой частью стратегического менеджмента на предприятии. Система подготовки предприятия к кризису, по мнению некоторых исследователей [10], должна быть обязательно включена в бизнес-план и в стратегический план предприятия.

Помимо интегрирования системы антикризисной подготовки в стратегический план предприятия некоторые авторы отмечают необходимость постоянного обучения и развития компетенций сотрудников компании.

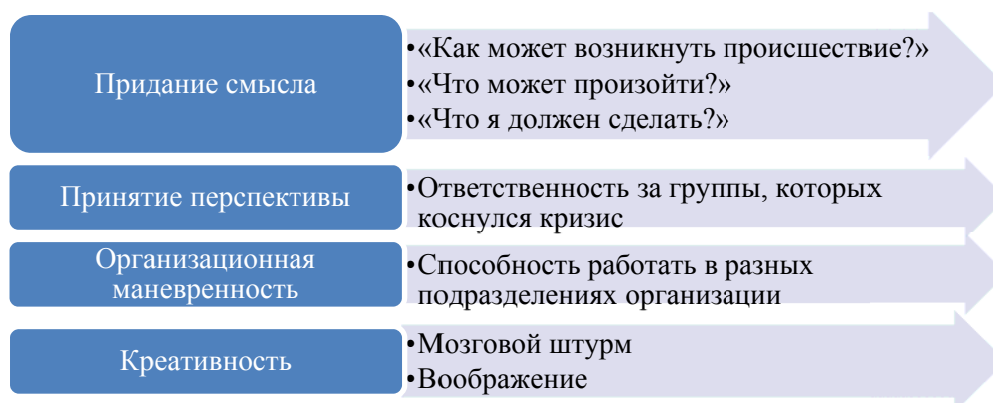

Рисунок 3. – Составляющие системы менеджмента при обеспечении готовности предприятия к кризису

4. Лидерство. Организационное лидерство – это процесс и практика, осуществляемые руководителями, которые направляют действия людей в организации в соответствии со своим ведением и формируют организационную культуру.

Лидерство в антикризисном управлении является наиболее важной его частью. Основной целью лидера в рамках готовности предприятия к кризису является побуждение людей внутри организации предотвратить кризисную ситуацию, а при её возникновении – справиться с ней и принять необходимость перемен, которые будут способствовать дальнейшему её развитию.

Рисунок 4. – Лидерские компетенции, необходимые для обеспечения готовности предприятия к кризису

Л. Вутэн и П. Джеймс выделяют следующие компетенции лидера, необходимые для подготовки к кризисной ситуации [13]:

1. «Придание смысла» (sense making) – объяснение и наделение смыслами каких-либо внешних действий или структур, что является основой для ответных действий. Процесс придания смысла должен отвечать на три основных вопроса: «Как может возникнуть происшествие?», «Какие результаты может вызвать происшествие?», «Что я должен сделать по отношению к этому происшествию?». Способность научиться задавать такие вопросы и формулировать чёткие ответы на них является основной компетенцией лидера в предкризисной ситуации.

2. «Принятие перспективы» (perspective taking) – способность взять на себя ответственность за перспективное положение другого индивида. Во время кризиса одной из центральных обязанностей лидера является обеспечение благополучия тех групп, которых коснулся кризис.

3. «Организационная маневренность» (organizational agility) – способность лидера принимать на себя различные функции организации, а также её подразделений для выполнения задачи. При планировании антикризисных действий организационная маневренность лидера достаточно важна, поскольку кризис может затронуть только часть функций организации, однако его последствия могут сказаться на всей организации и на её окружении.

4. «Креативность» (creativity) – способность творчески осмысливать, что может угрожать организации, и разрабатывать меры для предотвращения многочисленных непредвиденных обстоятельств.

5. **Продуктивность.** Продуктивность организации отражается в отдаче от деятельности организации. Нужно отметить, что применение продуктивности в качестве одного из факторов, отражающих готовность предприятия к кризису, является фактором косвенным, поскольку продуктивность является результатом готовности предприятия к кризису наравне с другими его характеристиками.

Рисунок 5. – Система факторов, определяющих готовность предприятия к кризису

Таким образом, существует 5 основных факторов, характеризующих готовность предприятия к кризису. Как уже упоминалось ранее, готовность к кризису является не столько деятельностью организации, сколько её характеристикой. Она определяет выживаемость организации в случае негативного воздействия на неё кризисных явлений, а также возможность предотвратить наступление кризиса в организации, способность нивелировать кризисные явления и адаптироваться к новым условиям.

Особенности превентивного антикризисного управления в малом бизнесе

Возможность внедрения такого механизма на малом предприятии зачастую зависит от этапа жизненного цикла последнего [15]. Внедрение четкого механизма антикризисного управления на малом предприятии нужно осуществлять в период роста и зрелости субъекта. Превентивные меры на этапе развития должны касаться возможности резкого изменения конъюнктуры. Данная стадия характеризуется увеличением масштабов деятельности предприятия, ростом выручки и прибыли. Однако для него может оказаться смертельным резкое изменение состояния рынка, поэтому существует необходимость накопления резервов, а также рассмотрения возможных направлений дифференциации работы компании.

Превентивное антикризисное управление малым предприятием в сравнении с антикризисным управлением крупных экономических игроков происходит в условиях большей неопределенности, поскольку у малого предприятия меньший запас ресурсов, что может угрожать его устойчивости и выживаемости на рынке.

Таблица 1. – Сравнение исходных условий для разработки системы превентивного антикризисного управления на малых и крупных предприятиях

Крупные предприятия	Малые предприятия
Большой объем накопленных резервов	Малый объем накопленных резервов
Достаточная информированность о состоянии и конъюнктуре рынка, а также о прогнозируемых направлениях его развития	Чаще всего доступен гораздо меньший объем информации
Возможность привлечения внешних более квалифицированных консультантов и специалистов для анализа деятельности компании и разработки сценариев ее развития	При анализе и планировании дальнейшей деятельности руководитель компании обычно полагается на собственные силы и квалификацию внутреннего персонала
Предприятие не обладает достаточной маневренностью для перехода к другому виду деятельности даже при угрозе кризиса на данном рынке	Малые предприятия достаточно маневренны и могут легче адаптироваться к рыночным изменениям, а также изменять основную деятельность
В случае кризисной угрозы возможна помощь со стороны государства и инвесторов	Доступ к внешним финансовым ресурсам чаще всего достаточно ограничен

Данные таблицы свидетельствуют о том, что, хотя у малых субъектов хозяйствования в отличие от крупных не существует запаса финансовой прочности, их преимуществом при наступлении угрозы кризиса является маневренность и способность быстрой и более легкой адаптации к меняющейся ситуации.

Особенности функционирования малого предпринимательства в Республике Беларусь

В Республике Беларусь сложилась сложная неоднозначная ситуация с развитием малого бизнеса и отношением к нему властей. Существуют видимые и скрытые факторы сдерживания роста малых предприятий, а также причин банкротства. Тем не менее, несмотря на сложные условия существования и развития малого бизнеса в Республике Беларусь, наблюдается рост количества малых предприятий (таблица 2).

Таблица 2. – Динамика роста количества малых предприятий Республики Беларусь в 2009–2014 гг. [16]

2009	77 402
2010	84 164
2011	88 673
2012	97 444
2013	108 689
2014	111 792

Модель функционирования белорусского сегмента малого бизнеса недостаточно сформирована, что вызвано рядом факторов [17].

1. *Исторический уклад.* Особенностью развития предпринимательства в нашей стране является непродолжительный период его существования. Традиции дореволюционной коммерческой инициативы безвозвратно потеряны и не соответствуют условиям нынешнего функционирования экономики, а в советский период деловая активность была практически исключена, что привело к застою данного социального явления.

2. *Институциональная среда.* Активизация предпринимательства как особого социально-экономического института зависит от ряда факторов, включающих государственную поддержку, систему налогообложения, общественное мнение, состояние экономики и т.д. В настоящее время правила взаимодействия власти, общества и частного

бизнеса в Беларуси не до конца сформированы. С одной стороны, идет переход к рыночным отношениям, с другой – долгосрочное функционирование в рамках административно-плановой системы не может не наложить отпечаток на дальнейшее развитие этого важнейшего института рыночной экономики.

3. *Архетипические представления и генетические особенности.* Становление предпринимательства в постсоветский период ограничивается и определенными социокультурными ценностями. Согласно сложившимся стереотипам бизнесмен – это собственник, который эксплуатирует наемный труд в целях личной выгоды. К такому человеку уже на уровне архетипов сложилось негативное отношение, последствия которого ощущаются и в наше время. Кроме того, можно отметить, что за более чем 70-летний период существования СССР прервалась генетическая цепь людей с коммерческой жилкой.

Проблемы превентивного антикризисного управления в Республике Беларусь

Термин «антикризисное управление» возник в Республике Беларусь сравнительно недавно. Его появление обусловлено, прежде всего, переходом республики к рыночной экономической системе, расширением внешних связей и, как следствие, определенной зависимостью от развития сопредельных государств. В белорусском законодательстве этот термин связан в первую очередь с деятельностью антикризисного управляющего, способствующей проведению процедуры банкротства предприятия (санации или ликвидации) [5]. Однако к услугам такого специалиста прибегают при запущенных ситуациях, текущее же системное антикризисное управление осуществляется менеджерами самого субъекта. Что же касается реализации превентивных мер, то это связано с рядом проблем, касающихся ограниченности прогнозирования организацией изменения факторов внешней среды, среди которых можно отметить следующие:

1. *Курсовые риски.* Деятельность экономических субъектов Республики Беларусь достаточно сильно обусловлена курсами СКВ, поэтому их сильные колебания внутри страны отрицательно сказываются на функционировании предприятий. Однако в последнее время Правительство предпринимает шаги по минимизации использования иностранной валюты во внутренних расчетах.

2. *Зависимость от иностранных контрагентов эффективности работы белорусских компаний,* большая часть которых вовлечена во внешнеэкономические отношения. Поскольку основным партнером Беларуси является Россия (на нее приходится около половины внешнеторгового оборота Республики Беларусь), негативные тенденции в российской экономике также отрицательно сказываются на отечественных субъектах.

3. *Резкие изменения в национальном законодательстве,* которые на уровне предприятия трудно предугадать, могут негативно сказаться на деятельности предпринимателей практически во всех регионах страны.

Основной проблемой для превентивного антикризисного управления является отсутствие четкой группы работников, в чьи функции входит мониторинг, контроллинг и планирование работы организации. Обычно в ней есть службы бухгалтерского учета, планирования и прогнозирования, которые, однако, далеко не всегда работают сообща. По сути, превентивным антикризисным управлением занимается каждый менеджер, но на деле никто из них не ответственен за анализ всех данных о внутренних и внешних факторах и предвидение будущего развития, поэтому кризис обнаруживается уже на стадии проявления явных отрицательных его последствий.

Таким образом, превентивному антикризисному управлению сопутствует ряд проблем, связанных с внешней и внутренней средой компании, поэтому белорусские предприятия чаще всего прибегают к реактивному антикризисному управлению.

Заключение

В последние годы в Республике Беларусь наметилась тенденция роста количества малых предприятий. Однако для успешного их функционирования в постоянно меняющихся условиях необходимо внедрение непрерывного превентивного антикризисного управления. Малый бизнес чаще всего не обладает достаточными финансовыми ресурсами для преодоления проявлений уже наступившего кризиса, но имеет недостаточную маневренность, чтобы их нивелировать или же вовсе не допустить. Таким образом, необходимо иметь научно обоснованную и проработанную антикризисную стратегию, основой которой должны стать:

1) качественное совершенствование и обеспечение комплексности формирования эффективных механизмов реструктуризации и предупреждения банкротства малых предприятий;

2) переход от проведения неотложных мер к выработке действенных инструментов, позволяющих предотвратить или сгладить острые проявления финансовых кризисов (к ним отнесены развитие методов программно-целевого и стратегического планирования, разработка методики оценки социально-экономической эффективности тех или иных мероприятий оперативного антикризисного управления);

3) сбалансированность мер государственной поддержки малого бизнеса и ответственности самих предприятий за качество систем управления, в том числе предназначенных для предотвращения кризисных ситуаций;

4) развитие интеллектуального потенциала антикризисного управления на макро-, мезо- и микроуровне в сочетании с частно-государственным партнерством в области корпоративной социальной ответственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Keynes, J. M. *The General Theory of Employment, Interest and Money* / J. M. Keynes. – London : Macmillan, 2007.
2. Wiktionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://en.wiktionary.org/wiki/crisis>.
3. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dal.sci-lib.com/>.
4. Словарь общественных наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://glossary.ru>.
5. Hermann, Ch. F. Some consequences of crisis which limit the viability of organizations / Ch. F. Hermann // *Administrative Science Quarterly* – 1963. – 6/1. – P. 61–82.
6. Абалкин, Л. И. *Логика экономического роста* / Л. И. Абалкин. – М. : Ин-т экономики РАН, 2002. – 228 с.
7. Богданов, А. А. *Тектология: Всеобщая организационная наука* : в 2 кн. / редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Экономика, 1989. – Кн. 2. – 304 с.
8. Schumpeter, J. A. *Business Cycles: A Theoretical Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process* / J. A. Schumpeter. – New York ; London : McGraw-Hill Book Company. – 1939. – 2 vol. – 461 p.
9. *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения* : избр. труды / Н. Д. Кондратьев, Ю. В. Яковцев, Л. И. Абалкин. – М. : Экономика, 2002. – 766 с.
10. Pearson, C. M. *From Crisis Prone to Crisis Prepared: A Framework for Crisis Management* / C. M. Pearson, I. I. Mitroff // *Academy of Management Executive*. – 1993. – Vol. 7. – P. 48–59.

11. Wooten, L. P. Linking crisis management and leadership competencies: The role of human resource development / L. P. Wooten, E. H. James // *Advances in Developing Human Resources*. – 2008. – № 10 (3). – P. 352–379.
12. Reilly, A. H. Are Organizations Ready for Crisis? A Managerial Scorecard / A. H. Reilly // *Columbia Journal of World Business*. – 1987. – Vol. 22. – 81 p.
13. Pearce II, J. A. Strategic management / J. A. Pearce II, R. B. Robinson. – St. Petersburg : Piter, 2013. – 560 p.
14. Pollard, D. Crises, Scenarios, and the Strategic Management Process / D. Pollard, S. Hotho // *Management Decision*. – 2006. – Vol. 44, № 6. – P. 721–736.
15. Морковкина, С. С. Механизм обеспечения устойчивого развития малого предпринимательства в условиях возникновения кризисных ситуаций в экономике / С. С. Морковкина, Е. А. Панявина // *Социально-экономические явления и процессы*. – 2011. – № 12. – С. 201–205.
16. Малое и среднее предпринимательство Республики Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2015.
17. Власюк, Ю. А. Трансформация предпринимательства в ходе инновационного развития экономики / Ю. А. Власюк // *Перспективы инновационного развития Республики Беларусь : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф.* – Брест, 2011. – С. 282–284.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.02.2016

***Tsukanova M.V.* Preventive Crisis Management in Small Business of the Republic of Belarus: Problems and Prospects**

The article considers the effects of the financial crisis on enterprises. There analyzed the main factors that determine the enterprise crisis readiness. Crisis management is considered on two levels: reactive management, acting upon the occurrence of the crisis, and preventive management, whose main objectives is anticipation of a crisis situation and its prevention. There analyzed the main features of small business in the Republic of Belarus and the factors determining the possibility of introducing a system of preventive crisis management in small enterprises.

ПРАВА

УДК 341.17

Т.А. Горупа

*канд. юрид. наук, доц., зав. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Автор выявляет аксиологические предпочтения (ценности) правовых систем Европейского союза и Евразийского экономического Союза. В результате компаративного анализа учредительных договоров доказывается, что ценностные приоритеты правового регулирования социально-экономических отношений в ЕС и ЕАЭС основываются на классических ценностях справедливости, равенства и свободы и определяющую роль в экономической интеграции играет нормативное закрепление баланса ценностных приоритетов равенства и свободы государств-членов, субъектов экономической деятельности. На современном этапе интеграционных процессов в условиях мирового экономического кризиса актуализируется вопрос завершенности существующей системы ценностей в регулировании социальных отношений в ЕС, необходимости определения предмета правового регулирования социальных отношений и их ценностных приоритетов в учредительном договоре ЕАЭС.

Введение

Наличие определенных ценностных приоритетов в законодательстве, нормотворческой и правоприменительной деятельности в настоящее время является вопросом дискуссионным. Можно встретить как сторонников правовой аксиологии, так и противников «мифологизации права». Вместе с тем теория ценностей завоевала признание в философии, социологии, где считается, что любые социальные явления, поведение человека можно соотнести с системой ценностных установок.

Современная юриспруденция нескольких последних десятилетий активно пересматривает методологию исследования правовых явлений, возвращаясь к ценностно-рациональным подходам, ибо сугубо позитивистский метод имеет в большей степени формально-рациональный характер, лежащий вне плоскости ценностных категорий. В.С. Нерсесянц определяет правовую аксиологию как «проблемы понимания и трактовки права как ценности (как цели, долженствования, императивного требования и т.д.) и соответствующие ценностные суждения (и оценки) о правовом значении (т.е. ценностном смысле – с точки зрения права) фактически данного закона (позитивного права) и государства» [1, с. 53]. Таким образом, основой метода правовой аксиологии является теория ценностей, их иерархия, взаимосвязь с явлениями правовой действительности, влияние на формирование правовых систем современности.

Появление Европейского союза – одно из значимых событий в XX в. Интеграционные тенденции получили наибольшее развитие именно в западной Европе, поскольку имелась близость экономических, политических, культурных отношений всех относительно небольших территорий государств. То же можно сказать и о создании в 2014 г. Евразийского экономического союза: это весьма важное событие XXI в. для государств евразийского пространства, которые, преследуя экономические цели, также создали экономический союз государств, когда-то входивших в СССР и имеющих не только общие границы, но и общую историю. Безусловно, создание наднациональных интеграционных образований есть следствие глобализационных мировых процессов, когда отдельно взятому государству невозможно решить кризисные проблемы в экономике, экологии, также социальные, миграционные и в целом геополитические проблемы.

Закономерно встает вопрос: учтены ли в современном социально-экономическом интеграционном законодательстве ЕС и ЕАЭС традиционные устоявшиеся ценности свободы, справедливости, равенства, также национальный опыт государств-членов? В основе унификации и гармонизации экономического законодательства государств-членов лежат объективные или субъективные причины? Поставленные вопросы подтверждают необходимость проведения углубленного научного анализа таких правовых категорий как экономическое и социальное законодательство ЕС и ЕАЭС, определения их ценностных ориентиров. Соответственно целью настоящего исследования является выявление аксиологических (ценностных) предпочтений правового регулирования социально-экономических отношений в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе. Задачи исследования: определить соотношение ценностных приоритетов правового регулирования социально-экономических отношений в интеграционных образованиях и классических ценностей справедливости, равенства и свободы; проанализировать учредительные договоры по вопросам ценностных предпочтений правового регулирования социальных отношений интеграционных образований и сравнить социально-ориентированные позиции ЕС и ЕАЭС.

Ценностные приоритеты правового регулирования экономических отношений в ЕС и ЕАЭС

Учредительные документы ЕС и ЕАЭС определяют собственные ценностные предпочтения регулирования социально-экономических отношений. Создание этих интеграционных образований прежде всего преследовало экономические цели, и главное – это формирование общего (внутреннего, единого в интерпретации ЕС и ЕАЭС) рынка государств-членов. Согласно ст. 26 Договора о функционировании Европейского союза в редакции Лиссабонского договора (далее – ДФЕС), внутренний рынок охватывает пространство без внутренних границ, в котором, согласно положениям договоров, обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов [2]. Ст. 2 Договора о ЕАЭС определяет дефиницию общего (единого) рынка государств-членов как совокупность экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [3]. Таким образом, в экономическую основу обоих интеграционных образований положена *свобода*, дающая возможность выбора ее обладателям и преобразующаяся в интеграционных союзах в *свободу передвижения товаров, услуг, капиталов и работников (лиц)*. Поэтому можно констатировать, что свобода передвижения товаров, услуг, капиталов и работников (лиц) есть ценностное предпочтение обоих интеграционных образований в экономической сфере.

Необходимо отметить, что исследуемые интеграционные союзы правовому обеспечению вышеназванных свобод уделяют пристальное внимание, ибо они являются квинтэссенцией, краеугольным камнем всей теории интеграции. Так, в ЕС не только приняты акты первичного права (учредительные договоры), но и действует большой правовой массив, включающий акты вторичного права (регламенты, директивы, решения), логично дополняемые прецедентными решениями Европейского Суда по реализации вышеназванных свобод. В ЕАЭС экономическое законодательство также основывается на учредительном договоре о ЕАЭС, действует Таможенный кодекс Таможенного Союза, Соглашения о проведении единых политик и технических регламентов на отдельные виды продукции, имеющих значение для создания внутреннего рынка. Таким образом, унифицированной сферой для стран ЕАЭС в настоящее время является таможенная сфера и сфера технического регулирования; иные сферы экономической деятельности еще требуют выработки и принятия единых нормативных правил с использованием механизмов унификации и гармонизации.

Отдельно необходимо остановиться на ценностных приоритетах, сконцентрированных в принципах регулирования внутреннего рынка Европейского союза, позволяющих реализовывать свободы движения товаров, работников, услуг и капиталов. В литературе выделяют следующие принципы, на основе которых строится внутренний рынок Европейского союза: *недискриминации* (запрет любой дискриминации по признаку национальности), *взаимности* (товар, выпущенный на рынок в одном государстве, должен быть допущен на рынок любого другого государства), *свободного доступа к рынку* (положение национального законодательства может быть признано неправомерным, поскольку оно оказывает влияние на взаимную торговлю государств-членов), *конкурирующего федерализма* (центральная власть должна разработать и ввести в действие правила, согласно которым товары, лица, услуги и капитал могут беспрепятственно перемещаться из одного государства в другое, но при этом государства-члены должны сохранить свободу в регулировании производства товаров, оказания услуг) [4, с. 17–19].

По сути, вышеназванные принципы основываются на классических ценностях свободы, справедливости и равенства, которые, в свою очередь, позволили европейскому законодателю выделить применительно для частно-правовой сферы регулирования внутреннего рынка недискриминацию (равенство), свободу доступа к рынку (свобода), взаимности (справедливости), конкурирующий федерализм (свобода для стран-участниц и равенство в передвижении товаров, работников, услуг и капиталов). Таким образом, в ЕС как в уникальном интеграционном образовании Западной Европы ценности свободы, справедливости и равенства используются в регулировании отношений на внутреннем рынке. И уровень развития внутреннего рынка западноевропейских стран, являющийся образцом для других интеграционных образований, доказывает состоятельность соотношения данных ценностных приоритетов.

ЕАЭС осуществляет свою деятельность в соответствии со ст. 3 Договора на основе следующих принципов: уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности (вытекают из принципа справедливости признания приоритетными в ЕАЭС общепризнанных принципов международного права при одновременном равенстве государств-членов ЕАЭС); уважение особенностей политического устройства государств-членов (свобода государств в вопросах политического устройства, хотя данный принцип, на наш взгляд, имеет косвенное отношение к экономической интеграции); обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов сторон (свобода и одновременно равенство государств в вопросах экономического сотрудничества); соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции (свобода и равенство участников экономического оборота); функционирование Таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов (равенство государств в рамках Таможенного союза).

Таким образом, можно определить, что принципы функционирования обоих межгосударственных образований основываются на классических ценностях справедливости, равенства и свободы. Однако стоит отметить, что в создании интеграционных объединений государств определяющую роль играет нормативное закрепление баланса ценностных приоритетов равенства и свободы государств-членов, а также субъектов их экономической деятельности, отражающие должное и возможное в едином экономическом пространстве.

Ценностные приоритеты правового регулирования социальных отношений в ЕС и ЕАЭС

Правовое регулирование социальных проблем вытекает из общетраслевого принципа справедливости. Сущности и понятию категории *справедливость* во все вре-

мена как философы, так и юристы уделяли пристальное внимание. Общественные отношения, несомненно, должны регулироваться, исходя из принципа справедливости.

Принцип справедливости должен последовательно реализовываться в системе законодательства и правоприменительной практики, в том числе и интеграционных образований. Нормативный наднациональный правовой акт можно считать справедливым, когда он регулирует общественные отношения, максимально учитывая диаметрально противоположные интересы всех равных государств-участниц интеграции. Но справедливый закон еще всегда основан не только на компромиссе, но и на нравственных ценностях. Поэтому важные социальные проблемы не должны игнорироваться наднациональными актами.

Договор о ЕС в ст. 3 определяет: «Союз создает внутренний рынок. Он старается обеспечить устойчивое развитие Европы на основе сбалансированного экономического роста и стабильности цен, наличие в высокой степени конкурентоспособной социальной рыночной экономики, стремящейся к полной занятости и социальному прогрессу, а также высокий уровень охраны и улучшения качества окружающей среды. Он способствует научно-техническому прогрессу» [5]. Согласно же ст. 4 Договора о ЕАЭС, основными целями Союза являются: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [3].

Таким образом, договоры фактически совпадают в экономической части (стабильность и конкурентоспособность экономик, единый внутренний рынок и т.д.). Однако стоит указать на социально-культурный аспект Договора о ЕС: это закрепление вопросов социальной политики, охраны окружающей среды, развитие научного прогресса, а ДФЕС добавляет сохранение культурного наследия, проблемы здравоохранения, образования, молодежи и спорта и др. [2].

Что касается Договора о ЕАЭС, то можно отметить его достаточно прагматичный характер, преследующий сугубо экономические цели; в нем нет упоминания социальных и культурных проблем, отраженных в Договоре о ЕС. Думается, что страны ЕАЭС вполне реально оценивают современное состояние интеграции, ставя перед собой задачу только углубления экономического взаимодействия на современном этапе и оставляя регулирование социальных проблем на будущее. Исключения составляют лишь социально-экономические проблемы свободы передвижения работников, т.е. вопросы трудовой миграции, прав и обязанностей трудящихся государств-членов, определенные в Разделе XXVI Договора о ЕАЭС. Так, трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства (п. 1 ст. 97), взаимно признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании, за исключением занятия педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельностью в другом государстве (п. 3 ст. 97) и др. [3]. Таким образом, компаративный анализ учредительных договоров ЕС и ЕАЭС по вопросам ценностных предпочтений правового регулирования социальных отношений, позволяет отметить более социально-ориентированную позицию ЕС в этом вопросе.

Раздел X Договора о функционировании Европейского Союза [2] посвящен социальной политике, кроме того ряд норм других разделов Договора также направлены на регулирование социальных отношений. Пункт 3 ст. 3 Договора о Европейском союзе определяет, что ЕС борется с социальной маргинализацией и с дискриминацией, содействует социальной справедливости и социальной защите, равенству мужчин и женщин,

солидарности поколений и охране прав ребенка. Ст. 151 Договор о функционировании ЕС добавляет, что Союз и государства-члены ставят своими целями повышение занятости, улучшение условий жизни и труда, адекватную социальную защиту, социальный диалог, развитие человеческих ресурсов. Кроме того, Союз, согласно ст. 152, признает и поощряет роль социальных партнеров на своем уровне с учетом разнообразия национальных систем. С одной стороны, можно констатировать, что Европейский Союз определяет общие ценностные предпочтения правового регулирования социальных отношений: социальная *справедливость* (обеспечение достойного материального и духовного уровня жизни каждого) и *равенство* (социальная помощь предоставляется всем независимо от пола, национальности, социальной принадлежности). Однако, с другой стороны, реализация ценностных предпочтений социального развития «упирается» в уровень экономического развития государств – членов Европейского союза. Так как, несмотря на возможность Союза в социальной сфере устанавливать минимальные предписания посредством принятия директив (согласно п. 4 ст. 153 Договора о функционировании Европейского союза), за государствами-членами сохраняется право определять основополагающие принципы своей системы социального обеспечения. Поэтому уровень социальной защищенности в Европейском союзе определяется в каждом государстве на основании ценностного приоритета *свободы* государств-членов в выборе принципов социальной защищенности своих граждан. Таким образом, Европейский союз в нормативных актах демонстрирует гармоничный баланс таких ценностей, как свобода, справедливость и равенство, в регулировании социальных отношений.

Вместе с тем правовое закрепление социальных вопросов не есть универсальный способ решения социальных проблем. Об этом свидетельствуют социальные кризисные явления, появившиеся в последние годы в ЕС, где отмечается обострение современных проблем глобальной конкуренции, демографические и миграционные проблемы, финансовый кризис, которые поставили перед Союзом ряд проблем, таких как высокий уровень безработицы среди низкоквалифицированных молодых и пожилых людей, мигрантов и людей с ограниченными возможностями, рост давления на системы социальной защиты в результате демографических изменений и другие. Данные и другие факторы определены в предложениях Европейского парламента и Совета по программе ЕС для социальных перемен и инноваций [6]. Кроме того, достаточно противоречивыми являются высказывания европейских лидеров по поводу финансовой помощи отдельным странам ЕС, остро реагируют сами граждане ЕС на необходимые меры по снижению социальных гарантий в целях стабилизации экономической ситуации, срочного решения требуют проблемы миграции, которые в настоящее время лежат уже в плоскости безопасности европейских граждан от массового притока мигрантов из Азии и Африки.

Логично встает вопрос о проблемах завершенности существующей системы ценностей правового регулирования социальных отношений в Европейском союзе, о пересмотре иерархии ценностных приоритетов справедливости, равенства и свободы через призму безопасности в ЕС. Ведь в ст. 3 ДФЕС определяется, что «Союз ставит целью содействовать *миру, своим ценностям и благосостоянию народа*», что обязывает институты Союза обеспечить мир и благосостояние, прежде всего, граждан ЕС.

Европейская социальная политика в настоящее время переориентируется: в частности, это «переориентация социальных расходов, которые главным образом должны уходить не на пожилых людей, а стать инвестициями в будущее» [7, с. 35–36].

Правовое регулирование социальных отношений в Европейском союзе за последнее десятилетие оперативно реагирует на изменяющиеся общественные отношения, и в настоящее время закрепляются не только традиционные категории, оправданные временем, к примеру, социальное партнерство, но и новые категории, такие как социальные инновации, социальное предпринимательство, социальная экология и др.

11 декабря 2013 г. принят и ныне действует Регламент Европейского Парламента и Совета о программе ЕС по вопросам занятости и социальных инноваций «EASI», которая определяет совершенно новые формы существования бизнеса. В частности, определяется социальное предприятие как предприятие, которое ставит своей главной целью не извлечение прибыли, а достижение измеримых положительных социальных последствий, что само по себе уже является инновацией для гражданского оборота и требует теоретического обоснования такого субъекта в системе юридических лиц. Программа должна работать с 1 января 2014 по 31 декабря 2020 г. и включает ряд новелл по регулированию рынка занятости, развитию малого бизнеса, явно направленных на социальное регулирование экономической деятельности [8]. Следует отметить, что в Европейском Союзе приветствуется использование социальных инноваций, которые помогают выявить, оценить и расширить рынки труда и политику социальной защиты. И в этой части он может выступать своего рода образцом для стран ЕАЭС, которые, несомненно, должны воспользоваться его позитивным опытом.

Таким образом, в настоящее время Европейский Союз испытывает «кризис ценностей», что связано с глобальным экономическим кризисом в мире, подвергается сомнению наличие в учредительных актах Европейского союза целостной и завершенной системы ценностей, положенных в основу правового регулирования социальных отношений. Вместе с тем прослеживается явная тенденция появления новых ценностных приоритетов, к примеру, социальной направленности регулирования экономической деятельности. К сожалению, приходится констатировать, что страны евразийского пространства позитивно воспринимают опыт Европейского союза по экономической интеграции, ставя на второй план европейские ценности социального государства, социальные инновации, которые в настоящее время нуждаются в углубленном изучении и возможном использовании в национальных условиях государств – членов ЕАЭС.

Заключение

1. Ценностные приоритеты правового регулирования экономических отношений в ЕС и ЕАЭС основываются на классических ценностях справедливости, равенства и свободы. И все же стоит отметить, что в создании интеграционных союзов государств определяющую роль в экономической интеграции играет нормативное закрепление баланса ценностных приоритетов равенства и свободы государств-членов, субъектов экономической деятельности этих государств, отражающего должное и возможное в едином экономическом пространстве.

2. Анализ учредительных договоров ЕС и ЕАЭС по вопросам ценностных предпочтений правового регулирования социальных отношений, позволяет отметить более социально-ориентированную позицию ЕС. Договор о ЕАЭС имеет достаточно прагматичный характер: в нем нет упоминания социальных и культурных проблем, отраженных в Договоре о ЕС. Думается, что страны ЕАЭС вполне реально оценивают современное состояние интеграции, ставя перед собой задачу только углубления экономического взаимодействия на современном этапе, оставляя регулирование социальных проблем на будущее.

3. Европейский союз в нормативных актах демонстрирует баланс ценностей свободы, справедливости и равенства в регулировании социальных отношений. Более того, компаративный анализ учредительных договоров ЕС и ЕАЭС по вопросам ценностных предпочтений правового регулирования социальных отношений позволяет отметить более социально-ориентированную позицию ЕС. Однако на современном этапе интеграционных процессов, мирового экономического кризиса актуализируется вопрос о проблемах завершенности построения системы ценностей регулирования социальных отношений в ЕС, о пересмотре содержания ценностных приоритетов справедливости, равен-

ства и свободы в регулировании социальных отношений через призму безопасности в ЕС, обеспечения мира и благосостояния своих народов.

4. В ЕС прослеживается явная тенденция появления новых ценностных приоритетов, к примеру, социальной направленности регулирования экономической деятельности. Европейские ценности социального государства, социальные инновации в настоящее время нуждаются в углубленном изучении и возможном использовании в национальных условиях государств – членов ЕАЭС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – М. : ИНФРА М-НОРМА, 1997. – С. 53.

2. Договор о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 года) в редакции Лиссабонского договора // Европейский союз : основополагающие акты в ред. Лиссабонского договора с комментариями / отв. ред. С. Ю. Кашкин – М. : ИНФРА-М, 2010. – С. 211–390.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Мещанова, М. В. Правовое регулирование внутреннего рынка Европейского союза : учеб. пособие. – Минск : Зорны Верасок, 2010. – С. 17–19.

5. Договор о Европейском союзе (Маастрихт 7 февраля 1992 г.) в редакции Лиссабонского договора // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

6. Евразийская экономическая комиссия. Каталог документов [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://eec.eaeunion.org/>. – Дата доступа: 15.10.2015.

7. Proposal for a regulation of the European parliament and of the Council on a European Union Programme for Social Change and Innovation [http \[Electronic resource\]](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011PC0609&qid=1400760497427&from=EN). – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011PC0609&qid=1400760497427&from=EN>. – Date of access: 15.10.2015.

8. Каргалова, М. В. Социальное измерение европейской интеграции / М. В. Каргалова, Е. Н. Егорова – М. : Аксиом, 2010. – 288 с.

9. Regulation (EU) № 1296/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 on a European Union Programme for Employment and Social Innovation («EaSI») and amending Decision № 283/2010/EU establishing a European Progress Microfinance Facility for employment and social inclusion [Electronic resource]. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1400754722947&uri=CELEX:32013-R1296>. – Date of access: 15.10.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.03.2016

Gorupa T.A. Value Priorities of Legal Regulation of Socio-economic Relations in the EU and the Eurasian Economic Union

The article deals with the differences and similarities between axiological preferences (values) of the European Union (EU) and the Eurasian Economic Union (EAEU) legal systems. A comparative analysis of Founding Treaties demonstrates that the value priorities of legal regulations designed for the social and economic relations in the EU and the EAEU are based on the classical values of justice, equality and freedom. The core role in economic integration is played by the statutory balance between the equality and freedom's value priorities of the Member States as economic operators. The maturity of the current value system for the EU social relations regulation, together with the necessity to define the subject of legal regulation of social relations and their value priorities in the EAEU Memorandum of Association, is becoming more and more urgent at the current stage of the integration process and the global economic crisis

УДК 343

С.М. Храмов*канд. юрид. наук, доц. каф. криминально-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ЛАТЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты противодействия латентной преступности. Анализируется генезис понятия «латентная преступность», классифицируются методы ее измерения. Приводятся актуальные статистические данные о зарегистрированных преступлениях в Республике Беларусь. Делается вывод о том, что одной из приоритетных функций правоохранительных органов является профилактическая деятельность, которая обеспечивает достижение реальных результатов в борьбе с преступностью.

Введение

Текущая официальная статистика о состоянии преступности ведется в каждом государстве, в том числе и в Республике Беларусь. По данным Министерства внутренних дел, «в январе–сентябре 2015 г. в республике зарегистрировано 72,7 тыс. преступлений, или 103,8% к уровню января–сентября 2014 г.» [1]. Но приведенные статистические данные не учитывают латентную преступность. В связи с этим 28 января 2016 г. на заседании коллегии Министерства внутренних дел по итогам работы за 2015 г. Генеральный прокурор Республики Беларусь А.В. Конюк указал на «необходимость повышения результативности выявления органами внутренних дел фактов лжепредпринимательства, криминальных банкротств и других экономических преступлений» [2].

На постсоветском пространстве проблема латентной преступности многие годы носила скорее теоретический характер и изучалась в рамках криминологической науки. Простые граждане в большинстве своем вообще не знали и не знают, что обозначает понятие «латентная преступность». Это касается разных слоев населения.

Латентность преступности как одно из ее свойств

Для того чтобы приблизиться к решению проблемы латентной преступности и дать ответ на вопрос о ее познаваемости, необходимо как можно более точно определить криминологическое понятие этого специфического явления. Иными словами, исходной задачей научного исследования проблем латентной преступности является определение самого понятия. В этой связи сразу следует отметить, что среди ученых прошлого и настоящего существуют разные подходы к определению понятия «латентная преступность».

Сам термин «латентный» (от лат. *latentis*) означает «скрытый, невидимый, не проявляющийся» [3, с. 393]. Не случайно, что данный термин достаточно широко используется в разных отраслях знаний для определения явлений и процессов, протекающих скрытно, внешне незаметно. Латентность включает также «действия, направленные на сокрытие, умолчание о чем-либо; скрывающий, недоступный для взора» [4, с. 210]. Однако необходимо учитывать и то, что о латентности можно говорить лишь применительно к реально существующему явлению, скрытому от исследующего его субъекта. Одним из таких явлений является преступность.

В качестве факторов, обуславливающих латентность преступности, в криминологической литературе выделяют следующие: «Нежелание огласки со стороны потерпевшего; малозначительность причиненного преступником ущерба; отсутствие времени у пострадавшего; неуверенность в реализации наказания преступника; особые взаи-

моотношения потерпевшего, свидетелей с преступником; боязнь угроз со стороны преступника; дефекты правосудия» [5, с. 39].

Как справедливо отмечает Т.Ю. Ельскене, «латентность преступности – одно из ее свойств» [6, с. 42]. Рассматриваемое понятие носит несколько условный характер, поскольку обозначает ту часть фактической (реальной) преступности, которая по разным причинам не подверглась статистическому учету.

Генезис понятия «латентная преступность»

Изучая вопросы латентной преступности, современные авторы в основном ссылаются на работы, написанные в XX – начале XXI в. Вместе с тем данная проблематика волновала умы европейских ученых уже более 300 лет назад. Их теоретические исследования до сих пор представляют научный интерес. Учение о преступности с самого зарождения имело интегрированный характер, т.е. систематизация знаний о преступлении осуществлялась на основе господствовавших в юриспруденции научных подходов, среди которых превалировал естественно-правовой. Само по себе историко-правовое обследование зарождения научных представлений о преступности неизбежно позволяет обнаружить недостатки и противоречия существовавших учений. Но их основная ценность заключается в том, что, пройдя проверку временем, они доказали свою жизнеспособность и состоятельность.

В XVII–XVIII вв. представление о преступности, в том числе и латентной, формировалось по мере развития не только юридической, но и философской, философско-правовой, психологической, социологической и других наук. Спецификой рассматриваемого периода являлось то, что латентная преступность объективно существовала, но само явление отдельному системному анализу не подвергалось. В данном контексте понятие латентной преступности первоначально было имплицитно общему понятию преступности. Сложность в научно-правовом исследовании существовавших воззрений заключается в том, что далеко не все письменные источники дошли до нашего времени. Например, в России начиная с 1725 г. в Петербургской академии наук на кафедре правоведения вопросы, связанные с преступностью, изучали профессора Бакенштейн, Гросс, Штрубе де Пирмонт и Федорович. К сожалению, работы этих ученых не сохранились, да и фамилии самих ученых мы знаем только из источников XIX в.

Становление и развитие учения о преступности шло параллельно с постепенным признанием в европейских государствах общечеловеческих ценностей, которые чрезвычайно важны для правовой науки и практики как во внутреннем, так и в международном аспектах. Ведь именно эти ценности способствуют формированию нравственной системы права, поскольку выкристаллизовывают во всей полноте такие категории, как совесть, справедливость, честь, достоинство, милосердие.

Основы современного учения о преступности и ее латентных проявлениях заложили такие крупные мыслители Нового времени, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза. Нормы права выводились этими авторами не непосредственно из божественной воли, а из общего «естественного закона». Они считали, что склонность к преступлению была изначально заложена в человеческой природе. Решение проблемы преступности виделось в реализации идеи гуманизации общественной жизни. Гуманное отношение к человеку прежде всего виделось в том, чтобы создать ему человеческие условия жизни, чтобы он смог проявить свои сущностные силы, чтобы ощущал себя полноправным членом общества. Сохранившееся правовое наследие перечисленных авторов позволяет сформулировать гипотезу о том, что по настоящее время не утрачена возможность теоретического изучения представлений о преступности и латентной ее части, господствовавших в европейских странах в XVII–XVIII вв.

Особенно интерес представляют взгляды англичанина Томаса Гоббса и француза Шарля Луи Монтескье, внесших наиболее значительный вклад в развитие криминологической науки. Многие идеи, высказанные этими учеными, актуальны по сей день. Правовые исследования философа Томаса Гоббса (1588–1679) являются образцом востребованного обществом прикладного научного мышления. Его основные взгляды о преступности изложены в сочинении, именуемом «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Т. Гоббс разделял преступления на различные категории в зависимости от степени их общественной опасности и тяжести последствий. Рассуждал он и по поводу безнаказанности. В дальнейшем это позволило криминологам сформулировать важнейший постулат о том, что безнаказанность порождает новые преступления. Это тем более справедливо для латентной части преступности.

Латентная преступность является одним из главных показателей безнаказанности, которую Цицерон считал величайшим поощрением преступления. Последние исследования латентной преступности показывают, что данная проблема продолжает оставаться актуальной. По мнению В.В. Белокопытова и В.М. Филиппенкова, «чем значительнее цифра скрытого криминала, тем больше лиц обретают уверенность, что можно совершить преступление и избежать наказания» [7]. Анализ латентной преступности позволяет измерить параметры криминального контингента – показателя степени криминальной пораженности социума и фактической виктимизации общества.

Современные представления о латентной преступности

Латентная преступность обладает специфической структурой и закономерностями своего развития. В современной криминологии все латентные преступления условно подразделяются на три основные группы: 1) с наименьшим уровнем латентности, 2) высоколатентные и 3) особо высоколатентные.

Белорусские ученые также неоднократно обращались к теме латентной преступности. Так, анализируя статистические показатели борьбы с коррупцией, Э.А. Саркисова отмечает, что достаточно высок уровень латентности взяточничества, «которое составляет в общей структуре коррупционных преступлений весьма значительный удельный вес (свыше 30%)» [8]. В этой связи перспективными видятся исследования малоизученной проблемы выявления конфликта интересов как средства противодействия коррупции и снижения уровня ее латентности. Впервые норма о конфликте интересов введена в законодательство Республики Беларусь в 2012 г., когда были внесены изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь от 20.07.2006 г. № 165-3 «О борьбе с коррупцией». В ст. 1 этого закона сейчас определено: конфликт интересов – это ситуация, при которой личные интересы государственного должностного лица, его супруга (супруги), близких родственников или свойственников влияют или могут повлиять на надлежащее исполнение государственным должностным лицом своих служебных (трудо-вых) обязанностей при принятии им решения или участия в принятии решения либо совершении других действий по службе (работе). В Российской Федерации и в Украине категория «конфликт интересов» была законодательно закреплена ещё раньше.

Побуждающим мотивом конфликта интересов являются личные интересы. Эти интересы являются внеслужебными. Все личные интересы можно подразделить на две большие группы: «имущественные и неимущественные». С целью недопущения совершения коррупционных правонарушений необходимо своевременно выявлять конфликты интересов и управлять ими.

Измерение латентной преступности и выявление латентных преступлений

Существуют различные методы измерения латентной преступности, в том числе социологические. Все имеющиеся социологические методы измерения латентной пре-

ступности можно объединить в одну из классификационных групп, включающей такие приемы и способы познания, которые в зависимости от стоящих перед исследователем задач могут дать ему возможность судить о размерах латентной преступности либо о латентности отдельных видов преступлений. При таком подходе к основной социологической классификационной группе логично будет отнести экспертные оценки, обзор виктимизации населения, метод «саморегистрирующейся преступности», изучение официальных документов, факторный анализ латентной преступности.

Социологические методы и методики целесообразно использовать при необходимости измерения латентной преступности на локальном уровне. Они позволяют с приемлемой степенью достоверности отслеживать латентную преступность в целом и по отдельным видам преступлений, выявлять основную направленность развития явления и его отдельных видов в прошлом, настоящем и как возможный прогноз на будущее.

Исследование латентной преступности заключается в применении перечисленных методов. Эти методы положительно зарекомендовали себя при проведении различных криминологических исследований. Например, обзор виктимизации населения посредством проведения виктимологического мониторинга населения, как это делается в некоторых зарубежных государствах. В Республике Беларусь проведение виктимологического мониторинга также имеет перспективу. Однако для успешного его проведения следует учитывать, что часть потерпевших иногда скептически относится к возможности раскрытия преступления, что сдерживает их от обращения в правоохранительные органы. Данная негативная тенденция может быть преодолена путем осуществления правовой пропаганды.

Одной из недостаточно исследованных криминологических проблем борьбы с латентной преступностью является необходимость выявления преступлений, скрытых посредством инсценировок. Инсценировка преступления является составным элементом преступной деятельности и заключается в создании обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию, путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления, преступника и их носителей. Основным побудительным фактором инсценировки преступления является желание преступника сокрыть содеянное, избежать разоблачения и уголовной ответственности. В качестве основного мотива инсценировки преступления необходимо выделить страх лица, совершившего преступное деяние, перед наказанием. Инсценировки преступлений классифицируются в зависимости от цели, объекта, субъекта, времени, места, способа легализации, длительности воздействия и содержания.

Практика противодействия латентной преступности

Для противодействия латентной преступности должна быть сформирована качественная нормативная и теоретическая база. В нашей стране нормативную базу криминологического исследования проблематики латентной преступности составили нормативные правовые акты Республики Беларусь: Конституция [9], Уголовный кодекс [10], законы Республики Беларусь [11; 12], – а теоретической основой являются труды по криминологии.

Латентная преступность, как и преступность в целом, подвержена динамичным изменениям. Это необходимо учитывать при планировании борьбы с преступностью как на общегосударственном уровне, так и на уровне отдельных районов и областей. Задача правоохранительных органов состоит в том, чтобы динамика изменения преступности была положительной. Речь идет не только о зарегистрированной, но и о латентной преступности.

В деятельности по противодействию латентной преступности правоохранительным органам, иным субъектам профилактики необходимо придерживаться стратеги-

ской линии, сформулированной в п. 12 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575: «В социальной сфере основными национальными интересами являются ... обеспечение общественной безопасности и безопасности жизнедеятельности населения, снижение уровня преступности и криминализации общества» [13].

В результате планомерной работы правоохранительных органов и заинтересованности всего населения в безопасности и стабильности в обществе с 2008 г. наметилась стойкая тенденция снижения зарегистрированной преступности в Республике Беларусь. Правоохранительным органам удается контролировать криминогенную ситуацию в стране и посредством принимаемых оперативно-следственных и профилактических мер влиять на ее динамику. Эта деятельность строится на основании принципов законности, плановости и системности.

В правоохранительной практике имеется много примеров выявления и регистрации латентных преступлений. Например, только в Гомельской области по результатам проверок исполнения антикоррупционного законодательства за 9 месяцев 2015 г. возбуждено 41 уголовное дело [14].

Профилактика латентной преступности

Необходимо не только контролировать латентную преступность, но и воздействовать на нее посредством комплекса профилактических мер. Как следует из ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», «профилактика правонарушений – деятельность по применению мер общей и (или) индивидуальной профилактики правонарушений субъектами профилактики правонарушений в соответствии с настоящим Законом и другими актами законодательства» [11]. Предупреждение латентных преступлений осуществляется посредством превентивных мер, к которым относятся общесоциальные, специальные криминологические и индивидуальные меры профилактики.

Общесоциальные меры профилактики заключаются в решении крупных социально-экономических и иных проблем функционирования общества, что положительно влияет на динамику, структуру и причины преступности в целом. Эти меры реализуются в общегосударственном, региональном (областном) и местном масштабах. Значимость общесоциальных мер предупреждения латентной преступности обусловлена тем, что их реализация предполагает проведение государством экономической политики, направленной на минимизацию и ограничение возможностей криминального элемента. Особенность этих мер заключается в том, что, будучи направленными на социально-экономическое развитие общества и тем самым на предупреждение преступности в целом, они в то же время являются средством преодоления ее латентных проявлений.

Специально-криминологические меры позволяют осуществлять воздействие на конкретные социальные группы. Индивидуальные меры профилактики направлены на достижение позитивного изменения системы ценностных ориентаций лица, попавшего в поле зрения правоохранительных органов, недопущение совершения им преступления, постепенное преодоление его асоциального мировоззрения.

Деятельность по предупреждению латентных преступлений может быть направлена как непосредственно на субъект правонарушения, так и на факторы, обуславливающие совершение преступления. Причем не только на непосредственные, но и задаваемые более широкими общественными условиями.

Результаты профилактики латентной преступности напрямую зависят от эффективности нейтрализации криминогенных факторов, детерминирующих преступное поведение. Для снижения показателей латентной преступности профилактическая работа на всех уровнях должна проводиться с учетом имеющейся специфики уголовно-право-

вых отношений, возникающих в связи с совершением регистрируемых преступлений. Реализация мер, направленных на предупреждение фактической преступности, должна осуществляться комплексно. Это означает, что «последовательному проведению мероприятий должна способствовать надлежащая организация предупредительной деятельности всех без исключения субъектов профилактики как на общереспубликанском, так и на местных уровнях» [15].

Применяемые меры предупреждения латентной преступности должны максимально оптимизировать и по возможности наиболее полно балансировать по отношению друг к другу. Профилактические меры, направленные на противодействие и профилактику латентной преступности, реализуются как на общереспубликанском и областном уровнях, так и в отдельных районах, городах, населенных пунктах, в отношении конкретных лиц. При этом в зависимости от стоящих профилактических задач и общего уровня преступности, складывающегося в определенный период времени, могут задействоваться различные силы и средства.

К субъектам профилактики правонарушений, в том числе латентных преступлений, относятся, прежде всего, правоохранительные органы, а также неспециализированные субъекты, полный перечень которых содержится в ст. 5 Закона Республики Беларусь от 04.01.2014 № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». В связи с этим необходимо продолжение дальнейших криминологических исследований в сфере профилактики латентных правонарушений со стороны юридических лиц, на которые возложены функции редакций государственных средств массовой информации; советов общественных пунктов охраны правопорядка; добровольных дружин; общественных объединений и иных организаций.

Для снижения уровня латентной преступности профилактическая работа на всех уровнях должна проводиться с учетом имеющейся специфики уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с совершением регистрируемых преступлений. Реализация мер, направленных на предупреждение фактической преступности, должна осуществляться комплексно.

Заключение

1. Данные официальной уголовной статистики не могут в полной мере отражать криминогенную ситуацию в обществе, так как в них не учтены сведения о латентной преступности.

2. Латентная преступность представляет собой незарегистрированную часть фактической преступности. Основанием деления преступности на «латентную» и «нелатентную» является наличие или отсутствие сведений о ней в официальном статистическом учете преступлений. Поэтому латентной следует признавать только ту часть фактической преступности, которая не нашла отражения в официальной статистике зарегистрированных преступлений.

3. Правовые исследования выдающихся просветителей Нового времени способствовали зарождению в XVII–XVIII вв. и дальнейшему становлению учения о преступности и латентной ее части. Дошедшие до нас научные взгляды и суждения виднейших европейских мыслителей: Т. Гоббса, Ш. Монтескье, Ч. Беккариа и некоторых других ученых – сыграли существенную роль в формировании научного знания о преступности. Общее в их правовой концепции было то, что преступные склонности индивида объяснялись прежде всего его внутренними качествами. В целом XVII–XVIII вв. в истории зарождения европейского учения о преступности являются эпохой, когда были разработаны фундаментальные понятия криминологии, хотя сам термин «криминология» был введен значительно позже. Именно в этот период стало складываться осозна-

ние необходимости теоретического изучения всех проявлений преступности, в том числе латентной ее части.

4. Для выяснения примерного уровня латентной преступности необходимо предельно точно установить количественные показатели фактической преступности путем применения статистических, социологических и иных методов измерения латентной преступности. Положительный результат будет способствовать реализации на практике принципа неотвратимости уголовной ответственности лиц, совершивших преступления.

5. Адекватная оценка складывающейся криминогенной ситуации на основе изучения данных официальной статистики возможна лишь при комплексном использовании социологических методов определения латентной преступности. Объективные количественные показатели о криминогенной ситуации могут быть получены только по результатам сравнительного анализа зарегистрированной и латентной преступности за определенный период.

6. С учетом криминогенной ситуации в Республике Беларусь одной из приоритетных функций правоохранительных органов является профилактическая деятельность, которая обеспечивает достижение реальных результатов в борьбе с преступностью. Наиболее значимыми являются общесоциальные меры предупреждения латентной преступности. Их реализация предполагает проведение государством экономической политики, направленной на минимизацию и ограничение возможностей криминального элемента. Особенность этих мер заключается в том, что, будучи направленными на социально-экономическое развитие общества и тем самым на предупреждение преступности в целом, они в то же время являются средством преодоления ее латентных проявлений.

7. Ключевой криминологической проблемой является не полное искоренение латентной преступности (это конечная цель), а, прежде всего, возможность ее познания. Для того чтобы эффективно противодействовать скрытой преступности, правоохранительным органам необходимо принимать меры по наиболее точному измерению ее уровня. Решению этой проблемы способствует применение различных методов измерения латентной преступности, в том числе социологических.

8. С целью недопущения фактов утаивания сведений о преступлении и противодействия латентной преступности предлагается дополнить Уголовный кодекс Республики Беларусь статьей 399¹, предусматривающей уголовную ответственность за отказ или умышленное уклонение от регистрации заявлений и сообщений о преступлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общая статистика за 2015 год [Электронный ресурс] / Министерство внутренних дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=256493>. – Дата доступа: 24.01.2016.

2. Генеральный прокурор Республики Беларусь А.В. Конюк выступил на заседании коллегии Министерства внутренних дел по итогам работы за 2015 год [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=37540#doc>. – Дата доступа: 29.01.2016.

3. Краткий словарь иностранных слов / редкол.: И. В. Лехин [и др.] ; под. ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. – М., 1954. – 856 с.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1955. – 699 с.

5. Дикун, И. П. Криминология : учеб. пособие / И. П. Дикун. – Минск : ФУСТ БГУ, 2004. – 199 с.

6. Ельскене, Т. Ю. Понятие латентной преступности / Т. Ю. Ельскене // Рос. следователь. – 2005. – № 9. – С. 42–45.

7. Белокопытов, В. В. Латентная преступность в Республике Беларусь: криминологические и иные аспекты проблемы [Электронный ресурс] / В. В. Белокопытов, В. М. Филиппенков // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

8. Саркисова, Э. А. Преступления и наказания должностных лиц в контексте борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] / Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

9. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-3 // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

11. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-3 // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

12. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-3 : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

13. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 09 ноября 2010 г., № 575 : в ред. Указов Республики Беларусь от 30.12.2011 № 621, от 24.01.2014 № 49 // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

14. По результатам проверок исполнения антикоррупционного законодательства за 9 месяцев 2015 года органами прокуратуры Гомельской области возбуждено 41 уголовное дело [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=36246#doc>. – Дата доступа: 29.01.2016.

15. Проблемы правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции: теоретический и практический аспекты : монография / В. В. Лосев [и др.] ; науч. ред. В. В. Лосев ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2015. – 166 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.05.2016

Hramov S.M. Latent Crime: Theory and Practice

The article discusses the theoretical and applied aspects of counteraction to latent crime. It analyzes the genesis of the concept of «latent crime», classifies methods of its measurement. We give current statistics on reported crimes in the Republic of Belarus. The conclusion is given that one of the priority functions of law enforcement is the prevention activities that achieve real results in the fight against crime.

УДК 347.132

С.В. Герасимовский

канд. юрид. наук, зав. каф. гражданско-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

УГРОЗА КАК ОСНОВАНИЕ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ

В статье рассматривается угроза как основание признания сделки недействительной, а также анализируются мнения ученых-цивилистов относительно угрозы как таковой, в том числе соотношение угрозы и причинения реального вреда. Приведены теоретические определения угрозы, видов угрозы и т.п. Выявлена специфика сделок, совершенных под влиянием угрозы.

Одним из наиболее распространенных юридических фактов в гражданском праве является сделка, совершаемая волевыми действиями лиц, обладающих гражданской дееспособностью. Сделка является одним из наиболее распространенных юридических фактов, которые совершаются участниками гражданского оборота. Вместе с тем для достижения сделкой своей цели и порождения ею необходимых правовых последствий, сделка должна отвечать требованиям, установленным законодательством. Но не все заключенные сделки отвечают таким требованиям. Например, при заключении сделки могут быть как несоответствия технического характера, так и злонамеренные мотивы участников гражданского оборота. В результате такая сделка она может быть признана недействительной. Одним из оснований признания сделки недействительной является совершения ее под влиянием угрозы.

Исследования, посвященные вопросам, связанным с категорией «недействительная сделка», осуществлялись такими учеными, как М.М. Агарков, Ю.Р. Басин, Д.М. Генкин, И.В. Матвеев, И.Б. Новицкий, Н.В. Рабинович, О.Н. Садилов, М.М. Сибилев, В.П. Шахматов и др. Вместе с тем вопросам недействительности сделок, совершенных под влиянием угрозы, не было уделено достаточно внимания, чем продиктовано обращение к теме настоящего исследования. Целью статьи является анализ теоретических аспектов категории «угрозы» как основания признания сделки недействительной.

В первую очередь отметим, что в юридической литературе нет единой точки зрения в вопросе определения угрозы. Так, В.П. Шахматов определяет угрозу как предупреждение о причинении «вреда» в будущем [1, с. 238]. О.Н. Садилов считает, что угроза представляет собой психическое влияние на волю лица посредством заявлений о причинении ему какого-то вреда в будущем [2, с. 373]. В.С. Ем указывает, что угроза – это не реализованное в действительности намерение причинить вред [3, с. 371]. По мнению М.В. Кротова, не всякая угроза способна опорочить сделку, а лишь такая, которая объективно может влиять на участника сделки с целью понуждения его к заключению данной сделки, т.е. существенная угроза [4, с. 211]. И.Б. Новицкий отмечает, что серьезность угрозы определяется по обстоятельствам данного конкретного случая, т.е. достаточно установить, что данная угроза должна была понудить конкретное лицо к совершению сделки, ссылкой на принуждение. Угроза может быть направлена против жизни, неприкосновенности, свободы, чести, имущества лица, которому угрожают, или близких ему лиц [5, с. 256].

Буквальное толкование слова «угроза» (обещание причинить вред) позволяет сделать вывод о том, что она, как и насилие, является способом влияния на волю лица, однако, в отличие от насилия, направлена на будущее. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона угроза определяется как запугивания человека обещанием причинить вред. Сама по себе угроза, по мнению авторов словаря, есть не более чем проявление умысла. Угроза причинить вред еще не свидетельствует ни о намерении совершить деяние, ни о возможности его совершения. Угрозу считают или средством принужде-

ния; или относят ее к обидам; или признают ее разновидностью посягательств на свободу, говоря, что суть ее состоит во влиянии на психическую деятельность того, кому угрожают, свобода которого по совершению или несвершению любых действий под влиянием угрозы отменяется или ограничивается [6, с. 567]. Таким образом, для признания сделки недействительной вследствие совершения ее под влиянием угрозы сама угроза должна иметь объективную возможность влиять на поведение лица, которое понуждается к совершению сделки.

Наиболее общее определение категории «угроза» сформулировано О.С. Иоффе, который отмечал, что угроза представляет собой способ психического влияния с целью понуждения к совершению сделки [7, с. 284]. В свою очередь, О.А. Красавчиков указывал на то, что под угрозой в гражданском праве принято понимать психическое влияние, которое словами или действиями вызывает у лица опасение причинения ему или его близким личного или имущественного вреда [8, с. 258]. С.И. Вильнянский, определяя угрозу, обращает внимание на другой аспект, а именно на момент реализации действий, указывая, что угроза отличается от насилия тем, что она вызывает опасение о вероятном, возможном будущем вреде, тогда как насилием является вред, причиняемый в момент совершения сделки [9, с. 165].

Интересным представляется также рассмотрение вопроса относительно характера угрозы или относительно содержания сведений, которые могут быть разглашены в случае реализации угрозы. В юридической литературе этот вопрос решается неоднозначно. Одна из точек зрения заключается в том, что угроза служит основанием для признания сделки недействительной только в том случае, если вред, которым угрожают, является противоправным. Одним из первых данную позицию высказал Д.И. Мейер, который утверждал, что речь о вреде может идти только тогда, когда лицо совершает действие, которое оно не вправе было совершать [10, с. 120]. Такого же мнения придерживался и Г.Ф. Шершеневич, указывая на то, что лицо, которое угрожает, не должно иметь право на действия, с которыми связаны страдания для того, кому угрожают [11, с. 113]. Сегодня данную позицию отстаивает Ю.П. Егоров, по мнению которого, правомерная угроза не может свидетельствовать о подмене внутренней воли субъекта сделки, так как необходимость осуществить правомерное действие известна ему заранее и не может парализовать его волю [12, с. 144]. Заметим также, что И.В. Матвеев считает, что сам факт угрозы, на основании которого субъект понуждается к участию в сделке, всегда является неправомерным независимо от него содержания [13, с. 149].

Сегодня большинство исследователей утверждают, что характер угрозы не имеет значения при использовании ее в качестве основания для признания сделки недействительной. Одним из первых сторонников этой мысли стал П.И. Стучка [14, с. 260]. Поддержал эту позицию и А.Г. Гойхбарг, утверждая, что не нужно, чтобы угрозы непременно были противозаконными [15, с. 52]. В настоящее время иногда имеют место случаи, когда работники правоохранительных, фискальных органов, а также государственных служащие, используя свое служебное положение, принуждают к заключению сделок под угрозой реализовать свои полномочия в установленном законом порядке, в чем сторона, которой угрожают, не заинтересована, и таким образом она идет на совершение сделки, которая бы без наличия угрозы не была заключенной. Следовательно, кроме общего правила об угрозе как неправомерном явлении, можно указать на исключение, когда угроза, являясь правомерным действием, приводит к тому же результату, который мог быть достигнут с помощью сделки, заключенной без влияния угрозы. Например, участник общей собственности угрожает другим владельцам обратиться с иском в суд, если они не согласятся на выделение его доли. Заключенная под влиянием такой угрозы сделка не может быть оспорена ссылкой на такую угрозу, поскольку в результате обращения в суд лицо добилось бы такого же правового результата, т.е. выделения своей доли.

Поэтому можно сделать вывод, что характер угрозы (за исключением некоторых случаев) не имеет существенного значения для признания сделки недействительной (поскольку действия не задевают вопроса о реальности угрозы). По данному поводу В.А. Тархов считает, что противоправной является всякая угроза, которая влияет на лицо с целью осуществления последним сделки, независимо от противоправности вреда, которым угрожают [16, с. 232]. Основным в данном случае является тезис: неправомерное действие одного лица (которому угрожали), например, совершение преступления, не может служить основанием для безосновательного обогащения другого лица (которое угрожало). Не имеет значения, о каких конкретно действиях жертвы шантажа было намерено информировать общественность или государственные органы, угрожающее разглашением. Указанные действия могут быть правомерными, неправомерными или нейтральными с точки зрения закона. Даже тогда, когда имела место угроза сообщить государственным органам о совершенном (контрагентом), но не раскрытом преступлении, сделка должна была быть признана недействительной со всеми вытекающими последствиями, так как, хотя угроза и является правомерной, ее нельзя использовать для понуждения к сделке, которую контрагент не желает заключать.

В юридической литературе существуют различные мнения относительно психологического обоснования угрозы, которая порождает сделку в качестве волевого акта. Так, О.С. Иоффе считает, что если при обмане и ошибке имеет место неправильное формирование внутренней воли, то при угрозе внутренняя воля, направленная на совершение данной сделки, вообще отсутствует. Тот, кто совершает сделку под влиянием угрозы, не желает устанавливать такие отношения и лишь под влиянием угрозы идет на совершение сделки. Таким образом, при угрозе имеет место волеизъявление, которое не только не соответствует внутренней воле, но и вообще не выражает ее [7, с. 283].

С такой позицией полностью согласиться нельзя, поскольку при отсутствии воли не может быть и волеизъявления. А в сделках, совершенных под влиянием угрозы, воля того, кто угрожал, трансформируется в волю потерпевшего, в результате чего последний выражает, в сущности, не свою волю, а волю контрагента. Для признания угрозы существенной обязательным условием является ее реальность. Если угроза несущественная, то это не может служить основанием для признания сделки недействительной.

Необходимо также заметить, что угроза встречается более часто, чем насилие. Сторона, которая проявила волю под незаконным давлением другой стороны или третьего лица, может обжаловать сделку. Спорным является момент, какая точка зрения (субъективная или объективная) позволяет судить о непосредственности и значимости опасности. Характер вреда, которым грозятся, расценивается объективно, но осуществимость угрозы должна решаться на основе субъективного ощущения лица, которому угрожают. Если угрожают действием, являющимся осуществлением права, то по общему правилу это не может стать основанием для обжалования сделки. Однако такую угрозу необходимо принимать во внимание, если было использовано положение лица, подвергнувшегося угрозе, с тем чтобы заставить его предоставить чрезмерную выгоду.

Отметим, что угроза является основанием для предъявления требования о признании сделки недействительной с точки зрения порочности волеизъявления, совершенного под давлением. У определенного лица вызвали страх, угрожая вредом, возможность применения которого угнетающе подействовала на психику, вследствие чего лицо дало согласие на заключение сделки, которую не совершило бы, если бы могло выражать свою волю без принуждения. Страх без угрозы во внимание не принимается. Вопрос о реальности, возможности выполнения и значимости угрозы решается судом исходя из конкретных обстоятельств дела. Таким образом, вопрос сводится к порочности мотивов, по которым выражена воля. Когда мотивом сделки является желание избежать применения угрозы, с таким мотивом считаются и позволяют на него сослаться, чтобы добиться признания сделки недействительной. Но не во всех случаях лицо, кото-

рое угрожает, имеет реальное намерение осуществить угрозу, но от этого угроза не лишается своих объективных качеств как действие, которое посягает на личность субъекта сделки. Общественный вред сделок, совершенных под влиянием угрозы, состоит именно в том, что угроза является психическим насилием над лицом, подвергшимся угрозе.

Таким образом, порочность в сделках заключенных под влиянием угрозы проявляется в том, что целенаправленность на совершение сделки отсутствует у одного из субъектов, что осознается обеими сторонами, и сделка происходит лишь в результате таких внешних факторов, которые не позволяют выразить другой стороне свое несогласие с ее заключением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахматов, В. П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия / В. П. Шахматов. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1967. – 310 с.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). Расширенный, с использованием судебно-арбитражной практики / под ред. О. Н. Садикова. – М. : Контракт ; ИНФРА-М, 1997. – 778 с.
3. Гражданское право : учебник : в 2-х т. / В. С. Ем [и др.] ; под ред. Е. А. Суханова. – М. : БЕК, 1998. – Т. 1. – 816 с.
4. Гражданское право : учебник / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. – М. : ТЕИС, 1996. – Ч. 1. – 498 с.
5. Новицкий, И. Б. Недействительные сделки / И. Б. Новицкий // Вопросы советского гражданского права. – Изд-во АН СССР, 1945.
6. Энциклопедический словарь (репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона 1890 г.). – М. : ТЕРРА, 1991. – 480 с.
7. Иоффе, О. С. Советское гражданское право : курс лекций / О. С. Иоффе. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. – Ч. 1. – 511 с.
8. Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. О. А. Красавчикова. – М. : Высш. шк., 1985. – Т. 1. – 447 с.
9. Вильнянский, С. И. Лекции по советскому гражданскому праву / С. И. Вильнянский. – Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1958. – Ч. 1. – 339 с.
10. Мейер, Д. И. Русское гражданское право : учебник. – М. : Устав, 2000. – 832 с.
11. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Спарк, 1995. – 650 с.
12. Егоров, Ю. П. Сделки в гражданском праве : учеб. пособие / Ю. П. Егоров. – Новосибирск : Наука, 1999. – 160 с.
13. Матвеев, И. В. Правовая природа недействительных сделок : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. В. Матвеев. – М., 2002. – 192 с.
14. Стучка, П. И. Курс советского гражданского права : в 2 т. / П. И. Стучка. – М. : Изд-во Ком. Акад., 1927. – Т. 2. – 230 с.
15. Гойхбарг, А. Г. Хозяйственное право РСФСР. Гражданский кодекс : в 2 т. / А. Г. Гойхбарг. – М., 1924. – Т. 1.
16. Тархов, В. А. Гражданское право. Общая часть : курс лекций / В. А. Тархов. – Чебоксары : Чуваш. книж. изд-во, 1997. – 331 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.04.2015

Gerasimovsky S.V. The Threat as the Base of Transaction Invalidation

The article deals with the threat as the base of transaction invalidation, as well as scientists- jurists' views about the threat as such, including the ratio of the threat and causing of real harm are analyzed. The theoretical determination of threat, types of threats, etc. are given. The peculiarities of transactions made under threat are revealed.

УДК 343.341

В.А. Робак

*канд. юрид. наук, доц., зав. каф. уголовно-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОЗДАНИЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕЗАКОННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

В работе уделяется внимание мерам противодействия созданию и деятельности незаконных вооруженных формирований, указываются возможные условия их реализации.

В России создалась сложная криминальная обстановка, которая характеризуется высоким уровнем преступности. Значительное влияние на криминализацию общественных отношений продолжает оказывать организованная преступность. Более всего действия организованной преступности проявляются посредством преступлений, совершаемых организованными группами, бандами и преступными сообществами [1, с. 3]. На сегодняшний день рост и усиление влияния организованной преступности в региональном и глобальном масштабе остается доминирующей тенденцией в процессе развития современной преступности. Соответственно, организованные преступные формирования, в том числе и транснациональные, являются основным объектом противодействия со стороны международного полицейского сообщества [2].

Проблема противодействия незаконным вооруженным формированиям является важной и сложной для общества в связи с тем, что крайне неблагоприятным фактором является то, что внутри страны существуют влиятельные в политическом, финансовом, военном, идеологическом и религиозном смысле силы, деятельность которых направлена на нормальное существование и развитие государства.

Необходимо отметить, что мерам противодействия организованной преступности, одной из форм которой являются указанные формирования, уже уделялось внимание в трудах многих ученых, среди которых необходимо выделить П.В. Агапова, Р.Р. Галиакбарова, Ж.В. Виденькиной, В.П. Емельянова, Н.Г. Кадникова, О.С. Капинус, Н.Й. Коржанского, В.В. Лунеева, А.В. Павлинова, Е.В. Топильской, Т.Д. Устиновой, А.Г. Хлебушкина и других. Однако необходимо отметить, что, несмотря на довольно большое количество исследований в данной сфере, в настоящее время остается много проблемных вопросов, связанных с разработкой и применением мер противодействия относительно создания и деятельности незаконных вооруженных формирований.

Целью этой работы является выделение основных мер, направленных на противодействие созданию и деятельности незаконных вооруженных формирований.

Относительно основных направлений профилактических мер по противодействию организованной преступности, одной из форм проявления которой на территории нашего государства являются незаконные вооруженные формирования, необходимо указать, что они должны учитывать следующие положения:

- 1) формирование и реализация политики региональной безопасности;
- 2) повышение конституционного авторитета органов государственной власти;
- 3) формирование доверия и позитивного имиджа власти у населения;
- 4) соблюдение прав и свобод человека;
- 5) умеренное проведение религиозной политики;
- 6) законодательный запрет религий, которые могут угрожать национальной безопасности;

7) предотвращение распространения информации деструктивного характера средствами массовой информации;

8) создание благоприятных условий для развития культуры и образования всех национальных групп, которые проживают на территории страны; предотвращение появления напряженности в межэтнических отношениях;

9) разработка стратегии интеграционного развития Крыма как неотъемлемой части единого Российского государства;

10) заблаговременное выявление основных носителей социальной напряженности с целью их нейтрализации;

11) формирование политической элиты государства, способной принимать адекватные жесткие меры относительно борьбы с указанным явлением [3, с. 111–113].

Относительно мер противодействия созданию и деятельности незаконных вооруженных формирований на территории нашего государства, считаем целесообразным осуществление следующих.

При принятии какими-либо органами нормативно-правовых актов, которые касаются борьбы с незаконными вооруженными формированиями, или профилактических мер относительно уже существующих необходимо привлекать органы, на которые будет непосредственно возложено их исполнение. А именно: при разработке проектов указанных документов, направлять их в соответствующие службы или отделы, которые непосредственно работают в этом направлении, т.е. в соответствующие подразделения Генеральной прокуратуры, Министерства внутренних дел, Следственного комитета и Федеральной службы безопасности, с указаниями относительно внесения предложений. Применение таких мер является целесообразным в связи с тем, что органы, которые непосредственно ведут борьбу и профилактику создания указанных объединений, являются более компетентными в этих вопросах. Кроме того, считаем целесообразным, что разработка предложений, относительно внесения изменений в указанные проекты, должна проходить при коллегиальном рассмотрении, т.е. при анализе этих документов необходимо одновременное присутствие представителей всех вышеуказанных органов.

В качестве следующей меры противодействия можно выделить необходимость развивать практику привлечения к такой деятельности наиболее авторитетных представителей того или иного народа (старейшин, священнослужителей, представителей общественных организаций и т.п.). Привлечение этих лиц должно иметь целью проведение бесед представителей правоохранительных органов с указанными лицами о необходимости обращения последних в средства массовой информации, в выступлениях на каких-либо митингах, собраниях и т.п., в обращениях к своему народу о невозможности сопровождения требований какими-либо противозаконными мерами, особенно с применением насилия, и кроме того недопустимости создания незаконных вооруженных формирований. По нашему мнению, применение таких мер является необходимым, в первую очередь, на территориях, на которых проживают представители многих национальностей, вероисповеданий и т.п.

Необходимой мерой противодействия, по нашему мнению, также являются выступления в средствах массовой информации представителей правоохранительных органов, органов власти и местного самоуправления с целью указания о недопустимости создания и деятельности указанных формирований на территории государства. В этих выступлениях указанные лица должны акцентировать внимание на недопустимость создания и существования данных объединений с целью сохранения общественной безопасности и мира на территории нашего государства. Также в выступлениях необходимо акцентировать внимание на толковании уголовного закона в части ответственности за создание и деятельность незаконных вооруженных формирований. Кроме того, в обращениях необходимо уделять внимание установленной в уголовном законодательстве

возможности освобождения от уголовной ответственности за указанные деяния с разъяснением положений этого вида освобождения. Учитывая особую общественную опасность таких объединений, целесообразным является назначение вознаграждения лицам, владеющим информацией, которая поможет предотвратить создание незаконных вооруженных формирований или раскрыть и пресечь деятельность уже существующих, о чем сообщать в указанных выступлениях.

Следующей мерой противодействия созданию и деятельности данных формирований является проведение тщательных проверок при регистрации и деятельности уже существующих общественных объединений, при которых особое внимание необходимо уделять молодежным организациям, которые существуют на территории государства. Эти меры являются необходимыми в связи с тем, что имели место неединичные случаи, когда некоторые общественные организации под своей эгидой создают указанные формирования с целью их привлечения для отстаивания своих интересов незаконными способами. Деятельность таких общественных организаций, безусловно, представляет большую общественную опасность в связи с тем, что угрожает не только жизни и здоровью людей, собственности, нормальной деятельности предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, но и вообще создает угрозу для существования самого государства, поскольку, как уже отмечалось, в структуре общества действуют указанные выше формирования, которые вуалируют свою деятельность путем придания ей законности.

Кроме того, необходимо повышать уровень развития и воспитания молодежи с целью недопущения совершения как преступлений вообще, так и склонности к влиянию каких-либо организаций, деятельность которых направлена на совершение противоправных действий, в том числе и организации и деятельности незаконных вооруженных формирований. Поэтому необходимо повышать практику привлечения представителей правоохранительных органов к проведению соответствующих мероприятий в учебных заведениях для проведения занятий (бесед, семинаров, круглых столов и т.п.), направленных на осуществление указанных целей. Также целесообразным является привлечение к проведению таких занятий представителей религиозных конфессий для разъяснения ими положений религии относительно совершения каких-либо проявлений преступного характера и привлечения молодежи к выполнению не только требований нормативно-правовых актов, но и наставлений религии. Кроме того, для проведения таких занятий необходимо привлекать психологов для проведения тестов, тренингов и т.п. с целью выявления лиц, склонных к совершению противоправных деяний, и проведения бесед с такими лицами, направленных на предоставление им помощи и недопущение развития у них антисоциальных направлений поведения.

Для предотвращения деятельности указанных формирований целесообразно применение профилактических мер, направленных на недопущение завладения такими формированиями оружием. Для осуществления этого регулирования необходимо органам, которые осуществляют контроль в этой сфере, при принятии соответствующих нормативных актов принимать меры, направленные на надлежащий оборот указанных предметов, и усилить ответственность лиц, которые по своему служебному положению непосредственно отвечают за обеспечение этого оборота.

Правоохранительным органам, которые осуществляют деятельность в этой сфере, необходимо разрабатывать эффективные стратегии надлежащего регулирования оборота огнестрельного оружия. Для этого необходимо усилить путем проведения необходимых проверок порядок выдачи разрешения на владение огнестрельным оружием, особое внимание при этом необходимо уделять выдаче разрешения каким-либо организациям. Кроме того, необходимо усиливать работу в направлении выявления и ликвидации путей незаконной торговли оружием. Также необходимо уделять надлежащее

внимание проведению компаний по повышению информированности общественности по вопросам регулирования оборота огнестрельного оружия. Также правоохранительным органам необходимо налаживать и расширять связи с правоохранительными органами других стран по вопросам противодействия созданию и деятельности каких-либо форм организованной преступности, в том числе и незаконных вооруженных формирований.

На основании вышеизложенного, по нашему мнению, отмеченные выше меры по противодействию созданию и прекращению деятельности уже не существующих предусмотренных законом военизированных или вооруженных формирований являются важными и крайне необходимыми для нашего государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виденькина, Ж. В. Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем : науч.-практ. пособие ; под. ред. Н. Г. Кадникова. – М. : Юриспруденция, 2014. – 136 с.
2. Современные мировые тенденции организованной преступности : сб. науч. ст. / Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности. – М. : Буквовед, 2008. – С. 294–315.
3. Топильская, Е. В. Организованная преступность / Е. В. Топильская. – СПб. : Юридический центр Пресс, 1999. – 256 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.04.2015

Robak V.A. Counteraction to the Establishment and Activities of Illegal Armed Groups

In the article the attention is paid to counteracting the development and activities of illegal armed formations, the possible conditions of their realization are indicated

УДК 343.85

Малгожата Дубіс

канд. гуманітарных навук (педагогіка)

Вышшая школа эканомікі і інновацый у Любліне (Польша)

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПОЛЬШЕ**

Современный человек живет и реализует себя в мире интенсивных общественных перемен, связанных с трансформацией и глобализацией, которые оказывают многоуровневое влияние на все сферы жизни современного общества. Эти перемены ставят молодого человека перед лицом новых вызовов. Быстро меняющиеся условия жизни: резкий рост уровня предъявляемых требований, объем и доступность информации, а также значительное увеличение возможностей выбора в сочетании с отсутствием необходимых навыков и недостаточной поддержкой и помощью со стороны семьи и школы – приводят к появлению у молодых людей ощущения внутреннего хаоса, чувства беспомощности и усилению в их среде негативных общественных явлений. Внимание общества, а также ученых, представляющих различные дисциплины, привлекает один из основных синдромов негативных явлений, сопровождающих перемены, которым является преступность. Статистика преступлений несовершеннолетних не вселяет оптимизма. Особое беспокойство вызывают данные, которые указывают на постоянно снижающуюся нижнюю границу возраста молодых людей, вступающих в конфликт с законом, а также динамика и структура преступности несовершеннолетних. Несовершеннолетние преступники становятся все более агрессивными, совершают все более жестокие преступления. Кроме того растет доля правонарушений, совершаемых девушками. Автор рассматривает феномен преступности несовершеннолетних. Целью работы являются изучение феномена молодежной преступности, его масштабов и закономерностей, что в результате должно помочь найти эффективные способы противодействия нарушениям молодыми людьми нравственных и правовых норм.

Введение

Наблюдаемые в последнее время интенсивные общественные перемены, связанные с трансформацией и глобализацией, оказывают многоуровневое влияние на все сферы жизни современного общества. Они становятся вызовами и угрозами как для отдельных индивидуумов, так и для целых социальных групп.

Кроме многочисленных решений, облегчающих человеческую жизнь, появляется также и ряд факторов, вызывающих немало трудностей и проблем экзистенциального характера, которые в своих крайних проявлениях деформируют жизнь и обесценивают человека. Проблемы, с которыми сталкивается общество, отчетливо отражаются в поведении молодых людей.

Молодые люди растут в специфических, зачастую трудных и враждебных по отношению к ним условиях. Погоня за материальными благами, жажда обладания, стремление «брать от жизни все» раз за разом приводят к нарушению правил общественной жизни и к появлению различных форм общественно нежелательного поведения. Главными проблемами молодежи становятся трудности в определении собственной идентичности и нахождении себя в этой жизни. Молодые люди, зачастую с головой погружившиеся «в культуру удовольствий», сталкиваются с предложением новых способов формулирования правил поведения, проведения свободного времени, которые провоцируют их на действия, сопряженные с очевидным риском. В связи с этим обращают на себя внимание высказывания А. Бласяка, указывающего, что современный молодой человек часто с большим беспокойством смотрит на жизнь, предлагающую много (но, как правило, трудных) выборов, что в сочетании со стремительно меняющимся окружающим миром существенно подрывает его способность сопротивляться различного рода общественным патологиям [4].

Побочным следствием происходящих перемен, которые с педагогической точки зрения можно оценить как наиболее тревожные, является систематически растущая

угроза негативных общественных явлений, в том числе преступности. Речь идет не только об увеличении масштабов обычной преступности, но также о появлении новых ее разновидностей и значительном снижении возрастной границы совершения противоправных действий.

Быстро меняющиеся условия жизни, а именно: резкий рост уровня предъявляемых требований, объема и доступности информации, а также значительное увеличение возможностей выбора в сочетании с отсутствием необходимых навыков и недостаточной поддержкой и помощью со стороны семьи и школы, – приводят к появлению у молодых людей ощущения внутреннего хаоса, чувства беспомощности и к усилению в их среде негативных общественных явлений. Именно молодое поколение сильнее всего ощущает последствия процесса перемен, которые проявляются в общественной дезорганизации и зачастую оказывают заметное влияние на дисфункциональность тех, кто отвечает за воспитание молодежи. Особенно неблагоприятное влияние данное явление оказывает на молодых людей с несформированной личностной позицией, провоцируя ряд проблем, связанных с социализацией и развитием молодежи. Под наибольшей угрозой с точки зрения социализации оказалось «молодое поколение, которое только входит в процесс формирования собственной идентичности и не имеет еще базовых механизмов защиты от деструктивных влияний. Действительность, с одной стороны, «искусшает» своими потенциальными, хотя часто лишь кажущимися возможностями, с другой же – «не позволяет», блокирует и тормозит их реализацию, генерируя патологические формы приспособления – в виде мнимой реализации (зависимости) либо с использованием неправомерных (предусматривающих санкцию) средств» [15, с. 270].

Все это говорит о важности и необходимости исследования феномена молодежной преступности, его масштабов и характерных закономерностей, что в конечном итоге должно помочь в противодействии нарушениям молодежью морально-нравственных и правовых норм.

Вопросы терминологии

Приступая к обсуждению проблемы преступности в среде несовершеннолетних, необходимо в первую очередь тщательно рассмотреть и охарактеризовать само это понятие. Преступность, подобно множеству других понятий, понимается и определяется по-разному. Это можно объяснить сложностью проблематики, а также спецификой методологических подходов, используемых разными исследователями. Существует много критериев, определяющих преступность несовершеннолетних. Чаще всего внимание обращается на возрастные границы несовершеннолетнего, а также ряд деяний, которые считаются преступными.

Обычно преступными считаются действия, которые явно противоречат основополагающим нравственным правилам, часто приводят к нарушению общественного порядка. Подобные деяния, как правило, сопровождаются осуждением окружающих, чувством антипатии, страха самому стать жертвой такого поведения, а иногда безучастность. С точки зрения общества сам факт правового запрета подобных деяний представляется менее важным. Исходя из этого можно отметить, что преступление имеет два аспекта: нравственный и правовой. Последний является очевидным, зафиксированным в уголовном кодексе, тогда как первый имеет менее выраженный и более трудно описуемый характер, обусловленный системой ценностей и принятыми в данном обществе стандартами.

С понятием преступности неразрывно связано и четко ассоциируется понятие преступления. Польское уголовное право не дает прямого определения понятию преступления. Однако, как следует из Уголовного кодекса Республики Польша, преступлением является деяние человека, запрещенное под угрозой наказания законом, действу-

ющим в момент его совершения [11, ст. 1]. Таким образом, преступление является противоправным, запрещенным под угрозой наказания действующим законом, предусматривающим его признаки, виновным и общественно-опасным деянием, превышающим степень малозначительности.

Как считает А. Добжиньски, правовые нормы включают в каталог преступного поведения такие деяния, которые отвечают следующим трем условиям:

1) поведение человека либо группы людей должно быть запрещено уголовным законом, а его совершение – наказуемо; преступлением не считаются убеждения, взгляды или намерения;

2) совершенное деяние должно быть прямо запрещено конкретной нормой, действующей на момент его совершения;

3) данное поведение должно характеризоваться определенной степенью опасности; в случае, если поведение противоречит закону, но его общественная опасность представляется сомнительной, минимальной либо вообще отсутствует, сам факт противоправности деяния является недостаточным основанием для признания его преступлением [5].

Особую категорию преступников составляют несовершеннолетние, ответственность которых за нарушение норм уголовного права определена в Законе от 6 июня 1997 г. – Уголовный кодекс (Свод законов № 88, позиция 93, с последующими изменениями), а также в Законе от 26 октября 1982 г. о производстве по делам несовершеннолетних (Свод законов № 35, позиция 285, с последующими изменениями). Однако из-за отсутствия подходящей формулировки, которая отражала бы специфику деяний, совершаемых несовершеннолетними, термин «преступность несовершеннолетних» в равной мере используется как в разговорном языке, так и в специальной литературе.

Рассматривая феномен преступности несовершеннолетних, необходимо отметить, что деяния, совершаемые несовершеннолетними, или, иначе говоря, лицами моложе 17 лет, с точки зрения права нельзя назвать «преступными». Это противоречило бы определению, вытекающему из ст. 1 (§ 1–3) Уголовного кодекса. Несовершеннолетние лица совершают, как гласит закон о производстве по делам несовершеннолетних, наказуемые деяния (под которыми понимаются все преступления, в том числе и финансовые, а также исчерпывающе перечисленные нарушения, совершенные лицом, которому исполнилось 13 лет) либо правонарушения (являющиеся одним из проявлений аморального поведения).

В литературе чаще всего встречаются два подхода к определению понятия преступности несовершеннолетних: широкий и узкий. В широком смысле преступность несовершеннолетних понимается как деяния, которые не только нарушают нормы уголовного права, но также являются симптомом общественной уязвимости. В узком смысле рассматривается только та преступность, которая охватывает исключительно деяния несовершеннолетних, нарушающих уголовное право. Иначе говоря, с точки зрения права преступность несовершеннолетних имеет место лишь в тех случаях, которые прописаны в законе [16].

В современной правовой системе несовершеннолетние не несут уголовной ответственности, предусмотренной Уголовным кодексом, но по отношению к ним используются воспитательные и исправительные меры. Законодатель исходил из того, что молодой возраст и связанная с ним нравственная, умственная и общественная незрелость являются смягчающими вину обстоятельствами. Как следствие, несовершеннолетний совершает не преступление, но наказуемое противоправное деяние. Кроме того при совершении каких-либо правовых действий в отношении несовершеннолетнего закон требует, в первую очередь, руководствоваться его благом, а главная цель должна заключаться в достижении положительных изменений в личности и поведении несовер-

шеннолетнего. Отступление от этого правила возможно в двух случаях, которые определены Уголовным кодексом. Несовершеннолетний, который по достижении 16 лет совершил одно из указанных в Кодексе преступлений, может отвечать согласно Уголовному кодексу, если в пользу этого говорят обстоятельства дела, а также актуальные условия и личные качества преступника (прежде всего, если применявшиеся ранее воспитательные либо исправительные меры не принесли результата).

Уголовная ответственность несовершеннолетних в польском законодательстве урегулирована двумя способами. Во-первых, в отношении несовершеннолетнего могут быть применены статьи Уголовного кодекса, которые в определенных исключительных случаях предусматривают возможность применения к нему общих правил уголовной ответственности. Во-вторых, может быть использован закон о производстве по делам несовершеннолетних, который регулирует правовые действия в отношении несовершеннолетнего, совершившего правонарушение, а также принципиальным образом стремится противодействовать всем проявлениям деморализации и преступности несовершеннолетних. Кроме того содержание этого закона направлено на укрепление внутрисемейных связей и чувства ответственности родителей за воспитание детей посредством правильно реализуемой воспитательной функции семьи.

Несовершеннолетний за совершение правонарушения отвечает, как правило, перед семейным судом, если иное не установлено законом. Отдавая несовершеннолетних под юрисдикцию семейного суда, законодатель принял во внимание следующие аспекты:

- 1) как можно более раннее вмешательство семейного суда в жизнь молодого человека, не ожидая того, когда его аморальное поведение приведет к совершению уголовного преступления;
- 2) систематическая профилактика аморального поведения и преступности несовершеннолетних;
- 3) использование мер уголовного наказания в отношении несовершеннолетних неэффективно с точки зрения воспитания [6, с. 136].

Вынося несовершеннолетнему приговор за совершение преступления, суд не может назначить ему наказание выше $2/3$ верхней границы, но при этом вполне может пойти на чрезвычайное смягчение наказания. Основанием для возбуждения дела в отношении несовершеннолетнего является не только совершенное им преступление, но также демонстрация им аморального поведения.

Преступления, правонарушения и аморальное поведение несовершеннолетних

Проблема преступности несовершеннолетних, а также различного рода рискованного поведения среди молодежи является очень непростой и многообразной. Она вполне соответствует общим тенденциям, специфичным для современных обществ, которые, кроме всего прочего, характеризуются непредсказуемостью и относительностью системы ценностей. Такое положение вещей создает разные трудности особенно в том, что касается их диагностики, а также классификации явления и подбора подходящих методов профилактики.

Проблематике преступности общественные науки уделяют много внимания. Данная тема является предметом изучения юристов, криминологов, педагогов, социологов и психологов [1–3; 7–10; 12; 18; 19; 26; 27]. Особый интерес исследователи проявляют к молодежи, преступная деятельность которой становится все более заметной, а последствия все острее ощущаются обществом. Б. Холыст подчеркивает, что чем чаще молодые люди делают выбор в пользу альтернативных форм поведения, тем выше становится угроза для психофизического развития общества. Автор указывает также на основные моменты, влияющие на повышение интереса к феномену молодежной преступности, а именно:

- 1) повышение чувствительности общества к аморальному поведению молодых людей;
- 2) ожидания действий, связанных с ограничением распространения аморального поведения;
- 3) возможность определения источников преступного поведения [9].

В польском уголовном праве преступления можно классифицировать согласно многим критериям. Базовое деление преступлений происходит исходя из их тяжести. Преступление может быть тяжким либо менее тяжким. Вопрос о том, как квалифицировать то или иное деяние, решается на основе предусмотренных законом санкций за его совершение. Тяжким преступлением является правонарушение, за совершение которого грозит наказание в виде лишения свободы на срок не меньше трех лет или более суровое, тогда как менее тяжким преступлением является правонарушение, за совершение которого грозит штраф в размере, превышающем 30 дневных ставок, или наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы на срок свыше 1 месяца [11, ст. 7 § 1, ст. 7 § 2, ст. 7 § 3]. Чтобы совершенное деяние было классифицировано как менее тяжкое преступление, нижняя граница определенной законом санкции, предусмотренной за его совершение, не должна превышать трех лет. В польском законодательстве присутствуют наказуемые деяния низшего уровня, именуемые проступками. Данные деяния определяются нормативными актами, содержащимися в Кодексе об административных правонарушениях.

Классификация преступности несовершеннолетних охватывает наказуемые деяния, поведение, свидетельствующее о деморализации несовершеннолетних, а также совершаемые несовершеннолетними преступления, предусмотренные Уголовным кодексом [20]. Наказуемые деяния несовершеннолетних являются формами поведения, которые, как отмечено в законе, «носят признаки преступления, а также относятся к наиболее важным проступкам, совершаемым лицами в возрасте от 13 до 17 лет». Это:

- 1) нарушение общественного порядка, ночной тишины, а также безнравственное поведение в общественных местах;
- 2) уничтожение, повреждение либо удаление знаков или надписей, размещенных государственными органами с целью предупреждения об опасности;
- 3) издевательство над животными;
- 4) бросание камней либо других предметов в движущиеся механические средства передвижения;
- 5) установка, уничтожение, удаление, выключение сигналов защитных и предупреждающих устройств;
- 6) управление механическим средством передвижения в состоянии алкогольного опьянения либо находясь под влиянием других психоактивных средств;
- 7) кража, присвоение или приобретение краденого имущества стоимостью, не превышающей 250 злотых;
- 8) злоумышленное или самовольное препятствование или затруднение использования имущества, предназначенного для общего пользования [22, с. 14].

Другим проявлением преступности несовершеннолетних является их аморальное поведение, понимаемое как состояние личности, характеризующееся негативным отношением к общественным ожиданиям, которые связаны с приписываемым молодым людям общественным ролям. Речь идет о пренебрежительном отношении несовершеннолетнего к существующим в обществе фундаментальным нормам и правилам и вытекающим из такого отношения поступкам. К формам поведения, свидетельствующим об игнорировании несовершеннолетним общепринятых норм, следует отнести:

- 1) нарушение правил общественного общежития;
- 2) совершение запрещенных деяний;

- 3) систематическое уклонение от выполнения школьной обязанности;
- 4) употребление алкоголя или других психоактивных субстанций;
- 5) бродяжничество;
- 6) развратные действия;
- 7) участие в групповой преступности [25, ст. 4, § 1].

Проступки и преступления, а также обстоятельства и аморальные формы поведения несовершеннолетних все чаще сопровождаются исключительной жестокостью. Характерной является и структура проявления преступности несовершеннолетних за последнее десятилетие. Среди целого ряда появившихся и вызывающих беспокойство явлений необходимо отметить следующие:

- 1) снижение возраста несовершеннолетних преступников (совершение наказуемых деяний 13-летними подростками);
- 2) рост числа несовершеннолетних преступников, совершающих особо тяжкие преступления (в первую очередь преступления против здоровья и жизни);
- 3) безжалостность, агрессивность и жестокость несовершеннолетних;
- 4) групповая преступность несовершеннолетних [13, с. 5].

Вызывает беспокойство разнообразие проявлений преступности несовершеннолетних, эскалация совершаемых ими преступлений, а также иррациональные мотивы преступного поведения.

Масштаб феномена преступности несовершеннолетних

В настоящее время молодежная преступность является не только социальным фактом, но, прежде всего, социальной проблемой. Источником такого положения дел является масштаб преступной активности несовершеннолетних, который, в свою очередь, отражает преступное поведение взрослых членов польского общества. К индикаторам, определяющим характер преступности современной молодежи, в первую очередь относятся, количество совершенных наказуемых деяний и цифры, описывающие самих преступников (социальный портрет). С педагогической точки зрения второй индикатор представляется более важным, поскольку дает представление о нравственном образе современной молодежи, а кроме того является одним из факторов, влияющих на эффективность оценки воспитательных и профилактических действий.

Анализ преступности несовершеннолетних проведен на основании данных полиции за 2012–2013 гг. В процессе анализа масштаба этого вида преступности использовались также судебные и прокурорские данные. Автор понимает, что информация, предоставляемая указанными выше институтами, является точной, но при этом несколько запоздалой. Причиной возникновения данной проблемы является время, требуемое для проведения следствия, дознания и судебного процесса. В представленном анализе эти данные будут дополнять полицейскую статистику.

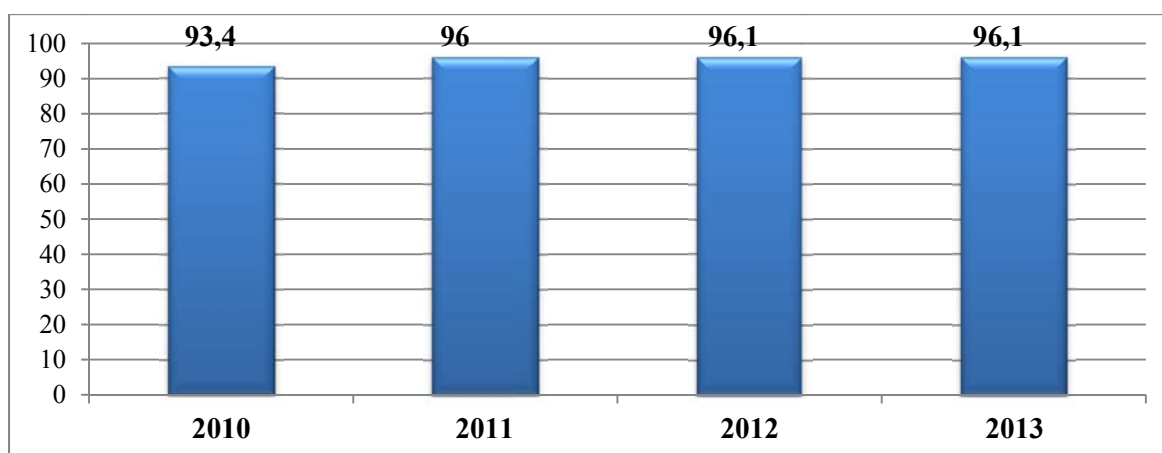
Таблица 1. – Масштаб преступности в Польше и место в ней несовершеннолетних

Год	Число совершенных преступлений	Из них наказуемые деяния несовершеннолетних	Деяния несовершеннолетних от общего числа преступлений, %
2010	1 151 157	100 425	8,72
2011	1 159 554	101 026	8,71
2012	1 119 803	94 186	8,41
2013	1 063 906	71 754	6,74

Источник: Собственная разработка на основе информации Бюро профилактики и дорожного движения Главной комендатуры полиции Польши.

Как видно из представленных выше данных, в процентном отношении доля несовершеннолетних, совершивших наказуемые деяния, в общем количестве преступлений снизилась с 8,72% в 2010 г. до 6,74% в 2013 г., т.е. на 1,98%. Таким образом, можно предположить, что уровень преступности несовершеннолетних на фоне общей преступности падает. Это можно объяснить общим ростом преступности в Польше среди взрослых. В то же время результаты исследований преступности несовершеннолетних в период с 2010 до 2013 гг. указывает на две тенденции: возрастающую (2010–2011 гг.) и снижающуюся (2012–2013 гг.). В 2010–2011 гг. число случаев наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними, колебалось в районе 101 000 случаев, в 2012 г. опустилось до 94 000, а в 2013 г. – до 71 754.

Среди преступлений, совершенных несовершеннолетними, преобладают правонарушения уголовного характера, т.е. относящиеся к числу тяжких (рисунок 1).

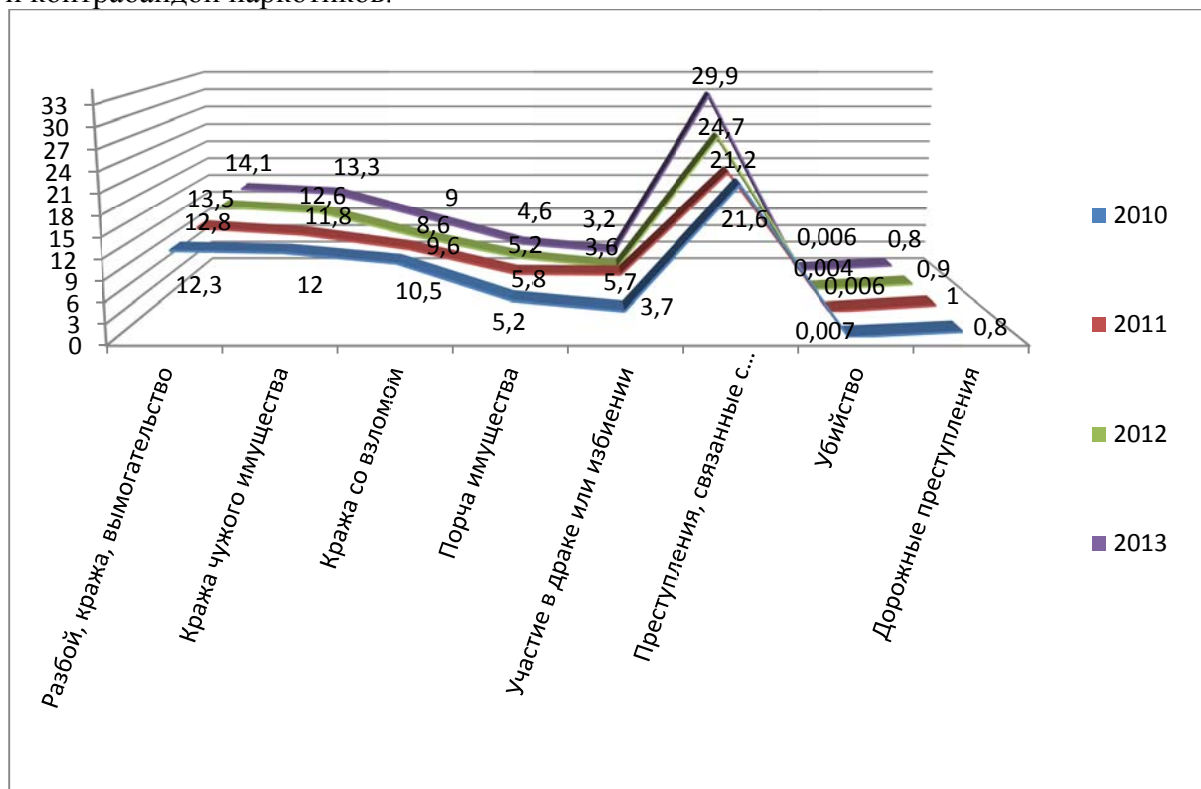
Источник: Собственная разработка на основе информации Бюро профилактики и дорожного движения Главной комендатуры полиции Польши.

Рисунок 1. – Преступность несовершеннолетних, %

Анализируя данные, представленные в приведенной выше диаграмме, необходимо отметить, что среди общего количества наказуемых деяний несовершеннолетних, имеющих признаки преступления, 95,3% составляли преступления уголовного характера. Начиная с 2011 г. отмечается рост такого рода деяний. Рассматривая полученные результаты, сравнивая их с общим числом преступлений несовершеннолетних, можно заметить, что преступность идет на спад, но только если принять во внимание ее общий аспект. В то же самое время доля преступлений уголовного характера возросла с 93,4% в 2010 г. до 96% в 2011 г. и в течение последующих двух лет продолжала оставаться на высоком уровне – 96,1%. Анализ подробной документации, имеющей отношение к обозначенной проблеме, позволяет утверждать, что в анализируемый период несовершеннолетние преступники отличались все большей агрессивностью и жестокостью при совершении преступных (насильственных) деяний.

Чтобы детализировать относящиеся к преступности несовершеннолетних данные, наказуемые деяния, которые имеют признаки преступления, классифицировались в соответствии с их разновидностями: разбой, кража и разбойное вымогательство, кража чужого имущества, кража со взломом, порча имущества, участие в драке или избиении, преступления, связанные с наркотиками, убийство, дорожные преступления (рисунок 2). Среди наказуемых деяний, имеющих признаки преступления, в рассматриваемый период несовершеннолетние чаще всего совершали преступления, связанные с оборотом наркотиков. К таковым, прежде всего, относятся хранение, передача другим

лицам либо склонение их к употреблению психоактивных веществ или психотропных субстанций. Реже встречались преступления, связанные с торговлей, производством и контрабандой наркотиков.

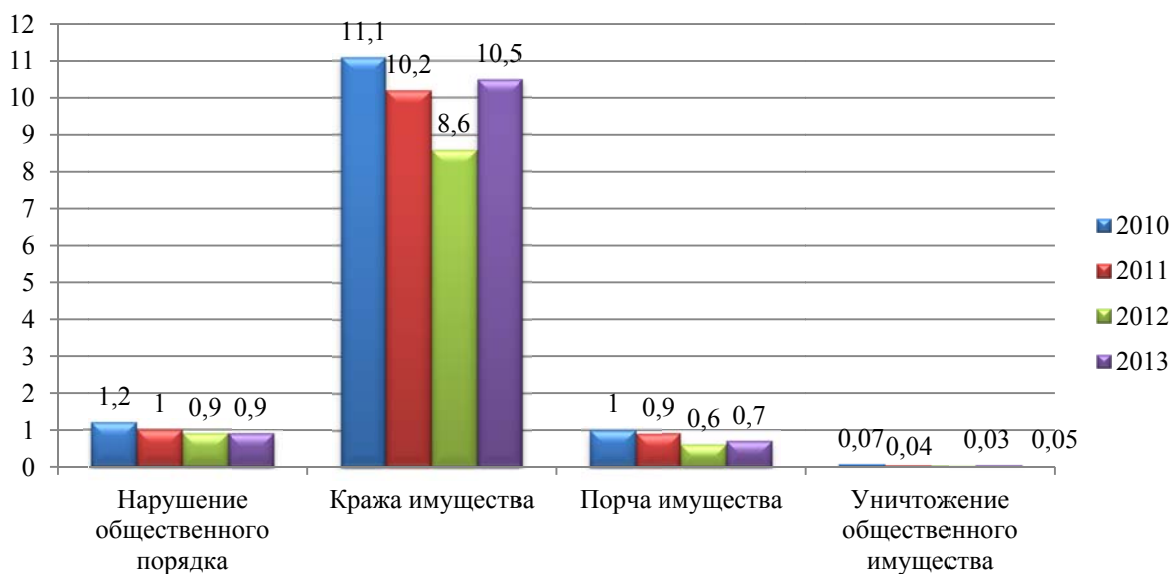
Источник: Собственная разработка на основе информации Бюро профилактики и дорожного движения Главной комендантуры полиции Польши.

Рисунок 2. – Наказуемые деяния несовершеннолетних, имеющие признаки преступления

Анализ приведенных выше данных позволяет обратить внимание на тот факт, что больше всего в рассматриваемый период выросла доля преступлений, связанных с оборотом наркотиков (с 21,2% в 2011 г. до 29,9% в 2013 г.). Вместе с тем объективная оценка масштабов наркомании не представляется возможной. Полицейские рапорты, содержащие уточненные данные, посвященные обороту наркотиков, позволяют лишь оценить его динамику. Можно предположить, что в последние годы в связи с общественно-политической трансформацией и, как следствие, открытием границ и рынка для зарубежных товаров, ввозимых легально и нелегально (в том числе и наркотиков), наркомания в нашей стране стала социальной проблемой.

В 2010–2013 гг. в среде несовершеннолетних заметным также стал рост преступлений, связанных с разбоем, кражами и вымогательством. Вне всякого сомнения, частично это связано с желанием иметь средства на покупку наркотиков. Как следует из полицейской статистики, среди преступных деяний, совершаемых несовершеннолетними под воздействием наркотиков, чаще всего встречаются кражи со взломом, а также грабежи и вымогательства. Реже всего несовершеннолетние совершали убийства и дорожные преступления. Что касается последних, то с 2011 г. их количество постоянно снижается, не превышая 1% от всех преступлений, совершаемых лицами, относящимися к рассматриваемой возрастной категории.

Другой категорией наказуемых деяний, совершаемых несовершеннолетними, являются проступки. Наиболее распространенные из них иллюстрирует рисунок 3.

Источник: Собственная разработка на основе информации Бюро профилактики и дорожного движения Главной комендантуры полиции Польши.

Рисунок 3. – Проступки несовершеннолетних, не являющиеся преступлениями, %

Анализ данных, представленных в данной диаграмме, позволяет заметить, что основными проступками, характерными для несовершеннолетних, являются кражи имущества. С 2010 по 2012 гг. отмечалось снижение числа краж, однако в 2013 г. их количество снова пошло вверх. Можно утверждать, что отмеченное снижение числа краж является иллюзорным: наверняка часть потерпевших, принимая во внимание относительно небольшой ущерб, не заявляла о совершенном правонарушении в полицию.

Среди выявленных проступков, относящихся к категории нарушений общественного порядка, которые причиняют наибольшие неудобства гражданам, доля наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними, невелика: в рассматриваемый период она оставалась на уровне 0,9–1,2%. Кроме того, количество нарушений общественного порядка имеет устойчивую тенденцию к снижению.

Необходимо подчеркнуть, что немалая часть преступлений и проступков совершается несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения. Число несовершеннолетних в состоянии алкогольного опьянения (нетрезвых), которые были выявлены полицией в 2010 г., составляло 15 034 человека, в 2011 – 15 285 человек, а в 2012 – 14 645 человек [23]. Несмотря на то, что, согласно полицейской статистике, заметна тенденция к снижению количества случаев выявления несовершеннолетних в нетрезвом состоянии, исследования Центра изучения общественного мнения демонстрируют устойчивый рост употребления алкоголя молодежью. Согласно последним исследованиям, в 2010 г. в употреблении различных алкогольных напитков признавались 55,3% молодых людей, тогда как в 2013 г. – уже 58,3% [17]. Часто употребление алкоголя сопровождается преступным поведением. В 2010 г. 9,3% несовершеннолетних преступников находились в нетрезвом состоянии, а в 2011 г. их количество достигло 9,5% [24]. Чтобы составить исчерпывающую картину рассматриваемого явления, необходимо обратить внимание на назначенные судом в связи с деморализацией несовершеннолетних и совершенными ими правонарушениями воспитательные средства (рисунок 4).

64

агорский

Источник: Собственная разработка на основе [21, S. 172]

Рисунок 4. – Несовершеннолетние, в отношении которых надлежит использовать воспитательные средства в связи с деморализацией и совершенными преступлениями

Среди наказаний, которые семейный суд вынес за деморализацию и наказуемые деяния, в рассматриваемый период преобладал надзор общественного и профессионального куратора. В 2012 г. количество отданных под надзор кураторов несовершеннолетних заметно снизилось (до 28 390 и 15 073 человек соответственно). Возможно, на такое положение дел повлиял рост числа наказаний, связанных с помещением в молодежные воспитательные центры (2010 г. – 5 057 человек, 2012 г. – 5 299 человек), а также направлением в кураторские центры (2010 г. – 1 423 человека, 2011 г. – 1 591 человек, 2012 г. – 1 664 человека). В то же время в 2012 г. значительно уменьшилось число случаев направления несовершеннолетних в центры молодежной социотерапии, что может быть следствием изменения законодательства. Так, с 1 января 2012 г. центры молодежной социотерапии больше не являются местом исполнения наказания, назначенного судом в отношении несовершеннолетнего. Теперь несовершеннолетние принимаются туда исключительно на основании заявления родителей (законных опекунов) или постановления о необходимости специального образования, выданного общественной психолого-педагогической консультацией. Для более глубокого понимания рассматриваемого вопроса важным будет анализ возрастной дифференциации несовершеннолетних, в отношении которых были применены правовые воспитательные меры (таблица 2).

Таблица 2. – Несовершеннолетние, в отношении которых применены воспитательные меры

Год	Всего	Возраст несовершеннолетних							
		13		14		15		16	
		L	%	L	%	L	%	L	%
2010	22 758	4 130	18,2	5 973	26,3	7 149	31,4	5 495	24,1
2011	22 807	4 105	18,0	5 773	25,4	6 874	30,1	6 034	26,5
2012	20 980	3 665	17,4	5 181	24,7	6 118	29,2	6 016	28,7

Источник: Собственная разработка на основе [21, S. 170].

Анализ приведенных в таблице 2 данных позволяет отметить, что в 2010–2012 гг. самую большую группу несовершеннолетних, совершивших наказуемые деяния, за которые суд назначил применение в отношении их правомочных воспитательных средств, составляли 15-летние подростки, тогда как наименьшую – 13-летние. Несмотря на общее снижение в 2012 г. количества совершенных правонарушений, их заметное увеличение отмечено среди 16-летних подростков. Фактор пола также показателен: как следует из имеющихся статистических данных, с 2010 г. неуклонно растет число девушек, вступающих в конфликт с законом. В 2010 г. девушки совершили 29,1%, в 2011 г. – 31%, а в 2012 г. – 31,4% всех преступлений, оказавшихся на счету несовершеннолетних.

Чтобы детализировать информацию, касающуюся вступления несовершеннолетних в конфликт с законом, особое внимание было обращено на возраст несовершеннолетних, в отношении которых были назначены правомочные воспитательные меры в связи с их аморальным поведением. Эти данные представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Назначение правомочных воспитательных мер в отношении несовершеннолетних в связи с их аморальным поведением

Год	Всего	Возраст несовершеннолетних											
		До 12		13		14		15		16		17	
		L	%	L	%	L	%	L	%	L	%	L	%
2010	16 118	3 150	19,5	2 022	12,5	2 473	15,3	3 604	22,4	3 572	22,2	1 297	8,1
2011	15 670	2 963	19,9	1 801	11,5	2 438	15,6	3 356	21,4	3 439	21,8	1 673	10,7
2012	15 247	2 920	19,2	1 750	11,5	2 196	14,4	3 146	20,6	3 316	21,7	1 919	12,6

Источник: Собственная разработка на основе [21, С. 169].

Рассматривая возраст вступления несовершеннолетних в конфликт с законом в связи с их аморальным поведением, необходимо заявить, что, как и в случае совершения наказуемых деяний, самую многочисленную группу составляют 15–16-летние подростки. Вызывает беспокойство тот факт, что более 30% несовершеннолетних, наказанных в связи с аморальным поведением, не достигли 13 лет. Не меньшее беспокойство связано с тем, что на протяжении вот уже нескольких последних лет многим малолетним нарушителям не исполнилось даже 12 лет. В первую очередь, это свидетельствует о родительских упущениях и отсутствии адекватной опеки над детьми.

Заклучение

Представленные рассуждения на тему преступности несовершеннолетних не вызывают оптимизма. Негативные явления в среде несовершеннолетних, в том числе преступное поведение, несмотря на общую тенденцию к снижению, устойчиво проявляются в том, что связано с насилием. Все это находит подтверждение в статистических данных, касающихся основных трендов в преступности несовершеннолетних. Необходимо подчеркнуть, что в течение последних нескольких лет в рассматриваемом вопросе наметились новые тенденции, связанные в основном с жестокостью, а также элементами физической и психической агрессии. Отмечается несоразмерность поведения несовершеннолетних тем ситуациям, в которых они оказались. Кроме того, относящиеся к данным категориям действия отличаются большой демонстративностью и дерзостью. Несовершеннолетние нарушители даже не пытаются скрывать своих поступков, хвастаясь «подвигами» перед ровесниками и окружающими людьми.

Тревожным явлением в сфере преступности несовершеннолетних является рост числа правонарушителей, которым не исполнилось еще 13 лет, а вместе с этим – снижение возраста «преступной инициации». Дополнительно следует указать на повторяе-

мость, которая имеет место в случаях, когда несовершеннолетний, вступив в конфликт с законом и не понеся за это ответственности по причине своего юного возраста или в результате того, что он не был уличен, продолжает преступную деятельность.

Подводя итог, следует отметить, что преодоление негативных тенденций, характеризующих преступность несовершеннолетних, требует не только точного диагноза, но, прежде всего, принятия ряда мер превентивного и профилактического характера в отношении детей и молодежи. Именно поэтому все мероприятия, имеющие своей целью помощь несовершеннолетним, на всех уровнях: и государственной власти, и местной администрации – должны иметь связный и систематический характер. Успешные профилактические действия, предпринимаемые по отношению ко всем несовершеннолетним, в сочетании с точным правовым реагированием на проступки несовершеннолетних правонарушителей, а также эффективное применение в отношении них адекватных средств, должны привести к уменьшению угрозы, которую представляет собой подрастающая преступность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bartkowicz, Z. Agresywność, kompetencje społeczna i samoocena resocjalizowanych nieletnich a ich przestępczość w okresie dorosłości / Z. Bartkowicz. – Lublin : UMCS, 2013.
2. Biel, K. Przestępczość dziewcząt. Rodzaje i uwarunkowania / K. Biel. – Kraków : WAM, 2008.
3. Bielecki, E. Wpływ wartości na zachowania przestępcze jako przedmiot badań kryminologii / E. Bielski. – Bydgoszcz : WSP, 1996.
4. Błasiak, A. Aksjologiczne aspekty procesu wychowania / A. Błasiak. – Kraków : WAM, 2009.
5. Dobrzyński, A. W kręgu prawa karnego / A. Dobrzyński. – Warszawa : Iskry, 1980.
6. Grześkowiak, K. Nieletni przed sądem / K. Grześkowiak. – Warszawa : Wyd-wo Prawnicze, 1986.
7. Hanusek, G. Problemy etiologii tak zwanej przestępczości nieletnich / G. Hanusek. – Warszawa : MSW, 2005.
8. Hołyst, B. Problemy młodego pokolenia : studium z zakresu profilaktyki społecznej / B. Hołyst. – Warszawa : Wyd-wo Prawnicze, 1991.
9. Hołyst, B. Kryminologia / B. Hołyst. – Warszawa : Wyd-wo Prawnicze, 2000.
10. Jasiński, J. Zagadnienia nieprzystosowania społecznego i przestępczości w Polsce / J. Jasiński. – Warszawa : PAN, 1978.
11. USTAWA z dnia 6 czerwca 1997 r. Kodeks karny (Dz. U. z 1997 r., № 88, poz. 553 z późn. zm.) art. 7 § 1, art. 7 § 2, art. 7 § 3.
12. Kozak, S. Patologie wśród dzieci i młodzieży. Leczenie i profilaktyka / S. Kozak. – Warszawa : Difin SA, 2007.
13. Kukła, D. Rola policji w systemie profilaktyki społecznej / D. Kulka. – Katowice : Wyd-wo Szkoły Policijnej, 2004.
14. Lubelski, M. Droga do przestępstwa / M. Lubelski. – Warszawa : Wyd-wo Prawnicze, 1985.
15. Nowak, A. Problemy i zagrożenia społeczne we współczesnym świecie. Elementy patologii społecznej i kryminologii / A. Nowak, E. Wysocka. – Katowice : Śląsk, 2001.
16. Malec, J. Nie muszą być przestępcami / J. Malec. – Warszawa : In-t Wydawniczy CRZZ, 1975.
17. Młodzież 2013. – Warszawa : CBOS, 2014.
18. Mościcka, L. Przestępczość nieletnich / L. Mościcka. – Wrocław : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1970.

19. Ostrowska, K. Psychologiczne determinanty przestępczości młodocianych / K. Ostrowska. – Warszawa : PWN, 1981.
20. Pytka, L. Przestępczość nieletnich / L. Pytka // Encyklopedia Pedagogiczna XXI w. : w 7 t. – Warszawa : Żak, 2005. – T. IV.
21. Rocznik Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa : GUS, 2013.
22. Sitkowska, K. Odpowiedzialność nieletnich w świetle ustawy oraz orzecznictwa / K. Sitkowska. – Bielsko-Biała : Studio Sto, 1978.
23. Małoletni pod wpływem alkoholu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://statystyka.policja.pl/st/wybrane-statystyki/maloletni-pod-wplywem/50853,Maloletni-pod-wplywem-alkoholu.html>.
24. Nietrzeźwi sprawcy przestępstw [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://statystyka.policja.pl/st/wybrane-statystyki/nietrzezwi-sprawcy-prz/50862,Nietrzezwisprawcy-przestepstw.html>.
25. Ustawa o postępowaniu w sprawach nieletnich (Dziennik Ustaw. – 1982, № 35, poz. 228 : z późn. zmianami) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isap.sejm.gov.pl/Download.jsessionid=13337AC02A0B16A9313BD38408294F88?id=WDU19820350228&type=2>.
26. Wieczorek, L. Przestępczość i demoralizacja nieletnich w Polsce w okresie transformacji ustrojowej / L. Wieczorek. – Katowice : Śląsk, 2005.
27. Żabczyńska, E. Przestępczość dzieci. Etiologia i rozwój / E. Żabczyńska. – Warszawa : PWN, 1983.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.01.2016

Dubis Malgorzata. Chosen Aspects of Juvenile Crime in Poland

A modern man lives and fulfils himself in a world of intensive social changes connected with transformation and globalization and involving multidimensional changes in all fields of modern social life. These changes place a young man in confrontation with new challenges. Life conditions changing quickly – fierce increase of the level of placed requirements, flow and access of information and the increase of the possibility of choice, in connection with the lack of the abilities and insufficient support and help from family and school create chaos, a sense of helplessness and escalation of negative social phenomena among teenagers. One of the basic syndromes of the negative phenomena accompanying the changes, which is crime, has focused the attention of society and scientists from different academic fields. The participation of juveniles in crime statistics is not optimistic. The data concerning the lower age of young people having conflict with law and dynamics and structure of juvenile crime are especially worrying. Juvenile offenders are more and more aggressive; they commit more and more brutal criminal acts. Moreover the participation of girls in committing forbidden acts has been also increasing. In that publication, the author has undertaken deliberations connected with the phenomena of juvenile crime. The main areas of deliberations are learning the phenomena of juvenile crime among teenagers, its size and governing regularities that can contribute to the prevention of violation by teenagers the moral-social and legal norms.

УДК 343.236

В.И. Резюк*преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***СТАДИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: О ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ**

В статье рассматривается проблема выделения стадий преступления в уголовном праве. Сформировавшееся на текущий момент в теории уголовного права мнение о стадиях преступления: приготовление, покушение, оконченное преступление – часто воспринимаемое как догма и постулат отрасли. Эта позиция свойственна для практически всех правовых систем, в том числе российской и белорусской, относящихся к континентальной (романо-германской) семье и выделенной при исследовании постсоветской школы.

Введение

На стадии предварительного расследования допускается достаточно большое количество ошибок, связанных с квалификацией преступления. Фактическое формирование мотивов, целей ряда преступлений происходит не в момент приготовления или покушения, а часто задолго до них: в момент если и представляющий интерес, то преимущественно для административно-профилактического регулирования или при криминологическом исследовании.

Первым российским уголовным кодексом принято считать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение). Разработка Уложения осуществлялась в течение продолжительного периода: началом разработки можно считать организацию Александром I специальной комиссии под руководством М.М. Сперанского для подготовки нового акта, завершением – утверждение 15 августа 1845 г. Уложения Николаем I.

Знаменательность Уложения не только в кодификации норм, но и в отражении преступления как последовательно развивающегося поведения лица, включающего следующие этапы (стадии): обнаружение умысла, приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление. В ст. 8 отделения второго «О умысле, о приготовлении к преступлению, о покушении на оное и о совершении преступления» главы первой «О существе преступлений и проступков и о степенях вины» раздела первого «О преступлениях, проступке и наказаниях вообще» Уложения было сказано: «При сужденіи о преступленіяхъ умысленныхъ, принимаются въ уваженіе и различаются: одинъ лишь чрезъ что-либо обнаруженный на преступленіе умыселъ, приготовленіе къ приведенію онаго въ дѣйство, покушеніе на совершеніе и самое совершеніе преступленія» [1, с. 2]. А в ст. 117 пункта первого «О наказании по мере большей или меньшей умысленности преступления» отделения второго «О мере наказаний» главы третьей «О определении наказаний по преступлениям» главы второй «О наказаниях» того же раздела Уложения говорится: «Изьявившій на словахъ или письменно, или же обнаружившій какимъ-либо дѣйствиємъ намѣреніе совершить преступленіе, наказывается за сіе, какъ за преступный умыселъ» [1, с. 37].

Уложение 1845 г. было первым и последним отечественным уголовным законом, устанавливающим ответственность за обнаружение умысла на совершение преступления.

Один из принципов уголовно-правового регулирования романо-германской правовой системы, ставший общепризнанным, гласит: «Cogitation poenam nemo patitur» («мысли ненаказуемы»). «Cogitationis poenam nemo patitur – говорит римское право, и это начало вошло во все европейские кодексы и даже в наш», – отмечал в 1878 г. известный российский адвокат В.Д. Спасович [2].

Дальнейшее изменение отечественного уголовного законодательства, касающееся фактической отмены уголовной ответственности за возникновение (обнаружение) умысла, выглядит обоснованным и закономерным. Соответствует сформировавшейся прогрессивной позиции и уголовное право советского периода: в ст. 15 Закона СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» предусматривалась ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление.

Ставшая незыблемой оценка стадий преступления сохранилась и после распада СССР: в ст. 30 Модельного уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств определяется возможность ответственности за оконченное и неоконченное преступление (последним охватывается приготовление к преступлению и покушение на покушение). Сформулированные общие принципы закрепляют и действующие уголовные законодательства отдельных государств постсоветского пространства: в частности, ст.ст. 29, 30 УК Российской Федерации, ст. 10 УК Республики Беларусь.

Законодательные изменения являются логичными и последовательными, но некоторые другие выглядят спорными и неоднозначными. Так, закономерно, стадия возникновения умысла перестала рассматриваться как предполагающая возможность привлечения к уголовной ответственности, но в большинстве случаев этап возникновения умысла при квалификации преступления стал просто игнорироваться. Такой подход был свойственен советской школе уголовного права в целом. Не подвергалась критике эта позиция и в последующие постсоветские годы. Очевидно, что преступление как событие, явление в полном смысле следует рассматривать как хронологическую тетраду «формирование, возникновение умысла – приготовление – покушение – оконченное преступление», и исключение одного элемента системы не может не сказаться на качестве и содержании анализа.

Не произошло ли в отрасли права то, что, как отмечал еще Мартин Лютер, «Das Kind mit dem Bade ausschütten» («Вместе с водой выплеснули и ребенка») [3, с. 128–129], было отвергнуто необходимое вместе с ненужным, т.е. вместе с исключением ответственности за возникновение умысла была недальновидно исключена одноименная стадия преступления? Анализ ошибок в правоприменительной практике показывает обоснованность предположений.

Так, «В. и К. в доме В. вместе распивали спиртные напитки. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, начали ссору из-за того, что В. допустил оскорбление в адрес жены К. Во время ссоры К. схватил со стола нож и ударом в левую половину грудной клетки убил В. После убийства К. забрал кошелек с деньгами в сумме 300 тысяч рублей и ушел домой. К. был привлечен к уголовной ответственности и ему предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 89 (разбой) и по п. «а» ст. 100 (умышленное убийство из корысти). С такой квалификацией суд не согласился, осудил К. по ч. 1 ст. 87 и ст. 101, обоснованно исходя из того, что К. совершил убийство В. на почве ссоры. Умысел на завладение деньгами потерпевшего возник после убийства и является тайной кражей [4]».

Вот другой случай из судебной практики. По приговору суда Октябрьского района г. Гродно С. осужден по ч. 3 ст. 90 Уголовного кодекса Республики Беларусь (мошенничество). В судебном заседании потерпевшая Г. показала, что пришла в ресторан с большой суммой иностранной валюты. Боясь оставлять сумочку во время танцев без присмотра, в присутствии Н. и В. потерпевшая сама, по своей инициативе, как хорошему знакомому передала валюту С. для сохранения в течение вечера. Однако С. ей валюту не вернул, ограничившись лишь обещаниями возврата. Рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, президиум Гродненского областного суда отменил приговор районного суда в части осуждения С. по ч. 3

ст. 90 УК и взыскания в пользу потерпевшей причиненного ущерба. Как указано в постановлении президиума областного суда, умысла на обман потерпевший при получении денег С. не имел. В такой ситуации действия С. могут быть предметом только гражданско-правового спора, а не уголовно наказуемого деяния [5].

Или еще пример. По приговору Псковского районного суда от 17 июля 2013 г. А.В. Щербаков и Р.В. Тимофеев признаны виновными в совершении ряда краж чужого имущества с проникновением в жилище и помещение, в том числе в краже имущества 22.12.2012 г. из жилого дома и бани потерпевших И.В. Килло и В.В. Килло. Из описания преступного деяния, приведенного в приговоре суда, следовало, что А.В. Щербаков и Р.В. Тимофеев 22.12.2012 г. договорились о хищении имущества, принадлежащего потерпевшим Килло. Проникнув с этой целью на территорию участка потерпевших, Тимофеев и Щербаков сначала совершили хищение имущества из жилого дома, а затем, находясь на территории этого же садового участка, проникли в баню, расположенную возле дома, откуда похитили велосипед и дверцу топки от печи. Указанные действия осужденных были квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ и по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, поскольку суд исходил из того, что хищение имущества из жилого дома и из помещения бани образуют два самостоятельных преступления. Судебная коллегия признала выводы суда в этой части ошибочными и исключила из приговора указание о дополнительной квалификации действий Щербакова и Тимофеева по ст. 158 ч. 2 п. «б» УК РФ. При этом судебная коллегия указала следующее. По смыслу уголовного закона, объединенное единым умыслом хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, образует в своей совокупности единое преступление. Из установленных судом обстоятельств следовало, что Тимофеев и Щербаков договорились о хищении имущества из домовладения потерпевших Килло, то есть о хищении имущества из одного источника. Осуществляя преступное намерение и действуя с единым умыслом на хищение имущества потерпевших, они похитили сначала из дома, а затем из бани перечисленное в приговоре имущество [6].

Приведенные и многие другие ошибки, можно обоснованно предположить, есть результат недостаточно глубокого анализа этапа, предшествовавшего фактически совершенному преступлению, а именно возникновению и формированию умысла, а также его содержанию.

И хотя авторитетные специалисты не отвергали этапа «формирования/возникновения умысла» (так, по мнению профессора А.А. Пионтковского, «первой стадией, хотя и ненаказуемой, является обнаружение умысла, второй – приготовление к преступлению, третьей – покушение на преступление, четвертой – оконченное преступление» [7, с. 403]), но на практике закреплялись мнения такие: «стадиями совершения умышленного преступления следует считать различные этапы его подготовки и непосредственного совершения умышленного преступления, которые отличаются друг от друга по характеру совершаемых действий и степени заверения преступления [8, с. 235]», или «стадии совершения преступления – это определенные периоды развития преступной деятельности, качественно различающиеся между собой по характеру совершения общественно опасных действий, отражающих различную степень реализации виновным преступного умысла [9, с. 228]». В дальнейшем они трансформировались в категоричную оценку: «Различают три стадии реализации преступного умысла: 1) приготовление к преступлению; 2) покушение на преступление; 3) оконченное преступление. ... Не является преступной стадией обнаружение умысла [10]».

Как следствие, формируется достаточно спорная позиция: «Не все стадии имеют уголовно-правовое значение. Мысли человека, не реализуемые в деянии, лишены способности причинить вред общественным отношениям, т.е. стадия формирования умысла».

ла не является предметом уголовно-правовой оценки. Обнаружение умысла как изложение в устной или письменной форме кому-либо о своих мыслях и задумке преступления также не рассматривается как уголовно наказуемая стадия [11]». В целом, следует признать, закрепились позиции: если формирование/возникновение умысла не влечет уголовно-правовых последствий, нерационально рассматривать эту стадию как таковую.

Не руководствуются ли подобной рекомендацией юристы, допустившие ошибки в квалификации преступных деяний?

Является ли возникновение умысла стадией – вопрос дискуссионный, при этом в центре обсуждения стала понятийная определенность термина «стадия преступления». В целом, определенная коллизия, сложившаяся в теории права, которую можно сформулировать как признание возникновения умысла этапом, предшествующим приготовлению, но отрицание как стадии преступления, в настоящее время отчасти разрешается достаточно компромиссной позицией: разделением понятий в уголовно-правовом и криминологическом смыслах. Так, Н.Н. Лазуткин считает, что стадии совершения умышленного преступления с криминологической точки зрения и указанные стадии с уголовно-правовой точки зрения – это неоднозначные понятия. По его мнению, «под стадиями совершения преступления с уголовно-правовой точки зрения следует понимать приготовление к совершению тяжкого и особо тяжкого преступления; покушение на преступление; оконченное преступление. А под криминологическими стадиями развития умышленного преступления следует понимать возникновение умысла; формирование умысла; сформирование умысла; выявление умысла; приготовление к совершению преступлений небольшой и средней тяжести; приготовление к совершению тяжких и особо тяжких преступлений; покушение на преступление и оконченное преступление» [12, с. 45–72]. Однако вряд ли различные характеристики одного явления в двух, безусловно, тесно связанных науках, повышают эффективность нормативно-правового регулирования. Очевидна необходимость разрешения фактически сложившегося межотраслевого противоречия.

Заключение

В связи с этим предлагается выделение в теории уголовного права следующих стадий умышленного преступления:

- 1) формирование и возникновение умысла;
- 2) приготовление к преступлению;
- 3) покушение на совершение преступления;
- 4) оконченное преступление.

В пользу данной классификации можно привести ряд доводов.

1. Рассмотрение преступления как системы «формирование, возникновение умысла – приготовление – покушение – оконченное преступление» существенно снизит количество правоприменительных ошибок. Пренебрежение в характеристике любого элемента системы делает неполноценной оценку всей системы.

2. Включение в стадии преступления возникновения умысла, которое в принципе не влечет уголовно-правовых последствий и, более того, не урегулировано нормами уголовного законодательства, не является противоречивым в связи с тем, что понятие «стадия» является категорий уголовного права как науки, но не отрасли права, т.е. в уголовном законодательстве не закреплено.

В качестве связующего звена всех элементов системы стадий преступления привлекательной выглядит позиция: «Каждая предыдущая стадия поглощается последующей» [13, с. 123]. Уместной выглядит и оговорка, что стадия возникновения умысла не предполагает ответственности, имеющей перспективу закрепления в уголовном законе.

Это расширило бы пределы применения метода поощрения уголовно-правового регулирования, что способствовало бы и общей гуманизации уголовного законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уложение о наказаниях уголовныхъ и исправительныхъ. – СПб. : Тип. Второго Отделения Его Императорского Величества. Канцелярія. – 1845. – 898 с.
2. Спасович, В. Д. Речь в защиту Л. А. Чемодановой // Семь судебныхъ речей по политическимъ деламъ (1877–1887) / В. Д. Спасович. – СПб. : Издание Б. Врублевскаго. – 1908. – 232 с.
3. Серов, В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2003. – 880 с.
4. Квалификация умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах [Электронный ресурс] : Обзор судебной практики Верховного суда Республики Беларусь // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
5. Правильно установив фактические обстоятельства дела, суд дал неправильную оценку действиям С. в отношении Г., признав С. виновным в мошенничестве [Электронный ресурс] : Постановление Президиума Гродненского областного суда Республики Беларусь 10 апреля 2000 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
6. Ошибки в применении норм уголовного закона [Электронный ресурс] : Обзор апелляционной практики Судебной коллегии по уголовным делам Псковского областного суда за 2 полугодие 2013 года / Псковский областной суд. – Режим доступа: http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=6. – Дата доступа: 27.09.2015.
7. Курс советского уголовного права. Преступление : в 6 т. / ред. кол.: Л. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 1970. – Т. 2. – 516 с.
8. Советское уголовное право. Часть общая / под ред. М. А. Гельфера, П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. – М. : Юрид. лит., 1972. – 582 с.
9. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – М. : Инфра-М, 2008 – 548 с.
10. Симаков, Г. Ф. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : конспект лекций [Электронный ресурс] / под. ред. Л. И. Александрова. – Режим доступа: http://abc.vvsu.ru/Books/ug_pr_ob/default.asp. – Дата доступа: 27.09.2015.
11. Стадии совершения умышленного преступления [Электронный ресурс] / Сайт студентов БарГУ. – Режим доступа: <http://bargu.by/189-stadii-soversheniya-umyshlennogo-prestupleniya.html>. – Дата доступа: 27.09.2015.
12. Лазуткин, Н. Н. Предупреждение преступлений на различных стадиях их совершения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Н. Лазуткин. – Ростов н/Д, 2001. – 182 с.
13. Уголовное право России : учебник для вузов : в 2-х т. / редкол.: А. Э. Жалинский [и др.]. – М. : Норма, 1997. – Т. 1. – 639 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.02.2016

Rezyuk V.I. Stages of Crime: The Problem of Allocation

In the article the author analyzes a problem of allocation to stages of the crime. Currently, the formed in the theory of criminal law opinion about the stages of the crime includes: preparation, attempt, completed crime – and it is often perceive as a dogma. This position is characteristic for almost all legal systems, including the Russian, Belarusian, relating to the continental (Roman-Germanic) family and highlighted in the study of post-Soviet school.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасыллак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 15.04.2016. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 23,25. Ул.-выд. арк. 18,08.

Тыраж 100 экз. Заказ № 155

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013
224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.